

Светлана Еловикова

На житейских перекрестках

Светлана Еловикова

Член Союза журналистов России, лауреат литературной премии имени А.Фадеева, лауреат и дипломант многих всероссийских и региональных журналистских конкурсов.

На житейских перекрестках

Очерки и рассказы

г.Оханск, 2018 г.

Автор благодарит за помощь в создании книги Александра Казымова, редактора районной газеты «Оханская сторона» Светлану Цепенникову, сотрудников архивного отдела администрации Оханского района, Александру Петровну Хлебникову и Татьяну Викторовну Еловикову.

Верстка - Иван Мартюшев

Отпечатано ООО «Печатник»
Пермский край, г.Верещагино,
ул.Энергетиков, 2
Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Счастливые перекрестки

(об авторе)

Книга...

Наверное, это мечта жизни для любого журналиста. Собрать воедино хотя бы часть своих впечатлений за десятилетия, уложить в многостраничник, и как будто сверху увидеть весь свой человеческий и творческий путь...

Для многих из нас это несбыточная мечта. То ли времени не хватает, то ли уверенности в себе, то ли хороших текстов.

Но не для Светланы Еловиковой.

Этот профессионал слова умеет обращаться с мечтами так, что они сбываются. Говорят, такие способности присущи только волшебникам, которых среди нас немного. Но Светлана, видимо, как раз из их числа.

Ее личные житейские перекрестки обозначились еще под занавес XX века, когда известнейший мастер швейного цеха известнейшей Оханской фабрики вдруг снова оказалась перед проблемой выбора профессии. Фабрика уже приказывала долго жить, а город оставался: со своей болью, недоумением, обидой и надеждами.

Вместе с городом этими чувствами жила и Светлана: и она дала им право на жизнь – на газетной бумаге. В ежедневной суматохе редакционных будней и сводок она нашла время для истинного, глубинного, личного, внезапно создав цикл портретных и исторических очерков под общей рубрикой «На житейских перекрестках».

Почему внезапно? А кто ж тогда, в начале 90-х знал, что эта тема задержится в газете не на один десяток лет? Что перекрестков будут ждать, зачитываться ими, а потом хранить пожелтевшие странички «Оханской стороны» в домашних архивах? Такая

долгая писательская судьба может быть только у по-настоящему глубоких и талантливых произведений.

Так, выходя из боли брошенного на произвол судьбы провинциального города, Светлана Николаевна вместе с ним обретала и свое новое место и призвание. Они все эти годы шли рука об руку – журналист Еловикова и город Оханск.

Фабричное прошлое осталось позади. Но пришло иное настоящее – полное интереса и сопереживания к непростым судьбам земляков. Ее перекрестки стали художественным явлением и частью истории родной земли.

Такие пронзительные очерки были бы невозможны, если бы автор сама не понимала, не погружалась в боль житейских историй, о которых пишет. Потому что любой рассказ Светланы Еловиковой, даже если он заканчивается хеппи-эндом, это все равно боль. Увы, такова правда жизни: человеку, не испытавшему боли, счастье недоступно.

Но та боль, о которой пишет Светлана, какая-то особенно светлая. Читая ее очерки, ты знаешь: гроза пройдет, и небо снова озарится солнечным светом и радостью жизни. Потому что автор сама такая – умеет из самых сложных испытаний сделать самые обнадеживающие выводы.

Поэтому неудивительно, что из ее очерков разных лет родилась книга.

Пусть ее судьба сложится так же насыщенно, как и судьба журналиста – удивительно молодого по духу человека Светланы Еловиковой. Пусть книга найдет свое место в домах людей, о которых она пишет, и станет лучшим подарком самому автору на очередное «18-летие».

Светлана умеет воплощать мечты. Потому что волшебница.

О. Лоскутова

Верность первой любви

Слева, у Успенского собора а Оханске есть дорога, ведущая к Каме. Раньше, в жаркие летние дни, там, у лодок собирались мальчишки со всей округи. Над дорогой постоянно висела пыльная дымка, поднятая ребячьими пятками. На берегу детвора разжигала костры, чтобы согреться после купания, там же «выясняли отношения» подростки, а выпускники готовились к экзаменам, забравшись на кручу.

Сейчас здесь тихо, только по выходным берег оглашается рокотом моторок. Посидев на носу вытасченной на берег лодки, поднимаюсь по узкой тропке на угор.

На высоком берегу Камы стояла женщина. Ветер трепал ее волосы и норовил сдернуть с шеи косынку. Зачем пришла она сюда, в этот безлюдный уголок в черте города? Осторожно, чтобы не спугнуть, сажусь на край откоса. Думается здесь хорошо.

- Вы не скажете, который теперь час? — услышала я через не-

которое время.

Обернулась. Женщина на фоне закатного солнца казалась хрупкой девчонкой, лица невозможно было разглядеть. Я ответила на ее вопрос и снова отвернулась.

Женщина подошла, села рядом и просто сказала:

- А я тебя знаю еще с детства. Помнишь, мы вожатыми у вас были?

Признаюсь, как вожатую, я ее не вспомнила, а вот как местную жительницу, конечно, узнала, не так уж и велик наш город. Окружающие называют ее просто Валентиной, редко кто по отчеству. Она недолго помолчала и, скользя взглядом по верхушкам деревьев, произнесла:

- А я вот на свидание сюда пришла... со временем.

В ответ на мой недоуменный взгляд засмеялась:

- Много бы, наверное, отдала, чтобы вернуть тот день, когда пришла сюда впервые. - Потом она без всякого перехода хлопнула меня по плечу и предложила отметить ее день рождения. Все у нее было с собой и почему-то рассчитано на двоих. Не для меня же она брала, тогда для кого? - Пятьдесят мне сегодня, — как бы предвидя мой вопрос, сказала Валентина, — тридцать три из них я прихожу на берег именно в этот день и в любую погоду.

Смотрю сейчас на молодых и удивляюсь, насколько у них все просто, - после некоторого раздумья продолжила она, и как-то незаметно поведала о своей жизни.

Приехала Валя с родителями в Оханск, когда училась в восьмом классе. Школа ей понравилась, ребята в классе - тоже. Она дружила сразу со всеми и никогда ни с кем не ссорилась. Лихо кружилась в танце на школьных вечерах. От приглашений отбою не было, поэтому после таких праздников она возвращалась домой усталая и никак не могла заснуть.

Рядом сладко посапывали носами сестренки, в ногах уютно дремал кот. Валя любила такие минуты. Никто не мешал думать, мысли текли спокойно, без сбоев. Когда ей минуло 15 лет, она все чаще стала задумываться над смыслом жизни. Этому способство-

вали споры и диспуты, что проходили в школе, об этом же она постоянно спрашивала у родителей. Отец обычно хмурился, сцепив за спиной руки, медленно поворачивал голову и веско, как будто вбивал гвоздь, говорил:

- Самое главное, дочка, чтобы тебе самой не было стыдно за свою жизнь.

Мать к такому вопросу, как смысл жизни, относилась проще:

- Выучишься, выйдешь замуж, детишек поднимешь — вот и весь смысл. - Вале даже стыдно было иногда за мать, за ее низменные, как она считала, интересы.

Девушка же парила высоко. Она мечтала о принце. Ей он виделся высоким, стройным, с русым волнистым чубом и с голубыми глазами. Даже имя она ему придумала — Тимур, как в легенде. Только вот ни одного знакомого с таким мужественным именем у нее не было. Зато в классе в один прекрасный день появился новенький. Звали его очень буднично и прозаично — Виктор. Глаза маленькие, серые, волосы неопределенного цвета и всегда торчком, рост не выше 170 сантиметров. Смотреть не на что. А как он говорил! Заслушаешься. Валя в такие минуты и про принца забывала. На вечерах старалась почаще попадаться ему на глаза. Танцевал он плохо, неуверенно. Валью это несколько не смущало. Она пыталась научить его двигаться свободней, слушать музыку. Благо, Виктор оказался прилежным учеником. У него всегда все получалось, за что бы он ни брался.

А вот Валя учиться стала хуже, съехала на тройки, и учителя не могли взять в толк, что творится с девчонкой. Только мать сразу догадалась, откуда ветер дует. Однажды, когда дочь вернулась домой очень поздно, она под села к ней на кровать и без всяких предисловий поведала о своем первом чувстве, которое осталось на всю жизнь,

Валя слушала, молча, ей даже странным казалось, что у родителей могла быть любовь. Она-то их считала старыми. Потом, когда мать выключила свет и вышла, Валя начала думать над ее словами. Получалось так, что, когда любишь, хочется быть луч-

ше, делать что-то возвышенное, а вот к Вале такое желание не приходило.

- Значит, это еще не настоящее, — решила она и спокойно заснула.

Приближалась пора экзаменов. Надо было браться за учебники. Валя напрягла всю свою волю. С утра до вечера штудировала конспекты. С Виктором виделась только в школе, даже на прогулки перестала ходить. Она пыталась доказать самой себе, что чего-то стоит.

После праздника последнего звонка Валя с Виктором отправились на Каму. По тропинке спустились к мойке. У самого берега пацаны возились с лодкой. Они дружно посмотрели на «парочку», и старший из них попросил у Виктора закурить. Тот небрежно сплюнул сквозь зубы и брезгливо бросил: «Ты, щенок, иди молоко вытри». Таким она Виктора еще не видела. Всегда вежливый и обходительный, он довольно грубо схватил ее за руку и потащил вдоль берега. Мальчишки гурьбой кинулись за ними, не давая уйти. В какой-то момент девушка вырвала руку, и Виктор, запнувшись за что-то, полетел в воду.

Когда он встал, на него жалко было смотреть. Пиджак обвис от воды, на брюки прилипли мелкие гальки и песок, по лицу текла вода. Валя не знала, что предпринять. Она заметила в глазах Виктора страх, его губы предательски подрагивали.

Тогда она смело подошла к старшему мальчику и попросила прощения за поведение своего спутника. Потом объяснила, что Виктор не курит, поэтому нет смысла залезать к нему в карманы. Парень упрямо наклонил голову и пробурчал: «Ладно, двигай отсюда, а этому все равно наложим, пусть не задается».

За спиной послышался свист и улюлюканье. Валя обернулась и увидела, что Виктор, цепляясь за репы и крапиву, поспешно удирает, оставив ее одну с толпой подростков. Она медленно поднялась в горсад. Ее уже не радовал теплый солнечный день. Человек, которому она верила, попросту ее предал, оказался трусом, а это ранит намного больше, чем удар.

После этого Валя старательно обходила Виктора. На экзаменах даже не смотрела в его сторону. Она многое могла прощать своим друзьям, только не предательство. У него, видимо, тоже не было желания подойти к ней, только как-то на консультации ей передали записку. В ней было несколько слов: «Об истории на берегу молчи. Считай, что между нами ничего не было». И заковыристая подпись. Валя засмеялась. Он, оказывается, боялся за свою подмоченную репутацию.

Закончились экзамены, и Валентина со свойственной ей энергией начала готовиться к долгожданному выпускному. Кроила и шила белое платье, искала туфли, выдумывала прическу. И вот под звуки школьного вальса выпускники вошли в зал, где уже сидели учителя и родители. Счастливая была в тот вечер Валя. Она бабочкой летала по залу. И вдруг... к ней подошел Юрка — сосед по парте. Три года сидели они вместе, и она никогда не проявляла к нему интереса. Знала, что он баскетболист и неплохо учится — вот, пожалуй, и все. На вечере он был нарядный, торжественный и какой-то смущенный. Только тогда заметила Валя, что глаза у него синие и даже чуб кудрявый. В тот вечер они больше не разлучались.

Когда невыносимой стала жара в зале, выпускники вместе с учителями пошли в городской сад. Забрались на сцену, устроили импровизированный концерт, а потом до рассвета резвились на танцплощадке. До сих пор помнит Валя, как стояли они все вместе, держась за руки, а из-за горизонта выкатывалось большое оранжевое солнце.

Домой Валя бежала вприпрыжку. Душа ее пела. Первое, что она сказала матери, когда вихрем ворвалась в дом, так это то, что она, кажется, нашла своего принца. Ей хотелось, чтобы все знали об этом.

Не переодеваясь, она подняла отца, растормошила сестренку. Девчонки замороженно рассматривали ее платье, читали аттестат зрелости. Когда-то и они получают такие же.

Через два дня Юрка пришел к ней и пригласил в кино. Конеч-

но, она согласилась. Вскоре Валя собрала друзей на свой день рождения. Было много цветов. Даже Виктор приходил с огромным букетом. Вызвал ее, поздравил, поблагодарил за молчание и, не заходя в дом, ушел.

* * *

Когда разошлись гости, Валя с Юркой ушли к Каме, искупались и поднялись на горку. Там они разожгли костер и долго разговаривали, сидя поодаль друг от друга. Юрка сказал, что был влюблен в Валию с девятого класса, только сказать стеснялся. Виктор ему сразу не понравился, показался напыщенным и высокомерным. Зато он оценил его умственные способности. До утра просидели они на берегу. Увидели недалеко от себя совсем маленькую тоненькую березку и дали клятву, что каждый год в этот день будут приходиться к этой растущей березке.

Когда возвращались домой, Юрка неожиданно взял ее за руку. Валя почувствовала, как кровь прилила к лицу. Ей казалось, что на нее смотрят тысячи глаз, и все осуждают. Девушка дышать перестала от волнения. Потом справилась с собой и уже не пыталась вырвать руку. Так они и дошли до дома. Юркина рука была большой и сильной, Валина ладошка тонула в ней. Юрка стал бывать у них ежедневно. Они готовились к вступительным экзаменам. Повторяли теоремы, решали задачи, а в августе вместе поехали поступать в политехнический институт.

После первого экзамена Валя почувствовала, что технический вуз не для нее, и, ничего не сказав Юрке, подалась в пединститут. Все-таки ее больше тянуло к детям. Сдала экзамены во втором потоке, и каково же было ее удивление, когда в институтском коридоре она нос к носу столкнулась с Юркой. Он очень обиделся, что она сбежала, объехал все институты, искал по спискам и, наконец, нашел.

Первый год учебы в разных институтах не разлучил их. Общежития находились на расстоянии одной трамвайной остановки друг от друга, поэтому Юрка часто бывал в Валиной комнате. Он всегда приходил с цветами, а когда получал стипендию, обяза-

тельно приносил коробку конфет. Валя знала всех Юркиных друзей, а ее подруги по курсу уважали Юрку. Он никогда не отказывался помочь девчонкам.

Во время летних каникул у Вали тяжело заболела мать. Полтора месяца они с отцом постоянно дежурили возле больной. Мать умерла накануне своего сорокалетия. Ушла, даже не успев попрощаться с семьей. Отец посидел за одну ночь. Так Валентина и осталась дома. Надо было поддержать отца, вырастить сестренку.

Юрка зашел накануне отъезда, обещал помочь в переводе на заочное отделение. Валя была ему благодарна за то, что он не произносил утешительных слов, не уговаривал, сумел быть добрым и немногословным.

После этого были письма, редкие встречи, но вдруг все прекратилось. Юркины родители уехали из города в другую область, спросить было не у кого. Как-то, находясь на сессии, она заскочила к нему в общежитие. Ждала больше часа, но Юрка так и не пришел. Она нашла его друга и спросила, что случилось. Он вначале растерялся, нес какую-то ахинею. Она махнула рукой, повернулась и пошла. Он догнал Валю уже на улице и сказал, что Юрка женился, скоро у них будет ребенок. Он что-то еще пытался сказать в Юркино оправдание, но она уже ничего не слушала.

Только через два года она увидела Юрку в Оханске. Студенты приезжали в район строить фермы, а в Оханске собирались сесть на пароход. Встреча была случайной, но она перевернула Вале всю душу. Много ли успеешь сказать за два часа? Она не спрашивала его о семье, больше интересовалась учебой. Юрка же просил рассказать об одноклассниках, об оханских новостях.

Подошел пароход. Они крепко пожали друг другу руки и разошлись. А когда пароход отошел на почтительное расстояние, Юрка, перекрывая шум мотора, крикнул:

- А дочку я твоим именем назвал! Прости, если можешь!

И Валя не выдержала. Она выскочила с пристани и помчалась к той самой маленькой березке на камской круче, где они сидели когда-то вдвоем, и дала волю слезам. Это были слезы очищения.

Она поняла, к Юрке у нее настоящее, большое чувство.

Домой она пришла, когда сестренки уже спали. Отец сидел на крыльце и курил. Валя присела рядышком. Он посмотрел на нее долгим взглядом и спросил:

- Что, дочь, тяжело тебе? Вижу. Только не нужна мне другая жена. Я - однолюб. А тебе пора и о будущем подумать.

В тот вечер отец рассказал Вале о своей первой и последней любви. И дочь слушала его, не перебивая, несмотря на то, что знала эту историю от матери. И, как бы в благодарность отцу за его искренность, Валя открыла ему свою душу и сказала о безответной любви. О многом поговорили отец и дочь. Но Вале в память врезались такие слова:

- Только не разменивайся. Побереги это большое чувство. Такого никогда уже не повторится. А если, случится, полюбишь во второй раз, - все равно это будет другое.

В то время Валя еще не знала, что выпускное белое платье было у нее единственным, а свадебного ей не суждено надеть. Давно отзвенела юность, давно выучились и вышли замуж сестренки, уже нет в живых отца, а Валя все одна. Сватались к ней по молодости и парни, и вдовцы, она даже пыталась влюбиться, но сердцу не прикажешь. Каждый раз ее что-то отталкивало.

С Юркой они встретились снова через 25 лет у той самой давно выросшей березки. Он пришел туда уже отяжелевший, с небольшими залысинами на висках. В его руках, как всегда, были цветы. Она его не сразу узнала, а сердце ворохнулось — оно «узнало» раньше.

Тогда, в юности, Юрка ни разу ее не поцеловал, она держала себя строго. Она и через четверть века оставалась такой же неприступной. Юрка встал перед Валей на колени. Он много читал и слышал о верности, но чтобы столько лет безнадежно ждать — это не укладывалось в его голове. Глядя на нее, он понял, что она и есть ангел-хранитель его семьи, потому что всегда желала ему добра.

- Дети выросли, они поймут меня, — решил он, предлагая

Вале стать его женой. Она помолчала, упрямо наклонила голову и выдохнула:

- Какая жена? Мне на пенсию скоро, а чужого я не хочу. Тебя же всегда будет тянуть к детям и внукам. Нет. Пусть все остается по-старому.

Что он мог сказать ей, своей первой любви? Оправдаться тем, что его женитьба была случайной и жил он в семье ради детей? Она не поверит, а лгать он не умел. Валя еще не знала, что он приехал сюда после смерти жены. Она, молча, собрала ветки для костра, он чиркнул спичкой. Блики от костра играли на его лице, и от этого он казался еще старше.

- Знаешь, Юр, — произнесла она задумчиво, — не приезжай больше сюда. Сейчас мне уже ничего менять не хочется. Да еще неизвестно, смогу ли быть женой. А любить тебя всегда буду. Может быть, и зря - не знаю. Себя не вини. Между нами ничего не было, и ты мне ничего не обещал. Твоя совесть чиста, а в жалости я не нуждаюсь. Вон племянники ко мне в гости, как к бабушке приезжают. Разве могу я им отказать?

Так и не сложилась жизнь у Валентины, и живет она со своей гордостью одна. Может быть, и не стоило писать об этом, да ведь «бабьи-то суды» разное о ней говорят. Одни жалеют, считая, что «баба без мужика - пустоцвет», женихов, бывает, засылают. Другие уверены, что одинокая женщина всегда таит в себе опасность. Вдруг мужа уведет? Друзей она давно всех растеряла, и чаще всего бывает одна.

Сколько их, таких одиноких, не желающих «брать чужого»? Разве виноваты они в том, что их женихи погибли в пекле войны, еще не родившись? Дети военной поры в большинстве своем выросли без отцов. Вале повезло, ее воспитывали отец и мать, но в конечном итоге она навсегда осталась одинокой, потому что не смогла переступить через «нельзя»

Все имена в этой истории подлинные, а фамилии я намеренно не называю. Зачем? Подобных судеб много, и кое-кто, возможно, узнает себя.

Осуждает ли Валентина сегодняшнюю молодежь? Скорее, жалеет:

- Что они видят, эти девчонки и мальчишки кроме иностранных фильмов? Где им нравственности учиться и любви к людям, живущим рядом, к родной земле? Любовь у них какая-то скорая и недолговечная. Каково время — таковы и дети. Обидно, что нынешние политические деятели не берут молодежь в расчет и не допускают ее к государственным делам.

Солнце уже село, тянуло холодом с реки, над нашими головами, надрываясь, гудели комары. Мы спустились с горы и медленно пошли по дороге. В нескольких шагах позади нас брел высокий седоватый мужчина. Он лениво отмахивался от наседавших комаров, а в руке его — несколько полевых цветков. Мне показалось, что это и есть Юрка. Я торопливо попрощалась с Валентиной и долго стояла, глядя им вслед. Сойдутся ли их пути — это вопрос времени, а пока они идут разными дорогами.

1994

Сирень

Юная особа стояла у куста сирени и сосредоточенно разглядывала цветочную кисть. Потом вдруг встрепенулась, осторожно сорвала несколько цветочков и отправила их в рот, засмеявшись при этом.

- Что, красавица, никак счастье нашла? – спросил игриво мужчина, сидящий неподалеку на скамеечке сквера.

Девушка обернулась от неожиданности и покраснела, словно ее застали за неприглядным занятием. Мужчина же, когда она повернулась, так и остался с полуоткрытым ртом и не мог больше выговорить ни слова. Ошибиться он не мог. Перед ним стояла Леля. Это она!

Он в уме складывал и вычитал, но ничего не получалось. Девушке от силы было лет 16-17, а Леле сейчас должно быть где-то около 70. Ему до безумия захотелось побежать за девушкой, узнать, кто ее родители. Понятно, что его Леля не могла так хорошо сохраниться. Но, пока он считал, юное создание, словно, растворилось.

Беда

Ленинград. Апрель 1941 года. Рабочие Кировского завода вместе со своими семьями вышли на субботник по уборке от зимней грязи улиц и парков. Был выходной день, поэтому ребяташки всех возрастов с завидным удовольствием выполняли поручения взрослых.

Сережку и Лелю попросили почистить от бумажек и всякого хлама песочницу. Они жили в одном доме, их отцы вместе работали на заводе. Дети были дружны между собой и как бы дополняли друг друга: серьезная, настойчивая Леля и бесшабашный непоседа Сережка.

В тот год обе семьи собирались во время отпуска съездить на море вместе с детьми.

В начале лета детский сад, как всегда, выехал на дачу. И вот утром, когда ребяташки после завтрака направились поливать грядки, от горизонта прямо на них полетели самолеты. Дети приветливо замахали руками, запрыгали, но налетела воспитатель-

ница и закричала, чтобы все ложились на землю. Ребята думали – это игра такая. Первым взрывом разворотило весь их небольшой огородик. Взрывной волной выбило окна в здании и верандах. Осколок убил наповал повариху, тетю Глашу. Потом Сережка только помнит крики детей, слезы. Он нашел под цветочным кустом Лелю, она боялась выходить и вся дрожала.

- Леля, да это просто учения были, - уговаривал он ее, - вылезай, сейчас играть будем. Хочешь, в летчиков?

- Да-а-а... - протянула сквозь слезы Леля, - а почему у них на крыльях вместо звездочек кресты?

Признаться, крестов-то как раз Сережка и не заметил, потому что первый попал под руку воспитательницы, и она ткнула его носом в землю. К вечеру все уже знали – началась война. Детей в спешном порядке собрали и увезли в город.

На следующий день руководство завода выделило машины для отправки семей рабочих в восточные районы страны. В тот же день провожали на фронт добровольцев, среди них были отцы Сережки и Лели. Мамы их отказались эвакуироваться и заняли рабочие места вместо своих мужей.

Ребята теперь жили в детском саду при заводе, изредка навещали их матери. Однажды обеим мамам дали выходной день, и они взяли домой детей. Как нарочно, немцы бомбили город беспрерывно, то и дело приходилось убегать в бомбоубежище. Когда взрослым это надоело, они при очередном налете остались дома, а детей отправили в убежище со старушкой-соседкой.

Сережка слышал глухие удары и радовался недолетам или перелетам. Потом вдруг так трянуло, что в убежище погас свет, и все пространство заполнилось пылью. Началась паника. Мальчик крепко держал за руку Лелю, чтобы не потерять. Из выкриков взрослых дети поняли – в дом попала бомба, а все, кто находился в убежище, оказались заживо погребенными. Через несколько часов их откопали. Они с ужасом увидели – от дома осталась груда камней. Сережка и Леля заревели в голос. Там оставались их мамы. Детей собрали и увезли на Ладогу. Была поздняя осень.

Холод пролезал во все участки тела. На огромной барже их перевезли на другой берег. Потом они долго ехали на машине, на поезде, пока не оказались на Урале, где уже наступила зима.

Детский дом

Вначале эвакуированных детей доставили в Острожку. Какое-то время они жили там. Сережка заботился о Леле, никому не давал ее в обиду. Потом их перевели в Оханск, и попали ребята в разные детдома. Сережка не по-детски плакал, но его никто не хотел слушать. У взрослых свои дела, разве есть им дело до маленького упрямого мальчишки?

Сережа на другой же день отправился на поиски Лели. Долго бродил по улицам, пока какая-то женщина не привела его в милицию. Кое-как выяснили, где он живет, вернули. Он еще несколько раз убегал, но всякий раз его возвращали. В конце концов, мальчик вынужден был рассказать, почему и куда он сбегает. Воспитательница выслушала его, а на другой день повела Сережку на другой конец города. Впервые после разлуки увидел он Лелю. Он торопился навстречу ей, словно боялся, что вот-вот она исчезнет.

- Я думала – ты уже никогда не придешь, - первые слова Лели.

- Я не знал, где тебя искать - торопясь, проговорил мальчик. - Убегал, а меня ловили.

Долго побыть вместе им не удалось. Воспитательница заторопилась, зато Сережка теперь знал, где живет Леля. После этого он уже убегал целенаправленно. Ему попадало от воспитателей, душа его разрывалась. Слыл он недисциплинированным, грубоватым, упрямым, нелюдимым. Зато с подружкой он мог говорить часами, без умолку, она была единственным напоминанием о счастливой жизни, когда у них обоих были родители и свой дом. Близких друзей не заводил, в любимчиках у взрослых не ходил.

Учились они в разных школах. Сережа был даже рад, когда его отправили в ремесленное училище. Он решил стать токарем, как отец. Учился в вечерней школе. Леля по окончании семилетки поступила в медучилище. Жила в общежитии. Теперь они встреча-

лись часто. После училища Сергей начал работать на Сталинском заводе.

Весной 1955 года он получил повестку. Пришла его очередь нести службу в Вооруженных Силах страны. Последние два дня перед уходом они не расставались совсем.

Уже из армии Сергей с помощью командира сделал запрос в Ленинград, чтобы узнать о судьбе родителей. Он и раньше писал, но ответов так и не дождался. Очень надеялся отыскать следы хоть каких-то родственников, своих или Лелиных. Ответ из Ленинграда лишил его последней надежды. В нем сообщалось, что отец его пал смертью храбрых осенью 41-го, а отец Лели - в 44-м. О других родственниках известий не было, ни Сергея, ни Лелю никто не искал.

Леля-Ольга. Его боль, его первая и вечная любовь. В последнем письме, которое он получил от нее в армии, она просила простить его. За что простить, он так и не понял. След ее потерялся. На память о ней осталась только фотография, где они стоят возле сирени в ту памятную весну перед уходом на службу.

После армии Сергей поступил в политехнический институт, стал инженером. Не раз командировки приводили его в родной Ленинград. Он всегда старался съездить на ту улицу, где жил до войны. Все эти годы не уставал искать Лелю, но тщетно.

В свои почти 70 лет он так и не обзавелся семьей, не мог Лелю забыть. Женщины у него были, но это так, на время. Очень скоро они ему надоедали.

Работал Сергей Ильич в горячем цехе, на пенсию ушел рано, но еще десяток лет продолжал трудиться на другом производстве. Однажды решил съездить в места, куда судьба забросила его во время войны, где учился и жил. Никого из персонала он не помнил, кроме одной - Александры Федоровны. Из учителей в памяти осталась учительница, звали ее Прасковья, отчество забыл, и еще историк, Федор Петрович.

Оханск понравился ему тишиной и патриархальностью. По улицам спокойно бродили собаки, люди никуда не спешили. Он

по-доброму обрадовался, что вместо нескольких детдомов остался всего один. Отыскал территорию своего детского дома, давшему ему на несколько лет приют.

Как ни странно, но с того первого приезда и по сей день именно в наши края тянет его, как только начинает звенеть капель за окном. Недалеко от города купил он маленький домик, приобрел две пчелиные семьи. Была у него слабая надежда, что Леля, возможно, живет в Оханске, где так много сирени.

Встреча

Сергей Ильич вновь увидел девушку, встретившуюся ему возле сирени, на празднике молодежи. Она была в кругу подружек, которые о чем-то весело болтали и пили лимонад. Он нашел повод, чтобы заговорить с девушкой. Та с удивлением взглянула на него и стушевалась, вспомнила, как он помешал ей искать цветы сирени с пятью лепестками. Девушку звали Ксенией. Такое имя было когда-то у его матери.

- Кто твои родители, Ксюша - спросил Сергей Ильич.

Она рассказала, что мама работает бухгалтером, а отец - шофером. Есть у нее бабушка и даже прабабушка, дед тоже есть.

- Скажи, Ксюша, твою бабушку не Лелей звать?

- Нет, Валентиной. Это папина мама. Вторую бабушку звали Ольгой, но я ее никогда не видела. У мамы была где-то фотография.

И ему вдруг захотелось встретиться с Ксюшиной мамой. Выведав у девушки адрес родителей, он в тот же вечер отправился на поиски. Нашел квартиру, позвонил. Дверь открыла милостивая женщина. Он назвал себя. Она провела его в комнату и вопросительно взглянула на гостя. Сергей Ильич сказал, кого разыскивает. Женщина нахмурилась, закрыла лицо руками, потом заговорила.

- Мою маму действительно звали Ольгой Павловной, друзья – называли Лелей. Родители расстались еще до моего рождения. Жили мы в Вологде. Однажды мама спросила, а мне было уже 16 лет, не хочу ли я узнать, кто мой отец. Я, в самом деле, этого хотела. О том, что сама она родилась в Ленинграде, я знала, по-

тому что несколько раз мы ездили с ней туда, ходили на место, где стоял их дом.

В тот вечер мама рассказала мне о своем друге детства, который для нее был добрым ангелом. С ним они воспитывались в детдоме, потом учились в Перми. Любили друг друга. Перед его уходом в армию между ними случилось то, что когда-нибудь должно было произойти.

А потом ее взял силой другой парень, который уже демобилизовался из армии и ходил за ней по пятам. Она отказывала ему, объясняла, что есть у нее друг, которого ждет. Ничего не помогло. Утром он ее, плачущую, и притащил в ЗАГС. Тогда сразу расписывали, не ждали целый месяц. Потом повез в Вологду к своим родителям. Они ее хорошо приняли, но она сторонилась всех,

почти не разговаривала, глаза постоянно были на мокром месте. Прошло несколько месяцев, но ничего не менялось. Муж терпел, терпел и начал ее поколачивать. А когда узнал, что она уже на седьмом месяце беременности, а не на пятом, как все предполагали, совсем взбесился. Родители тоже начали намекать, мол, порченую взял, не наш ребенок.

Тогда мама ушла от них. В больницу, где она работала, дали ей комнатку. Развод был уже после моего рождения, поэтому фамилию она менять не стала ни себе, ни мне.

- В Оханск мама Вас привезла? – спросил Сергей Ильич.

- Нет. Мой муж. Мы позна-

комились с ним на уборке урожая. Я училась в финансовом техникуме, а он служил под Вологдой. После демобилизации мы поженились, на свадьбу его родители приезжали. Вначале он ждал, когда я диплом получу, потом я отработывала три года, а муж работал таксистом и учился в строительном техникуме. А там мне его пришлось подождать. Жили у нас. Только через семь лет поехали в Оханск.

Детей почему-то у нас долго не было. Мама приезжала к нам сюда только раз, когда после долгих ожиданий дочка родилась. Она очень просила назвать ее Ксенией в честь матери ее друга, то есть моего настоящего отца, который так и не узнал об этом. Меня же она назвала в честь своей матери, Татьяной.

Женщина помолчала, будто вспоминая, а потом продолжила.

- Вскоре после этого мама умерла скоропостижно. Упала посреди улицы. Документов с собой не было. Ее в морг доставили. Пока выяснили, кто она, пока нашли мой адрес, пока мы приехали... Хоронили через две недели после смерти. Жара стояла. Как ее перевозить? Вот и похоронили в Вологде.

Сергей Ильич был оглушен известием о смерти Лели. Он сидел, безучастный ко всему. Казалось бы, вот она, цель – но ускользнула и уже безвозвратно.

- А Вы, случайно, не тот ли самый друг детства, о котором мама рассказывала? – осторожно спросила Татьяна и положила перед ним фотографию полувековой давности, ту самую.

- Да, дочка, я тот самый непутевый отец, который даже не догадывался о твоём существовании. Она не простила себе измены, хотя в чем ее-то вина? Я бы все понял... Потому и угасла так рано...

Он достал из бумажника свою карточку и положил рядом. Выходит, не зря заколотилось его сердце, когда увидел он Ксению, свою кровную внучку.

2005

Льдинка

Ирина стояла у дверей и прислушивалась к голосам, доносившимся из зала, где заседала комиссия по делам несовершеннолетних. «Воспитывали» ее маму за злоупотребление спиртного, за ненадлежащее поведение в быту и несоблюдение элементарных условий для жизни детей. Девочке было стыдно за мать и за свою семью, которую и семьей-то можно с трудом назвать. Она всегда чувствовала себя лишней в доме.

Не дожидаясь «расправы» над матерью, она вышла из здания и направилась в сторону городского сада. Мыслей никаких не было. Ирина находилась в том возрасте, когда человек на откровенность не идет, а если и идет, то только с теми, кому доверяет. Больше всего девочка не любит, когда ее начинают жалеть. В такой момент слезы из глаз катятся у нее ручьем. Поэтому, может быть, и «нагоняет» она на себя высокомерие, стараясь казаться независимой. На самом деле Ирина очень ранима, любые неполадки в доме эхом отзываются в ее душе.

В тяжелые минуты ей на память всегда приходит баба Клава, прабабушка девочки. Она умерла несколько лет назад. После ее смерти все изменилось в семье, наверное, прабабушка была для всех добрым ангелом. Есть у Ирины еще одна бабушка, но та живет в другом городе у своей сестры и сюда не приезжает.

В последние дни перед смертью баба Клава попросила Ирину достать у нее из-под матраца бумажный сверток, перевязанный бечевкой. В нем оказалась коричневая клеенчатая тетрадь.

- Внученька, в этой тетрадке все мое богатство, - сказала она, тяжело дыша. - Прочитай, когда будешь постарше, сейчас не все поймешь. Засиделась я на этом свете, пора и на покой. Родителям твоим тетрадь не могу доверить, легкомысленные они, так мне кажется. Ты уж не обижай меня, старую, спрячь подальше от

чужих глаз. Чувствую, девонька, нелегко тебе придется в жизни, но ты стержень в себе найди и держись его. Тебе на себя, только на себя надеяться надо. Вот, глядишь, в тетрадке и найдешь тот стержень.

Ровно неделю прожила еще баба Клава после того разговора. После похорон и поминального обеда, родители что-то искали в вещах умершей. Кроме двух тысяч рублей им ничего обнаружить не удалось.

- Ну, что, «бабкина присуха», не оставляла ли чего баба Клава? - спросила Ирину наутро мать. - Может, о наследстве каком речь вела перед смертью, или еще чего? Девочка только головой покачала и не ответила. Хоть и училась она тогда во втором классе, но понимала, что, говоря о богатстве, баба Клава имела в виду не материальные ценности. Да и откуда им было взяться, если всю свою жизнь прабабушка тянулась на детей, а потом на внуков? Ирина заглянула, было, в бабкину тетрадку, исписанную мелким убористым почерком, но мало что поняла и отложила ее до лучших времен.

Без прабабушкиной пенсии жить стало худо: мать нигде не работала, в летний сезон торговала ягодами да грибами, отец нигде не мог ужитья, и всегда виноватым был, по его словам, начальник. Старшие братья-погодки обосновались в комнатке бабы Клавы, включали на полную мощность музыку и орали – это называлось у них пением. На Ирину и маленького Стасика никто внимания не обращал. А уж если собиралась компания, то хоть на улицу не беги.

Однажды, когда дом гудел от рева усилителей и пьяных криков, девочка не знала, куда приткнуться. Она вошла в комнату и закричала, чтобы ее слышали.

- Вы дадите спать или нет? Мне завтра в школу.

- Ирка, а, ну, брысь! – топнула ногой на нее мать. – Ишь, моду взяла, на мать с отцом орать. Яйца курицу не учат!

- Сами не работаете, Сережка с Колькой тоже, зачем Стасика родили? – Ирина сорвалась и заплакала, - он же с голодудохнет.

Только под утро все уgomонились. На столе кроме пустых бутылок да ломаного куска хлеба больше ничего не нашлось. С тем Ирина и ушла в школу. Так пролетело несколько лет. На мать жаловались со-

седи, даже милицию вызывали. Не раз бывала она на разных комиссиях. Только проку от этого немного. Братья один за другим попали в места, не столь отдаленные, младший пошел в школу.

Пришло время, когда Ирине захотелось взглянуть на «бабушкино богатство». Она достала из своего укромного уголка клеенчатую тетрадь, раскрыла ее. И пахло чем-то родным и знакомым. Она начала читать и потом уже не могла оторваться. Это была история жизни бабы Клавы и не только ее, но и родственников, которых Ира знала только по рассказам, правда, некоторых случалось видеть.

На хуторе

Не дождалась Клавдия мужа с фронта. За месяц до начала войны вызвали его по повестке на переподготовку, так и сгинул бесследно. А какой мужик был! Сильный да ловкий, весельчак и балагур. Они познакомились на московском вокзале. Он приезжал с другом на завод за новыми машинами. Она отправляла двух Кировских мальчишек в Артек, а сбор группы был в Москве. Клавдия потеряла билет на обратный путь и безутешно плакала, потому что денег на новый не хватало. В дальнем уголке вокзала на нее случайно и наткнулись эти два парня из Белоруссии. Она по простоте душевной все им рассказала. Один из них тут же сбежал в кассу и купил ей билет до Кирова. Другой развлекал ее.

До отхода поезда оставалось четыре часа. Парень, что помоложе, убежал по своим делам, а второй остался проводить «растеряху», чтобы снова она билет не потеряла. Звали его Алесь, а фамилия смешная – Кочет. Клавдия взяла у него адрес, долги она привыкла возвращать. Алесь, в свою очередь, записал ее адрес, просил дать телеграмму и сообщить, как доехала.

Парень ей понравился. Клавдии в то время было уже 25 лет и стоило подумать о своей дальнейшей судьбе. Первый ее жених погиб на Халхин-Голе. Через месяц Алесь приехал за ней, от него без ума остались мать и все друзья Клавдии вместе с сослуживцами.

Только год и прожили молодые. Началась война. В село вошли немцы, и Клавдия перебралась на хутор к родителям мужа. Почти три года находилась в оккупации. Одни немцы приходили, другие уходили, и все старались взять что-нибудь «на память». Когда ху-

тор освободили наши части, во всех домах было - шаром покати, даже не с чем встретить освободителей. Что говорить, если хозяева жили в землянках и банях, а пищей служил подножный корм.

В первые же дни фашисты для острастки повесили на глазах хуторян молодого парня, якобы партизана. Так это или нет, уточнить было негде. Клавдия в первую зиму оккупации похоронила свекровь. Немцы как-то сгружали горючее в бочках у хутора, а свекровь с соседкой возвращались домой с валежником. Одна из досок надломилась, и груженная бочка покатила на женщин сзади, они отскочить не успели. Соседка была моложе и крепче, поэтому она все же поправилась, а мать Алеся сгорела, как свечка.

Свекор случайно попал под пулю уже в 43-м году. Он ночевал в стогу, а поодаль пост был выставлен. Фашисты фанатически боялись партизан, которые всюду им мерещились. Под утро часовому почудился шорох, он и давай палить по всему, где могли спрятаться партизаны.

Дети войны

Не смотря на то, что хутор был расположен вдали от больших дорог, через него гнали и гнали пленных и гражданское население.

ние. Не могли женщины смотреть без слез на колонны, особенно когда видели детей. Еще тогда Клавдия решила – если Алесь не вернется, она возьмет на воспитание пятерых беспризорных детей. Почему пятерых? Да потому что они с мужем мечтали о таком количестве детей в доме.

Весть о гибели Алеся ей принес его дядя и показал, где похоронен муж. Ждать было больше нечего. Она перечитывала объявления о найме на работу. Решила ехать в незнакомое место, а по пути следования подобрать ребятишек.

Первым был Коля. Он выскочил из-под вагона на переезде, за ним бежал мужчина в военной форме. Мальчик с разбегу уткнулся Клавдии в живот. Видя, как она прижимает к себе парнишку, военный только и сказал:

- Следите, гражданочка, за мальчонкой, а то ведь пакостит везде, - и протянул ей банку тушенки с огромным ломтем хлеба. - Накормите его, он голодный, - повернулся и направился от них прочь по направлению к составу.

Вторым оказался Боря или Боб, как все его звали. Он сидел на вокзале с седым дедом. Мальчики познакомились и, пока поезд не пришел, играли на улице. Клавдия разговорилась с дедом. Он ехал к внучке в Саратов. Парень прибил к нему возле Минска. Родных нет, в детдом не хочет.

Затем в поезде она увидела, как проводник тащит за руки двух упирающихся ребятишек. Они «зайцами» ехали, куда глаза глядят, пристроившись между вагонами. Таня и Толик родителей почти не помнили. Жили у бабушки под Вологдой. Отец – офицер, его перебрасывали с места на место. Жена была рядом. Когда его перевели на западную границу, собирался приехать за детьми, но не успел.

И еще одну девочку увидела Клавдия в Москве, когда привела ребят в привокзальную столовую. На вид ей было года два-три. Она безучастно глядела вокруг, временами ее глазенки загорались, потом потухали снова. Клавдия проследила за ее взглядом. Девочка смотрела на хлеб. Работники столовой сказали, что Катя днюет и ночует здесь, ждет, когда кто-нибудь за ней придет, она не помнит, как звали ее родителей, где ее дом, но хорошо помнит – здание, где она жила, разбомбило. Не помнит девочка, как ока-

залась на улице одна.

Вот с такой гурьбой сняла Клавдия каюту в трюме парохода и поехала искать счастья. Она знала, что не все дети видели в своей короткой жизни большую реку. По дороге выяснила примерный возраст детей. Они в один голос спрашивали, не сдаст ли она их в детдом? Ехали долго. После Елабуги тяжело заболел Толик. Среди пассажиров был врач. Он предположил, что у мальчика крупозное воспаление легких и помогал, чем мог. На третий день тот начал бредить, несколько часов не приходил в себя. Капитан принял решение – высадить его на ближайшей пристани. Ближайшим оказался Оханск.

На лошаденке они все вместе приехали в больницу. Толика оставили там, а Клавдии с остальными детьми предложили идти домой. Легко сказать – домой. А если его нет?

Их на время приютила пожилая санитарочка Анна, пожалев детей. Она одна проживала в небольшом доме. На другой день Клавдия отправилась выписывать документы. Надо было и самой прописаться. В ЗАГСе она сказала: все у них вытащили в Москве на вокзале. Узнав, что семья прибыла с самой границы, и никто уже не сможет подтвердить факт их рождения, сотрудница попросила список детей и точные даты рождения. Решив, что для русского слуха непривычна украинская фамилия Кочет, она «перевела» ее на русский язык, добавив в конце «ов». Так и появилась в Оханске многодетная семья Петуховых. Дети, все, как один, стали Алексеевичами.

Чужая родня

Выходит, баба Клава нам всем не родная? – Ирина отложила тетрадь и задумалась. Она вспомнила, как любила их всех старушка, ни одного грубого слова не слышали дети от нее. Она была на редкость спокойным и дружелюбным человеком. Любую ссору могла погасить, не оскорбляя никого и не давя на самолюбие.

Ирине, порой, жаль бывает и родителей. В сущности, они добрые люди и живут между собой дружно, как говорят, «дуют в одну дуду». Если пьют, то вместе, бросаются разнимать забияк тоже вместе, воспитывают, а, точнее, совсем не воспитывают и дают полную свободу своим детям, опять же обоюдно. Полная идиллия.

Один грех – пьянство. Любой праздник в доме заканчивается дракой, а попадает ее родителям. И не потому, что они начинают потасовку, а по той причине, что, сломя голову, бросаются разнимать дерущихся. Сейчас от их пьянства страдают больше всех Ирина и Стасик, старшим уже ничем не поможешь.

И от жалости к братьям сердце девочки тоже сжималось. Не такие они плохие парни были, пока не начали баловаться спиртным. Девочке они не досаждали, можно сказать даже не замечали ее. Однажды баба Клава пошла на кладбище и попросила братьев посидеть с сестренкой. А они решили пойти на реку искупаться. Ей наказали, чтобы она сидела на берегу и в воду не лезла. Мальчишки, а их набралось много, после долгого сидения в воде грелись у костра и от нечего делать учили Иру ругаться. У нее все получалось очень забавно, все смеялись и повторяли за ней вывернутые наизнанку слова.

На берегу и нашла ее баба Клава, которая успела оббежать все ближайшие закоулки в поисках девочки. Кто-то сказал ей, что видел ее вместе с братьями, а шли они по направлению к Каме. Старушка серьезно поговорила с мальчишками, больше они ее никуда не водили. Долго пришлось бабе Клаве отучать Ирину произносить непотребные слова. Но они нет-нет, да вылетали, потому что очень часто девочка слышала их на улице, да, бывало, и дома от родителей.

Да, жаль, что баба Клава не переехала к ним раньше, когда Ирина только родилась. У парней уже появились к тому времени вредные привычки, например, прихватывать все, что плохо лежит. Зато на нее и Стасика она очень сильно влияла, собственно, именно баба Клава занималась их воспитанием, а старших братьев никто не воспитывал, они росли, как сорняки. Каждый их шпынял, мальчишки огрызались, учились плохо, с уроков постоянно сбегали, матерились, хулиганили, не раз их доставляли домой побитыми. Но, следует отдать должное старушке – при ней они не ругались, и, если донимали их родители, тоже бежали спасаться в комнату бабы Клавы.

- Надо же! Пятерых совсем чужих детей воспитать! Еще и внуков с правнуками нянчить. Прямо героиня наша баба Клава. Толь-

ко вот правнуки оказались не достойными ее, - так думала Ира, оторвавшись от чтения.

Ее очень заинтересовали странички, рассказывающие о Кате. Это мамина мама, то есть бабушка Ирины. Она жила когда-то с ними, потом уехала к своей сестре, там и осталась. Интересно, какая же настоящая фамилия у бабушки Кати? Конечно, она не помнит, была совсем маленькая, когда баба Клава забрала ее с собой. Сёстры, наверное, и не знают, что росли не с родной матерью.

Девочка вспомнила, как однажды на день рождения бабы Клавы приезжали гости. Их было много. Ей понравился дядя Боря, веселый лысый толстячок. У него на любое слово прибаутка. Тетя Таня, важная такая из себя, а в глазах смешинки, хохочет – будто колокольчик разливается. Она пригласила Иру к себе в Тамбов и подарила куклу Барби. Два других дяди, Николай и Анатолий, ничем особенным не блеснули, поэтому девочка их почти не запомнила. За столом, где чаще всего звучало слово «юбилей», они все очень хорошо говорили о бабе Клаве, благодарили ее, целовали, подарки вручали. Наверное, они и не догадывались, что «мама», как все ее называли, им совсем чужая.

На другой день вместе с гостями Ирина ходила на другой конец города. Тетя Таня возле какого-то неказистого домика даже заплакала и все гладила завалинку. На вопрос, почему она плачет, ответил дядя Боря. Он сказал – в этом доме они жили в детстве. Потом они побывали на кладбище, посидели возле могилки. Девочка уснула тогда на чьих-то руках.

Еще Ирина помнит, как ночью ее разбудил непонятный шум. В кухне, где собрались хозяйева и гости, бурно что-то обсуждалось. У окна, как виноватые, сидели ее родители. Девочка спросонья ничего тогда не поняла, а сейчас, и не спрашивая, ясно, за что «всем миром» набрасывались на папу с мамой родственники. После того и уехала бабушка Катя в Тамбов, а бабу Клаву уговорить не могли. Ирине было года четыре, а Стасику и того меньше, они только-только начали ходить в детский сад.

В гостях Ирина никогда ни у кого не бывала. Однажды ее пригласила к себе девочка Юля, с которой они сидели за одним столом и кровати в спальне стояли у них рядом. Ее поразило в квар-

тире подружки обилие ярких книжек и больших игрушек, ничего этого не было в доме Иры. Главное, чего она не обнаружила ни в одном углу, так это пустых бутылок. У них же баба Клава не успевала выносить пустую тару, только выбросит, на следующий день появляется снова. Ирине казалось - все так живут. Она, бывая постоянно с прабабушкой, особо не замечала родителей. Да, они пьянствовали, но баба Клава, стараясь не травмировать детские души, умело уводила маленьких правнуков от пьяных скандалов, да и родители побаивались старушку. Она не раз предупреждала их, что, если тронут ее или детей, уедет вместе с малышами. Собственно, из-за ребятишек она и осталась в их доме.

Не плыть по течению

Из тетрадки Ирина узнала, как долго баба Клава посылала запросы один за другим в разные газеты, комитеты, пытаясь найти родителей или родственников детей, которых она записала на свою фамилию. Только о Кате ей было ничего неизвестно. Не смотря на то, что всех воспитала она, как своих, хотелось ей хоть одному из них сделать подарок – найти мать или отца. Жили они более чем скромно, но голодными не сидели. Корову держали, а летом подножный корм собирали: пистики, щавель, чеснок луговой, ягоды, грибы, в огороде трудились всем скопом.

- Баба Клава, ну, почему ты умерла? Сейчас так нужна твоя помощь. Что делать с мамой и папой? Посмотришь на них - они такие жалкие, а как только выпьют, становятся совсем другими. – Ира говорила вслух, глядя на другой берег реки и размазывая слезы по лицу. Ей было жаль не только родителей, но и себя, и Стасика.

Заслышав голоса, девочка встрепелась, вытерла слезы. Она не хотела, чтобы такой видели ее посторонние. Вспомнила, что вот-вот придет из школы Стасик, и надо спешить домой.

Девочка одного боится – детского дома. Хоть ребят там хорошо одевают и кормят, но Ира им не завидует. Ей самой уже «казенное учреждение» не грозит, она паспорт получила, а Стасик вполне может туда попасть. Может, оно и к лучшему. Девочка уже для себя решила – после окончания девяти классов уедет в Тамбов, к тете Тане, пойдет работать и учиться обязательно будет, она же бабе Клаве обещала вырасти хорошим человеком.

Оказывается, как много у нее родственников, один лучше другого, а к ним в гости одни пьянчужки заглядывают. Правда, в прошлом году зимой дядя Толя наведался, ему справка какая-то была нужна. Он даже ночевал в гостинице, потому что родители были в запое, ни принять, ни накормить гостя не могли. Дядя Толя пригласил Ирину со Стасиком побродить по городу. Купил братишке и ей спортивные костюмы, каких в их семье никогда не было. Потом в гостиничном номере передал подарки от бабушки Кати и тети Тани. Они пили чай, разговаривали, так не хотелось идти домой. На другой день дядя уехал, оставив на прощание свой адрес, и взял с нее слово – как только закончится учебный год, она даст телеграмму, а он приедет и заберет их с братишкой к себе. Не получилось. Дядя Толя попал в больницу с сердечным приступом, позже его парализовало. Об этом написала девочке тетя Таня.

Всегда так – хочешь, как лучше, а на деле выходит совсем по-другому. Ирина не была особо кроткой. За себя, во всяком случае, постоять могла. Пробовала уже и курить, но не понравилось, целый день в горле потом першило. К вину тоже в одиночку несколько раз прикладывалась – не пошло. Видно, не судьба. А когда прочитала тетрадь бабы Клавы, вовсе расхотелось. Пусть подружки и курят, и пьют, она себя белой вороной не считает. Все равно слава о ней идет дурная, многие видели ее пьяненькой. Девочка до сих пор не знает, что ее понесло на улицу после злополучного стакана вина. Голова у нее соображала, а ноги почему-то заплетались. Первой, услышанной во дворе, была фраза: «Яблоко от яблони недалеко падает». Попробуй теперь докажи свою нравственную крепость.

Ирина повернулась было, чтобы идти домой, но внимание ее привлекла льдинка, плывшая по реке. Река полностью очистилась ото льда, а эта несчастная, видно, где-то пролежала. Сейчас она, то погружалась в воду, то снова оказывалась на плаву. Девочка невольно сравнила себя с этой одиноко плывущей льдинкой. Куда принесет ее течение? Сможет ли она, сопротивляясь речному потоку, прибиться к берегу? Или растворится, подобно другим? И, словно продолжая разговор с бабой Клавой, Ира упрямо тряхнула челкой и сказала вслух: «Я все смогу, стыдно за меня не будет!»

Вечный зов

Письмо

Вера Ивановна возвращалась домой после рабочего дня. На душе было муторно. Ей даже представить было трудно, что завтра не надо рано вставать, не надо никуда идти, не надо готовить одежду для работы. Пенсия! «Окончен бал», - так сказала бы мама. Веру Ивановну ценили на службе, поэтому и больше десятка лет после выхода на заслуженный отдых она держалась на работе, но в последнее время давало сбои здоровье. Зачем судьбу искушать?

Привычным движением руки достала из почтового ящика газету, оттуда выпало пухлое письмо с яркими марками и множеством печатей.

- Наверное, почтальонка адрес перепутала, - подумала она, но прочла на конверте собственное имя и фамилию. Взглянула на обратный адрес. Португалия.

Вера Ивановна заторопилась, уж очень хотелось узнать, что в этом письме, знакомых в Португалии у нее никогда не было. Единственным возможным вариантом могли быть друзья по школе или техникуму. Вдруг кому-то взбрело в голову перебраться туда?

В конверте оказалась фотография импозантного мужчины, возраст которого на взгляд определить было довольно трудно. Начала читать аккуратно выведенные печатные буквы. Брови ее удивленно приподнялись вверх.

Она очень смутно помнила своего отца, была слишком мала. От него осталась старенькая фотография, где он совсем еще маль-

чик. Снимок этот мать хранила всю жизнь. Отец ушел на фронт в 1942 году, писал редко, а в феврале 1943-го на него пришла похоронка. Еще через год – казенное письмо о том, что Иван Геннадьевич Смолин пропал без вести. Родные не знали, чему верить. Которое известие говорит правду? Если пропал без вести, значит, есть надежда? Но шли годы, надежда умирала вместе с матерью, которая, пока могла, писала во все инстанции, ездила по госпиталям. Она в то время работала в системе железнодорожного транспорта, поэтому передвигалась по территории страны бесплатно. Дочку обычно оставляла на одинокую соседку. За несколько лет до своей кончины Дарья Якимовна поняла всю бесполезность поисков и тихо угасла.

Незнакомый и далекий Марио называл Веру Ивановну своей сестрой, а человека с фотографии называл их общим отцом, уроженцем из России. Сам Марио рожден в 1950 году в Испании.

Вера Ивановна еще раз взглянула на фотографию. Мужчина на ней совсем не похож на того деревенского паренька, изображенного на мамином снимке.

Она все-таки решила дочитать письмо до конца, хотя в душе у нее поднималась волна неприятия, она была уже уверена в ошибке автора.

- Вера! Ты не представляешь, как был рад папа, когда узнал, что можно писать в Россию письма в любое время, что упал железный занавес. Он был уверен – найдет свою первую семью.

Ты, наверное, сейчас читаешь и осуждаешь отца, но я хочу рассказать тебе историю его жизни. Найди он тебя раньше, мог бы это сделать сам.

Плен

- Танки! – услышал Иван истошный крик ротного, и тело его слилось с землей. - Сейчас, главное, не обнаружить себя и подождать, когда враг подойдет ближе, тогда и гранаты с бутылками пойдут в ход, да и пушка подсобит.

Машины двигались под углом к окопам и не могли видеть горстку засевших там бойцов. Вслед за ротным Иван выскочил на бруствер, чтобы перескочить к замолкнувшей в ближней воронке пушке. Он

не видел, как головной танк повернул ствол в их сторону и начал изрыгать огонь. Взлетела в воздух пушка, где-то сбоку рвались снаряды. Последнее, что помнит Иван – яркая вспышка перед глазами и потом тьма.

Его обнаружили немцы после боя. Один из них случайно наступил на ногу Ивану, и тот застонал. Судьба уготовила ему плен и концлагерь. Это случилось зимой 43-го года. В лагере он долго отходил от контузии. Потом, вместе с группой других заключенных, его переправили дальше, на запад Германии, где пришлось рыть какие-то катакомбы. Рядом с военнопленными трудилось гражданское население из соседнего лагеря, в основном, женщины. Они были из разных стран, о чем говорили нашивки на одежде. Иван, кроме русского, других языков не знал, и в сельской школе, где он учился, иностранный язык не преподавали, поэтому даже внимания не обращал на женщин.

Расстрел

В конце апреля 1945 года лагерь освободили союзники. А перед этим в бараках появились агитаторы, приглашавшие заключенных перебраться в любую страну мира, кроме Советского Союза.

- На Родине вас расстреляют или сошлют на Колыму, - говорили они. – Ваши семьи будут подвергнуты гонениям.

- Все равно отправляйте нас домой, - кричали военнопленные. Мы хоть на своей земле умрем. Из их барака только двое поддались на уговоры агитаторов, которых те сразу увели с собой.

Через день пленных, в сопровождении нескольких американских солдат, повели к месту сбора. Отойдя от лагеря километра на три, колонна подверглась авианалету. Спрятаться негде, равнина. Сделав свое черное дело, самолеты без опознавательных знаков удалились. Большинство людей осталось лежать на чужой земле. Убитыми оказались и сопровождающие. Куда идти, не зная языка?

Иван присел на обочину дороги, тупо глядя на копошившихся товарищей по несчастью. И тут почувствовал на плече чью-то руку. Оглянулся. Рядом стояла маленькая девушка, похожая на подростка. Она на ломаном русском попросила помочь унести раненого мальчика в испанскую зону, находившуюся неподалеку.

Он и еще один пленный согласились сходить, ребенка несли по очереди.

Возле зоны отдали мальчика санитарам и уже собирались вернуться обратно. В это время со стороны, откуда они только что пришли, раздался звук мотоциклов. В коляске одного из них сидел парень с окровавленной головой. Он закричал,

что фашисты добились всех русских, кто остался живым после налета самолетов. И тут же получил пулю в лицо от немца, сидящего на переднем мотоцикле. Правдой это было или нет, но женщина быстро сдернула с куртки Ивана и его попутчика красные треугольники и вместе с ними медленно стала отступать внутрь лагеря.

Немцы спросили, нет ли в лагере русских. Получив отрицательный ответ, уехали. Иван понял, фашисты просто расстреляли русских, чтобы те не могли доложить советскому командованию о катакомбах, где был спрятан смертоносный груз.

На чужбине

- ...Вера, ты не имеешь права осуждать отца, ведь если бы он вышел и отправился на сборный пункт, еще неизвестно, дошел бы или погиб по дороге, - читала Вера Ивановна дальше. - Девушка, спасшая его, говорила всем, что это ее глухонемой брат Жан, а второго русского выдала за своего сына еще одна испанская женщина. Так наш отец оказался в Испании. С первого дня он начал писать в СССР, пытаясь узнать что-нибудь о семье. Ответа не было. Обращался в посольство с просьбой отыскать его родных. Тоже бесполезно. Однажды ему открытым текстом сказали, что он - предатель и променял Родину на чужую страну, и если появится в Союзе, ему все равно жизни не будет. Это было в 1949 году.

Тогда он женился на моей маме, своей спасительнице. Возможно, в знак благодарности, а, может быть, действительно полюбил

ее. Не знаю, у нас в семье об этом не принято говорить. Потом появился я. Он хороший человек, наш отец, только в глазах его всегда живет грусть. Мама понимала его и жалела, она считала себя виновницей его горя. Я с первых дней слышал русскую речь, поэтому неплохо говорю по-русски.

В 90-е годы отец снова начал поиски первой семьи, он не исключал, что жена могла выйти замуж. Как он всегда подчеркивал – земля родная его звала к себе, Родина, которая снилась по ночам. Ему еще и хотелось увидеть дочку, то есть, тебя. В Рязанской области, где вы жили когда-то, вас не оказалось. Я ездил по туристической путевке в Россию в 1995 году. Нашел дом по адресу, который мне давал отец. Там жили старики - ваши бывшие соседи по фамилии Филатовы. В их жилище еще в войну попала бомба, они перебрались временно в ваше. После войны никто в дом не вернулся, и они остались в нем. От них я и узнал, что во время войны вас эвакуировали в Пермь. Мой хороший знакомый осел в свое время на Урале, его я попросил разыскать вас.

Сам я уже четыре года проживаю с семьей в Португалии, а родители остались в Испании. Ответь мне, Вера, очень хочу увидеться с тобой. А на фотографии наш отец, этот снимок сделан перед моей поездкой в Россию. Сейчас он совсем старик, ему почти 90 лет, плохо слышит и почти не видит. Но не теряет надежду встретиться с дочкой и первой женой. Вечный зов родной земли живет в нем все эти годы. Он понимает, возврата нет, но прикоснуться к Родине считает своим долгом.

До свидания, твой брат Марио

Одна

Вера Ивановна дочитала письмо. Ею овладело приподнятое настроение, хотелось рассказать всему свету, что отец нашелся, но за окном уже было темно. Всю ночь не могла уснуть. Надо же! Кто бы мог подумать, что через столько лет можно найти человека!

Вера Ивановна с мамой жили вдвоем, а после войны приютили беспризорную девочку Таню, матери казалось, что она очень похожа на исчезнувшего мужа. В городе было голодно, да и застудила где-то легкие Дарья Якимовна, поэтому вместе с девочками

переехала в сельскую местность, где можно было развести огород и держать скотину. Так и выжили, а в город больше не вернулись.

Теперь Таня – большой человек, работает директором школы на Алтае. Приезжает в Оханск только летом. У нее хорошая, дружная семья. Муж – коренной алтаец, кандидат биологических наук. Дети тоже в науку пошли. Зовет Татьяна Веру Ивановну переехать к себе, но как уедешь? Здесь, в центре города мамина могилка. Кто к ней придет? Да и не хочется женщине стать для кого-то обузой.

Приглашали Веру Ивановну после окончания техникума в Череповец, где девушка проходила практику, но она пожелала вернуться к матери, чтобы помочь ей растить и учить Таню.

А потом на свет появился Василек. Вырос, а, женившись еще в институте, тоже потом перебрался на Алтай. Вера Ивановна на Урале осталась одна.

Послесловие

Брат и сестра все-таки встретились. Вначале в Москве, а потом Марио увез Веру Ивановну и ее сына погостить в Испанию. Она еще застала отца живым. Когда ему сообщили, что приехала его дочь со своим сыном, у старика слезы из глаз так и хлынули. Он не отпускал ее руку и просил еще и еще раз рассказать, как они жили все эти годы. Держал возле себя и внука, всех спрашивал, похож ли внук на него. Вася был материнской копией, но, чтобы успокоить старика, ему говорили – на деда похож внук. Три дня пролетели, как одно мгновение. Вере Ивановне очень понравилась Мария – жена отца, бойкая и улыбчивая старушка, она старалась держаться в сторонке, ведь дочке есть о чем поговорить с родным отцом.

- Верочка, - сказал отец на прощание. – Спасибо тебе за землю с Дашиного холмика, я ее с собой заберу, когда уходить надумаю. Не знаю, свидимся ли, но я теперь спокоен, как никогда. На Родине мое семя осталось, мой Василек, моя фамилия.

Из Испании Вера Ивановна вместе с Василием заехала к Татьяне, погостила недельку у нее, затем несколько дней пожила у сына с невесткой. А когда вернулась домой, ее ждало печальное известие. Отец умер на другой день после их отъезда.

Дочки-матери

Светлана мыла полы, когда по радио началась передача «От сердца к сердцу». Обычно она садилась за стол и слушала ее от начала до конца, а тут – не успела. Надо же!

Стараясь не стучать, она потихоньку занималась делом. И неожиданно услышала собственную фамилию. Она не то, что удивилась, таких фамилий по всей области – пруд пруди. Скорее интуитивно, прислушалась к тому, о чем говорил диктор. И растерялась. Речь шла о ней, об ее судьбе. Светлана еще сомневалась, мало ли похожих судеб, но когда сказали, кто написал письмо в редакцию, поняла – это действительно о ней.

Закончила песню ее любимая певица Надежда Кадышева, и Светлана обнаружила, что сидит на полу, привалившись к комоду. Она по-быстрому довела до конца уборку, вымыла руки и села в любимое кресло. Не могла ни о чем думать, кроме своих дочерей, приславших таким образом свой привет из Белоруссии.

Четыре года не было между ними общения. Она писала – ответов не получала. Звонила – на переговоры никто не приходил. Она, конечно, не забывала их слова: «Запомни, ты для нас не мать, и никогда не ищи встречи с нами. Ты свободна». Первая реакция – остановить, привязать к себе и увезти подальше от людей. А потом все захлестнула обида. Девочки, которым она посвятила свою жизнь, отказались от нее, как от прокаженной.

* * *

Светлану никто не понимал, когда она, отличница, имея возможность получить свободный диплом, попросила направить ее на периферию. Еще более неожиданным показалось ее замужество. Она никому об этом не сказала, но на выпускном вечере прозвучала ее новая фамилия – Ощепкова.

Вся группа знала ее жениха из Ленинграда, капитана дальнего плавания, Сергея, с красивой эстонской фамилией. Свадьба должна была состояться осенью, когда он вернется из похода. Его мать не одобряла выбор сына. Что за невеста? Ни кола, ни двора. Она и написала Светлане однажды, что сын был давно помолвлен, а не-

давно сыграли свадьбу. К письму она приложила фотографию, на которой Сергей обнимал в белоснежном платье невесту. В тот же день в Ленинград улетела телеграмма: «Вышла замуж. Прости. Не пиши и не звони. Уезжаю».

Объяснять сокурсникам ничего не хотелось. Зачем? Разве каждому расскажешь, что брак фиктивный, просто знакомый парень за сотню рублей согласился зарегистрироваться с ней.

* * *

Она жила с мамой в коммунальной квартире. Была когда-то у них отдельная, но со смертью отца многого пришлось лишиться. Из ведомственной квартиры их переселили в коммуналку. Жить стало труднее. После школы Светлана поступила в политехнический институт, но после двух курсов поняла – это не ее. Больше привлекала финансовая работа или юридическая. Скрыв от матери свои намерения, забрала документы и сдала экзамены в финансовый техникум.

На одной площадке с ними жила молодая мамаша без мужа с двумя маленькими детьми, Леной и Анюткой. Часто бывало, она оставляла девочек одних, тогда Света через балкон забиралась к ним и часами играла с малышками. Все чаще Галина (так звали мамашу) возвращаясь домой пьяная, кричала на детей:

- Где рожать, там и топтать вас надо было, навалились вы на мою голову.

Девушка, чтобы спасти их от материнского гнева, звонила в дверь и просила позволения погулять с ними. Галина была даже рада этому и спокойно отправляла детей.

Однажды женщина, загуляв, не вернулась домой. Девочки громко плакали. Соседи дверь открыть не смогли, позвали слесаря ЖЭКа и милицию. Детей забрали и просили передать матери: если она не придет за ними в ближайшие три дня, их отправят в Дом малютки.

Светлана была в то время на преддипломной практике в Березниках. Вернулась и побежала, было, к соседям. Мать остановила ее и рассказала о случившемся. В тот момент и пришло решение – найти девочек и удочерить их. Она сходила в милицию, затем в

районо. Оттуда ее направили еще куда-то. Лишь через месяц ей удалось узнать, куда их определили.

И началось самое трудное. В удочерении ей вначале отказали, ссылаясь на ее молодость. Когда она сказала, что ей уже 23 года, тогда появилось новое препятствие – одиноким детей отдавать не положено. Светлана, привыкшая самостоятельно принимать решения, обратилась к вечно пьяному парню, кстати, тоже Сергею, живущему в соседнем дворе. Вначале он опешил от предложения жениться, а, узнав, что речь идет всего лишь о фиктивном браке, согласился, но потребовал за это сто рублей.

Правдами и неправдами Света получила свидетельство о браке. Потом ей пришлось много раз просить Сергея ездить с ней по различным инстанциям, требовалось то одно, то другое. Наконец, все документы были готовы. В детдоме к ней отнеслись настороженно, девочек не сразу показали. Начали выяснять – почему именно их она решила взять, не кроется ли тут «шкурный» интерес.

Лену она увидела на заднем дворе. Та играла возле забора отдельно от группы. Светлана подошла и тихонько окликнула девочку. Лена долго стояла и смотрела на нее, наморщив лобик, словно вспоминая что-то. Затем несмело приблизилась и спросила:

- Мама, ты не пьяная? Нет?

У девушки комок встал в горле, и глаза наполнились влагой. Она не могла сказать ни слова. Лена в силу своего трехлетнего возраста перепутала все, но разубеждать ее не имело смысла. Вечером Света вместе с детьми уехала из Березников.

Потом была защита диплома, распределение, госэкзамены и переезд на новое место жительства. Она попросила, чтобы направили в населенный пункт, где есть река. В Оханске квартира нашлась довольно быстро, в то время специалистам их предоставляли без проблем, тем более – с маленькими детьми.

* * *

Трудновато было Светлане в первый год одной. Дети часто болели, пришлось пригласить няню. Как радовалась она, когда видела в девочках что-то новое. С первых дней приезда в Оханск у

Лены и Ани появился старший друг Коля, живший по соседству. Света душой отдыхала, общаясь с детьми. По выходным всей семьей ходили на реку или в лес, брали с собой и Колю, потому что девчонки быстро привязались к нему, парнишка учился тогда в восьмом классе, частенько вечерами они вместе читали книги. Светланина мама неоднократно предлагала свою помощь, согласна была на переезд в Оханск, но девушка всякий раз отказывалась. Хотела себе, прежде всего, доказать, что справится, да и мать жалела, у которой была астма.

Года через три ее вызвал на переговоры Сергей (фиктивный муж) и попросил дать согласие на развод – он собирался жениться. Она приняла предложение с радостью. Договорились, что он придет за заявлением в выходной день.

В воскресенье она с девочками с утра напекла пирогов в ожидании гостя. Когда скрипнула дверь, она пошла навстречу Сергею. Дверь распахнулась – в проеме стояли два Сергея. Светлана растерялась. Одного она ждала, но как тут оказался капитан, о котором даже вспоминать было все эти годы некогда? Пригласила гостей в квартиру, познакомила с девочками. Угостила. Ощепков заторопился на автобус, взял заявление и обещал позвонить, как только вопрос будет решен.

Когда няня увела девочек на прогулку, Светлана и Сергей остались одни. Она отводила глаза. Помолчали.

- Зачем ты это сделала? – спросил он.
- А что мне было делать, если ты умолчал о своей помолвке?
- О чем это? – Сергей недоуменно поглядел на нее.
- Он еще и спрашивает, - повысила голос Светлана. – Может, и о свадьбе своей ты не знаешь? А фотография?
- Какая фотография?

Она достала из альбома тот самый снимок, который прислала его мать. Сергей даже побледнел.

- Черт знает что, - вымолвил, наконец. - Это же спектакль. Мы его в училище играли. Девушек у нас не было, так я собственную сестру приглашал. Ее жених нас тогда и сфотографировал, он фотокорреспондентом в журнале работал. Видишь, здесь сцена? Рампа горит. Как же ты Ирину не узнала?

Светлана опустила голову. Честно говоря, она и не вглядывалась. Когда письмо получила, была взбешена. Снимок просто оставила на память, он показался ей удачным и очень живым.

- Я никогда матери не прощу этого, – сказал Сергей, - она мне всю жизнь испортила. После твоей телеграммы, а она передала мне ее по радию на судно, хотелось выть, громить все вокруг себя. Наверное, запил бы с горя, да штурман у нас очень хороший. Вызвал, дал нагоняй, а потом рассказал о своей жизни. Хлебнул он немало, так и остался бобылем. Я решил последовать его примеру.

- Так ты так и не женился? – удивленно распахнула глаза Светлана.

- В прошлом году, - продолжил он, словно и не слышал вопроса, - во время шторма пробило днище нашего судна. Пробоина небольшая, но при такой качке ее не было возможности сразу залатать. Вода быстро прибывала. Надо было снаружи развернуть обшивку. На такое опасное дело вызвался один смельчак. Представляешь, сколько мужества требуется, чтобы спуститься в гудящее море? Я держал трос, по которому он спускался. Ему удалось распрямить обшивку, закрепить ее, остальное можно было доделать изнутри.

Парень поднялся на борт, попросил довести его до каюты. Мне показалась мертвецкой его бледность. Оставили отдыхать после рискованной вылазки и – вниз, заделывать пробоину. К утру штормить перестало. Когда мы вошли в каюту, парень уже не дышал. Наш судовой врач сделал вскрытие. Он удивился, что с разрывом некоторых внутренних органов, он еще поднялся на борт. Видимо, его сильно ударило. На теле, кроме огромной гематомы на животе, других повреждений не было.

А дома его ждала молодая жена на третьем месяце беременности. Мне пришлось нести печальную весть в дом. После этого я часто у нее бывал, помогал, чем мог. Одним словом, привык

постепенно к ней и решил стать отцом еще не родившегося ребенка. Расписались – и сразу в роддом. Наутро уже на судне через радиста узнал – сын родился. Назвали в честь погибшего отца, Юрием.

- Зачем же тогда ко мне приехал? – спросила Светлана.

- Не знаю. Я в командировке. Опять приехал за ребятами в речное. Зашел к твоей матери, узнал адрес. Она мне все и рассказала. Прости, если можешь и мою мать, и меня. Узнай я об этом раньше, ни минуты бы не раздумывая, бросился за тобой. Правда, запрос в ЗАГС я делал, оттуда сообщили новую фамилию и о том, что у тебя двое детей. Вот так.

Они долго сидели, молча, думая каждый о своем. Оба понимали, что ничего нельзя изменить. Жизнь устоялась. Несколько дней после отъезда Сергея Светлана не находила себе места. Потом все вошло в свою колею.

* * *

Дни летели за днями, год – за годом. Девочки окончили школу. Лена училась на вечернем отделении пединститута и работала в Перми, Аня поступила в финансовый техникум. Жили обе у бабушки в том самом доме, где проходило их раннее детство.

Однажды Светлана приехала к дочерям. Поговорила с мамой о том – о сем. Заметила – не договаривает она чего-то. На душу легла неясная тревога. Она не могла понять, откуда. Девчонок до сих пор нет. И вдруг:

- Светочка, ты помнишь Галину, соседку нашу?

- Ну, разумеется, - ответила Светлана.

- Так вот, она здесь и живет. Раньше-то брат ее обитал, пока она по свету моталась. Теперь вернулась, говорит, что детей приехала разыскивать. А разыщет – уедет вместе с ними.

- Она что, девочек видела? – вскрикнула Светлана.

- Не хотела я тебе говорить, - всхлипнула женщина. - Она же меня тут до белого каления доводила, когда Аню увидела. Потом пришла как-то, а девчонки обе дома. Не иголки ведь, не спрячешь. Она им и брякнула: «Я ваша мать, вас у меня выкрали обманом». Плохо мне стало. Не помню, что было дальше, меня в больницу увезли, откололи, через три дня я попросилась домой. Когда вер-

нулась, записка на столе: «Бабушка, не беспокойся, мы с мамой ушли погулять». Я же думала – ты приехала, мало ли, может, в командировку. Второй день жду, ни слуху, ни духу.

- А к ней заходила?

- Не могу и боюсь. Вдруг опять не выдержу? Тебе собиралась звонить, да ты сама приехала.

Светлана решительно встала и пошла к соседке. Позвонила. Дверь распахнулась. На пороге стояла улыбающаяся счастливая Аня.

- Мам, ты? – удивленно спросила она.

- Здравствуй, дочь. А ты кого ждала?

- Анюточка, дочка, кто там пришел?- послышалось из глубины квартиры.

Светлана ворвалась в комнату Галины. Посередине стоял стол с выпивкой и богатой закуской. Хозяйка полулежала на диване с сигаретой в руке. В углу на корточках сидела Лена тоже с сигаретой. Они обе от неожиданности вскочили на ноги. Аня растерянно стояла сзади и разводила руками.

- О! Какие люди в нашем доме! – картинно произнесла Галина. – Здравствуйте. Между прочим, культурные люди с этого начинают, когда заходят в чужую квартиру.

- Ладно, выкладывай, что хочешь, - без предисловий приступила к ней Светлана.

- Чего я хочу, уже получила. Дети мои при мне. А вот ты чего хочешь, врываясь без предупреждения?

- А у тебя документы на них есть?

- Не бойся, нет, так будут. А не будут, так купим.

- Наверное, у девочек надо спросить, прежде чем решать?

- Они уже все решили, как видишь. Вот в понедельник пойдём в институт, потом к Ленке на работу и в техникум, заберем документы и туту в Белоруссию. Там будут учиться. Сколько мне можно жить вдали от собственных детей?

Как будто ушат грязи вылили на голову Светланы. Галина, которая 16 лет ездила по стране и жила в свое удовольствие, теперь предъявляет права на детей только потому, что родила их?

Лена подошла поближе и, чеканя каждое слово, сказала:

- Мама, ты нас всю жизнь обманывала. Ты же специально под-

строила, и нас забрали в детдом. Просто тебе удобнее было взять нас оттуда. Да, нам женщина одна рассказала, как ты добивалась нашего удочерения. Даже замуж для этого вышла просто так, лишь бы завладеть нами. Зачем ты это сделала, зачем?

- Запомни, ты для нас не мать, и не ищи встречи с нами. Ты свободна, – резко добавила Аня и убежала в другую комнату.

Светлана вышла оттуда, как побитая. Куда идти? Где искать правду? Конечно, девочки уже взрослые и вправе решать, с кем им быть, но почему не захотели даже выслушать? И кто та женщина, которая наплела на нее? На вопросы ответов она не находила.

Вернувшись в квартиру матери, все ей рассказала. В тот момент она пожалела, что отказалась от ее помощи и не перевезла с собой в Оханск. Всю ночь сидела Светлана, составляя письмо дочерям. Утром бросила его в почтовый ящик и поехала домой.

В душе была пустота. Как теперь жить? Неужели она вырастила бездушных детей, не способных отличить правду ото лжи? Но ведь они росли такими ласковыми, скромными и тихими.

На неделе ее прямо с работы увезли в больницу. Сердце не выдержало. Мама приехала к ней. Вместе с няней, которая так и осталась жить в Светланином доме, они суетились по хозяйству, копались в огороде. Со временем и Светлана оттаяла, начала улыбаться. Ни друзьям, ни коллегам не сказала она о своем горе, тихо носила его в себе.

Через несколько месяцев получила письмо от Галины. Она писала: Лена и Аня учатся, живут прекрасно, ни в чем не нуждаются. Обратного адреса не было. Где искать?

Вспомнила, одна из ее сокурсниц, Нина вышла замуж и уехала в Белоруссию. Они три года были близкими подругами. Съездила к ее матери, взяла адрес, написала и написала в гости.

Две недели прожила у подруги. Про детей ничего не рассказала, просто намекнула – женщину надо найти. У той были связи, и удалось выяснить, где прописана Галина. Туда подруга поехала без Светланы. Когда вернулась, на ее лице радости не было. Село, где жила Галина, небольшое. Там все друг друга знают. Галина нигде не работает, принимает постояльцев, дачников. Вместе с ней живут две дочери. Одна - на вокзале официантка, другая – го-

рочее выдает на бензоколонке.

Перед отъездом Светлана снова написала письмо дочерям, в надежде, что оно дойдет. С тем и уехала. Правда, Нине пришлось рассказать все.

Теперь подруги изредка переписывались, не теряя друг друга из виду. На следующий год Света пригласила ее к себе. Всей семьей приехали белорусские гости на Урал и неделю прожили в Оханске.

Снова были письма, телефонные звонки и бессонные ночи. Подруга Светланы предпринимала попытки к тому, чтобы дочери вернулись к матери, вырастившей их. Однажды, во время отпуска, она на две недели приехала в село, где жила Галина, и устроилась к ней на квартиру. Таким образом, она имела возможность вызвать на разговор хозяйку. Правда, та о себе много не рассказывала. Дома почти не находилась, все куда-то уезжала. И что более всего поразило квартирантку, с дочерьми Галина разговаривала не особенно учтиво, часто просто материла их, называя блудницами. На что дочери отвечали ей тем же.

Как-то началась сильная гроза. Галина в то время уезжала в Минск, одна из дочерей была дома. Нина, с детства боящаяся стихии, постучала на хозяйскую половину и попросилась посидеть. Лена не отказала.

Когда стихия понемногу улеглась, Нина пригласила Лену на пирог, который испекла перед самой грозой.

- У нас в Перми, где я жила до замужества, - сказала она, - такие пироги пекут очень часто.

- А Вы из Перми? – встрепелась сразу Лена.

- Ты разве слышала о таком городе? – изобразила удивление Нина.

- Не только слышала, - с грустью произнесла девушка, - я там жила и училась. Теперь вот только существую и уже не учусь.

Они сидели за столом, пили чай. Как бы, между прочим, Нина рассказала о том, как училась в финансовом техникуме, какая хорошая группа была у них, посмеялась, что одна из сокурсниц просто так взяла и заключила фиктивный брак. На лицо Лены пробежала тень. Потом они еще поболтали ни о чем, и Лена ушла.

Нина всю ночь проворочалась, перебирая в памяти весь разговор. Не сказала ли она лишнего? Не отпугнула ли Лену?

Вскоре девушка сама вызвала ее на разговор. В тот день она не работала. Зашла к Нине, найдя предлог, а потом спросила, зачем та однокурсница решилась на фиктивный брак. Пришлось рассказать о ней и, конечно, упомянуть о том, что ради чужих детей человек лишил себя личного счастья.

- Я знаю эту женщину, - сказала Елена.

- Как? – пришлось снова «играть» удивление Нине.

- Мир тесен. Мы вот с Вами случайно встретились, и, оказалось – нам есть, о чем и о ком поговорить. Я как раз одна из тех, ради кого мама забыла о себе.

- Подожди, Лена, а как же?.. - Она не успела договорить.

- Понимаете? Мы всегда жили очень скромно. Я в институт после школы поступила, начала работать, Анька – в техникум. Все, вроде, было хорошо. Жили у бабушки. Вдруг врывается однажды к нам красиво одетая женщина и заявляет, что нас у нее обманом украли. Для нас это был шок. У бабушки тогда приступ случился. Мы вызвали «скорую». Ее увезли, а женщина, назвавшаяся матерью, начала рассказывать, как долго она нас искала по всей стране. Более всего поразили нас пачки долларов в ее руках. Мы же никогда такого не видели. Одним словом, купила она нас. Мать водила обеих в ресторан, поила шампанским. Не знаю, может быть, она туда что-то добавляла, но мы от нее были без ума. Анька тогда впервые вино попробовала. Я - курить начала. Вот так. Когда за нами пришла мама, мы вели себя, как свиньи. Сказали – не ищи, ты нам не мать.

Приехали мы сюда. Паспорта наши мать забрала. Явился через пару дней пожилой франт, осматривал нас, не скрывая этого, спросил, сколько лет, поморщился и удалился. Так месяц прошел. Мы спрашивали мать, когда документы в учебные заведения повезем. Она все оттягивала. Наступила осень. Мать заявила – хватит сидеть на шее, пора работать, а учить, мол, мне вас не на что. Аньку она пристроила официанткой, а я на заправку пошла.

Потом еще несколько раз какие-то люди приезжали, за стол нас рядом с собой сажали, всякие сальные шутки отпускали. – Лена

вдруг заплакала.

- Девочка, не надо рассказывать, если не можешь.

- Нет, надо! Я, может, вовсе никогда об этом не скажу. Кто меня слушать будет? Все равно не поверят. Мать всю нашу зарплату себе забирает. Она нас привезла, чтобы сутенеру отдать. За границу собиралась отправить. Ей деньги большие обещали. Она связалась с тем сутенером и обмолвилась ему о дочерях, которые где-то в детдоме воспитывались. Он потребовал съездить за ними и разыскать. Оказалось – старые мы уже, нужны девочки 15-16 лет, а то и моложе. Нам в то время было 19 и 17. Правильно говорят – от добра добра не ищут.

- А ты пробовала написать маме или как-то связаться с ней?

Лена покачала головой и продолжала.

- Здесь мы, как в тюрьме. Писали маме письма, но ждали ответа напрасно. Потом девчонка одна, которая вместе с Аней работает, сказала, что у матери все «схвачено», она за каждое депешу на имя Лены или Ани, почтальону деньги платит. Мама всегда говорила – в любой ситуации надо оставаться человеком и быть выше обстоятельств. Если бы она узнала, кем мы стали, разговаривать бы отказалась. Мало того, что мать обеих просто подложила под своих любовников, она шантажирует нас постоянно. Материт в открытую, давая всем понять, что мы - бездельницы, ничего не делаем, а только все пропиваем и проедаем. Научились здесь всему, от чего нас постоянно оберегала мама. Я-то постарше, вырвалась от старого козла, убежала. А Анька? В ней родительские гены заиграли.

Куда идти? Без документов, без профессии? Мать постоянно дает понять, что из-за нас она сидит без денег. Правильно, проигрывается все время, видно, старая стала. Вот так и нас проиграла.

На другой день к Нине, запыхавшись, заскочила Аня. Она без предисловий попросила подтвердить все, о чем рассказала ей Лена. Обычно вызывающе-вульгарная дома, она казалась в тот момент такой кроткой и непривычно спокойной.

- Вы переписываетесь? – спросила Аня после рассказа.

- Нет, – соврала Нина. – Она понимала – нельзя раскрывать все карты сразу, иначе они насторожатся и замкнутся. – Я и адреса ее

не знаю, как замуж вышла, приехала сюда. Почему вы не сходите в милицию и не расскажете все? – спросила она Аню.

- Господи, о чем Вы говорите? (она грязно выругалась). Извините. Здесь же не только сказать, подумать ни о чем нельзя – каждый будет знать. А поехать нам не на что. Мать постоянно шмон в наших вещах наводит, не да бог, лишний зайчик появится в кармане.

- Может быть, я могу чем-то помочь?

- Я дам Вам адрес. Мама в Оханске живет Пермской области. Вдруг она захочет к Вам в гости приехать?

Аня не могла, а возможно не хотела, высказать до конца свои мысли. Чувствовалось – она жалеет о случившемся. Нине понравилось, как уважительно девочки вспоминали о Светлане, называя ее мамой, а Галину – с пренебрежительной ноткой в голосе - матерью. Нина попросила написать маме письмо, а она его отправит по адресу.

Перед отъездом к ней, крадучись, мать в это время была дома, зашла Лена. Положила перед ней несколько исписанных листков.

- Скоро у мамы день рождения. Отправьте, пожалуйста, на радио. Наверное, ей будет приятно, а, может, и нет.

Она торопливо вышла из комнаты.

* * *

Вечером, за чаем, Светлана рассказала матери и няне, что получила привет от дочерей. Старушки обрадовались и высказали предположение о скором возвращении их домой. Только Светлана знала, каким долгим будет этот путь.

Потом она получила подробное письмо от подруги. Когда все дома улеглись, села писать ответ, а подумав, решила обратиться к самому Лукашенко с просьбой помочь дочерям вернуться в Россию. По почте вряд ли до него дойдет, поэтому снова решила действовать через Нину.

У нее появилась надежда. А вот готовы ли дочки начать жизнь с чистого листа? «Только бы не очерствели их души, - молила Светлана, лежа без сна в постели, - только бы из-за нескольких подлецов не думали плохо обо всех».

Гришкина находка

Прошла неделя, началась другая, Николай не возвращался, хотя обещал приехать через три дня. Татьяна вся извелась. Какое-то недоброе чувство копошилось в душе. Ревность? Нет, она была более чем уверена в Николае. Если уж до сей поры не женился, а ему вот-вот 44 годика стукнет, так что тут говорить? Она взглянула на фотографию, Николай задумчиво смотрел куда-то вдаль. Сбежал от нее? Зачем? Сказал бы все сразу, и она бы поняла. Сцен, точно бы, не закатывала.

Татьяна была в том возрасте, когда уже не думают о семейной жизни. Дурнушкой она не была, но и красавицей не назовешь. Красиво сложенная фигура, длинные ноги и легкая походка заставляли обращать на себя внимание, а общительный характер позволял ей быть зачастую душой компании. На молодых людей девушка внимания особо не обращала. Ей все казались не те. Окружающие поговаривали, вот, мол, роется, сама не знает, чего хочет. А Татьяна ничего не хотела, потому что в ее сердце гвоздем

сидела первая любовь, которую она не смогла уберечь.

Хоть они сидели за одной партой с Сергеем, но первый их «взрослый» разговор состоялся на выпускном вечере. Потом они до утра бродили по ночным улицам, вроде бы, с одноклассниками вместе, но им казалось – вдвоем. Недолгой их любовь оказалась. Окрутила Сергея в городе другая девчонка, бойкая да удачливая, а Таня узнала об этом от своей подруги. Так и осталась одна. Всех, кто встречался, она невольно сравнивала с тем, и сравнение было явно не в их пользу.

Говорят, стерпится – слюбится, но Тане это не подходило. Несколько раз складывалось так, что вот-вот быть свадьбе, но в последний момент дело разлаживалось, все нутро противилось этому. Не могла она представить рядом другого человека.

«Старое» знакомство

В один из зимних дней ее остановил на улице мужчина небольшого роста и поздоровался. Она машинально ответила на приветствие и собиралась идти дальше, но что-то знакомое мелькнуло во взгляде.

- Кто Вы?

- Мы учились вместе. Помнишь? Я – Николай Копытов, ну, Рыжик.

- Рыжик? – в это невозможно было поверить, потому что из-под шапки торчали совершенно белые волосы, да и выглядел он намного старше своих лет.

- Это теперь я стал блондином без покраски, - он смущенно начал натягивать на уши шапку, закрывая седину.

Слово за слово, разговорились. На следующий день встретились снова. С Николаем Таня училась в шестом классе. Он жил в деревне и почти каждый день ходил туда и обратно пешком, и только в ненастные или морозные дни оставался в школьном интернате. Его обзывали Рыжиком или Конопатым, но мальчишка был очень трудолюбивым и скромным. Их класс через два года расформировали, Коля ушел из школы, и больше Татьяна о нем никогда и не слышала. Да мало ли на свете ребят, которые с ней учились?

- А как сложилась твоя жизнь? – спросила она его на другой день.

- Можно сказать – не сложилась, - ответил бывший одноклассник.

Николай не скрыл от нее, что сидел в тюрьме, и не раз. Татьяна, в свою очередь, отметила про себя – не похож он на бывшего заключенного. Тех, кто сидел, она безошибочно могла узнать в толпе, потому что несколько лет ей пришлось поработать с такими.

Николай, как она запомнила, никогда не мог постоять за себя. Обычно отмалчивался, когда его ругали, и улыбался. Поэтому ничего удивительного, что его все подставляли. Он рассказал Татьяне, как впервые, когда учился в профтехучилище, попал в тюрьму.

Компания городских ребят залезла в кабинет к директору. Николай в тот вечер начал готовиться к занятиям и обнаружил, что нет конспекта, остался в кабинете физики.

Он пришел в училище, упросил дежурную впустить его на пять минут. Директорский кабинет был почему-то открыт, но он пробежал мимо. Вставил ключ в скважину, но дверь оказалась не запертой. Он, ничего не заподозрив, взял в своем столе тетрадь и закрыл дверь на ключ. Проходя мимо директорской, заглянул и туда – никого. Прошел к столу, его обдало свежим ветром. «Наверное, уборщица забыла», - подумал он и полез, чтобы закрыть окно. В это время появилась дежурная.

- Ах ты, стервец! - закричала она. – Просился за тетрадкой, а сам к директору полез? А я-то думаю – чего это ты так долго шастаешь?

Не мог доказать Копытов свою невиновность, пальчики-то его повсюду остались. Да и дежурная никого не видела кроме Николая. У директора тогда большая сумма денег пропала из ящика стола. Долго не разбирались, дали три года. Вначале в детской колонии был, после 18 лет перевели во взрослую. В армию не взяли, хотя об этом Николай мечтал с детства. А дальше пошло. Что и где бы ни случилось, все подозрения на него. Себя защищать он так и не научился, оставался скромным и неразговорчивым. На него нажимали, и он с очередной раз оказывался виноватым.

Во время последнего срока, когда его перевели уже в колонию поселения, он решил больше не искать лучшие места и остаться в лесном поселке. Относились к нему хорошо, зарабатывал неплохо, не надо было доказывать никому, кто ты есть на самом деле.

Неужели это любовь?

Известие о смерти матери шокировало Николая. Его мучили угрызения совести. Что хорошего он сделал для нее? А ведь она видела в нем свою опору в старости. Была у него мысль – перевезти ее в поселок, но так и не собрался. В Оханске оставался еще младший брат, Григорий. Но несерьезным оказался. Ни на одном месте долго не задерживался. Трижды женился, но легко расставался со всеми. Детей не нажил.

Николай приехал на похороны. Все сделали, как мать наказывала, даже в церковь сходили. На третий день братья расстались. Договорились встречаться чаще, все же вдвоем из семьи остались. У Гришки была новая жена, Тамара. С ней он расписался, как положено, она в декрет собиралась.

В феврале у Гришки день рождения, Николай приехал к нему. Тамара отправила братьев в магазин, вот тогда и произошла встреча с Таней. Николай понял, что увяз по уши. Он давно уже ни в кого не влюблялся – возраст не позволял, а вот тут... Он уговорил бывшую одноклассницу сходить до брата, скромно отметить его «круглую дату», хотя, говорят, 40 лет не отмечают. Они посидели все вместе, попили чаю. Надо отдать должное братьям – они не были любителями спиртного, все в меру.

Две недели, Николай и Таня встречались ежедневно. Он пообещал в скором времени перебраться в Оханск, потому что на дом его в поселке уже есть желающие, осталось получить деньги. Он все же уговорил Таню пойти в ЗАГС и подать заявление. Она не очень сильно сопротивлялась, потому что понимала – ничего ей больше не светит, да и надоело отвечать на расспросы. Копытов – человек неплохой, мастеровой, а защитить его она вполне сможет.

Григорий обрадовался такому обороту событий и сказал, что на какое-то время они с Тамарой переедут к теще, пока жена не родит, а «молодые» могут пожить у них, потом для себя домик приглядят.

После подачи заявления Татьяна с Николаем отправились к Григорию, но того дома не оказалось, в двери торчала записка: «Коля, извини, что пришлось спешно уехать, но теща заболела,

мы с недельку поживем у нее, пока она в себя не придет. Деньги, если нужны, знаешь, где лежат, еда в холодильнике. Гриша». Вот так нежданно-негаданно они остались одни.

Утром Николай сказал, что к понедельнику ему надо быть в поселке. Вечером Татьяна проводила его на автобус. Они договорились, что к следующей пятнице он вернется уже навсегда.

Пропаж

После двух недель ожидания Таня пошла к Григорию. Дома была одна Тамара. Пока женщины разговаривали, вернулся Гриша. Он возмутился, что «молодежь» к нему даже не заглядывает. Тогда Таня и сказала, что жених обещал вернуться, а самого нет и нет, попросила узнать, почему от Николая ни слуху, ни духу. Брат обещал на другой же день связаться с поселком.

Известие от Гриши не успокоило ее. Оказывается, деньги за дом Николай получил, из поселка ушел. Надо было заявлять в милицию о пропаже человека. Наступил день, когда должна была состояться их регистрация, но Коля так и не появился, из милиции ничего утешительного тоже не поступало. Наплевать бы Татьяне на все, да жить, как прежде, но не испытанная ранее жалость к человеку не давала ей покоя. Да, она пожалела его и поддалась на уговоры, может, не надо было этого делать?

Вскоре у Гриши и Тамары родился сын Николка. У них была своя жизнь, связанная с заботой о малыше, и Татьяне не хотелось нарушать их приятные житейские хлопоты. И все же пришлось. Она попросила у Гриши адрес того самого поселка, где жил Николай. Он подозрительно посмотрел на нее.

- Уж не туда ли ты собралась? Тебе, что, жизнь надоела?
- Но там ведь тоже люди живут, поймут, наверное, - ответила Таня.
- Да там каждый второй или бывший заключенный, или на поселении.
- Но Коля тоже бывший заключенный, однако человек хороший.
- Таких, как мой брат – один на десять тысяч. Знаешь что? Следующая вахта у меня пройдет, и я сразу оттуда поеду в поселок. Вдруг что-то накопаю, а ты не вздумай.
- Гриша, если он живет с кем-то, я не обижусь. Что случилось -

то случилось, просто скажи мне и все, - попросила она.

- Такого не может быть, - прервал ее Григорий. - Он у нас обновлюб, весь в мать, не то, что я. В общем, жди. Приеду – дам знать.

Григорий появился в поселке уже в сумерках. Гостиницы, конечно, там не было, на улице не лето, майские ночи холодные. Тогда он направился прямо туда, где жил когда-то брат. Дом ему показал какой-то блаженненький мужичок.

Постучал. Дверь открыла старушка в ярко-зеленом платке. Он сказал, кто он и зачем приехал.

- Но мы все, что знали, рассказали участковому, - ответила старушка.

- Можно, я у вас переночую, и Вы снова расскажете об этом, а утром я начну поиск?

Рассказ старушки

- С Николаем мы знакомы давненько. У нас здесь сын отбывает наказание, а Николай у него бригадиром был. Когда мы приезжали проведать сына, останавливались у Николая, он сам предложил. О себе нам рассказал. Мы и не думали, что он из бывших осужденных. Хороший, добрый человек. Только вот бессемейный был, а детей любил, мы видели, как он с детишками из соседнего дома занимался. Они же за ним так и ходили по поселку.

Накануне Нового года приехали мы к сыну, вот тогда Николай нам и сказал, что хочет в родные места перебраться. А мы со стариком давно думали, что не стоит сыну домой возвращаться, опять друзья да драки, еще и подставят под монастырь, глядишь, опять преступление. У нас он один. Мы и намекнули:

- Может, запродашь нам домик, мы тут и останемся? Сын освободится, рядом будет. - Николай даже обрадовался такому обороту. Договорились. Документы сделали. А в феврале вместе съездили в райцентр, деньги ему отдали прямо в регистрационной палате, он расписку написал. Свидетель свидетелем, а лучше, когда бумага есть.

Он сбегал куда-то ненадолго, потом хотел сразу на вокзал идти. А погода бурная была в тот день. Он проводил нас до автобуса, да и решил сопроводить до дома, старик-то у меня еле ковыляет – ноги больные, а три километра шагаться пешком – не шутка.

Остался Коля еще здесь ночевать. Ничего из мебели не взял, только кое-какую одежку прихватил, остальное велел выбросить. Утром еще затемно попил чайку и отправился.

Недели две прошло, а к нам участковый пожаловал. Тоже все расспрашивал, что да как. Я ему это же и рассказала. Куда запропал человек? Лучше бы он уж сюда не возвращался. Пока до дома шли, так ему знакомые навстречу попадались, и он всем говорил, радостно так, мол, уезжаю к жене, и деньги за дом уже получил, и с книжки снял. Я еще ему замечание сделала: «Зачем об этом на каждом углу кричать, лихие люди везде есть, а здесь особенно». Так он только засмеялся.

Брат нашелся

Григорий почти не спал. Он вставал, ходил по комнате и думал. Хозяину тоже, видимо, не спалось. Он ворочался с боку на бок и кряхтел. Утром Григорий решил обойти окрестности поселка, поговорить с людьми. О Николае все хорошо отзывались, жалели его. Один из бригадиров сказал, что если бы Николай шел по главной дороге, все равно что-то бы обнаружилось. Да и то, если от поворота дальше на попутке ехал, да там его «грохнули», так труп могли выбросить за много километров отсюда.

- А что, здесь есть другая дорога до тракта? – спросил Григорий.

- Есть. Прямо через лес. Она короче. Но вряд ли он там шел, ведь пурга была накануне.

Григорий решил пройти тем же путем. Он шел по еще хлюпающей тропе, поглядывая по сторонам. В северных районах снег сходит позднее. Вроде бы ничего подозрительного. Он дошел до автострады и повернул обратно. Разглядывал деревья, слушал птиц, совсем забыв о цели «похода». Невдалеке у кучи валежника за деревьями увидел птенца. Тот скакал на одном месте, припадая на лапку. Григорий тихо подобрался к нему и увидел, что птенец запутался в каких-то то ли нитках, то ли проводках. Он осторожно выпутал лапку «пленного», и птичка, издав торжествующий звук, вырвалась из рук.

И тут ему на глаза попал знакомый кусок ткани. Такой галстук был у брата. Сердце взволнованно забилося. Сдерживая волне-

ние, он взял палку и осторожно начал разгребать кучу. Из-под железной арматуры торчала рука. Григорий приподнял валежник, прикрывающий арматуру, и отшатнулся. Он узнал лицо брата, хоть оно и было обезображено. Одежда еще не успела истлеть, снег только-только сошел. Рядом валялся галстук, чуть поодаль – разбитые ручные часы.

- Вот где ты нашел смерть свою, Коля, - удрученно вымолвил Григорий. – Теперь тебя хоть в могилку можно положить, а то, как собака... И надо было тебе возвращаться в этот проклятый поселок? Правильно говорят – где суждено умереть, так сам туда придешь.

Он завалил тело брата валежником и вернулся в поселок. Сообщил о находке, и вскоре на место прибыли люди из прокуратуры и криминалист. Труп отправили в район, а Григория попросили на несколько дней задержаться до выяснения обстоятельств. Вечером пришел участковый и сказал, что Николая убил кто-то из своих, скорей всего, хотели ограбить. На теле обнаружено несколько ножевых ранений и следы удушья.

Кто убийца?

Похоронили брата на поселковом погосте. В прокуратуре сообщили, что на книжке у него большая сумма денег. Последние, кстати, он положил как раз за день до своей гибели.

- Вот куда он бегал из регистрационной палаты, - подумал Григорий. – Выходит, денег при нем не было, зря человека жизни лишили.

Наутро после похорон поползли по поселку слухи, что блажененький мужичок виновен в гибели бригадира. Не так он прост, как кажется на первый взгляд.

Григорий направился к нему поговорить. Мужичок улыбался, истово кланялся, но глаза его оставались настороженными. Григорий, может, не заметил бы этого сам, но сын стариков, заходивший к ним накануне, попросил обратить внимание на этот факт.

- Он только приставляется дуриком, - сказал он. – Посмотри, какие у него жилистые руки. Он и сидел по убийственной статье, на нем не один труп, даже здесь дел наворочал, да доказать не могут, считают его вроде, как умом тронутым. Умный, гад, следов не оставляет. И заметь – улыбается, а глаза бегают туда-сюда, взгляд напря-

женный, словно ждет чего-то.

Мужичка Григорий увидел возле магазина. Он жестом пригласил его сесть рядом на ступеньку.

- Как хоть тебя звать, блаженный? - спросил он, угощая мужичка сигаретой.

- Так Митькой завсегда кличут.

- Ты здесь всех знаешь?

- А как же? – он открыто посмотрел на Григория, и в его взгляде промелькнуло что-то звериное.

- Не слышал, кто брата моего зарехнул?

- Чужой, должно быть, не наш, своих все знаем, - Митька засуетился вдруг и пошел, закатывая глаза.

- Ну, придурок придурком, - подумал про себя Григорий, - не знаешь, как с ним и разговаривать.

Так и уехал Гриша ни с чем. Через полгода вернулся, чтобы получить деньги с книжки брата, но перед этим заглянул к старикам в поселок. Те обрадовались неожиданному гостю и поспешили сообщить главную новость – нашелся убийца Николая. Им действительно оказался Митька, тот самый блаженненький мужичок. А прокололся он на следующей жертве. Видно, сил не хватило добить или решил, что все кончено, достал из сумки деньги, оттащил тело подальше, да и был таков. А жертвой оказалась учительница, которая ездила в район за зарплатой. Живучей оказалась женщина. Очухалась и застонала. Мимо как раз проезжал на велосипеде ее ученик. Увидел учительницу в беспамятстве и быстро метнулся к участковому. Женщину сразу отвезли в больницу. Как только она пришла в себя, сразу сказала, кто на нее напал. Митька не успел спрятаться, его арестовали прямо в постели. Нашли перчатки, одежду, собачью шапку, обувь, - все, в чем ходил «на дело» преступник, нож лежал там же. Судом закончилась эта история со страшной находкой. Виновный получил по заслугам.

Гриша с Тamarой и маленьким Николкой живут в том же доме. Татьяна так осталась одна и искренне жалеет Николая, который хорошей жизни так и не увидел.

Западня

Он лежал один в палате, безучастный ко всему, тупо уставившись в потолок. Ему не было больно физически, боль жила где-то внутри его. Она просилась наружу, но не находила выхода.

- Выпусти ты меня, - будто стонала она, и от этого тяжесть на душе становилась во сто крат сильнее. Когда стало совсем невозможно, он бросился к окну, судорожно пытаясь его открыть, но створка не поддавалась.

- А вот и наш новичок, - услышал он за спиной. В палату вошла группа врачей, и среди них уже знакомый ему Петр Васильевич. Именно он обнаружил Виктора на улице и вызвал «скорую помощь». Правда, машина привезла его не домой, а в это заведение, где всюду решетки.

Петр Васильевич, не спеша, подошел к парню, как бы ненароком прикрыл первую створку.

- Не дури, - тихо сказал он, при этом улыбка не сходила с его лица. – Это всегда успеется.

Борис вернулся к своей кровати. Лег и отвернулся к стене.

- Вот и заходи в гости! – воскликнул врач, - мы поговорить хотим, а он отворачивается. А ребят, что со мной, не бойся. Это будущие врачи.

Парень нехотя сел на кровати, опустил голову. Он даже не мог сказать, стыдно ему или нет. Он все делал механически. Отвечая на вопросы, ощущал в голове какой-то ступор, не дающий вспомнить что-то важное, это его начинало злить. Страстно чего-то хотелось, и опять он даже себе не мог сказать, чего. С одной стороны, он не желал видеть людей, с другой – боялся остаться один.

- Не скучно тебе одному? – спросил Петр Васильевич, словно подслушав мысли парня, после того как выпроводил студентов из палаты. – Поговорить со мной не хочешь?

- Я все забыл и мало что помню, - ответил больной. Он судорожно искал слова.

- Не мучайся, - доброжелательно сказал врач, - тебе ввели столько препаратов, чтобы твоя нервная система успокоилась, а

ты ее надрываешь без толку. Если вспомнишь, как тебя зовут, это, на сегодняшний день, будет твоей победой.

- А вдруг я не вспомню никогда? – с волнением в голосе произнес парень.

- Вспомнишь, куда ты денешься. И все, что случилось с тобой, вспомнишь. А теперь спать надо. Много спать, чтобы восстановиться.

Врач уверенной походкой направился к выходу. После разговора стало чуть полегче. Страха в душе уже не было. Парень лег на спину. Память выхватывала ничего не значащие эпизоды, которые не хотели складываться в одну картину.

ДЕТСТВО. Мальчишка в окружении мамы и папы. Его любят, его балуют. Вот школа в небольшом уральском городке, здесь мальчик учится. Учительница хвалит его за усердие, за дисциплинированность.

А это новая картинка. Он с друзьями в стороне от взрослых раскуривает первую в жизни сигарету. Она - одна на всех. Звонок на урок. Опаздывать нельзя, а ноги, как нарочно, идти не хотят, в голове туман. Мальчик медленно сползает по стенке. Друзья растерялись, топчутся и не знают, что делать, потом, словно стайка воробьев, срываются с места.

Перед мальчиком стоит школьный сторож.

- Эко тебя, дружище, понесло, - добродушно произносит он. – Разве можно в первый раз, да еще натошак, да и торопиться в этом деле ни к чему, организм-то не железный, не сразу ко всему привыкает, - он наговаривал, а сам в это время помогал подняться мальчишке, которого вправду мутило, во рту стояла горечь.

Сторож привел его в комнатку под лестницей, положил мальчика на диванчик и начал отпаивать его чаем. Сам нисколько не молчал.

- Ну, что, табакур, полегчало? А то иди, еще раз попробуй, сейчас перемена будет, так и быть подберу тебя потом.

От этих слов мальчику действительно стало стыдно. Впервые в жизни он пропустил урок без уважительной причины. Что скажет учитель математики, который очень рассчитывает на него?

Ноги были еще ватными, он медленно направился к двери. В это время в сторожку заскочил его сосед по парте.

- Слабак ты, Борька, - сказал он. – Знаешь, сколько лет я уже курю? Тебе не снилось. Ничего, научишься. Пойдем, покажу, как правильно надо.

- Я те покажу, басурман этакий, - замахнулся на него сторож. - Молоко на губах не обсохло, а туда же – покажу.

- Значит, меня Борькой зовут, - подумал парень. Он вспомнил вдруг, что та, первая сигарета, была не фабричная, какая-то «козья ножка». После того случая он дал себе слово – не брать в рот сигарет. Если бы мальчишка знал, что курил тогда. Он и подумать не мог, как легко оказалось обвести доверчивого отличника. Да, курили они уже тогда травку, смешанную с табаком.

НА ЛУГУ множество васильков, они яркими синими глазами смотрят на мир и чуть покачивают своими головками. Им хорошо среди ржаных колосьев.

На другом конце луга мелькнул красный шарфик, а через минуту появилась и его обладательница, улыбчивая и веселая Иринка.

- Что? Любуешься? – Это первое, что сказала она, - а там ребята собрались, музыку сейчас заведут. Пойдем, потанцуем?

Девушка сильной рукой схватила Борю за запястье.

- Постой, Ирка! Мне поговорить с тобой надо, – он на ходу высвободил руку и остановился, как вкопанный.

- Ну, и скучный ты человек, Борька! Тебе бы только говорить, тоже мне, профессор нашелся! Выкладывай! Что там у тебя? – Девушка находилась в том возрасте, когда все кажется по плечу. У нее не было никаких проблем. Учеба в институте шла хорошо, все окружающие ее любили, у нее не было недругов, ее распахнутая душа раскрывалась навстречу всему доброму.

Бориса Ирина заметила еще на вступительных экзаменах. Умное лицо, открытый взгляд, сдержанность и серьезность – это бросилось в глаза сразу. Сам он сдавал на пятерки, Ирина тоже не отставала от него. Таким образом, оба они стали студентами.

ПАРЕНЬ дергался на кровати, словно она была утыкана шипами, извивался, подскакивал на пружинах. Над ним стоял врач и давал краткие распоряжения медсестре. После укола больной раскрыл глаза. Он хотел спросить, где находится, но, увидев Пе-

тра Васильевича, вспомнил и его лицо, и «скорую», которая привезла его сюда.

- Ну-с, молодой человек, припомнили, как Вас звать? – глаза врача насмешливо глядели из-под очков.

- Боря, Борькой меня звать, - поспешно ответил парень, словно от этого зависела его жизнь. – А где Ирка? Он оглянулся вокруг себя.

- Какая Ирка? – доктор непонимающе глядел на пациента.

- Со мной девушка была, Ирина...

- Вот видите, кое-что уже вспомнили. А фамилию свою не назовете?

Сколько ни напрягал память Борька, фамилию напрочь забыл. Перед ним всплывали то одна, то другая картинка, но фамилия - никак.

- Ладно, Борис, отдыхай! Вспомнишь фамилию, поговорим, - врач удалился так же тихо, как и вошел.

Боря не заметил, насколько громко разговаривали с ним все, потому что в уши ему будто ваты наложили.

Он провалился в сон почти мгновенно после очередного укола. Во сне он жил, думал, совершал какие-то поступки.

НА ТРЕТЬЕМ курсе Борис лишился матери. Надо было закончить учебу. Но как? Стипендии не хватало даже на самое необходимое. Он решил бросить институт и поступить на работу. С ним очень долго разговаривал декан факультета, который считал студента «надеждой науки».

Выручила та же Иринка. Однажды она познакомила Бору со своим братом, Ильей. Он слыл в студенческих кругах «классным фарцовщиком». Илья попросил нового знакомого продать немудреные «шмотки» и заработать проценты. Борька согласился на предложение Ильи. Товар у него быстро разобрали ребята со своего же курса. Тот учебный год парень протянул. Летом он вместе с подружкой устроился к геологам. Заработал достаточно, чтобы спокойно прожить до второго семестра.

В зимние каникулы снова надо было думать о средствах. На кафедре, где он подрабатывал, платили мизер, а ему очень нужна была теплая одежда. Решил попросить в долг у Ильи, у которого всегда деньги были.

- А я ждал, что ты придешь, - сказал тот, видя Бориса в дверях.
- Проходи, угощайся, чем Бог послал.

А Бог и вправду не поскупился. На столе стояли такие деликатесы, которых парень в жизни не видел и даже названий не знал. Нельзя не отдать должное Илье. Он все же был неплохим психологом. Он читал все ощущения парня по лицу, по глазам.

- Хочешь заработать? И у тебя все будет, к этому стремиться нужно. Давай, налегай на еду, потом поговорим, - сказал он и вышел из комнаты, чтобы не смущать студента.

Потом они болтали о том, о сем. Илья догадался, зачем пришел к нему однокурсник сестры. Поэтому после получасового трепа он прямо предложил Борису снова «включиться в игру». Задание было несложным – унести по адресу пару заграничных джинсов и получить за них огромную сумму денег.

Боря летел, как на крыльях. Забежал в подъезд, позвонил в нужную квартиру. Дверь открыл обрюзгший парень.

- Че надо? – спросил он, оглядывая, нет ли кого на лестничной площадке.

- Я от Ильи, - громко сказал Борис, - он просил джинсы передать и деньги взять.

Вдруг он почувствовал, как его сгребли за шиворот и втащили в квартиру. Ничего не понимая, он уставился на парня.

- Ты че, в натуре, дурак что ли? Подставить меня хочешь? Да, знаешь, сколько годочков за эти джинсы дадут? Молокосос.

Борька хотел сказать, что не такой уж он молокосос, но почему-то промолчал.

Парень ушел в комнату, откуда слышались невнятные звуки, там кто-то то ли хохотал, то ли плакал. Через пару минут вышел, вынес деньги.

- В другой раз башкой думай, прежде чем орать, - сказал на прощание и захлопнул дверь.

ТАК КАЖДУЮ неделю Боря носил в ту квартиру то джинсы, то еще какие-то вещи. Это продолжалось года полтора. Однажды летом, когда с группой студентов он должен был ехать на практику, за день до этого, как всегда, взял товар, но не сразу понес его

Бугаю (так все называли парня, которому он все это носил), потому что хотел до обеда оформить документы на группу.

Часа через четыре прибежал домой, схватил пакет, оттуда выпал дорогой костюм. Борис хотел положить его обратно, как вдруг увидел торчащий из кармана пиджака угол полиэтиленового пакета. Он был плоский, чтобы «лег» по карману. В брюках и в другом кармане оказалось то же самое.

Парень все же был современным человеком, телевизор смотрел, поэтому сразу сообразил, что это такое. Побежал к Илье, но того дома не застал. Тогда кинулся к Бугаю. Бугай открыл дверь, пустил гостя. Из комнаты спросили, кого принесло не вовремя.

- Да студент это! Он свой, - крикнул Бугай.

- Это что такое? – зашипел Борис, вытаскивая один из пакетов.

- А ты, когда деньги брал, не спрашивал, почему много даю?

Ну, студент, чистенький мальчик, - заорал Бугай.

На шум из комнаты вышли два парня и девица. Они подхватили Борьку, и сколько он не сопротивлялся, потащили его вглубь квартиры.

ЕГО НЕ БИЛИ. Просто загнули рукав и ввели наркотик, естественно, чуть больше, чем следовало. Борька, как провалился. Что он делал, не знает, что говорил, не помнит.

Проснулся рано. Голова тяжелая. Вспомнил – сегодня выезжать на практику. Он поднялся, не было никаких сил идти.

- Ну, как, студент? Дыхание не сбил? – услышал он с соседней кровати, - а то, может, еще ширнешься?

- Мне идти надо, - буркнул Борис.

- Запомни, - предупредил Бугай. – Скажешь кому, лучше тебе не будет. Да, ты мне теперь должен. За дозу. Что же я тебе бесплатно ее вколочу?

Все нутро парня сопротивлялось, а сказать не было сил. Он опять бессильно опустился на лежанку.

- Слабак ты, Борька, - сказал ему Бугай точно так же, как одноклассник когда-то после первой сигареты. – Давай добавлю чуток, побежишь, как свеженький. Лешка не мог сопротивляться. Через минуту взгляд его стал совсем другим. Он почувствовал, что силы вернулись к нему.

На вокзал он пришел вовремя. Группа была вся в сборе. Быстро загрузились, «оккупировали» места на верхних полках. Девушкам уступили нижние полки.

Борис лежал и думал, что ему делать, ведь Бугай назвал такую сумму за «отход от дел», какую ему за все лето не заработать. Он сознавал – проценты ему давали действительно очень большие, и он не спрашивал, почему так много. Кое-что скопил, но этого мало. Решил поговорить с Ириной, от этого стало легче.

РАЗГОВОР облегчения не принес. Ирина свысока взглянула на Бориса.

- Ты же сам попал в эти сети, - произнесла она, - я тебя туда не толкала.

- Но и не предупредила, - возразил он.

- Ты разве ребенок и не понимаешь, на таких дураках, как ты, деньги кто-то делает. У тебя их нет, так хотели такого несмышляныша курьером сделать, да ершистым ты оказался, а это не поощряется.

- Значит, и ты в этом участвуешь?

- А как же? Я – сестра своего брата. Люблю красиво одеваться, жить красиво люблю, а предки на это денег не дают.

- Значит, ты наркоманка?

Она презрительно взглянула на него и, подняв высоко голову, удалилась.

Больше они об этом не говорили за два месяца ни разу. И только в последний день перед возвращением домой он начал, было, уговаривать ее сходить с ним в милицию и все рассказать, чтобы разоблачить распространителей губительного зелья.

- Боренька, - сказала Ирина ласково, - тебе ведь тоже светит срок. Не вздумай шастать в присутственные места, а то загремишь по полной.

- Ирка, - взмолился Боря. – Да я же люблю тебя. Как нам жить дальше?

- Надо же! Объяснился. А я так мечтала о бессребренике.

У поезда их уже ждали Илья и еще два паренька.

ТАК И НЕ смог Борис выпутаться из сетей. Вначале ему силой

вкаливали наркотик, а позднее он сам просил дозу, утопая в долгах, как в трясине.

Получив диплом, он отказался от предложения преподавателей продолжить учебу в аспирантуре. Ему казалось – он теперь свободный человек и может уехать к бабушке, начав там новую жизнь, да и помочь старому человеку считал своим долгом.

Не тут-то было. Ему словно воздух перекрыли. Он стал «своякой», мальчиком на побегушках. Ни о какой женитьбе он уже не думал. С одурманенной вечно головой ему все равно было, какая девушка с ним рядом. Он свои удовольствия получал.

Однажды он не пришел в нужное время в нужное место. За ним тут же приехали, погрузили в машину, как мешок, и привезли к Илье. Тот его отчитал, и сказал, что такой не обязательный человек, как он, не может быть мужем его сестры. Как ни странно, это сработало, хотя отношения его с Ириной становились более чем прохладные с ее стороны.

ИХ ПОСЛЕДНИЙ разговор состоялся в квартире того же Бугая. Он пришел туда, как обычно. Дверь ему открыла Ира, чему он очень удивился. Он думал, что девушка не «при делах».

- Поговорим? – спросила она просто и повела его в комнату.

- Как ты тут оказалась? – Борька недоуменно уставился на Ирину.

- Нет у нас времени, - оборвала она его. – Боренька, милый, беги отсюда, пока не поздно. Ты умный, добрый, не лезь в эту грязь. Я ведь тоже ничего не знала, любила тебя по-настоящему, но мне перебили охоту.

- Давай уедем вместе, - парень с мольбой сложил руки у подбородка. – Без тебя я не поеду.

- Поздно, понимаешь, поздно. Я уже не человек, ВИЧ заработала. Этого еще никто не знает, кроме Илюшки. Он думает, что это ты мне его занес.

- И кто тебя посадил на наркотики? Брат?

- Нет. Это было давно, речь сейчас не обо мне. Прощу тебя. Уходи.

Договорить они не успели. Услышали скрип открываемой двери. В комнату ворвался взбешенный Илья. Он без предисловий

подскочил к Борьке и ударил его так сильно, что парень не устоял на ногах и упал, ударившись головой об стол.

- Что, голубки, наворковались? – бросил он сестре в лицо. - Ты свое получила? Сама захотела! С ним таскалась? Говори, стерва! Я же обещал отцу сберечь тебя и человеком сделать. А ты...

Он бессильно опустил на диван.

- Теперь уже ничего не вернешь, - сквозь слезы произнесла Ирина. – Я, выходит, во всем виновата. Ты на себя хоть раз посмотрел со стороны? Ходишь, как туз, как хозяин жизни. Думаешь, если деньги есть, так тебе все можно? Зачем нужно мне было учиться на пятерки, чтобы прийти вот к такому концу? Борька ни в чем не виноват. Он парень честный. Это ты его затянул...

Договорить она не успела.

- Тварь! – заорал Илья и, бросившись на сестру, наотмашь ударил ее и сбил с ног. – Сдохнешь ведь в пьяном угаре и не соскочишь никогда. Слышишь? Никогда! – Он взял шприц, наполнил его и подошел к ней.

Ирина закричала и забилась в угол. Боря очнулся, схватил Илью за ногу и дернул. Тот от неожиданности не удержался на ногах и свалился рядом. Они вдвоем катались по полу и рычали, как тигры, а Ирка визжала. Илья был намного сильнее, поэтому после очередного удара «вырубил противника».

Бугай с двумя амбалами подоспели вовремя. Илья уже успел вести Борису наркотик, и сестре тоже.

- Этого, - он показал на Бориса, - пакуйте. Он не жилец. Слюнтяй. А Ирку домой забросьте. Пусть мать с ней разбирается.

ДВЕ НЕДЕЛИ прошло, прежде чем наркоман вспомнил все. До того момента, как оказался на улице. Рассказал это доктору.

- Похоже, он вколол тебе «ударную дозу» в расчете на то, что организм твой не выдержит, - задумчиво произнес Петр Васильевич.

- И что мне теперь делать? – спросил Лешка.

- Идти в милицию. Если боишься, лучший выход - уезжать отсюда и забыть все, как самый страшный сон. Они ведь уверены, что ты уже на том свете. Но вначале надо курс лечения пройти. Остальное зависит от тебя самого. Уже дойдя до двери, оглянулся

и сказал, что несколько дней назад в больницу привезли девушку. Он предположил, что это и есть Ирина. Кроме наркотической ломки, у нее еще и синдром психоза – она перерезала себе вены.

- Вам лучше не видаться, - добавил он. – Ее не спасешь, а сам попадешься. - И вышел.

ЗДЕСЬ, в Оханске, Борис живет тише воды, ниже травы. Он женился год назад. У женщины двое детей. Отношения в семье очень честные. Он рассказал ей о своих злоключениях.

- Тянет тебя на наркотики? – спросила я его, прощаясь с этой дружной семейкой.

- Да как сказать? Вначале тяжело было, а теперь... Это пройденный этап. Иначе, зачем это все я Вам рассказывал? Хотелось скинуть этот груз с себя, как грязную одежду.

- А, бывая в Перми, не видел никого из бывших «друзей»?

Он помолчал, раздумывая, потом нахмурился.

- Не пришлось. А вот Иркину мать увидел однажды. Я не подошел, просто проследил за ней. Она вошла в то самое заведение, куда я не хочу возвращаться. Пробовал через регистратуру узнать, там ли Ирина, но мне не сказали, хоть я и назвался братом. Все равно, я, похоже, доверчивый лопух. Она, наверное, от меня защиты ждала, а я даже не мог подумать, что Илья родную сестру доведет до такого.

Мы расстались друзьями. Я пообещала, что не буду называть его настоящего имени.

2008

Встретились два одиночества

Дождь лил как из ведра, а возле небольшого холмика сидел сгорбленный человек и качался из стороны в сторону, словно его кто-то толкал. Ему хотелось завывать по-собачьи, истошно и громко, чтобы все содрогнулось. Он потерял настоящего друга, который не сравнится ни с одним из всех его знакомых. Таких верных существ среди людей он не встречал.

Кто он, новый хозяин?

Владимир Иванович Бояршинов смолоду числился пьяницей. Если посчитать, сколько суток он за свою жизнь отсидел в катажке, цифра получится внушительная. Он, вроде, не дебошир, понапрасну кулаками не махал, а попадал в милицию. Орал сильно, разгоняя своим голосом и собутыльников, и прохожих. Вот за это и расплачивался. Нет, обиды на милиционеров он не держал.

- Слушай, Бояршинов, шел бы ты в культуру, - предложил ему однажды один из милиционеров. - С твоим голосом только Деда Мороза играть, хоть какая-то польза. А так орешь на улице без толку.

- Кто меня в Морозы возьмет с шестью-то классами? Дурак дураком рос, так и не выучился. Зато на работу я падкий, - почти криком возразил он в ответ.

- Я это учту, - пообещал милиционер, отправляя «арестанта» в камеру.

И учел. С тех пор, как ни попадет Владимир Иванович в оче-

редной раз, так работа для него всегда найдется. Он и не отлынивал. Редкий суточник трудился так рьяно, как он. Для него такие краткосрочные отсидки были вроде курорта. И организм в эти дни отдыхал от спиртного, и собутыльники не надоедали. Но однажды кончился для него «курорт».

- Все, друг, иные действуют законы. Не сажаем мы теперь ни на сутки, ни на 15, - заявил знакомый милиционер. – За ночлег платить придется, вот так. Не попадай больше, а то без штанов останешься.

Сказал и ушел. А бедный пьяница остался посреди улицы с раскрытым ртом. Как же он теперь? И в милиции сидеть за свои кровные? Что за порядки? Хоть заорись, никто внимания не обратит. Вот влип!

В честь такого «горя» позвал Митяя, забрели они в лавку, купили «горючего» - и в сквер.

- Либо че, так мы тут просто отдыхаем, - предложил Митяй, - а то загребут, и поминай, как звали.

- Да куда тебя не загребут, - оборвал его Бояршинов. – Теперь вообще на нашего брата внимания обращать не будут.

Пес

Напротив, возле перевернутой урны, сидел облезлый, с тусклой свалывшейся шерстью пес. Мужики вначале его не заметили, пока Митяй не развернул кусочек сала и не выложил его на скамейку. Вкусный запах притягивал пса, и он подошел чуть поближе, чтобы насладиться хотя бы ароматом, который помнил с раннего детства. Его бывший хозяин держал свиней, и четверем собакам, живущим во дворе дома, тоже кое-что перепадало.

Пес нетерпеливо заперебирал лапами. У него даже внутри что-то заныло, так захотелось есть. Подвинулся еще поближе и еще. Кусочек сала был маленький и быстро исчезал, но рядом лежал еще хлеб.

Владимир Иванович, поднимая стакан, вдруг почувствовал чей-то взгляд. Оглянулся, вроде, никого. Но странное чувство не проходило. И тогда его глаза случайно встретились с глазами го-

лодного пса. Он даже выпить не смог: настолько пронзителен был этот взгляд.

- А ну, пойдй сюда, - сказал он псу.

Когда собака подошла, отломил кусок хлеба, положил на него остаток сала и протянул ей.

- Да ты че, Иваныч? Ведь последнее сало псу драному отдал. Чем закусывать будем? – у Митяя даже нос задергался от возмущения. – Это ж надо, псину прикармливает, а человек без закуси остался.

- Не ворчи, Митяй, я ему свою долю благословил, а ты свою уже съел, так что успокойся, - Владимир Иванович опрокинул содержимое стакана в рот и замер. Собака смотрела на него с явным осуждением.

Когда бутылка опустела, друзья разошлись. Не брал Владимира Ивановича хмель в тот день. Состояние его было под стать погоде: неопределенным, тоскливым. Он даже не знал, чего бы хотел.

На перекрестке заметил, что пес следует за ним в отдалении. Это показалось странным, обычно он не обращал внимания на животных, живут себе и живут, ему-то до них никакого дела.

Выбор

Собака, не подходя близко, тоже остановилась и с любопытством смотрела на человека, угостившего ее. Она сочла своим долгом проводить его до дома. Это был умный пес, не смотря на свою беспородность. А на улице он оказался по дурости хозяина, который однажды напился и начал разгон. То ли в душу ему кто наплевал, то ли в делах нелады получились, но попало всем домочадцам, и животным в том числе. Пес был еще молодой, жил без имени, как и все другие собаки во дворе. Охранял дом честно, хозяину был предан. И вот на тебе! Ни за что, ни про что оказался за воротами.

У каждого животного свой характер. Этот обиделся и не вернулся, летом и под кустом можно ночевать, зато цепи нет. Он потом из любопытства подходил к своему бывшему дому, заглядывал в зазор между досками забора. Ничего не изменилось, только возле его будки прыгал черный, как смоль, щенок – его замена.

Пути назад были отрезаны. А человек, который был хозяином нескольких собак, не знал, наверное, их в «лицо», во всяком случае, при встрече даже глазом не моргнул.

К осени стало холодно в траве, и еду не всегда удавалось раздобыть, но свобода – дороже. Пес мечтал о добром хозяине, которого он бы охранял и спасал, если нужно. Он наблюдал за людьми со стороны и выбирал. И, наконец, выбрал. Да, человек этот явно был пьяницей, но душа у него беззащитная, уж кто-кто, а животные это понимают.

Душа в душу

Владимир Иванович дошел до дома, который и домом трудно было назвать. Так, развалюха, но крыша крепкая, добротная, одним словом, жить еще можно. Супруга от Бояршинова давно ушла, больше он и не женился. А вот руки - золотые, мог и печь сложить, и по столярному делу соображал, одна беда – выпивать любил, поэтому долго нигде не задерживался.

В полночь Владимир Иванович вышел покурить во двор и почувствовал там какое-то движение. Вернулся, взял фонарик. За покосившейся калиткой, свернувшись калачиком, лежал тот самый пес, который преследовал его от сквера.

- Вот ведь жулик, а? Приплелся-таки за мной, - проворчал он, зябко поеживаясь. – Что, не климатно ночами? Если взять тебя к себе, так с голодудохнешь, зато будет с кем словом перебраться. Как же назвать тебя, жулик? Вот Жуликом и будешь.

Пес, будто понимая, что сейчас решается его судьба, смотрел во все глаза, не мигая, и вертел хвостом. И когда человек позвал его с собой в дом, даже не сразу ушам своим поверил. В душе он обрадовался, но виду решил не подавать, чтобы не подумали, что он только того и ждал. Будто нехотя, он потянулся и неспешно пошел за новым хозяином.

- Ты понял? Звать буду тебя Жуликом, прости, что имечко не больно приятное, зато редкое. А теперь давай спать.

Утром Владимир Иванович проснулся от непривычного ощущения. Ему мыли ноги. Он приподнял голову, его ночной «гость» даже глаза закрыл, до того старался смыть грязь с ног нового хозяина.

- Молодец, Жулик, - крикнул от щекотки Бояршинов, потом покачал головой, - а и вправду, Жулик, не помню, когда мылся. Давай подтопим баньку, может, и ты со мной?

С той поры, куда бы ни пошел Владимир Иванович, пес брел поодаль, не выдавая своего присутствия. Однажды спас хозяина от хулиганов, потом среди крепких морозов нашел его на улице, разбудил почти замерзшего и, можно сказать, притащил домой.

Потеря

Девять лет жили они вместе. Однако не уберег себя Жулик. Перебегал дорогу, и проезжавшая мимо машина стукнула его по задней части туловища. Пес, казалось, чувствовал себя неплохо. Только заметил хозяин, начало его нет-нет, да побрасывать то в одну, то в другую сторону. Пришел день, когда Жулик не смог встать на лапы. Владимир Иванович выносил его на руках во двор оправляться, поил разными лекарствами, какими посоветовали в лечебнице, улучшения не наступало. Мужчина сознавал, что теряет друга, но поправить ничего не мог. Жулик виновато лизал руки хозяину, его умные глаза будто говорили: «Подвел я тебя, хозяин, прости!» И опять лизал руки.

Соседи советовали усыпить собаку, чтобы не мучить ни ее, ни себя. А у Владимира Ивановича рука не поднималась. Как же так? Это такой друг, которому он обязан своей жизнью. Не будь Жулика, давно бы его кости сгнили. Сколько раз пес находил хозяина в лежачем состоянии и приводил в чувство, сколько раз спасал от пьяных придурков, от угара тоже спасал. Он чувствовал опасность и старался предупредить ее.

Однажды Владимир Иванович проснулся, глянул под ноги, Жулика на подстилке не оказалось. Его хвост торчал из-под шкафа. Вытащил пса. У того из глаз по-настоящему текли слезы, он чувствовал свою кончину, потому и забрался подальше.

- Что же ты, Жулик? Бросаешь меня? Мы же с тобой душа в душу... - тоже не выдержал и зарыдал, как когда-то по умершей матери.

Так и лежали они на полу, плачущие, человек и собака. Через некоторое время хозяин вспомнил, что надо накормить друга. Он

принес из кухоньки молоко, налил в плошку. Жулик только повел глазами, есть не стал. Приподняв голову пса, попытался напоить. Тот понял и чуть приоткрыл свою пасть. Тело его не было упругим, оно все обмякло, хвост висел, как веревка.

Владимир Иванович снова сел перед псом. Жулик устало прикрыл глаза и тяжело дышал. В это время в дом забежала соседская Настя.

- Ой, дядя Вова, а мама думала, случилось что, не видно Вас нигде, - затрещала она с порога, но, увидев плачущего соседа на полу возле своего Жулика, все поняла. Они прощались.

Настя училась в медучилище и приехала на выходной день помочь матери с огородом. Ей приходилось уже несколько раз ставить уколы умирающим животным, поэтому она предложила не мучить собаку, а усыпить ее. Хозяин видел, как тяжело его другу, и после долгих уговоров согласился, только попросил оставить его ненадолго с Жуликом наедине.

Он смотрел на пса, мозг отказывался понимать, что завтра он опять останется один, никто не разбудит его утром, никто не предупредит об опасности, не для кого будет приносить косточку и варить суп.

Когда вошла Настя со шприцем в руках, он только спросил: «А ему больно не будет?» И увидев, как быстро и уверенно девушка ввела препарат в тело собаки, закрыл лицо руками.

Потом наклонился над Жуликом, а тот, словно почувствовав присутствие хозяина, попытался последними усилиями поднять голову и лизнуть его, но бессильно опустился на пол. Из его закрытых глаз скатились на руку хозяина две крупные слезы.

Похоронил верного друга Владимир Иванович в дальнем конце огорода, рядом посадил дубок.

- Прости, друг, что так вышло, и спасибо тебе за все. Дубок вот с тобой будет расти. Как посмотрю на него, так и тебя, Жулик, вспомню.

Вместе мы вдвое сильнее

Мальчишку били четверо, а он, молча, сопротивлялся, насколько это было в его силах. Невдалеке стоял еще один мальчуган, наблюдая за дракой. Он то делал шаг в сторону дерущихся, то отступал к стене дома. Наконец, бросился наутек. Через несколько минут прибежали взрослые и разняли ребят.

- Ты, чужеземец, не ходи вообще по нашей улице. Понаехали тут, житья от вас нет, - кричал один из парней.

- Только пройди, ноги обломаю, имей в виду, - вторил второй.

- Он, этот армяшка, первым начал драку, - оправдывался третий. - Вон какой фингал мне поставил.

А мальчик, которого только что били, не говоря ни слова, оттирал от пыли брюки и пиджак. Его лицо и руки были в ссадинах, волосы стояли торчком. Он подобрал свою фуражку, подошел к луже, обмакнул в воде руки, встряхнул ими и пошел восвояси, низко опустив голову. За собой он тащил рваную школьную сумку.

* * *

Десятилетний Костя прибежал домой, с размаху бросился на кровать и в голос зарыдал. Мать никогда не видела у сына такой истерики. Она принесла стакан воды, набрала в рот и прыснула сыну в лицо. Мальчик сразу как-то весь обмяк и замолчал, только всхлипы время от времени выдавали его состояние.

- Что случилось? – встревожено спросила мать.

- Мама, я друга потерял навсегда. Я, только я виноват, - причитал он, и слезы снова покатались по его лицу. – Я трус!

- А ну, хватит ныть! – приказала мать. – Рассказывай все по порядку!

* * *

Семьи Степанянов и Овчинниковых дружили еще с Великой Отечественной войны. Василий и Ашот служили в полковой разведке. Первый отличался недюжинной силой, а второй был худосочным, но с мгновенной реакцией. И если Василий ушел на войну, будучи механизатором, то Ашот - с четвертого курса университета, где изучал романо-германские языки.

Так получилось, что оба они не раз спасали друг другу жизнь, поэтому связаны были, будто одной веревочкой. И после войны Василий неоднократно приезжал в Армению к другу, и Ашот был первым его гостем на Урале.

Прошли годы, друзья обзавелись семьями, и дети их тоже дружили, переписывались. А когда армянский поселок был разрушен землетрясением, Василий пригласил к себе на житье семью Степанянов. Поскольку у тех близких родственников не нашлось, они предложение приняли. Младшие сыновья у них доучивались вместе, и так случилось, что даже женились в один год после службы в армии.

Никто и никогда не оскорблял ребят, не указывал на их национальность, тем более что волосы у армянского мальчика были, как у матери, светлорусые. Однако мальчик вырос, и его сын родился черноволосым с присущими армянину чертами лица – дедово племя.

И, будто по наследству, дружба дедов и родителей перешла к третьему поколению. Мальчишки красиво дружили, защищали друг друга, чаще это приходилось делать Ашоту (его называли в честь деда), потому что Костя с рождения рос хилым и болезненным. Они вместе бегали по утрам, качали силу на турнике, читали, спорили после просмотров кинофильмов.

* * *

В тот день мальчишки впервые поссорились, в общем-то, из-за пустяка. Накануне была контрольная работа. Косте никак не давалась задача, он оглянулся на Ашота, и тот понял – нужна помощь. Передал записку с решением, он и не заметил, что на другой стороне листка первоначальное, неверное решение задачи. Костя же поторопился и переписал то, что первое на глаза попало. В результате Ашот получил четверку, а Костя – двойку.

- Ты нарочно мне неправильное решение передал, - возмутился Костя, насилу дождавшись перемены.

- Костя, ну покажи мне тот листочек, - попросил Ашот, - наверное, там было два решения, одно черновое, а ты даже не посмотрел.

- Не было у меня времени смотреть, - огрызнулся мальчик. – Тоже мне, еще друг называется.

- Да они все такие, только за себя, ну, и ехали бы к себе, - поддержал Костю Димка, что сидел на задней парте. – Развели тут армянские обычаи.

- Армяне не люди, да? Что мы вам сделали, за что вы нас так не любите? Мы кого-то обидели? – настала очередь возмутиться Ашоту. Он выкрикнул это сквозь слезы и выбежал из класса.

- Ничего, Костя, мы отомстим за тебя, - сказал вечно чем-то недовольный Славик. – Не место в нашей школе чужим.

Костя промолчал, хотя чувствовал, что дело принимает нешуточный оборот. Это была первая в жизни друзей размолвка. Он знал, что многие ребята завидуют их дружбе, некоторые даже пытались примкнуть к ним, но надолго их не хватало, поэтому вскоре друзья снова оставались вдвоем.

После уроков ребята отправились по домам. Костю остановил Славик:

- Сейчас посмотришь, как армяшка пощады просить будет, только ты не лезь, а то и тебе попадет, - пригрозил он при этом.

- Ну, что, чужак, извиняться будем за подлость или как? Пацана нашего обидел, ответить придется, - выламываясь перед Ашотом, начал Славик. Сзади подошли Димка и еще какой-то рослый парень. Ашот хотел отступить, но Димкина подножка уронила его на землю. Ребята начали пинать беззащитного, распаяясь все больше оттого, что мальчишка молчал. Даже попытка защищаться, крепко вдарив одному из ребят в глаз, но те двое отбили товарища и с новой силой набросились на парнишку.

Этого Костя выдержать не мог, он выбежал на улицу и, увидев мужчин, крикнул, что за углом мальчику нужна помощь. Он не сказал о драке, боялся, что взрослые махнут рукой, мол, ребята сами разберутся. Человек пять бросились на помощь и разняли дерущихся. Ашоту, действительно, помощь понадобилась.

Костя рассказал все матери. Вечером, когда пришел отец, он все это повторил, не утаив, как предательски промолчал, когда оскорбляли его друга, как, молча, наблюдал издали за дракой.

- Хорошо, догадался хоть взрослых позвать, - хмуро произнес отец. – Так даже предатели не поступают, а ты друга отдал на растерзание. Был бы жив дед, он тебе никогда бы этого не простил. Знаешь, сколько людей разных национальностей воевали вместе, и не было между ними раздора, а ты? Возьми в руки веник и попробуй его сломать. Не получится. А по одной веточке все можно быстро переломить. Когда вас было двое, вы были в два раза сильнее, так что делай выводы сам. – Он, сгорбившись, встал из-за стола и вышел.

Мальчик раскаивался в душе, но сомневался, поймет ли его Ашот.

- Раз я виноват, значит, и на поклон должен идти первым, - решил он, пулей вылетев из дома и не слыша, что кричала вслед ему мать.

Он подбежал к знакомому дому и сел на лавочку, решительность снова покинула его. Костя ругал себя, распалил, но ноги, как ватные, не хотели заходить в подъезд. Просидев так с полчаса, он все-таки поднялся. В это время во двор заехала машина «скорой помощи», и оттуда вышли родители Ашота вместе с сыном.

- Вот видишь, Ашот, твой верный оруженосец уже на посту, - весело сказал отец. – А ты переживал, что он никогда больше к тебе не придет. – Он подошел к Косте и крепко пожал ему руку - Спасибо, что позвал на помощь, ты – настоящий друг.

И снова Костя заплакал, как девчонка.

- Дядя Севан, простите меня, Ашот, я никогда больше тебя не брошу, даже если меня убьют.

- Ну, ну, парень. Все же обошлось. Все живы, хоть, может быть, и не совсем здоровы, - начал успокаивать мальчика отец. – Давай-ка пойдем к нам домой, там и поговорим, я много интересного вам расскажу. А твоей маме мы позвоним, чтобы не волновалась.

* * *

В ту ночь мальчики долго не могли уснуть, они снова и снова возвращались к размолвке и просили друг у друга прощения. Потом уснули прямо на диване. Им снилась далекая война, которую они видели только в кино, разведчики-друзья, это, конечно, были

Ашот и Костя, а в неприятельской форме – Димка, Славик и тот незнакомый парень.

Учительница, Анастасия Матвеевна, о драке знала, но не стала заострять на ней внимание, просто пригласила в школу Севана Ашотовича и Василя Ивановича на классный час, где родители друзей рассказали ребятам о многолетней дружбе двух фронтовиков разных национальностей и о крепкой дружбе их семей.

- Запомните, друзья, один человек, будь он во стократ сильнее сильного и богаче богатого, слаб и беден по сравнению с тем, у кого есть надежный друг и крепкое плечо, на которое можно опереться, - сказали на прощание гости.

Друзья вышли из школы. Разделили на двоих яблоко и двинулись домой. Чуть поодаль от крыльца стояли Димка и Славик. Ребята смело прошли мимо них, ведь они уже были вдвое сильнее. Они не могли видеть, с какой завистью смотрели им вслед мальчишки, которые пока не умели дружить.

2012

Спешит на свидание бабушка

Веселый парень Виталий в тот день остался на работе за сменщика. Накануне он договорился со своей девушкой пойти отдыхать на Очер. Телефона в ее доме не было, поэтому он попросил младшего брата сходить к Алене и передать, что вечером будет ждать ее на берегу Камы у стелы. Мальчишка дома никого не нашел, заскочил на почту и написал записку такого содержания:

- Жду у мемориала. Время знаешь. Я подъеду. Витек.

* * *

В выходной, на который приходился семик, Ольга Николаевна, закончив стирку, решила пораньше сходить на кладбище, пока не жарко. Сын со снохой накануне уехали в Острожку, и к обеду должны были вернуться. Внучка Аленька еще спала. Ольга Николаевна закрыла дом на замок и ушла.

Возвратилась она часа через два. Увидела, что-то белеет в почтовом ящике. Удивилась, что почта пришла так рано. Открыла и достала записку. Прочитала адрес. Вроде, ей, все сходится, только вместо Ольги написано Олене и вместо обратного адреса – г. Оханск, проездом. Она несколько раз перечитала записку.

- Виктор приехал! - радостно забилося сердце.

Она сразу засуетилась. Шутка ли, столько лет не виделись. Не хотелось ударить в грязь лицом. Он один во всем мире называл ее Оленой и страшно любил рыбу. Ольга Николаевна снова поспешила к магазину.

* * *

Виктор Сергеевич Вяткин приехал в Оханск на семик, чтобы посетить могилку своих родителей. Здесь он родился, окончил школу. Впервые влюбился в свою соседку по парте, а вот женился на другой. Не дождалась его подружка из армии и вышла замуж за военного, приехавшего погостить. Долго обида терзала его, но жизнь не стоит на месте. Со временем появилась семья и у Виктора Сергеевича. Но, бывая изредка на малой родине, он всякий раз один приходил в городской сад, бывший когда-то любимым местом отдыха оханцев. Нельзя сказать, что не искал встречи с

Ольгой. Знал, что муж ее рано умер от инфаркта, и она одна растила двух сыновей. И все-таки что-то удерживало его от необдуманного шага. Доходил до угла дома и поворачивал обратно.

Зато как легко чувствовал себя с женой и сыном, возвратившись после таких «прогулок». Гордость за самого себя распирала его. Хоть и не мог Виктор Сергеевич забыть Ольгу, но не хотел обижать жену, которую всегда жалел на доброту и кротость.

В этом году он приехал в город один. Не было рядом жены. Сын со снохой отдыхали у тещи в Калуге.

* * *

Остановившись, как обычно, у родственников, Виктор Сергеевич сходил на кладбище и направился напрямиком к давней подружке. Поскольку дом был закрыт, он вырвал листок из записной книжки и тут же написал: «Олена, приходи в горсад в 19.00. Очень хочется встретиться и поговорить: Витек.» Чтобы записка не затерялась, он нанизал ее, как в юности, на веточку и просунул в дверь между досками.

* * *

Внучка Ольги Николаевны, Алена, встала, когда солнце было высоко. Она быстро оделась и выскочила в ограду, где летом стоял умывальник. Вот-вот должен был зайти Виталий, а она еще не готова.

Пес Полкан весело завилал хвостом при виде ее и радостно закусил. Девушка ласково потрепала своего любимца за ухо, по-быстрому умылась, расчесала волосы. И тут ее взгляд наткнулся на пруттик, торчащий в дверях с нанизанной бумажкой, Алена сняла ее и развернула.

Прочитала, пожала плечами. Во-первых, почему ее имя написано с ошибкой? Во-вторых, с какой стати она должна тащиться в горсад? И, в-третьих, ради чего ждать до вечера, когда можно поговорить и на пляже?

К назначенному времени Виталий не пришел Алена, прослывшись еще с полчаса по дому, решила пойти на реку одна.

Бабушка к тому времени уже вернулась из магазина и «колдовала» на кухне.

* * *

Ближе к вечеру Ольга Николаевна начала волноваться. Долго думала, в чем пойти, злилась, что так потолстела и подурнела.

Сыну она сказала, что пошла в гости. Ей было немного не по себе оттого, что вынуждена скрывать от близких свой уход.

Но, с другой стороны, почему она должна замыкаться в себе? Не так уж много ей лет, и жизнь, в конце концов, одна. Велико ли счастье, что выпало ей за 12 лет семейной жизни? Вначале мотались с мужем по заставам, работала, где придется. Мальчишки росли «сыновьями полка». Когда по состоянию здоровья мужа списали, уехали к его родителям. Целый год дети жили у кого-нибудь из родственников, а Ольга Николаевна возила мужа по госпиталям и больницам. Не спасла. Холодной осенней ночью его не стало.

А потом молодая вдова снова вернулась в Оханск. Жила скромно, была занята только детьми. Знакомств не искала, женихов отваживала. Один за другим «ушли» родители, потом женились сыновья. Правда, с младшим, «Николаем, она не рассталась. Так и живет вместе с его семьей в родительском доме.

Все последние годы ее мысли часто обращались, к Виктору. Встречи хотелось и не хотелось. Ведь она сама предала его и порой жалела об этом. И вот неожиданная записка перевернула ее душу.

Ольга Николаевна торопилась. Раньше в молодости она старалась прийти на свидание последней, а теперь-то что стесняться, слава Богу, бабушка уже.

* * *

На берегу еще никого не было. Она села на скамейку и стала ждать. С реки веяло прохладой, а вокруг все будто вымерло.

Вскоре на мотоцикле подъехал молодой человек. Он сел на ступеньку, закурил. Ольга Николаевна, приглядевшись, узнала в нем внучкиного «воздыхателя».

- Еще не хватало, чтоб Алена меня здесь застала, - подумала она и отвернулась, собираясь уйти.

Виталий тоже узнал Аленкину бабушку. Правда, не мог вспомнить, как зовут. Он поднялся, подошел к мотоциклу, переждал, пока женщина отойдет на почтительное расстояние, снова сел на ступеньку.

В это же время в городском саду возле памятника ходили двое. Виктор Сергеевич и Алена. Первым не выдержал мужчина:

- Девушка. Вы случайно не меня ждете? - обратился он к Алене - Вот пришел на свидание, а она не пришла. Может быть, Вы и есть, моя Олена?

- Совершенно верно, - приняла игру девушка, - я и есть Алена, а Вы, извиняюсь.

- А я Виктор Сергеевич, но для Вас просто Витек.

- Витек? - изумилась Алена. - Надо же. Я тоже Витька жду.

- Знаете что, - предложил Виктор Сергеевич, - покажите мне новый город. Я совсем его не знаю. Зачем зря время терять?

Не доходя до милиции, Алена вдруг остановилась и шепнула:

- Бабушка моя идет, что она подумает?

- Да ты не волнуйся. Сейчас подойдем и объясним, почему мы вместе.

- Бабушка ... – начала, было, Алена.

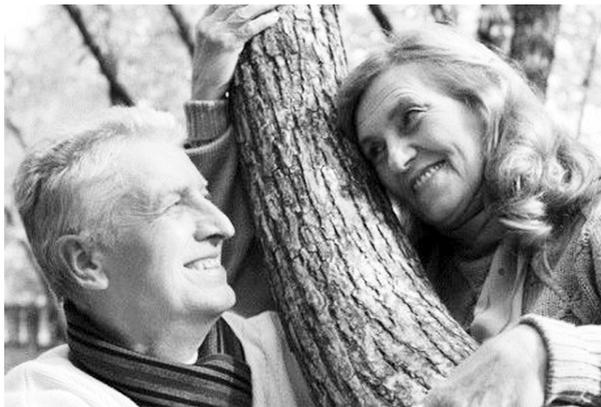
Но в это время из-за милиции вынырнул Виталий на мотоцикле. Она замахала руками, приглашая и его принять участие в разговоре

* * *

Они стояли вчетвером посреди дороги и говорили одновременно. Со стороны могло показаться, что они ругаются. Милиционер бросал на них косые взгляды, но не подходил. И только когда раздался взрыв хохота, он вежливо попросил их отойти на тротуар.

Невдомек было дежурному милиционеру, что эти люди сейчас просто счастливы. Они разберутся в своих отношениях сами, только им не надо мешать.

1998

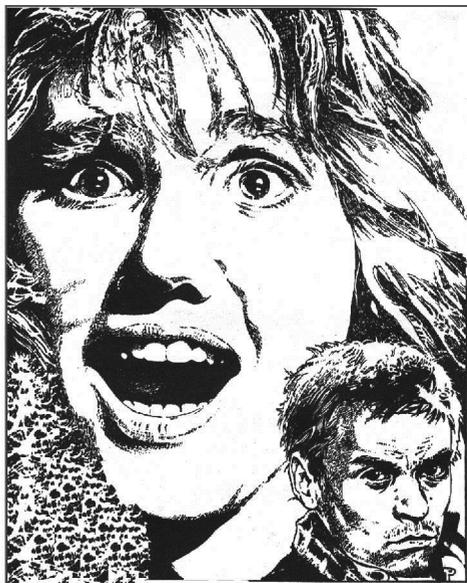

Расплата

Человек этот и сегодня ходит по земле. Удивительно, как она его носит. Сын, которого почти 40-летняя женщина выносила и вскормила, стал ее учителем, а если сказать точнее, то палачом.

Анфиса и Раиса

Генка и его двоюродный брат Жорка родились в один год, но с разницей в три месяца. Их матери – родные сестры. Они приехали из деревни, скромные, тихие, обе небольшого росточка. Купили домик на окраине города и зажили вдвоем.

Замужем ни одна из них никогда не была, а жизнь приближалась к сорока годам. Устроились уборщицами в школу. Куда еще можно было пойти с двумя классами за плечами? Дружбу ни с кем не водили, разве что с соседками были более-менее откровенны, по праздникам в гости приглашали.

Одна из соседок пришла к ним как-то с конопатеньким мужичком. Вот, мол, жениха привела, знакомьтесь. А мужичок лысый совсем, крепенький, вроде грибка-боровичка, глаза черные, как у цыгана. Работал он конюхом, называли его все Монею вместо полного имени – Филимон.

Начал Моня к сестрам навещать. Сватать не сватал ни одну, а обхаживать обхаживал. Только не мог выбрать, которая больше по душе, толи рыжеватенькая Анфиса, толи тонкоголосая Раиса.

Весной по одной начал сестер к себе приглашать. Одну попросит грядку прополоть, другую – помочь стены вымыть. Сестры скрывали друг от друга, что ходят к конюху, благо, работали в школе в разные смены.

Осенью Моня неожиданно женился и взял в жены такую бой-бабу, что не только заглядывать налево, но и думать об этом позабыл.

Остались сестры при своих интересах. Первой почувяла неладное Раиса. К повитухе полетела. Та уговорила ее не избавляться от ребенка, будет, кому на старости лет воды принести.

Анфиса же ни за что не хотела признаваться, что «согрешила», но когда скрывать было бесполезно, все рассказала. Директор школы выхлопотал ей квартиру в коммунальном доме, чтобы женщина жила спокойно и ни от кого не зависела.

СЫН

Чего греха таить, каждая из сестер мечтала о сыне. Желание обеих осуществилось. В студеную январскую ночь разрешилась Раиса милым русоголовым мальчиком с черными глазами-смородинками. После 8 Марта на свет появился Анфисин сын, Генка. Весь он был рожим. Даже глаза казались с тем же оттенком.

Для матери собственный сын всегда самый лучший, но Анфиса видела, с каким обожанием окружающие смотрели на Жору и как неприязненно относились к ее Генке. С каждым днем он все больше походил на своего отца, Моню. Мальчик с раннего детства был конопатым и всегда держался за маму. Отсюда и кличка за ним закрепилась - «мамин юбочник».

Все и всегда у него у него получалось хуже, чем у двоюродного брата, не сопутствовала парню удача. Мать же верила, что судьба улыбнется и ее единственному сыночку. Добрая и бесхитростная по натуре, она не уставала повторять Генке, что завидовать нехорошо, что в каждом есть свое ценное и неповторимое.

Как ни противилась Анфиса, Генка рос злым, жадным, молчаливым, не дружил ни с кем. Учился мальчик ни шатко - ни валко, лучше у него не получалось, каким-либо талантом природа его не одарила. В отличие от своего отца, с чувством юмора у Генки тоже были проблемы. Шуток не понимал.

Мать очень надеялась, что со временем все образуется. Она верила в счастливую звезду Генки и старалась убедить его в этом. Жаль, не сказала добрая женщина сыну, что ничего не появляется просто так, и нужно приложить максимум усилий и воли на пути к своей цели.

Да и цели-то у Генки никакой не было. До учебы не охоч, лишь бы сыт был да одет. Физической силы – хоть отбавляй. И подался Генка после восьмого класса разнорабочим в строительную организацию. Землю рыл, мешки с цементом таскал, кирпичи грузил.

Домой приходил на готовенькое. Ел, отсыпался, и опять на работу. И так каждый день. Мать уговаривала его в кино сходить, на танцы – ничего парня не интересовало. Курить не научился, а винишком в дни получки начал баловаться.

Мечь

Вот когда его характер раскрылся во всей красе. Он придирался к каждому слову, не терпел никаких возражений, разгуливал в грязных сапогах по чисто выскобленному полу, постоянно чем-нибудь замахиваясь на мать. Соседи, что жили за стенкой, пристыдили его, домком с ним беседовал. Генка на время присмирел, а потом опять за старое.

Однажды утром, собирая сына на работу, посоветовала ему: «Женился бы ты, Геночка, да изгалялся над бабой, старая ведь я уже». Он, по обыкновению, покраснел всей головой и промолчал.

Вскоре пришла повестка в армию. На проводинах людей было немного, до десятка человек. Часа через два все разошлись, Генка проводил родственников до дому и вернулся злой, как собака. С порога начал материться, крыл последними словами свою мать, запустил в нее каструлей, а когда женщина упала, стал пинать ее ногами.

Мать не оборонялась, не кричала – крик застыл у нее в горле. Соседей все равно не было дома, на помощь звать некого.

Генка вспотел, устал и заставил худенькую старенькую женщину раздевать его. Этого показалось мало, и уже, будучи в нижнем белье, он приказал, чтобы она сняла с него и исподнее, ударив мать по лицу. Потом Генка бросился на мать, срывая с нее одежду. Это был не человек – зверь.

- Женишься, говоришь, надо, - рычал он пьяно, - вот ты и будешь моей бабой, понятно?

Он уснул только перед рассветом. Мать тихонько собирала вещи после погрома. Все тело болело. Вот уж чего она никогда не ожидала от сына, но это случилось.

Два года службы пролетели быстро. В отпуске Генка не был, не заслужил. Писал редко. Письма, правда, приходили хорошие, соседям не стыдно было показать.

Вернулся Генка домой вьюжным декабрьским вечером. Скромно отпраздновали его возвращение, и ужас двухлетней давности вернулся к старой, почти 60-летней женщине.

Бирюк

Сын не искал подружек на стороне. Он взял власть над матерью и словно мстил за свою неприглядность и неудачливость. Брат его двоюродный институт окончил, работал по распределению и даже успел жениться. Генкой овладела злая зависть. Почему природа все отдала Жорке? Его теперь величают Георгием Филимоновичем, а Генка всю жизнь так и будет «мониным сыном» и «мамкиным юбочником».

Генка делал с матерью, что хотел, а она сносила все, молча, никому не жалуясь. И только однажды, отлеживаясь после бурной ночи, намекнула своей сестре, что неладно у них в доме.

Раиса в тот же день поговорила с Генкой, но ничего от него не добила. Тогда она снова стала пытаться Анфису, и та, плача, все рассказала. На приглашение сестры переехать к ней, отказалась, но стала захаживать иногда в гости.

Через пару лет Анфиса умерла, не дойдя до своей квартиры нескольких шагов. Досужие соседки, обмывая ее, только ахали, глядя на «разноцветное» сухонькое тело. Они подумали, что Анфиса часто падала, отсюда и синяки. И никому в голову не пришло, что это дело рук ее собственного сына.

На кладбище родственники к Генке даже не подошли, только Раиса, проходя мимо, бросила ему гневно: «Убийца».

Так и живет Генка один, как перст. К себе никого не зовет и сам ни к кому не заходит. Шабашит. Тем и живет. Вечно грязный и небритый. Его лицо, усы и рыжие волосы – все стало грязно-серого цвета. Ему 50, но выглядит он намного старше своих лет. Может быть, это расплата за содеянное? Мучает ли его совесть, неизвестно, живет себе и живет, коптит небо.

Чужой ребенок

Светлана проснулась от надрывного плача малыша за стеной. Электронные часы показывали четверть пятого. Она попробовала заснуть снова, но ничего не получалось. Плач не унимался.

- Неужели трудно подойти и успокоить ребенка? - подумала Светлана. – Что за родители? Спят, как сурки и не слышат, как дитя надрывается.

Соседей она видела только раз и то мельком. Почти полгода квартира за стенкой пустовала. Но вот неделю назад появились в ней новые обитатели: молодой мужчина и женщина в годах – то ли его жена, то ли мать, а, может еще какая родственница. С ними был ребенок примерно годовалого возраста. Светлана хотела подойти к ним, чтобы познакомиться – с прежними соседями они жили, душа в душу. Видимо, разгадав ее намерение, мужчина вместо приветствия что-то буркнул и юркнул в дом, а женщина, схватив ребенка в охапку, тоже поспешила к двери. Знакомство так и не состоялось.

Плач не прекращался. Прошло достаточно много времени, прежде чем Светлана решила разбудить мужа, спавшего в соседней комнате на диване. Он соскочил, протер глаза, спросил, сколько времени и только после этого поинтересовался, что случилось. Она попросила его постучать соседям, объяснив, в чем дело.

Они пошли вместе. Калитка оказалась незапертой, открытыми были и сени, а вход в квартиру преграждали несколько досок, одна из которых подпирала дверь. Светлана остановилась в нерешительности.

- Володя, а вдруг их убили? – в ужасе спросила она. – Может, милицию вызвать?

- Пока она придет, ребенок задохнется от плача, - сказал муж и решительно сорвал доску.

В квартире стоял спертый воздух. Володя бросился в дальнюю комнату, Светлана – за ним. Совершенно голый малыш лежал на полу и барахтался в каком-то грязном тряпье. Он уже не плакал, а только судорожно со странным рыком выдыхал воздух.

- Света, забирай парня и накорми чем-нибудь, - сказал Володя, деловито заворачивая ребенка в одеяло, лежащее на кровати. - Да не забудь «скорую» вызвать, а я поищу хозяев.

Светлана прибежала домой, быстро разогрела молоко и начала кормить всхлипывающего малыша. Про себя поблагодарила мужа, который догадался сунуть ей в руки бутылку с соской. Спустя полчаса мальчик безмятежно спал.

Муж был вне себя от возмущения. Родителей мальчика он, конечно, нигде не обнаружил. В доме не оказалось ни крошки хлеба, ни других продуктов питания. Сколько времени находился мальчик один, сказать было трудно. Единственное, что он нашел ценное в квартире - свидетельство о рождении мальчика и два паспорта. Во всех трех документах фамилии были разные. Совпадали только имя и отчество матери ребенка.

Выпускной

- Последний звонок поручается подать лучшему выпускнику 11 класса Игорю Корнееву и первокласснице Наташе Митрофановой, - произнесла директор школы. У Светланы невольно брызнули из глаз слезы. Она никак не ожидала, что сыну будет оказана такая честь. Муж незаметно пожал ей руку, словно давая ей силы.

Игорь, высокий, симпатичный парень легко поднял сестренку на плечо и, словно ища поддержки, оглянулся на родителей. Он видел, что они в эту минуту гордятся им. Потом были экзамены, волнения, тревоги и, наконец, выпускной вечер. С утра у Светланы глаза были на мокром месте, она держалась из последних сил.

Почти до утра гремела в школьных коридорах музыка, и слышался смех выпускников, которые навсегда прощались с детством. Светлана смотрела на сына, на его друзей, которые стали за годы учебы родными, и не могла представить, что совсем скоро все это закончится.

На душе у нее было беспокойно. Она не сказала мужу о повестке в суд, куда их вместе приглашали, как ответчиков, а Игоря – в качестве потерпевшего. Не хотела портить своим мужчинам праздник.

Учиться Игорь пошел, когда ему исполнилось только шесть лет, он родился в августе. Мальчик умел читать, считать, многое знал по географии, держать его еще год вне школы не имело смысла, поэтому без колебаний родители привели его в первый класс. Игорь был самым младшим в классе, но его никто никогда не обижал, да и сам он мог за себя постоять. Учился старательно,

хоть и без особого напряжения. Ростом он удался, поэтому с удовольствием играл за школьную команду в баскетбол и волейбол.

Быстро годы пролетели. Надо же! Уже выпускной вечер. Из нескладного «гадкого утенка» какой красавец вышел! Светлана смотрела на сына и не могла налюбоваться им. Она помнит, как долго они ждали ребенка. Сжалилась над ними судьба, подарив мальчика, пусть чужого, но он стал родным, а через девять лет на свет появилась Наташка.

Ни она, ни Володя даже представить себе не могли, что по истечении стольких лет вдруг придет беда в семью. Потерять взрослого ребенка – самое большое горе для родителей.

Только за день до заседания суда сказала Светлана мужу, что их вызывают по повестке. Вечером, когда Наташка уже спала, родители решили рассказать сыну всю правду. Они понимали – в 16 лет для парня это будет сильнейший стресс и неизвестно, как он поведет себя в дальнейшем. Игорь выслушал их, не прерывая, потом, не сказав ни слова, удалился в свою комнату.

Игорь

То, что услышал Игорь от родителей, было открытием для него. Он всегда считал себя родным сыном мамы и папы, одно удивляло – фамилию он носил другую, но они объясняли это тем, что долгое время жили, не регистрируя свои отношения. Впереди у него были вступительные экзамены, суд совсем некстати, но Игорь решил все равно пойти и посмотреть в глаза тем, кто его действительно родил.

Боялся ли он переступить порог суда? Конечно. Он почувствовал при подходе к этому зданию, как холодеет все внутри. Родители были уже там. Он сел рядом с ними в коридоре. Они все молчали и ждали, когда их вызовут. Рядом находились еще какие-то незнакомые люди и тоже ждали.

Наконец, начали вызывать. Первыми пригласили родителей. Потом дошла очередь и до Игоря. В зале на первой скамейке он увидел маму с папой, а чуть дальше сидели мужчина с женщиной. При виде Игоря женщина бросилась к парню с криком: «Сыночек, как долго я тебя искала». Он растерялся и остановился, как вкопанный.

- Проходите, молодой человек, за трибуну, - услышал Игорь

голос судьбы и, повинувшись, прошел, куда ему указали.

- Назовите себя.

- Корнеев Игорь Владимирович.

- Кто ваши родители? – он назвал Светлану и Владимира, потому что других не знал.

Дальше все пошло, как во сне. Его о чем-то спрашивали, он что-то отвечал. Потом пелена спала. Он услышал голос своей родной матери. Та плакалась, что Игоря забрали у нее обманным путем.

- Что же вы 16 лет о ребенке не вспоминали, а сейчас вдруг вспомнили? - строгим голосом спросила судья. - Митрофановы никуда не уезжали, не прятались, их и искать не надо было. Ваши бывшие соседи даже не усыновили мальчика в надежде, что вы соизволите появиться и забрать сына. Как же такого маленького вы могли оставить и сбежать?

- Время было такое, - вывернулась женщина, - нам угрожали, и мы подумали, что Игоря сдадут в детдом, а мы позже заберем его.

- Какое время? Кто угрожал? Это не 37-й год. Так какие претензии вы предъявляете к людям, вырастившим брошенного вами ребенка?

- Раз уж соседи его держали за своего, пусть теперь платят за моральный ущерб.

Игорь не выдержал и снова попросил слова.

- Сколько я себя помню, рядом со мной всегда были мама и папа. И детство у меня было счастливое, и семья у нас прекрасная. Я ничего не хочу менять и не желаю знать других родителей. Говорят – родителей не выбирают, но у меня другая ситуация, когда есть возможность выбора. Я презираю тех, кто меня родил - они кукушки, а мама с папой навсегда останутся моими самыми дорогими людьми, потому что они меня вырастили и воспитали, научили любить и ценить мир, поэтому, именно их я признаю, как родителей... И с сегодняшнего дня я не хочу носить фамилию Корнеев, буду Митрофановым.

Он судорожно сглотнул воздух, эмоции перехлестывали его, и бегом помчался к выходу, не слыша никого и ничего.

Судья смотрела на вконец опустившихся родителей и не находила сходства их с сыном. У юноши из распахнутых глаз струил-

ся незамутненный свет, а эти глядели исподлобья, как затравленные собаки. На что надеются люди? Парень, скорей, был похож на Митрофановых, такой же открытый.

Представитель опеки тоже выступила на суде и подтвердила – ни копейки семья Митрофановых за ребенка не получала. Они отказались отдать его в свое время в дом ребенка, растили сами, не требуя ничего от государства.

Незадачливые истцы были ошарашены таким исходом дела, они-то думали, что на Игоря бывшие соседи получали опекуновское пособие и, во что бы то ни стало, хотели отсудить эти деньги вместе с выросшим сыном.

Из зала суда Митрофановы вышли вместе. Они шли и молчали, думая каждый о своем. Разве на суде расскажешь, сколько ночей просидели они без сна, возвращая к жизни Игоря, сколько сил потратили на поиски мальчика, когда он с друзьями заблудился в зимнем лесу, как переживали все его болезни и устранили комплексы в его поведении, как неназойливо старались привить сыну правила хорошего тона? Сегодня они были горды за него. Сын сумел доказать суду, что Митрофановы действовали не из корыстных побуждений.

Игорь же, опомнившись от потрясения, решил поговорить с Корнеевыми сам. Он дождался, когда они отойдут подальше, и направился к ним. Мать снова заголосила, ухватившись за рукав его пиджака, отец, молча, глядел и не предпринимал никаких действий.

- Раз уж так вышло, что родили меня вы, - начал он разговор, - то скажите, зачем? Представляю, каким бы я был сейчас, если б остался с вами. Одно прошу – не мешайте нам жить, не приходите, никогда не приходите в наш дом. Из-за вас – одни несчастья. Не делайте маме с папой больно, они этого не заслужили, - повернулся и пошел, не оглядываясь. Он боялся, что, если оглянется, ему станет жаль родивших его людей.

А Корнеевы так и остались стоять у сквера, глядя вслед выросшему сыну, родному, но такому далекому сейчас от них. Они понимали – обратной дороги нет. Сын не простил их и никогда не простит.

От судьбы не уйдешь

Савелий не помнит матери, а имя ему дали в больнице, куда принес его летним утром пожилой мужчина. Он обнаружил младенца под скамейкой в дальнем углу двора многоквартирного дома. Скорей всего, мальчика и назвали в честь спасителя. В личном деле, кроме засаленной записки о том, что родился ребенок 1 июля, ничего не было, если не считать свидетельства о рождении, выписанного уже позже, да фотографии, сделанной самим доктором.

* * *

Женщина плакала, уронив голову на край директорского стола. Савка вошел в кабинет и растерялся. Зачем его пригласил директор, если здесь посторонние люди?

- Савушка, - обратился к нему Алексей Иванович, - эта женщина утверждает, что ты – ее сын. Посмотри, знакома ли она тебе?

Женщина подняла голову, и мальчик узнал в ней продавщицу мороженого, которая не раз угощала его, спрашивала, хорошо ли живется ему в детском доме, даже в гости приглашала. Но Савка не испытывал к ней никаких чувств, ни плохих, ни хороших, поэтому отвечал всегда неохотно.

В детский дом нередко захаживали люди, желавшие взять ребенка на усыновление. Няня Шура рассказывала, что Савелия тоже не раз хотели взять еще маленького, но он, как волчонок, забивался в угол под кровать и не вылезал, пока «гости» не уйдут.

- Нет у меня матери, - буркнул мальчик. - И никогда не было! - это он уже прокричал и выбежал из кабинета. Он бежал в угол двора, под раскидистую липу, куда ребята редко заглядывали.

Савелия любили в детдоме. Мальчик был в меру серьезный, в меру шустрый, ребята с ним считались. Единственное, в чем его никто не понимал, так это неприятие любого предложения по поводу усыновления. Он сразу замыкался, становился резким, начинал грубить.

Многие ребята мечтали о том, чтобы их нашли родители, чтобы у них была отдельная комната, чтобы по выходным они могли спать, сколько хотели, смотреть телевизор в любое время и часто ездить в зоопарк. А Савку все устраивало. На любую просьбу воспитателя он охотно отзывался, с удовольствием помогал взрослым, не чурался никакой работы.

Учился мальчик средне, ни на что не претендовал, да с него большего и не требовали. Творческих талантов у него не обнаружилось, в спорте тоже высоких результатов не было, он отличался добротой и желанием всем помочь.

Женщине, что приходила в детский дом и утверждала, что Савка – ее сын, было отказано в усыновлении, она исчезла из поля зрения, и Савелий о ней даже не вспоминал.

* * *

Но судьба свела их через несколько лет снова, когда Савелий уже работал в Перми, на кабельном заводе. Однажды, проходя по парку и споря о чем-то с товарищем, заметил впереди себя женщину. Она шла как-то странно, то, сгибаясь пополам, то неестественно выгибалась. Потом прислонилась к дереву и начала тихо сползать на землю. Парни подбежали к ней, она, казалось, не дышала. Глядя на бледное измученное лицо женщины, Савелий оставил товарища возле женщины, а сам побежал к автомату и вызвал неотложку.

Медики приехали быстро, на всякий случай, взяли данные у ребят, потому что документов у женщины с собой не оказалось. Спросили у них место работы и уехали. На другой день по заводскому радио объявили, что срочно нужна кровь редкой группы. Савелий знал, что у него четвертая группа крови и резус отрицательный, однажды уже сдавал, но сейчас не спешил с решением. Через какое-то время к нему подбежал заводской фельдшер.

- Христом-богом прошу, Савелий, надо помочь, женщина умирает, понимаешь? А если бы, к примеру, это была твоя мать, ты тоже бы не помог ей?

- У меня нет матери, запомните, - ошетинился Савка. – Я знаю, что у меня одного на заводе такая кровь, так что мне теперь всю ее отдать? Не понимаете Вы, боюсь я всяких уколов.

И все же парня удалось уговорить. Его привезли в больницу и начали делать прямое переливание, ждать нельзя было ни минуты, где-то ехали еще несколько человек, но Савелий оказался первым.

Он лежал, не глядя на больную. Когда страх прошел, осторожно повернул голову и, к своему удивлению, увидел ту самую женщину, для которой вызывал скорую помощь.

- Ну, парень, выручил ты нас, - воскликнул врач, входя в палату. – Твоя кровь, видно, идеально подошла, смотри, у нее даже румянец появился, надеюсь, скоро придет в себя. Спасибо тебе, а то опять бы смертельный исход, нам это совсем ни к чему.

Савелий ничего не сказал, только улыбнулся, молча, оделся и выскочил из больницы. От морозного воздуха слегка закружилась голова. Он постоял немного и направился к автобусу.

* * *

Савелий ждал весеннего призыва в армию и очень надеялся, что его возьмут. Только обстоятельства сложились вопреки его желаниям.

Еще зимой он встретил девушку, из бывших воспитанниц детского дома. У нее были еще младшие братья и сестры, она - старшая. Люда (так звали девушку) уже работала на фабрике и жила в общежитии. Они понравились друг другу и встречались чуть не каждый день. Савелий провожал Люду до общежития, но никогда не заходил, девушка и не приглашала.

Один из апрельских дней для него оказался очень богатым на события. После работы он пришел к себе в комнату и обнаружил там женщину, лицо которой ему кого-то напоминало. Он поздоровался и пошел в свой угол.

- Савка, это к тебе пришли, - сказал товарищ и вышел из комнаты.

- Савелий, ты меня не помнишь? – осторожно спросила женщина.
- Нет, впервые вижу, - ответил он, хотя мог поклясться, что видел это лицо не так давно.

- А мороженое помнишь? Ты в детском доме жил тогда.

- Мороженое помню, но это было давно. Зачем Вы здесь? Я ведь тогда в кабинете директора все сказал. – Он не знал, как себя вести.

- Мальчик, ты, мой милый, да знаешь, что ты мне жизнь спас?

- Как спас? Я не понял.

- Твоя кровь мне помогла встать на ноги, доктор и подсказал, где тебя искать. Ты даже справку не взял на отгулы, я ему обещала, что тебе передам.

- Так это были Вы?

- Представляю, как я выглядела, если ты даже не признал меня тогда. А я в этом районе живу. Одна. В коммунальной квартире.

Она поднялась и тихо вышла, Савелий ее даже не останавливал. После ее ухода на столе осталась записка и плитка шоколада.

Товарищ вихрем ворвался в комнату.

- Ну, ты, пень, Савка. Понимаешь, твоя же мать это, а ты принять по-человечески не мог, - закричал он.

- Что-то матери рядом не было, когда я под скамейкой валялся, она же меня туда бросила. А теперь нужен стал? – Савелий оделся и направился к Людмиле.

Дежурная вызвала к выходу девушку, по лицу которой было видно, что она чем-то расстроена. Они гуляли по улице, он рассказал о визите женщины, которую не мог назвать матерью. Неожиданно Люда заплакала. Савка не мог понять причины. Когда девушка успокоилась, он спросил, в чем дело.

- Пока не расскажешь, никуда тебя не отпущу, - заявил он властно.

- Если расскажу, ты меня возненавидишь, а я без тебя уже не могу.

После короткой перебранки Люда сказала, что, будучи в детском доме, она влюбилась в парня. Он был из хорошей семьи, всегда вежливый, обходительный, всем нравился. В его доме Люда никогда не бывала, стеснялась его родителей. После выпускного вечера друг все-таки уговорил ее зайти, зная, что родители ушли

в гости и вернуться поздно.

В доме девушке понравилось все: мебель, посуда, музыка, книги, – она тоже хотела так жить. Пока осматривала квартиру, парень поставил на стол бутылку вина, фрукты, конфеты. После бокала вина голова ее пошла кругом. А потом произошло то, о чем она сожалеет до сих пор.

Люда спешно уехала в Пермь. Несколько месяцев назад на свет появились близнецы. Забрать их было некуда, и ей посоветовали написать отказную. Девушка оставила новорожденных в больнице, но ходит туда постоянно, чтобы узнать, к хорошим ли людям попадут дети.

- Как ты могла их оставить? – возмутился Савелий. – Мало того, что сама в детдоме жила, так и детям своим уготовила такую же судьбу. Ты хоть отцу об этом написала?

- Писала. Он просил забыть его имя и никогда не напоминать о себе.

- Люда, а если я женюсь на тебе, то нам детишек отдадут?

- На днях их увезут, уже нашлись приемные родители, - Люда снова заплакала.

- Так что же мы стоим? Давай, в больницу!

Они долго убеждали главного врача не отдавать близнецов и позволить взять их прямо сейчас. Ребята даже в тот момент и не подумали, куда принесут детей. Потом с ними разговаривали психолог и детский врач. В конце концов, все сошлись на том, что одиночке доверить двоих детей не могут, только в полную семью.

На другой день подали заявление в ЗАГС, Савелий сходил к директору завода, который при нем связался с заведующей ЗАГСом и объяснил ситуацию. В больницу унесли справки с мест работы. В общежитии для Савелия освободили комнату. Конечно, все это делалось не без помощи добрых людей с завода и с фабрики, где работала Людмила.

Наконец, пришел день, когда детей можно стало забрать. Имена им уже были даны в больнице, обычные русские имена, Ольга и Олег. Молодожены подъехали на такси. Увидев во дворе толпу, даже испугались. К больнице собралась вся бригада Савелия, начальник цеха пришел, председатель завкома. По-

здравляли, вручали подарки, а профсоюзный босс вручил торжественно ключи от двухкомнатной квартиры.

Когда все поутихло, Люда глазами показала Савелию на ворота. Там стояла та самая женщина, называвшая себя его матерью. Он положил ребенка на сиденье и подошел к ней.

- Поздравляю тебя, сынок. Прости, может быть, когда-нибудь я тебе все расскажу, если захочешь. – Она дотронулась рукой до его плеча. Глядя, как она уходит, у Савелия душа разрывалась от жалости к этой несчастной женщине. Вот уж поистине, от судьбы не уйдешь.

- Савушка, а, может, простишь ее, ты же не знаешь, почему она так поступила, - сказала подошедшая к нему Людмила. – Иди, догони.

И он, привыкший делать все по-своему, послушался совета жены и побежал за ворота.

В общежитие они приехали все вместе. Вечером, когда близнецы, наконец, заснули, и молодожены сели за стол, Алевтина Ивановна рассказала, как оказалась с ребенком на улице. Но это уже совсем другая история.

* * *

Когда чуть подросли близнецы, Савелий настоял на том, чтобы младшие брат и сестра Люды жили с ними, а не в детском доме. Так образовалась большая дружная семья. К ним стали приезжать и две старшие сестры Людмилы, которые уже работали и жили в Березниках, а еще один брат писал письма из армии.

Савелий простил свою мать и был благодарен ей за то, что она помогала растить малышей. Через два года родился сынишка, потом еще один. Пришла пора, когда и в трехкомнатной квартире семье стало тесно. Завод помог в строительстве просторного дома.

Что касается биологического отца близнецов, так жизнь у него не сложилась. Он после окончания института женился, но через год развелся. Потом новая женитьба, но и она не принесла счастья, жена ушла от него к другому, забрав сынишку. Судьба словно мстит ему за испорченную юность Людмилы.

Это вовсе не любовь

Галя с Мариной дружили с детского сада. Вместе учились, сидели за одной партой. И вдруг, словно черная кошка пробежала между ними. Девчонки пускали издевательские реплики в адрес друг друга. Могли и матом обложить, не стесняясь одноклассников.

Такое поведение неразлучных ранее подруг вызвало недоумение, а классного руководителя насторожило. Если Марина прямо таки бравировала этим разрывом, то с Галей творилось что-то неладное. Она ни с кем не разговаривала, постоянно старалась остаться одна, на уроках отвечала невпопад, на любое замечание огрызалась. В журнале, запестрели двойки и тройки.

Петр Семенович не знал, как начать разговор со своей ученицей. Внутренним чутьем он понимал, что Галя, скорее всего, влюбилась, но это были только догадки. А вдруг причина кроется в чем-то другом? Неосторожное слово могло больно ранить девушку.

Петр Семенович уезжал на курсы, поэтому, не откладывая дело в долгий ящик, после уроков решил поговорить с ученицей. Однако этому помешал визит к нему Галиной мамы. Он редко видел ее в школе, чаще на собраниях бывали отец или бабушка.

- Это что же у вас в школе делается? - прямо с порога начала женщина. - Девчонка на себя не похожа. Чуть что - в слезы. В школу ходить не хочет...

- Во-первых, здравствуйте, - вежливо осадил ее учитель.

- Здравствуйте, - как-то сразу смешалась она.

- Во-вторых, - продолжал Петр Семенович в том же духе, - у нас в школе все делается для того, чтобы Ваша дочь училась, а вот в чем причина ее депрессии - это уже третий вопрос и адресован он может быть, прежде всего, Вам, поскольку Вы – мать.

Женщина всхлипнула и вся сникла.

- Да что я? Она мне вообще ничего не рассказывает. Чаще с отцом секретничает или с подружкой.

- А Вы не заметили, что с Мариной они поссорились?

- То-то я смотрю, она у нас не бывает, - сразу встрепенулась родительница. - Вот и вся причина.

- Должен Вас огорчить, Ираида Степановна, - вспомнил он, наконец, как ее зовут, - но ссора с подружкой - это не причина, а следствие.

- Помню-помню, муж как-то говорил, что девчонки в одного влюбились.

- Как Вы на это прореагировали?

- Да никак, - улыбнулась Ираида Степановна, - за обедом сказала ей, что рано о парнях думать. Не один десяток их еще будет. Неужели по каждому убиваться? Знаете, что она мне на это ответила? Дура, - говорит, - ты, мама, хоть и взрослая.

- Ираида Степановна, когда Вы влюбились первый раз? - неожиданно спросил учитель.

- Ну, что Вы, Петр Семенович, это было так давно.

- И все-таки, вспомните, - настойчиво требовал он.

- По-моему, в седьмом классе в нового учителя физкультуры. После института к нам приехал, молодой, красивый. Да за ним все бегали.

- И как он ответил на Вашу любовь?

- Отверг, конечно. Это для меня такое горе было. Чуть руки на себя не наложила. Переживала страшно. Потом все прошло. Поняла, что ошиблась.

- Так почему Вы не оставляете права ошибаться своей дочери?

- Да ошибки-то нынче дорого стоят, Петр Семенович.

- Не дороже, чем во времена Вашей молодости, Ираида Степановна. Если уж Вы не можете помочь девочке разобраться в самой себе, то не мешайте. Для нее это тоже горе. Галя - человек серьезный и, думаю, достойно выйдет из этой ситуации. Ведь она тоже познает себя и ждет помощи от близких людей, а не насмешек.

- Неужели это настолько серьезно? - недоуменно пожала плечами женщина.

- Для Вас, возможно, пустяки, но для девочки - трагедия.

На том они и расстались. Вечером, возвращаясь домой после прогулки с младшим сынишкой, Петр Семенович на углу своей улицы неожиданно столкнулся с Галей, которая бежала, никого не видя.

- Добрый вечер, Галя. Что случилось? - положив ей руку на плечо, участливо спросил учитель.

- Да не лезь ты, - дернулась девушка, но увидев учителя, сразу застеснялась.

- Ой, извините, Петр Семенович, я не думала...

- Да ладно-ладно Я не обижаюсь, - оборвал он Галю и, обратившись к сынишке, тихонько сказал:

- А ну, Игорек, беги домой, скажи маме, что я скоро приду.

- Вашего сына тоже Игорем зовут? - неожиданно спросила Галя.

- Почему тоже? Довольно распространенное имя. Значит, предмет твоей симпатии Игорь? - осторожно задал он мучивший его вопрос.

Галя опустила голову, засмушалась. Потом упрямо тряхнула кудрявым чубом:

- Да, Игорь! Ну и что? Рано? Мала еще? Да слышала, знаю, - запальчиво воскликнула девушка.

- Подожди, не кипятись. Давай попробуем спокойно разобраться.

Галя посмотрела в глаза учителю. В них не было ни тени насмешки. Но стоит ли ему верить? Папу она тоже считала своим другом, посоветовалась с ним, а он все маме рассказал. И мама неплохой человек, но ее, Галю, не понимает, считает своей основной задачей только одеть и накормить.

Петру Семеновичу Галя поверила. Они вдвоем медленно шли по улице и разговаривали. Учитель узнавал и не узнавал свою ученицу. Вначале она односложно и как-то безвольно отвечала на его вопросы, что называется, мямлила. Потом речь ее стала более связной и постепенно перешла в возмущенный, монолог.

- Обидно, Петр Семенович, что встретила такого труса. Мы летом на дискотеке познакомились. Гуляли потом втроем чуть не каждый день. Он мне как-то сразу понравился. Но однажды Марина мне говорит: «Не лезь к Игорю, он мой». Чего ради дружбы не сделаешь? Я не лезла. Перестала выходить с ними на прогулки. Но каждый раз ко мне прибегал его младший братишка с запиской от Игоря, в которой он назначал мне свидания. Я никак на это не отвечала. Откуда же мне было знать, что Маринке он тоже записки пишет и извиняется, что не может идти с ней на прогулку.

Однажды братишка записки перепутал. Ту, что он мне передал, я, не читая, сунула в мусорное ведро. Вечером пошла к родственникам за молоком, и по дороге Маринка на меня налетела. Я не сразу поняла, что стряслось, записку-то я не читала. А она называла меня, как хотела, оскорбляла. Пришлось ее послать.

- Это было месяц назад. А сегодня Игорь целое письмо прислал по почте. Просит поговорить с Мариной и, передать ей, чтобы она за ним не бегала, потому что я ему нравлюсь. Как Вы себе это представляете? Попадись он мне сейчас, убила бы.

- Подумай сама, Галя, достоин ли он твоего внимания, если поступает таким образом? Оглянись. Может быть, ты великана с гномом перепутала. Помнишь, сказку?

- В сказке-то все просто. Там всегда добро побеждает. А мне как быть? Ничего делать не хочется, тем более учиться, серьезно ответила на это Галя.

- Тогда могу прямо сейчас сказать диагноз твоей «болезни», - в тон ей сказал учитель. - Увлеченность, которая со временем пройдет.

- Разве это не любовь?

- Еще нет. Понимаешь? Любовь сама по себе предполагает активность. Человеку хочется быть лучше, чтобы его заметили, чтобы им любовались. Он невольно начинает следить за собой, даже походка его становится легкой, идет, будто на крыльях летит. Слышала такое? - Петр Семенович больше всего боялся, как бы это не прозвучало назидательно, поэтому говорил очень мягко.

- Вот полюбишь по-настоящему и лишишься покоя, но это будет твоей тайной. И никому ты об этом не скажешь, пока не разрешишь в себе. Когда любишь кого-то, хочется и весь мир любить.

- А у меня все наоборот, - вздохнула тяжело Галя. - Грустно очень. Можно, я пойду и обо всем подумаю одна.

- Конечно, конечно, - зашептал и Петр Семенович. - Только просьба у меня к тебе. Помиришь с Мариной. Неужели многолетняя дружба ничего для тебя не значит? Пусть не ты инициатор размолвки, но сделай этот шаг первой. Увидишь, самой легче будет.

Галя сказала, что подумает и направилась на другую сторону дороги.

Учитель стоял и смотрел девушке вслед. Ему еще многое хотелось сказать, он был уверен, что этот разговор не последний. Важно, что Галя ему поверила, но очень хотелось, чтобы и на родителей она зла не держала.

Через неделю, когда Петр Семенович вошел в класс, то первое, что заметил, Галя с Мариной сидели за одной партой

Живой труп

Женщина зашла ко мне, торопливо смахивая слезы. Глядя на лицо, ей никак нельзя было дать больше 40 лет.

- Любовь Петровна, - отрекомендовалась она и начала что-то искать в своей сумочке. Я смотрела на нее и пыталась угадать, какая беда привела ее в редакцию. Наконец, посетительница достала конверт и, молча, подала его мне. В конверте лежала цветная фотография совсем юного паренька. Он смотрел чуть в сторону от объектива и кому-то улыбался.

- Это мой сын, - отрывисто сказала Любовь Петровна. – Он уже никогда не будет таким.

- Он погиб?

- Лучше бы так. Он в тюрьме. А мертвецом стал еще до суда.

Я ровным счетом ничего не понимала, мало того, закрадывалось сомнение по поводу ее психического состояния.

Женщина, видимо, поняла это, села на стул и как-то совершенно безучастно проговорила:

- Сейчас все объясню. Вы не думайте, у меня все в норме, просто не знаю, с чего начать.

- А Вы попробуйте с самого начала, - предложила я.

* * *

- Родились мы с мужем в Оханске, — начала Любовь Петровна, - До восьмого класса вместе учились. Потом я в техникум, уехала. Пока училась, он окончил школу и в армию ходил.

Свадьба была у нас в июне, когда цвела сирень, а ночи были белыми и короткими. Свекровь хотела, чтобы мы здесь остались, но я настояла на своем. В Перми у меня была работа и жилье. Здесь же ничего не светило.

Ровно через год Сереженька родился. Мы нарадоваться не могли, такой смысленый мальчик рос да любознательный. Когда появился младший, Денис, мы ведь горя не знали. Сереженька с ним возился, ходить и говорить учил. У них разница в пять лет, — Любовь Петровна снова заволновалась и начала судорожно дышать, чтобы успокоиться.

- Никогда не прощу себе, что не послушала свекровь и не вернулась тогда в Оханск, — продолжала она уже ровным, спокойным голосом. - Сейчас не вернешь ничего, и винить некого.

Доверяла я ему, считала, что воля у него крепкая. Больше всего боялась, что он пить начнет, У него оба деда слабые на этот счет. Друзья Сережины постоянно в доме были. Мы хорошо их знали. Вроде, и секретов у них от нас не было.

Любовь Петровна снова не выдержала. Закрыла лицо руками, подавляя всхлипы. Потом снова заговорила.

- Передайте молодежи. Пусть знают, что оттуда возврата нет. Любое лечение бесполезно. Это живые трупы.

* * *

Все началось с нечаянной вечеринки, когда Сережа в техникуме уже учился. Он прибежал домой и сказал, что придет поздно, так как один хороший парень в гости пригласил. У него уже машина своя — так что он довезет.

Казалось бы, что особенного? Сын пошел к друзьям. Но что-то нехорошо было на душе. Муж еще посмеялся: «До женихов будешь его у юбки держать?»

Не могла заснуть, пока он не вернулся. Зашла в его комнату. Сын сидел с наушниками и качался в такт музыке. Когда он посмотрел на меня, я его не узнала. Думала — пьяный. Странно, что от него спиртным не пахло. Глаза были такие... Не могу передать... Ну, бешеные, что ли.

Утром с трудом подняла его на занятия. Он вообще-то жаворонок и проблем с подъемом не было, а тут...

Потом, вроде, все наладилось. Я успокоилась, а муж все иронизировал: «Что ты из мухи слона делаешь? Хороший у нас парень. Я его вчера с девушкой видел. Влюбился — вот и глаза бешеные».

Теперь по вечерам сына невозможно было удержать дома — как с цепи сорвался. Однажды встретила Диму — Сережкиного друга. Спросила, почему в гости к нам не заходит. Он и ответил:

- А что мне у вас делать? Серегу техника больше не интересуется. Он бизнесом занялся.

- Каким бизнесом? — оборвала я его.

Дима понял, что проговорился и замолчал.

- Но вы-то, друзья, почему за него не боретесь, если он вам дорог? – воскликнула я.

- Да, видно, мы ему не дороги, - ответил Дима. - Знаете, Любовь Петровна, сколько раз я с ним разговаривал? Это у него не сегодня началось. Еще в начале учебного года, когда он с Коржаком подружился.

- У которого машина своя?

- Ну, да, у нас его не любят. Хвастун и плут. Вот он и приглядел Серегу. Умный, и руки золотые. Знает, что парень на машину «кдюнет». Мы прямо при Коржаке это ему сказали, так Сережка нас послал...

* * *

Сережа послал... Даже не верилось. Я от него ни одного дурного слова не слышала. Шла домой, как во сне. Квартира была пуста. Прошла в комнату сына. Открыла ящик стола. Вроде, ничего особенного не нашла, кроме записки, которая насторожила: «Серенький, в субботу там же и с товаром. Побалдеем. Жанна».

Что только я не передумала, пока ждала своих домочадцев. Решила поговорить с Денисом. Может быть, он что-нибудь замечал, ведь братья часто бывали вместе.

Денис на мои вопросы отмалчивался, а потом, глядя мне в глаза, сказал:

- Мама, не пытай меня. Ничего не знаю и никого не видел. Только для меня Сережа больше не пример.

Было ясно, что Денис что-то не договаривает. Вечером рассказала мужу все, просила поговорить с сыном. На ужин Сергей не пришел. Явился около двух часов ночи и сразу прошел к себе. Муж встал и направился вслед за ним. Я не слышала, что происходило в комнате – играла музыка. Прошло полчаса – тихо. И вдруг, словно взрыв, возмущенный голос мужа:

- Ты что же, шенок, угробить нас решил? Где вы взяли эту погань? Это же яд! Говори, иначе своими руками придушу! – Понесся звук падающих предметов.

Я забежала в комнату и обомлела. На полу валялись порногра-

фические журналы с яркими обложками, коробочки со шприцами и еще что-то. Сереженька сидел на столе и ногами отбивался от отца, который бил его попавшим под руки проводом.

Я повисла на руке мужа. С другой стороны вовремя подбежал Денис. В нашем доме драк никогда не было, и мне казалось, что все это снится.

Старший слез со стола и закричал:

- Прошу освободить помещение!

К нему подбежал Денис:

- Серёжа, не кричи на них, они ни в чем не виноваты.

- Так это ты, падла, раскололся? Маменькин сынок!

Серёжа был страшен в гневе. Снова поразили меня его бешеные глаза. Но это был мой сын, мой!

Любовь Петровна надолго замолчала. Потом попила воды и посмотрела на часы:

- Если я не расскажу сегодня, - сказала она, - то уже никогда не расскажу. Не торопите меня. Здесь у меня никого нет пока, а Вася немного знаю...

- В этот момент, - продолжала она, успокоившись, - до меня еще не дошло, почему в доме оказались шприцы, и что за товар просила принести Жанна. И вообще, кто она, эта Жанна?

* * *

На другой день в комнате сына был порядок. Ничего не говорили о ночной потасовке. На столе для меня осталась записка:

- Мама, меня не ищи. Я взрослый и поступаю так, как мне нравится. В средствах не нуждаюсь. Сергей.

- Господи, - думаю, - давно ли я считала его своей опорой? Муж не хотел даже слышать о сыне, а мне все мерещились его шаги за дверью. За неделю, что он отсутствовал, я на десяток лет постарела.

Вскоре познакомилась и с Жанной. Она сама пришла к нам. Спросила, где Серёжа. Я предложила пройти в его комнату, сама вошла следом.

- Ты Жанна? — спросила с порога.

- Да. Откуда Вы знаете?

- Да уж знаю. А годочков тебе сколько?

- Пока 17. Нигде не учусь и не работаю. Меня брат содержит. А Серенький Ваш мне нравится. Такой ягодка.

Она держалась вызывающе, но была хороша собой. Волнистые темные волосы обрамляли ее смуглое лицо и спускались по плечам. Распахнутые голубые глаза смеялись, И вся ее стройная фигурка в джинсовых шортах и полосатой майке как бы говорила:

- Да, я такая! Попробуйте, возьмите меня голыми руками

- Жанна, — миролюбиво попросила я, скажите, что происходит? Если пожениться решили - дело ваше. Но ведь я вижу - неладно с ним. Он пьет?

- В меру, - ответила девушка. - Я не обижаюсь. Он у меня шелковый.

- А где он сейчас?

- Его нет в городе. Завтра будет.

- Он наркотиками торгует, мама,- брякнул неожиданно появившийся в комнате Денис.

Жанна побледнела, ее глаза забегали, потом сузились и жестко посмотрели на Дениса.

- Ну, ну, давай, мальчик-ляля, потом посмотрим. - Затем она повернулась ко мне и бросила:

- Наркоман Ваш сын, мамаша. Ради меня он на иглу сел. Из того мира его не вытащит никто... - и ушла, хлопнув дверью.

Меня столбняк хватил. Я все видела, но не могла пошевелиться. Вдруг мгновенно до моего сознания дошло, что надо спасать Дениса. На другой день я отправила его к бабушке. А еще через неделю решили с мужем тоже перебраться в Оханск. Но как быть с квартирой? Нужен был Сергей. И я искала. Ездил по дачным поселкам, сторожила возле дома - все тщетно.

Выручил Дима. Он предложил подвезти на мотоцикле до той улицы, где в это время находился Сережа.

- У меня в том доме родственники живут, - сказал он. - Я случайно увидел, что они там собираются. Но их много, тетя Люба. Не ходите. Они все могут.

Но как я могла не пойти? Сын-то ведь мой. В тот день муж за-

держался на работе. Я позвонила Диме, он довез до угла и сказал, что будет ждать возле магазина.

* * *

На лифте поднялась на шестой этаж. Из угловой квартиры доносилась музыка. Я решительно нажала на звонок. Никто не вышел. Толкнула дверь и осторожно вошла в прихожую, где в беспорядке стояла обувь, в основном, мужская. Из ванной доносились стоны и рыдания. В кухне кто-то напевал. В проходной комнате было человек шесть. Если бы я не видела это своими глазами, ни за что бы не поверила. Молодые люди лежали в беспорядке, полуобнаженные. Кто-то метался, кто-то просил «кайфу еще», кто-то лежа пытался дотянуться до бутылки коньяка. В центре на маленьком столике валялись шприцы.

До следующей комнаты я не дошла. Послышался густой сочный бас:

- Вы что, придурки, дверь не закрываете? Ментов ждете?

Хлопнув дверью, зашел в комнату и тут увидел меня.

- Паскуда! Ты как сюда попала? - в выражениях он не стеснялся - Тоже «кайфу» захотела?

Встреть я его на улице или в каком-то учреждении, не подумала бы о нем плохо. Одет со вкусом, и лицо красивое.

- Я сына ищу, Сергея, - голос плохо повиновался мне, и получалось как-то заискивающе.

- Ладно. Раз пришла развлекаться, давай. Сейчас дерни, тетка, для храбрости, а потом стриптиз будешь показывать, — и налил целый стакан коньяку!

Вообще-то, я выпиваю очень редко. А тут со злости схватила стакан и выпила все до дна. До сих пор не верится, что я могла такое «учудить». Потом бросила стакан и пошла на этого молодого человека, да еще и ору:

- Ты мне сына верни, гад, или я тебя посажу.

Он вначале от неожиданности даже присел. Потом очухался и, молча, открыл дверь в третью комнату. Сережа и Жанна лежали поперек дивана. На стене у дивана висели обложки из порножурналов и фотографии;

- До чего, оказывается, опустился мой сын,- подумала я тогда.

- Ну, что, тетка, стриптиз будем показывать? Коньяк надо отрабатывать,- раздался над ухом знакомый бас. - Или помочь тебе?

До меня не сразу доходил смысл того, что он говорил. Я знаю, что лучшая защита - нападение, поэтому «выступала» вовсю. Может быть, это коньячный «заряд» помогал или что другое - не знаю. Меня возмущал тон этого молокососа, который мне в сыновья годился.

Я кричала на него и смотрела на лежащих. Они ничего не слышали. Шевелились, как сонные мухи. Это были не люди, а безвольные животные.

Коржак, а это был он, с ухмылкой смотрел на меня и цедил сквозь зубы:

- Не старайся. Крика твоего никто не услышит, музон громче тебя орет.

И я сникла. Из кухни вышел мужчина средних лет и приказал Коржаку:

- Что, не знаешь, как успокоить? Держи ее руку!

Вот тут я испугалась. Честно. Даже дыхание перехватило, ни слова не могу сказать и все.

Тогда закричал Коржак, выхватывая шприц из рук мужчины.

- Вы что? Это мать Серегина, расколется ведь. Он нам еще нужен.

Тут в проеме двери показался мой сын. Волосы всклокоченные, глаза безумные, совершенно голый и с гантелей в руке.

- Я тебя убью, Коржак, если мать тронешь, — закричал он.

- Не ори, псих, трусы надень, а то ведь мать тебя с рождения таким не видела, - спокойно отпарировал мужчина.

Коржак начал трясти и пинать парней, что «балдели» на полу, он был уверен, что я привела «хвоста». А мужчина, что-то шепнув Коржаку, взял дипломат и вышел.

* * *

Каюсь, я плохо подумала о Диме, когда он просил не ходить в эту компанию, сочла его трусом, а он молодцом оказался. Подождав меня с полчаса, он по телефону разыскал мужа. Тот на такси

пригнал к дому, да еще товарища с охотничьим ружьем прихватил.

Но я ничего не смогла сделать для сына. Пока Коржак возился с парнями и выталкивал их за дверь, я забежала в соседнюю комнату. Даже вспоминать не хочу, что увидела там. Жить не хотелось. И тут раздался звонок. Коржак насторожился. Быстро убрал со стола «следы преступления» и направился к двери.

Муж заскочил в квартиру. Без слов схватил меня за руку и вытащил на лестничную площадку. Приказал мне ехать домой, а сам побежал звонить в милицию.

Понятно, пока он бегал, пока милиция приехала, в квартире уже никого и ничего не было, кроме нашего сына, который спал. Возле него стояла бутылка коньяка.

Через месяц Сережу взяли с поличным, как торговца наркотиками. Нас вызывали в милицию, брали показания.

* * *

Вдруг Любовь Петровна без всякого перехода начала говорить о том, что сыну плохо в тюрьме. Он играет в карты, чтобы купить наркотики, не понятно, как это зелье туда попадает. Она уже советовалась с наркологом, он ничего хорошего не обещает.

- Он никогда уже не будет веселым и жизнерадостным, понимаете? - воскликнула она. Он никогда не будет Человеком. Он уже нравственный урод.

Чем я могла успокоить мать, которая прекрасно понимает, что потеряла сына навсегда. Можно было просто выслушать, ничего не публикуя. Но Любовь Петровна несколько раз повторила одну и ту же фразу:

- Передайте молодежи... Если б я знала... надо уберечь молодых...

Ради молодых, которые зачастую из любопытства пробуют «белую смерть», я и решилась написать этот рассказ. Попадая в омут наркомании, человек уже никогда не будет полноценным, потому что парализована его воля. Он дышит, ходит, но по сути своей становится «живым трупом».

1996

Бабник

Молодость, молодость...
Золотое время, только уж
очень бездумное, - так ду-
мала Анна Петровна, глядя
на стоящего возле зеркала
сына, который никак не мог
справиться с галстуком.

- Мам! - наконец не вы-
держал он, - помоги мне, а то я опаздываю.

- Ну вот, все-таки вспомнил, что у тебя мать есть, - с дрожью в
голосе произнесла она.

- Мам, ты чего? Я, правда, опаздываю.

- Ничего, Алеша, ничего. Просто отца твоего вспомнила. Он 18
лет назад таким же был и перед зеркалом любил крутиться, как
девчонка! ...

- Скажешь тоже! - засмеялся сын - Он же лысый, и глаза у него
пустые.

- Большой ты у меня, Лешка, а самого простого не понимаешь.
Твой батя неотразим даже сейчас.

Когда за сыном захлопнулась дверь и шаги его смолкли, Анна
Петровна устало опустилась в кресло. Спешить ей было некуда,
никто ее не ждал, разве что тетради.

В Оханске она оказалась более 20 лет назад, после окончания ин-
ститута. Не думала, не гадала, что навсегда останется в этом городе.
Хотела отработать положенные три года и завербоваться на Север.

Аркадий перепутал все карты. Он появился однажды на тан-
цах, высокий, голубоглазый, с ежиком русых волос. На маленькую
скромную Анну он даже не взглянул, а она весь вечер искала его
глазами и злилась на тех, кого он приглашал на очередной танец.

Подружки, с которыми она жила, потешались, над ней:

- Куда ты ему такая маленькая да худосочная? В кармане носить?

- Смейтесь, смейтесь. Вот увидите, Аркадий мой будет, - пари-
ровала девушка.

Но проходили дни, недели, месяцы - все оставалось по-прежнему. Аркадий Аню не замечал

* * *

Они познакомились теплым июньским вечером на берегу Камы. Анна пришла туда после экзамена с ребятами выпускного класса. Катались на лодке, вспоминали смешные случаи на уроках. Ученики ее любили и тянулись к ней, после школьных вечеров всегда провожали до дома.

Незаметно Анна отошла от ребят и торопливо скрылась за кустами. Ей хотелось побыть одной. Отойдя подальше от причала, села в пустую лодку и с наслаждением распустила свои пушистые вьющиеся волосы.

В этом месте берег был пуст, и она запела, как это бывало, раньше, еще в школе.

- Береза белая, подруга, осенних зорь, прозрачных рек... - песня лилась над водой, и вечерний воздух усиливал звук.

За спиной неожиданно послышался всплеск воды. Анна испуганно обернулась, и замолчала. К берегу приближался пловец. Плыл он сильно, уверенно. Анне было жаль потревоженного одиночества. Она встала, собираясь уйти.

- Куда же Вы, златовласая незнакомка? - заговорил вдруг пловец. Девушка узнала голос Аркадия. Сердце ее радостно забилося.

- Не уходи, - подсказывало оно ей. - И Анна снова присела на корму лодки.

Аркадий стоял по пояс в воде, и лучи заходящего солнца играли в каплях воды на его загорелом теле.

- Ты хорошо поешь, я на твою песню плыл, - улыбнулся он. - Меня Аркадием зовут, а тебя?

- Аней.

- Слушай, подожди меня здесь, я за одеждой сплаваю и вернусь, - предложил он и, не дожидаясь ответа, нырнул в воду.

Она уже справилась со смущением. Быстро собрала волосы в пучок и закрепила их на затылке. Очень скоро на берегу появился Аркадий в синем спортивном костюме.

- Где же твои чудные волосы? - воскликнул он - Разве такую

красоту прячут? В них же купаться можно.

Анна даже покраснела от его слов, но волосы не распустила, боялась встретить своих учеников, которые привыкли видеть ее аккуратной и причесанной.

Только под утро вернулась она домой, возбужденная и веселая. Чтобы никого не потревожить, разделась в темноте и легла спать. Уснула мгновенно. И снился ей Аркадий, его сильные, крепкие руки, обезоруживающая улыбка.

Они бродили по городу каждый вечер, болтали обо всем. К осени он стал поговаривать о том, что есть у него желание завербоваться куда-нибудь на север, чтобы заработать себе на машину. Она созналась, что и у нее есть такое желание, но нужно еще один год отработать, тогда она – вольная птица.

- Так давай распишемся в ЗАГСе, и тебя отпустят со мной, - предложил он.

- Нельзя так сразу. Надо с родителями посоветоваться, - запротестовала она. – Да и старше я тебя, твои родные тоже могут быть недовольны.

Спорили долго. Наконец, Анна сдалась. На следующий день молодые унесли заявление в ЗАГС. И тут, действительно, воспротивились родственники жениха. Они считали, что их красавец-сын достоин лучшей партии, чем какая-то провинциальная учительница.

Аркадий не посвящал в эти дрязги девушку и продолжал ходить к ней. Видя такое дело, подружки из комнаты частенько уходили, оставляя молодых один на один. Тогда Аркадий распускал Анины волосы, вдыхал их запах. Он называл Анну Нюркой, но в его устах это звучало ласково и не оскорбительно.

* * *

Когда Анна поняла, что будет матерью, сказала об этом Аркадию. Он как-то растерянно и несмело произнес:

- А, может, пока не надо? Сами еще не устроены, да и уезжаю я через две недели.

- Куда? – воскликнула Анна. – Ты же ничего не говорил! А как же свадьба?

- Что ты, Нюрка, какая свадьба? Мои предки против. А заяв-

ление из ЗАГСа я забрал еще на той неделе. Ты ведь своим все равно еще не сообщила.

Анна ожидала чего угодно, но подобного предательства любимого человека предположить не могла. Это был удар. Но девушка умела владеть собой. Она спокойно подошла к Аркадию и с особым удовольствием вlepила ему хорошую оплеуху.

- А теперь иди! – скала ему. – И никогда не попадайся мне на глаза. Слышишь? Никогда!

Больше Аркадий не приходил, а вскоре уехал из города. Анне было стыдно перед коллегами. Одни осуждали ее, другие открыто защищали, часто поддерживая советом или просто участием.

* * *

Сын родился теплым весенним днем, и первыми узнали об этом вездесущие ребяташки из ее класса, так как тетя одного из них работала в больнице. Они пришли под окно всем классом, принесли подснежники, через санитарку передали письма. Потом «прилетели» подружки. Нанесли конфет и печенья, фруктов...

В день выписки они выпросили у знакомых машину, чтобы встретить Анну с малышом. Своей комнаты она не узнала. Вместо четырех кроватей стояло две. Одна для нее, а другая, маленькая, возле печки, для сынишки. В углу уютно пристроился небольшой шифоньер, а у стенки – сервант.

- Теперь, ты здесь полная хозяйка. Мы нашли себе другую квартиру, - сказали они.

- Девочки, как же я без вас? Скука такая!

- Скучать тебе некогда будет. А помогать мы будем. Да и Гавриловна, соседка, с твоим малышом согласилась водиться.

Первую неделю Анна суетилась, стараясь все успеть. К ночи валилась с ног от усталости, но плач сына поднимал ее снова и снова. Она нервничала, боялась, что пропадет молоко.

В один из таких сумасшедших дней к ней заявили целой делегацией родственники Аркадия. Они оценивающе осмотрели скромную комнатку, сели у порога.

- Анна Петровна, - обратилась к ней мать Аркадия. – Мы вот поговорить пришли.

- О чем? – дерзко бросила Аня. – Я вас не знаю, и никого чужого не хотела здесь видеть.

- Но ребенку-то мы не чужие, хотя кто его знает... - многозначительно произнесла вторая женщина, видимо, тетя. – Нам бы взглянуть на него.

- Уходите отсюда, - вне себя крикнула Анна. – Не нужны вы мне, и Аркадий ваш мне не нужен. А сын мой, и только мой!

В этот момент зашла Гавриловна. Она вытолкала непрошенных гостей и бросилась к Анне. Та плакала навзрыд, уронив голову на стол.

- Не обращай внимания, Анечка, - уговаривала Гавриловна. – Ты ведь знаешь, если человек глуп, то надолго, а дуракам и вовсе Бог ума не дает.

* * *

Постепенно все входило в свою колею. Одинокой Анна себя не чувствовала. Часто заходили ребята из школы, учителя. Мать Аркадия еще несколько раз пыталась поговорить, предлагала деньги, но Анна гордо отвергала такую помощь.

Через несколько месяцев пришел перевод от Аркадия. После трех извещений Анна спросила Гавриловну, что ей делать.

- Вот что, милочка моя, будете вы с ним жить, не будете – дело десятое, а вот моральный ущерб пусть возмещает. Сходи и получи деньги. Не лишние. Это не подачка, Алешку на них содержать будешь.

Раз в полгода Аркадий, присылал большую сумму денег, но писем не писал.

* * *

В тот день Анна затеяла большую стирку и выпроводила Гавриловну с сыном погулять во дворе. Когда возле дома остановилась машина, никто не обратил на нее внимания, кроме Гавриловны. Она увидела, что молодой человек, вышедший из машины, внимательно оглядывает детей. Что скрывать, когда любой посторонний мог сказать, что этот человек и Алешка - одно лицо, только цвет глаз разный. Она отправила мальчика в песочницу, а сама поспешила на второй этаж доложить о неожиданном визите.

Анна увидела на пороге запыхавшуюся Гавриловну, а за ней - высокую фигуру Аркадия.

- Здравствуй, Нюра! - бодрым голосом произнес гость.

Гавриловна ошалело посмотрела на него и отступила, давая им возможность самим разобраться в своих отношениях.

- Говорят, гордая очень стала. С чего бы это? - съязвил он. - Или богато жить начала?

- Не тебе мое богатство считать, - ответила Анна. - Не волнуйся, твои деньги все на сына ушли, а теперь убирайся.

Она схватила из тазика мокрые Алешкины колготки и наотмашь ударила ими по лицу Аркадия. Тот спешно ретировался.

- Ну, Нюрка, на коленях будешь ползать, а помощи не получишь! - в гневе огрызнулся он и вышел, громко хлопнув дверью.

Потом не раз бывало, что Анна, придя, в детсад за сыном, не обнаруживала его. Воспитатели не могли понять, каким образом мальчик проникал на улицу и уезжал в машине.

В конце концов, она разрешила видаться отцу с сыном. Случалось, Аркадий неделями жил у них. Однажды спросил, почему отчество сына не Аркадьевич, а Петрович? Анна ответила, что сын ее, и только она вправе решать, какое отчество ему дать.

- Аркадий то появлялся, то исчезал. Его везде принимали. Девчонки за ним все еще бегали. Жил, как ему нравилось, не обременя себя ни семейными узами, ни домашними делами.

* * *

Когда Алешке исполнилось 13 лет, в квартире собрались гости. В тот день он узнал, что у него есть брат, который учится в первом классе, а совсем недавно родилась сестренка, и зовут ее Юлькой. Все это мать сказала ему сквозь слезы, когда гости разошлись.

- Никогда, не будь, как отец,- плакала Анна.- Бабник он у тебя. Бабник!

Но, несмотря ни на что, мальчика тянуло к отцу. Они часами могли вдвоем копаться в технике или разгадывать кроссворды. Вечерами Аркадий учил сына водить машину, ремонтировать мотоцикл. Тут уж Анна ничего не могла сделать.

Окончив школу, Алексей не спешил никуда поступать, пошел разнорабочим и жизнью своей был доволен.

Анна с ужасом замечала, что сын во многом напоминает отца.

А, главное, меняет девчонок, как перчатки. То Люба, то Катя, потом Ирина, а теперь Зоя. Некоторых из них она учила, и, порой, ей так хотелось сказать, что не отдаст она им сына. Потом вдруг вспоминала себя. Правда, годами она была постарше, но ситуация-то похожая. Давно Анна примирилась с родственниками Аркадия, но осадок в душе все равно остался. Ей совсем не хочется делать больно другим, и по долгу службы не положено. Но как объяснить этим 15-16-летним девчонкам, что не нужны они ему, что он поиграет и бросит, а они всю жизнь будут страдать.

Вот-вот сына возьмут в армию. Как он там адаптируется? В обиду он себя, конечно, не даст, но очень уж ершист и высокомерен.

- Надо же, - вздыхает Анна Петровна, - взял от отца худшие черты, а мне так хотелось, чтобы из него вырос помощник, мужик в самом лучшем смысле этого слова.

Ей не раз казалось, что одна она бы лучше воспитала Алешку. На его глазах отец бегал то за одной юбкой, то за другой, а потом цинично заявлял, что, сколько бы он ни болтался, а «Нюрка всегда примет, она добрая».

Аркадий до сих пор не собирается оформлять свои отношения ни с кем, ответственность брать на себя не хочет. А у Анны Петровны иногда появляется желание вцепиться в горло тем, кого обхаживает Аркадий, ее Аркадий.

- Собственно, почему он твой? - протестует внутренний голос.
- Вряд ли ты была у него первая. Да и у всех остальных женщин, любящих его, такие же права, как у тебя.

И Анна Петровна соглашается с этим. Аркадий уже не такой красавец, каким был 18 лет назад. И голубые глаза побледнели, и волосы поредели, как говорят, от чужих подушек. Но представить возле себя другого человека Анна Петровна не может.

* * *

Подошла к окну и увидела на скамейке среди деревьев сына. Он разговаривал с двумя незнакомыми Анне Петровне девушками.

- Вот бабник растет, ну и бабник, - покачала она головой, прежде чем задернуть шторы.

Не та мать, что родила

Услышав резкий звонок в дверь, Катя от неожиданности выронила тарелку, и та, долетев до пола, раскололась вдребезги. Злясь на незваного гостя, она открыла дверь и остолбенела. Перед ней стоял Андрей, ее первая любовь, ее позор. Она смотрела на него широко открытыми глазами, с языка готовы были сорваться слова негодования: «Да как ты мог, как ты смел?». Но предательски задрожал подбородок, и Катя сдержалась. Андрей без предисловий сказал:

- Катя, выходи за меня замуж. Больше мне никто не нужен.

Катя уже взяла себя в руки, и презрительно съязвила.

- А что, старая жена тебя уже не устраивает? Поменять решил? А, может, выплата за неверность? Больше двух лет не давал о себе знать, а тут явился. Кому ты здесь нужен? Иди к той, которая тебя ждет.

Андрей на мгновение смешался, опустил голову и тихо произнес:

- Никто меня не ждет. Еще год назад похоронил. Она болела долго, онкология. Мишутка со мной живет, я у него и мама, и папа.

- А ты хоть знаешь, что я не одна живу? – спросила она.

- Все знаю, потому и пришел. Это ведь и моя дочка. Сможешь ли ты стать матерью чужому ребенку, сказать не могу, но ему, кроме меня, нужна еще и мать. Он ее не помнит. Не тороплю. Ты подумай, а я как-нибудь наведаюсь.

У Кати все внутри перевернулось. Она любила Андрея с 15 лет, он был ее старше, но с ним было интересно. После школы уехал из Оханска, но каждый выходной приезжал, и был своим человеком в доме.

А потом был Катин выпускной и короткая летняя ночь в палатке. Счастливое лето и радость поступления в институт. Студенческая жизнь увлекла ее и, порой, не было времени встречаться с Андреем. Но звонила она ему ежедневно.

И вдруг, как гром среди ясного неба – Андрей женат. Катя не смогла позвонить ему в условленное время, сделала это позднее.

На другом конце провода ответил женский голос. Катя подумала, что родственники к нему приехали, и попросила позвать Андрея.

- Его нет дома, - ответил голос. – Что ему передать?

- А Вы кто? – спросила Катя.

- Лена, жена Андрея.

- И давно Вы жена, - робко поинтересовалась Катя.

- Знаете что, девушка? Узнайте у самого Андрея, - ответили в трубке.

* * *

Потом уже больше ничего не было. Когда Катя поняла, что в ней зародилась новая жизнь, она домой ездила редко. Мать, почуввав неладное, настояла, чтобы дочь показалась врачу. Начались косые взгляды, разговоры.

Однажды на лекции Кате стало плохо, но она крепилась. Ее состояние заметил преподаватель и отправил в медпункт. Оттуда на «скорой помощи» девушку доставили в больницу. Ребенок умер, так и не родившись, и врачи боролись уже за Катину жизнь.

Придя в себя, Катя тупо уставилась в потолок. Она, доставившая столько горя родителям, так ждавшая, вопреки пересудам, своего первенца, лежала на больничной койке, пустая и обессиленная. Она уже знала, что никогда не сможет иметь детей.

Ее утешали соседки по палате, медсестры, говорили, что все еще образуется, что нет безвыходных ситуаций. Катя ни на что не реагировала.

Когда к ней подошла врач. Катя даже головы не повернула.

- Милая ты моя девушка! Не твоя вина, что так случилось, - обратилась к ней женщина. - Я тебя прошу - будь матерью чужому ребенку. Его вчера 15-летняя мамаша оставила. Об этом никто не узнает.

В палату уже входила медсестра с аккуратным свертком в руках. Катя взглянула на ребенка, и глаза ее загорелись. Девочка была синеглазая со светлым пучком волос на лбу и казалась такой беззащитной, что Катя невольно протянула к ней руки.

Врач отправила телеграмму матери, и в день выписки родители приехали в больницу с детским приданым. Ни слова упрека не

услышала от них Катя. Когда сели в машину, отец коротко скомандовал шоферу:

- Домой!

Здесь, в Оханске, Катя по-настоящему почувствовала себя матерью. Она бросалась к девочке на каждый крик, по нескольку раз вставала к ней ночью, с удовольствием стирала и гладила пеленки. Дала дочке простое русское имя - Мария. В заботах Катя и об Андрее почти не вспоминала, и вот тебе на... Сам пришел.

Катя долго думала. Наконец, решила посоветоваться с отцом. Она ему доверяла больше, чем матери. И на этот раз он внимательно выслушал Катю, потом пробасил:

- Ох, и характер у тебя. Катюшка. Все готова простить. А он оценит это?

- Пойми, папа. Я никого, кроме Андрея, не хочу видеть возле себя, а тут такой случай. Может быть, это судьба?

- Ну, что ж, ты, я вижу, все решила сама. И правильно. Тебе жить.

Через два месяца Катя с Андреем зарегистрировались. Предварительно Андрей подготовил Мишутку к тому, что скоро вернется мама с сестренкой. Когда Катя вышла из автобуса, Миша бросился к ней:

- Мамочка! Почему ты так долго не ехала? Я соскучился, мама!

Катя, конечно, такого не ожидала. Она дрожащими от волнения руками подняла и прижала мальчика к себе.

- Все хорошо, сын, мы теперь всегда будем вместе. Пойдем, я познакомлю тебя с сестренкой.

Девочка спала на плече Андрея и улыбалась во сне. Он осторожно переложил ее в свои большие уютные ладони. Так они добрались до дома: молодые с детьми на руках, а на некотором расстоянии от них дедушка с бабушкой.

* * *

Несколько лет прожили Андрей и Катя в Перми. Когда пришла пора идти Мише в школу, решили вернуться в родной город. Поменили благоустроенную квартиру в областном центре на дом в Оханске, завели козу, поросенка, кур. Поначалу помогали родители.

К детям Катя относилась одинаково, но в первое время ловила

себя на том, что кусочек повкуснее старалась положить мальчику - сиротка все-таки. Но это быстро прошло. Дети, как в любой семье, ссорились, мирились, бывало, и ревновали друг друга к родителям - все было.

А однажды Катя испытала панический страх за свою семью. Миша принес записку от Марийкиной учительницы. Та писала, что девочка плохо ведет себя на уроках и постоянно обижает соседа по парте. Просила зайти в школу.

Вечером, после ужина. Катя спросила Марийку, как дела в школе. Девочка неопределенно пожала плечами и вдруг заплакала:

- Если Сережка еще раз назовет меня «подкидышем», я выцарапаю ему глаза, - сказала дочь сквозь слезы.

У Кати в глазах потемнело: «Откуда? Кто узнал, если она никому ничего не говорила?»

Андрей был в командировке, посоветоваться не с кем. Едваждавшись утра, она поспешила к учительнице. Там все и выяснилось. Маленький шупленький Сережка и не скрывал, что называл Марийку «подкидышем».

- А че, она меня задолбала совсем? Как подкинули нам ее из другого класса, так и раскомандовалась: «Учи да учи!» Только глянешь в ее тетрадку, она сразу - раз! - по шее: «Сам думай!» Прошлый год с Ленкой сидел. Когда че не знал, у нее списывал, а потом сумку ей до дому носил. «Подкидышу» про это сказал на уроке, дак она меня чуть не зашибла. Полскулы своротила.

Катя вместе с учительницей невольно расхохоталась, почувствовав облегчение.

- А ты, Сережа, поосторожней с выражениями, - сквозь смех сказала она. - Понимаешь, слово «подкидыш» Маше совсем не подходит, ее просто перевели к вам из другого класса, а не подкинули под дверь.

- Все равно с ней сидеть не буду, - надулся мальчишка. - Жил до нее и жил, никому до меня дела не было. А теперь даже мамка удивляется, что у меня в дневнике двоек не стало.

- Выходит, помогло тебе такое соседство? - улыбнулась учительница.

- Ну, да, помогло. Ладно, пойду я, а то уроки не выучу, завтра опять по шее схлопочу. – Он схватил сумку и через мгновение скрылся за дверью.

* * *

В доме этой дружной семьи я бывала не один раз, и никогда не слышала, чтобы кто-то из них повысил голос. Миша с Марийкой лицом не похожи друг на друга, но у них одинаковые привычки, похожие вкусы. Никому и в голову не придет считать их чужими. Дети очень любят и отца, и мать, но секреты свои Миша чаще всего доверяет маме, а Марийка - папе.

Катя считает себя счастливой женой и счастливой матерью. Совсем недавно она рассказала Андрею о «тайне» рождения Марийки, и это их еще больше сблизило.

1996

Судьба-судьбинушка

Выходя однажды из дома туманным хмурым утром, я столкнулась в подъезде с молодой миловидной женщиной. Она растерянно посмотрела на меня, потом, как бы спохватившись, поздоровалась и пошла рядом.

- Ваш дом мне показали, - начала она. – Только решиться никак не могла. Выслушайте меня, это очень важно. Не хочу, чтобы мои ошибки повторил кто-то другой.

Чужая среди своих

Кому нужна лишняя обуза? Девчонку надо сдать в детдом, - заявили собравшиеся на похороны родственники двух совсем еще молодых супругов, погибших в автодорожной катастрофе.

Пятилетняя Ася безучастно сидела в сторонке и ждала, как решится ее судьба. Она поверить не могла, что ее добрая, хорошая мама никогда уже не разбудит ее утром, а отец не поднимет ее своими сильными руками и не посадит на плечо. На глаза наворачивались слезы, но девочка не хотела, чтобы ее жалели, и всякий раз отворачивалась, заметив, что на нее смотрят.

В конце концов, представители материнской родни заявили, что коли Ася, как две капли воды похожа на отца, пусть и живет у его родственников. Так попала Ася в Пермь. В городской трехкомнатной квартире, кроме деда и бабушки, жили еще два брата отца и сестра.

Особой любви со стороны домашних девочка не испытывала. Жила сносно, была обута, одета. Очень привязалась к деду. Когда начала ходить в школу, они часами сидели вдвоем на диване, читали книжки или дед рассказывал внучке о войне.

Через несколько лет деда не стало. Вслед за ним в мир иной ушла и бабушка. Совсем тоскливо стало Асе. В школе всегда была замкнутой, не разговорчивой. В гости ни к кому не ходила, и к ней никто не навещался. По ночам мысленно разговаривала с мамой и часто, как наяву, слышала ее голос: «Терпи, дочка, не жалуйся, ведь тебя никто не обижает».

Ее и в самом деле, не обижали, но относились к ней, как к не-

нужной вещи – живет и ладно. Тетка, выйдя замуж, уехала куда-то на окраину города и в родительском доме бывала довольно редко. Дядя Леня после смерти бабушки привел в дом красивую, но взбалмошную женщину, назвавшуюся Зоей Карловной. Настроение ее менялось постоянно. Начала она с того, что переселила Асю в проходную комнату. Та и не сопротивлялась. Привыкла к послушанию. В комнате стоял телевизор, и дядя Леня все свободное время сидел возле него. Не стало у Аси собственного угла в доме.

С «младшим» дядей отношения у девочки не сложились сразу. Парень был ершистый, никому слова не давал сказать. Он с первого дня окрестил Асю утенком, а потом еще и гадким. Не позволил называть себя дядей, а только Константином и не иначе. Он был старше Аси на 11 лет и демонстративно не замечал девочку.

Ему ничего не стоило войти в комнату, когда она спала, включить свет и слушать музыку. В праздники он приводил своих друзей-студентов. Пока они пели под гитару бардовские песни, все было хорошо. Но, когда, подвыпив, начинали спорить, это было невыносимо. Ася уходила в кухню и терпеливо ждала, когда все уйдут.

В такие минуты она часто вспоминала последние слова деда, сказанные ей незадолго до смерти: «Трудно тебе придется, девочка моя. Просись в детдом. На дядек какая надежда? Они и обидеть могут. Мужики все-таки».

Ася не смела заговорить о детдоме. Она не знала, что сказать, если ее спросят, почему она хочет уйти от родственников. Плохих слов ей никто не говорил, голодной не была, и одевали ее не хуже других. Она еще не умела объяснить, что больше побоев ранят вежливые слова, сказанные в издевательском тоне и демонстративное нежелание домашних признать Асю членом семьи.

В этом отношении понятней была Зоя Карловна. Она хоть прямо говорила, чего хочет, а дядя Леня и Константин даже разговаривали с ней редко.

Роковой шаг

После восьмого класса Ася поступила в техникум, надеясь со временем получить общежитие. Учеба шла неплохо. У нее появи-

лись друзья, с которыми она бывала в театрах, на концертах, а однажды, после получения стипендии, даже в ресторане.

Там она и познакомилась с веселым черноглазым парнем по имени Денис. Он много читал, разбирался в музыке, любил бильярд и нарды. С ним Асе было легко. Встречая ее из техникума, всегда приносил цветы. Это было приятно. Но главное — Денис умел быть ласковым и неназойливым.

Несколько раз он приглашал Асю к себе домой, и она приходила. Родители Дениса тоже принимали ее очень хорошо, спрашивали о родителях, но она старалась уйти от этой темы. Ася видела, что Денису дома ни в чем отказа нет, его безумно любят. Как хотелось ей оказаться на его месте!

В день, когда Асе исполнилось 16 лет, Денис принес ей огромный букет роз и золотые сережки. Цветы она взяла, а от подарка отказалась. Вечером Денис снова пригласил ее к себе. Родителей не было дома — они уехали на дачу. Денис поставил на стол бутылку шампанского, коробку конфет. Ася еще никогда не пила спиртного и долго отказывалась. Денис уговорил выпить первый бокал. Ася несмело сделала несколько глотков и поперхнулась, перехватило дыхание.

- Ну, что же ты, Асенька, за свое здоровье и пить не хочешь? В этом вине и градусов-то нет.

Денис ласково гладил ее по голове, а сам все говорил, говорил... Ася опомнилась, когда бутылка была пустая, а на улице зажглись огни. Она заторопилась, направилась к двери. Голова кружилась, подгибались ноги. И снова уговаривал ее Денис, и опять она сдалась.

С той поры каждый выходной она стала приходить к Денису, когда его родителей не было дома. Однажды, одеваясь, почувствовала, что платье стало узко, а потом Зоя Карловна, откровенно разглядывая ее, намекнула, что «платье надо бы уже пошире шить».

За окном шумело лето, люди купались, загорали, а Асе жизнь была не в радость. Она не знала, что делать, с кем советоваться. Ближе Дениса у нее никого не было, и она сказала ему о своих подозрениях.

- Да ты что! - возмутился он, - на меня хочешь свой грех свалить? С тобой весь техникум спит, а я отвечаю? Еще неизвестно, чье это создание. И вообще, мне надо в институт готовиться, а то загремлю осенью в армию.

Ася была ошарашена его неприкрытым цинизмом. Он бегал по комнате, и глаза его грозно сверкали.

Девушка вернулась домой и честно, рассказала о случившемся Зое Карловне. Та брезгливо поджала губы и удалилась в свою комнату. Через некоторое время оттуда вышел дядя Ленья. Он подошел к Асе и вежливо сказал, что гуляющих в своем доме не потерпит.

На другой день Константин объявил, что женится, потом с улыбкой посмотрел на Асю и торжественно произнес:

- Итак, «гадкий утенок» хочет стать матерью. Как это похвально! Можно ли Вас спросить, уважаемая, где Вы собираетесь жить, и кто Вас будет кормить?

Ася молчала, а Константин, не дождавшись ответа, хлопнул дверью и ушел. Вечером он пришел с девушкой и сказал, что это Вера - его жена. Вопреки желанию домашних, Вера отнеслась к Асе с пониманием. Она сама ходила с ней к врачу, накроила распашонок, подарила широкое платье. И все-таки Асе было плохо. Она часами бродила по берегу Камы, поднималась на мост, но прыгнуть так и не решилась.

Проучившись два месяца нового учебного года, попала в больницу и накануне октябрьских праздников родила семимесячную дочку.

- Куда я с ней?- тоскливо думала Ася. - Дядьки в дом не пустят. Денис так ни разу и не показался. Совсем одна. А, может быть, оставить ее?

Утром к Асе подошла врач, спросила, как самочувствие, и какое имя она придумала дочке. Голос ее был негромкий, но ласковый. Ася уткнулась в подушку и залилась слезами, как будто выплеснула через эту соленую воду все, что давило на нее.

В день выписки за ней пришла Вера. Она загадочно улыбалась, забирая у нее сверток. Сойдя с больничного крыльца, Ася попа-

ла в объятия своих сокурсниц. Они привезли ей коляску и кучу подарков. За больничной оградой у решетки стоял Денис и, как всегда, с цветами. Он несмело подошел к Асе, но она не могла смотреть на него. В эту минуту веселый избалованный мальчик был ей ненавистен.

Дома еще никого не было. Вера захлопотала вокруг малышки, и Ася благодарно улыбнулась ей. Чужой человек оказался ближе родного.

- Как я себе завидую, Ася, - вдруг сказала Вера. - У меня никогда не будет детей.

- Почему? - с удивлением откликнулась Ася. - Ты такая молодая.

- Зато гнилая изнутри. Болезнь у меня неизлечимая. Врачи успокаивают, да только я все уже знаю. Это - наследственность. А Костя детей не любит, потому и женился на мне.

Первой с работы пришла домой Зоя Карловна. Она поздоровалась, подошла к спящей малышке, и ничего не сказав, ушла в свою комнату.

- Знаешь, Ася, а у Зои тоже будет малыш, - сообщила Вера шепотом.

Когда все были в сборе, состоялся семейный совет. Дядя Леня и Константин заявили, что Ася здесь жить не будет и предложили поискать квартиру. Вера долго убеждала их, что это не по-человечески, не честно, но мужчины стояли на своем.

- А почему бы ей не поехать в свою деревню? - сказала Зоя Карловна. - Она там жила. И ее обязаны принять.

К единому мнению так и не пришли. Ася не спала ночами, девочка тоже стала беспокойной. Если бы не Вера, наложила бы на себя руки. Ася назвала дочку Галей, в честь своей матери.

Бегство

Морозным декабрьским утром, собрав все необходимое, Ася с дочкой ушла на вокзал. Вере оставила записку, чтоб не искала. Она решила последовать совету Зои Карловны и уехать в свою деревню.

Председатель колхоза отнесся к Асе с душой. Он помнил ее родителей, добрых и работающих. Старый колхозный дом, где жила семья,

был заколочен. Последние его жильцы переехали в новый дом.

Председатель помог с дровами, комсомольцы привели квартиру в божеский вид, и через неделю Ася вошла в свой дом. Не было у нее ни посуды, ни ведер, выручили сердобольные соседки. Сельсовет помог с мебелью. Тяжело привыкала Ася к деревенской жизни, но никогда не жаловалась. Ей предложили работу уборщицы в правлении, пока еще дочка маленькая. Она согласилась, ведь пенсия, что получала за родителей, была небольшой. Полы мыла вечерами, когда Галя засыпала. Иногда за девочкой присматривала соседка.

Ася трудно сходилась с людьми, потому что там, в городе, ей приходилось больше молчать. Постепенно и не вдруг она ожила, даже пела, когда оставалась с дочкой вдвоем. Когда стаял снег, Ася сходила на родительскую могилку, вычистила холмик, поправила памятник. Долго смотрела на фотографию, с которой улыбались ей родители, и поймала себя на мысли, что завидует им. За свои 17 лет много ли радости она видела? Разве что в раннем детстве.

С горем пополам посадила Ася овощи в огороде и целыми днями копалась на грядках. Дочка росла и все больше требовала к себе внимания. Не любила оставаться одна, сразу крик поднимала. За все лето, кроме работы и дома, Ася ничего не видела. Звали ее в клуб, но оставлять Галю с чужими людьми не хотелось.

К зиме дочка пошла ножками, и Ася отдала ее в детский сад. Сама работала там, где была нужней: в правлении, сельсовете, на ферме. Все шло хорошо, но однажды, когда Гале было уже четыре года, упала она прямо на улице без сознания. Ребятишки тут же сообщили об этом Асе, и та, не помня себя, выскочила без пальто, схватила девочку — и бегом к фельдшеру. Сделав все необходимое, фельдшер привела девочку в чувство. В районной больнице, куда Ася привезла на другой день дочку, ее успокоили, но направление в областную больницу все-таки выписали. Все утро Аси кричало о нежелании ехать в Пермь. Однако здоровье дочери было ей дороже.

После новогодних праздников Ася впервые повезла Галю в областной центр. Она рассказывала о трамваях и троллейбусах, о

красивых нарядных елках на площадях и снежных городках. Галка слушала, открыв рот, и постоянно спрашивала: «Почему?».

В больницу они прибыли около обеда. Врач осмотрел девочку и сказал, что настаивает на серьезном обследовании сердца. Поэтому просит их задержаться в городе. Он спросил, есть ли у них родные или знакомые, где можно остановиться. Ася вначале сказала, что нет, а потом, подумав, добавила: «Если надо - найдем».

Она подумала о Вере, ей захотелось увидеть эту добрую милую женщину, поблагодарить ее за поддержку. Добрались до дома уже затемно. В окнах горел свет. На лифте поднялись до площадки, долго стояли у двери, не решаясь позвонить.

Подлость

Дверь открыл Константин. Он отошел в глубь прихожей, как бы приглашая войти, и с удивлением уставился на Асю. А она, раскрасневшаяся от мороза, с выбившимися из-под белой шапочки волосами, была хороша в этот момент.

После некоторого замешательства Ася спросила, где Вера. Константин на вопрос не ответил, сразу как-то засуетился, кинулся раздевать Галку.

Когда они втроем сидели в кухне за столом. Ася снова спросила, где Вера, и Константин ответил, что жена на курорте, а он сейчас позвонит брату, чтобы он приехал посмотреть на «гадкого утенка», который превратился в «красивого лебедя». Еще он сказал, что дядя Леня с Зоей Карловной получили отдельную квартиру, и у них растут два мальчика-близнеца.

Ася несколько раз порывалась уйти, но Константин не давал ей ходу. Уже начала «носом клевать» Галка, и ничего не оставалось, как положить ее на кровать. Без Веры Асе было неудобно, она устала и от долгой дороги и болтовни Константина. С появлением дяди Лени немного оживилась, но когда он подошел к ней близко, Ася отпрянула — от него разило перегаром. Дядя Леня достал из кармана бутылку водки, апельсин и банку консервов.

Пить Ася отказалась и ушла в комнату, где спала дочка. Прилегла рядом с ней и не заметила, как уснула. До последних дней своих Ася не забудет этой ночи и того позора и унижения, что ис-

пытала. Она почувствовала, что ее куда-то несут. Открыла глаза, рванулась, но ее держали крепко. Не успела открыть рот, как услышала: «Будь умницей, «утенок», если не хочешь сделать хуже дочке». Ее принесли на диван. Она сопротивлялась, кусалась, пыталась словами убедить, плакала, но силы были неравными. Дядя Леня держал руки, а Константин, разглядывая ее, приговаривал: «До чего же ладная лебедь из тебя получилась, и что я раньше не углядел?»

Ася не могла поверить, что такое может быть. Даже звери оберегают своих близких, а тут двое сильных здоровых мужиков на беззащитную женщину, приходящуюся им племянницей. Кричать Ася боялась, чтобы не разбудить дочку.

Дяди, как всегда, были «вежливыми». Они не оскорбляли словами, не отвечали на Асины удары и укусы. Дядя Леня все делал молча, Константин рычал. Нет, они не были сильно пьяными, эти довольные собой, сытые избалованные мужчины. Они все рассчитали. Поэтому действовали уверенно, чувствуя свою безнаказанность.

Когда они отпустили Асю и захрапели, занималось утро. Она быстро привела себя в порядок. Мысли путались. Кому жаловаться? Идти в милицию? Но кто ей поверит?

Она подошла к газовой плите, открыла кран и уронила голову на стол — будь, что будет. Ася не помнит, сколько прошло времени, когда через стекло двери в кухню увидела испуганное личико дочки.

- Да что же я делаю, — разом промелькнуло в голове, — они могут и ее...

Мигом одела девочку. Сунула ей в руки кусок хлеба с колбасой и осторожно закрыла за собой дверь квартиры, где ее так унизили кровные родственники.

Если бы не дочь... Но делать из Гали сироту она не имела права.

Плод позора

После той злополучной поездки Ася собиралась съездить к врачу, но все откладывала. Потом поняла, что поздно. Новая жизнь, зародившаяся в ней, давала о себе знать. Односельчане, приняв-

шие ее когда-то, как родную, не могли простить второго греха. «В тихом омуте черти водятся», — говорили они и равнодушно отворачивались. За глаза, а то и прямо, называли гулящей.

Плохо было Асе, но рассказать о своем позоре она не могла и

всей душой ненавидела того, кто должен был родиться. Она твердо решила, что оставит его в больнице. Осенью, копаясь в огороде, Ася почувствовала слабость и поняла, что пора в роддом. Автобус уже ушел, и она пошла пешком, надеясь добраться до города на попутке. Ее посадил шофер молоковоза. Когда отъехали километров десять от села, спину Асе пересекла резкая боль. Она поняла, что не доедет. Шофер, видя, что с женщиной творится неладное, на полной скорости заехал в ближайшую деревню и остановился возле низенького домика. Осторожно помог Асе выбраться из кабины. Старушка, вышедшая из дома, показала ему на баньку. Ноги Аси подкашивались, старушка семенила рядом. Перед самой банькой она решительно оттолкнула шофера и сама завела ее в теплый предбанник. Там и родилась у Аси «дочь позора».

Старушка хлопотала возле Аси, заботливо укрывала ее. Завернула в полотенце ребенка, аккуратно положила его на лавку, и вышла. Увидав шофера, подошла к нему: «Ну, милоч, с дочкой тебя!». Она смотрела на растерявшегося шофера и радостно улыбалась. Тот, не сказав ни слова, заскочил в машину, посигналили и уехал.

- Чумной у тебя мужик, - сказала старушка, возвратившись. — Наверное, сильно тебя любит. А меня зови теткой Пелагеей.

Ася ничего не ответила. Она смотрела на копошащийся комо-

чек и желала ему только смерти. Пелагея долго уговаривала покормить девочку. Потеряв терпение, бросила в сердцах:

- Да ты же хуже кошки! Как блудить, так за тобой сходи, а как воспитывать – нет тебя. Мужик-то хоть знает, что ты надумала?

Ася не сдержалась и заплакала от обиды на свою горькую судьбу. Она взяла ребенка и, немного успокоившись, рассказала все тетке Пелагее.

Старушка была ошарашена услышанным. Она погладила Асю по голове, помолчала, а потом неожиданно предложила:

- Вот что, девонька. Вижу, не сладко тебе. Одна ты кругом. И я одна. Обе мы сироты. Перебирайся ко мне. Вместе веселее будет, и не знает тебя здесь никто. Скажу, что родственница.

Она сходила в дом, затопила печку, сварганила немудреный обед и перевела Асю с малюткой в избу.

Через несколько дней тетка Пелагея съездила на попутке до Асиной деревни, забрала у соседки Галинку, кое-какую одежду на первое время, сказала, что Ася пока домой не вернется.

- А мы не очень и плачем, - заявила соседка. – Детей только жалко. Вырастут такие же гулящие, как мать.

- А ты не суди, дорогуша – не судима будешь. Благодарю бога, что твоя доля оказалась счастливей, чем у нее.

С этим и ушла Пелагея. Когда добрались с Галей до дома, начало смеркаться. Галинка крепко держала за руку незнакомую бабушку, она боялась остаться одна. Увидев мать, прижалась к ней, не давая ступить и шагу.

- Мама, скажи, что я не сирота, ну, скажи, мамочка.

Она заглядывала матери в глаза, требуя ответа.

- А сестренка моя не приبلудная, нет? Что ты молчишь?

- Тяжело ей, Галочка, — выручила тетка Пелагея. - Слабая она еще. А ты какая же сирота при живой-то матери? Кто тебе пакость такую сказал? А ну, говори, как сестренку назовешь?

- Давайте назовем ее Аленушкой, как в сказке, — сказала Галинка и захлопала в ладоши.

Так и начали они жить вчетвером. Все у них получалось ладно да дружно. Чуть подросла Аленка, Ася начала работать на ферме.

Не заметили, как и Галинка в школу пошла.

В деревне Асю уважали женщины, частенько доверяли свои тайны, зная, что язык за зубами она держать умеет. Никто и никогда не спрашивал ее о прошлом.

Аленка

Пролетело еще несколько лет. Вот уже и Аленка начала готовиться к школе. С Галей они совсем были не похожи и по характеру разные, но жили дружно.

Перед началом учебного года Ася повезла Аленку в районную поликлинику, чтобы оформить документы в школу. Быстро прошли все кабинеты. В оставшееся до автобуса время решили сходить в магазины, чтобы купить что-нибудь на подарки. Аленка устала, и Ася оставила ее на скамеечке перед Домом культуры. Каково же было ее удивление, когда, возвращаясь, она увидела рядом с дочкой мужчину. Аленка оживленно ему что-то рассказывала. Ася наблюдала за ними из-за куста, боясь пошевелиться. Глядя на профиль незнакомца, она вдруг с ужасом узнала Константина. Первым ее желанием было — вцепиться в горло, но Ася оцепенела, потом ее начала бить дрожь. Она бы, наверное, упала в обморок, но в это время Константин поднялся, потрепал Аленку по щеке и ушел.

Ася подскочила к девочке, схватила ее за руку и потащила к остановке. Уже, сидя в автобусе, женщина, наконец, отошла и строго сказала Аленке, чтобы с посторонними мужчинами она не разговаривала. Девочка засмеялась, а потом зашебетала:

- Ой, мам, ну какая же ты смешная. Он просто мне сказал, что я похожа на утенка, который потом превратится в красивого лебедя.

- Он за эти годы, похоже, совсем не изменился, — с горечью подумала Ася, а дочка продолжала:

- А еще он сказал, что я на кого-то похожа, только вспомнить не мог, и что, если бы не померла его жена, он бы взял меня к себе.

Ася вздрогнула. Аленка заметила это и весело засмеялась.

- А я ему сказала, что у меня замечательная мама, и есть сестренка с бабушкой Пелагеей. Только не сказала, как тебя зовут.

Ася чувствовала себя бессильной. Прошлое напомнило о себе

в самый неподходящий момент!

- Мама, ты меня не слушаешь. А у дяденьки в Перми есть дом без печек, и вода горячая, а здесь он дачу хочет продать и машину купить. Надо было тебе раньше приходиться, я бы тебя с ним познакомила.

До самого дома Ася больше не сказала ни слова. Молча, прошла, поела и отправилась в баню, там дала волю слезам. В них было и отчаяние, и страх за детей, и облегчение, как будто с души убрали камень.

Тетка Пелагея нашла Асю в предбаннике. Молча, села рядом,

- Ничего, дочка. Все образуется. А за детей не бойся. Правильные девочки растут.

Через две недели Ася повела Аленку в первый класс. У школы толпились дети и взрослые, не умолкал радостный шум. Она и не заметила, как убежала от нее дочь. Увидела только, когда Аленка, гордая от происходящего, подавала первый звонок. Синеглазая, с волнистыми черными волосами, с чуть заметной улыбкой, она очень была похожа на Константина, человека, принесшего Асе столько позора и горя.

Аленка уверенно шла перед строем ребят, а Ася шептала, как заклинание:

- Ты не сирота, девочка. Шагай твердо по жизни. Пусть никогда не коснется тебя своим крылом человеческая подлость.

1996

Димкина клятва

Сильный ветер рвал листья с деревьев, по небу носились тучи, на реке белые барашки с разбегу ударялись о борт лодки и растворялись тяжелой свинцовой воде. Погоду мутило.

Так же муторно было на душе Димки. Еще вчера он, ни о чем не думая, сидел за столом в кругу знакомых ребят и пил водку. Почему же сегодня его так одолевает беспокойство? Он не скрывался, не прятался, просто надеялся на случай. С детства зная, что красть – последнее дело, и уже однажды, наученный горьким опытом, Димка не мог совладать с собой, когда представилась возможность.

Он все дела осознанно, не спеша. Те ребята, что были потрезвее, а хозяина «накачали» с самого начала, и он спал сном праведника. Димка от нечего делать походил по квартире. Он уже собирался уйти, и вдруг на глаза ему попался видеоманитофон.

- А почему бы и нет? – подумал он. – Все «в трубе», я вынесу, никто и внимания не обратит.

Через полчаса он уже уверенно шагал по улице с краденым «видиком» в сумке, не зная пока, куда его припрятать. Домой нельзя – дед спрашивать начнет. Если бы Димка техникой занимался, тогда еще, куда ни шло, а так – обязательно заподозрит.

Подвернулся знакомый. Сговорились на сходную цену. Димка, с чувством выполненного долга, сунув деньги в карман, направился к реке. По пути успел еще до закрытия магазина купить «горючего», закуску. Потом сел в привязанную к бревну лодку и сам себе устроил пир. Стакана не было, пришлось довольствоваться старой консервной банкой. И все равно ему было хорошо, никто не мешал, вечер стоял тихий.

* * *

Димка не помнит, как заснул. Проснулся от холода и обжигающих брызг. В природе твори лось что-то непонятное. Он вскочил, вышел из лодки и сразу вспомнил все. Что случилось накануне. Пить не хотелось. Непонятное беспокойство гнало его подальше от людей. До вечера пробродив по окраинам города, Димка пото-

пал домой. Своего ключа у него не было, потерял по пьянке. Досадуя, что придется будить деда, позвонил. Дверь открыла мать с опухшим лицом и навеселе. Он не ожидал увидеть ее. Резко вывернулся из ее объятий и ушел в комнату. Он слышал, как мать плаксивым голосом жаловалась деду, что сын совсем ее не любит. Дед вначале молчал, а потом резко бросил матери:

- А за что тебя любить? Знал бы, что ты такой дрянью вырастешь, лучше бы еще двух парней воспитал.

- Откуда тебе знать, какие у тебя сыновья, если они раз в году приезжают? – кричала мать.

- Посмотри на себя, Ленка, на кого ты похожа? И парня своими руками загубила. Чего тебе не хватало? Учись, работай – все для тебя. За каким чертом в Сибирь потянулась?

- Папка, но ведь знаешь же, что у Геры контракт был, он специалист. Как же я тут одна с ребенком? Там все-таки большие деньги платили.

- Ну и где они, эти деньги? Спиртом пролились? И Герман был бы до сих пор жив, если б ты его к «зелью» не приучила. Таких мужиков, как он, еще поискать. А каким Димка рос парнем?! Кто перед ним первую рюмку поставил? Молчишь? Думаешь, легко ему сейчас с судимостью?

После этих слов Димка вскочил. Он был уверен, что дед ничего не знает. Подбежал к окну и глянул вниз. Пятый этаж. Страшно. И жить тоже страшно. Димка уткнулся лбом в холодное стекло. Если бы жива была бабушка! Он помнил ее, справедливую и добрую свою бабушку, со старой большевистской закалкой. В семье все ее слушались и уважали. Она всегда говорила, что безвыходных положений не бывает, а Димке наказывала, чтобы он до конца дней своих оставался человеком, а потом - все остальное. Получается, не выполнил он ее наказ.

Мальчишкой он не был злым и жестоким, а энергия в нем кипела. Мог часами жестикулировать перед зеркалом, повторяя движения своих родственников и знакомых, во весь голос читать стихи или кричать по-звериному. Артист — да и толь-

ко. Когда пошел в школу, учился не очень старательно, но знания были крепкими. Среди товарищей слыл «своим парнем». С ним в любой компании всегда было весело. Язык его такие чудеса выделывал, что все диву давались. Привязанностей к кому-то из ребят не испытывал, его всегда тянуло домой, в семью.

Отец старался воспитывать сына по-мужски, строго, разговаривал с ним на равных, никогда не обижал, но и ласки особой Димка от него, не видел.

Зато мать от сына была без ума. Она таскала его по дому, как куклу, чем вызывала недовольство всей семьи, всегда считала его правым. Только вот после возвращения из Сибири мать очень изменилась. С работы приходила дерганная, иногда кричала на Димку. Он по доброте своей на нее даже не обижался.

Все чаще и чаще родители стали возвращаться с работы веселые. Вначале они стеснялись бабушки и деда, уходили в дальнюю комнату и там тихо разговаривали или пели. По утрам бабушка извлекала из-под стола пустую бутылку и качала головой. Позже они бояться перестали. Пили в открытую. Когда в очередной раз собралась в доме много, численная родня, мать Димки «перебрала» и приставала ко всем, просила, чтобы еще дали выпить. Утром состоялся семейный совет, где мать клятвенно пообещала больше в рот не брать, но прошло какое-то время, и все началось сначала.

У отца была хорошая работа, и зарабатывал он прилично, на все хватало, Ни один выходной без бутылки на столе не обходился, в будние же дни он выпивал на работе и после нее, с кем придется.

* * *

Димка помнит, когда впервые ему отмечали день рождения взрослому. Это было в 16 лет. Собрались гости, в основном, сослуживцы родителей, несколько родственников. Димка сидел на торце длинного стола, чистенький, причесанный и смущенный. Намного свободнее он чувствовал бы себя в драных джинсах.

Произнесли первый тост. Кто-то подвинул ему бокал с шам-

панским. Мать, увидев это, громко сказала:

- Дима, будь мужчиной. Привыкай к водке.

Сестра отца, тетя Вера, запротестовала:

- Лена! Одумайся. Что ты делаешь, ведь ты - мать.

- Да, мать. Пусть знают нашу фамилию. Так ведь, Димуля? Пей, я разрешаю.

Там, за столом, он пить не стал. Ему стыдно было перед тетей Верой, бабушкой и гостями за мать, которая с утра успела «хлебнуть».

Гости веселились, а ему было скучно. Захотелось похохмить. Взял веревочку, связал ручки угловой комнаты и туалета — пусть подергаются, вывернул рукава чьих-то пиджаков и плаща, поставил пару туфель на вешалку в прихожей, прихватил бутылку водки и удалился. Он сам не знал, зачем взял ее. Хотелось отпраздновать этот день со сверстниками, но мать решила по-своему.

Из-за угла вылетела стайка девчонок. Среди них он увидел дочку тети Веры - Настю и окликнул ее. Она приходилась ему двоюродной сестренкой, и он любил с ней общаться.

Настя с готовностью подскочила к Димке, надеясь услышать от него что-нибудь интересное. Он показал ей простенький фокус со скакалкой, попрыгал через канаву. После неудачного прыжка из кармана выпала бутылка. Настя распахнула свои серые глазенки и довольно авторитетно заявила, что в этой бутылке яд, а кто его выпьет, на ноги уже не встанет.

Он посмеялся тогда над Настей и сказал, что такой яд могут пить только мужчины. А через несколько минут он шел по защитке вместе с подвернувшимся сослуживцем отца, Костей, вернувшимся недавно из армии.

Они пришли на полянку, распечатали бутылку, Димка, уже пробовал вино, только красное (мать однажды разрешила), а водку пить ему не приходилось. Он внимательно смотрел, как Костя ловким движением опрокинул в рот содержимое складного стаканчика, который всегда носил при себе, крякнул, понюхал огурец. Все это у него получалось смачно, с удовольствием. Димке захотелось повторить. Но после первого глотка спазмы сжали

горло, и он оставшуюся водку доцедил сквозь зубы. Костя смеялся над ним до слез, но потом похвалил за храбрость.

Остальное Димка помнит смутно. Его куда-то вели, потом он как будто провалился в яму. Домой его привела тетя Вера. Настя ей сказала о бутылке, и они вдвоем нашли Димку недалеко от дороги. Гости уже разошлись, родители спали пьяные. Дед взгрел Димку, бабушка отвесила оплеуху — и снова провал.

* * *

Ну, а дальше пошло-поехало. Школу он все-таки окончил. Экзамены сдал прилично, даже в институт поступил, чему сам немало удивился. Как водится, опять «обмыл» это дело, потом три дня голова трещала. Мать все ходила около и предлагала опохмелиться.

Учиться Димка начал с охотой. Вскоре неожиданно умерла бабушка. Вот тогда и нашлись друзья, что предлагали «по такому поводу». Отказываться он не умел. Первую сессию вытянул, а летнюю завалил и осенью «загрел» в армию.

Отслужил Димка два года, как один день. В части его любили за веселый нрав, за то, что унывать не умел. От матери он получал слезные письма. Она писала, что работу оставила и теперь еле сводит концы с концами. Отец ушел в другую организацию, а там платят мало. Дед описывал все обстоятельно. От него Димка узнал, что родителей просто попросили уйти по собственному желанию, он знал все, что делалось дома.

Получив дембель, поехал домой. По пути почти месяц гостил у приятелей в Перми и Краснокамске, «не просыхая». Пили все, что под руку попадало.

В родной город он приехал утром. Улицы были белы от выпавшего ночью снега и казались чистыми-чистыми.

Дома он застал одного деда, постаревшего и ссутулившегося. Еще не успев поздороваться, дед выразительно посмотрел на стену, и Димка увидел большую фотографию отца в черной рамке. Внутри его что-то перевернулось.

- Когда? - успел он выдохнуть, и из глаз хлынули слезы. Он понял, что потерял в жизни какой-то стержень. Дед утешал Димку,

рассказывал, как долго его ждали на похороны и не знали, где взять, потому что в части его уже не было.

Дождавшись мать, он вместе с ней сходил на могилку отца. Она все причитала, что не сберегла его. Димке жаль было мать, но он все-таки спросил:

- Мама, с чего это ты пить начала, отец-то хороший был, и руки золотые.

- От безделья, Димуля. В Сибири отец на работу меня не пустил. Я все одна да одна. С соседями познакомилась. Зимой там холодно, и в квартире не жарко. Соседка с верхнего этажа прибежит, спирта захватит. Вот сидим вдвоем и попиваем, а Гера с работы придет — и ему нальем. Так и пошло. Да мы и сейчас с тобой выпьем, я захватила. - Она быстро раскрыла бутылку портвейна, разлила по кружкам, остальное вылила на могилку. Они, молча, выпили, и мать оставила его одного.

Димка долго стоял с непокрытой головой. Ему горько было от потери близкого человека, который всегда мог понять сына, Отец не давил на него своим авторитетом, а как бы советовался и давал возможность самому принимать решения. И Димка впервые пожалел, что не был откровенным с отцом.

Вечером пришли тетя Вера с Настей. Сестренка уже ходила в школу и весело поведала ему о своих школьных приключениях. Он посмеялся и сказал, что до сих пор считает ее маленькой, поэтому привез в подарок куклу. Настя обрадовалась, взяла куклу и показала ее всем. Ему стало хорошо от светлой радости девочки, захотелось вернуться в далекое беззаботное детство.

* * *

Прошло несколько лет. Димка так и не мог найти себя. Несколько раз начинал учиться и бросал на полпути. Пробовал работать, да как-то не по душе все было. Куда его возьмут без специальности? Нигде он долго не держался, везде выгоняли за пьянку. Он пробовал не пить, вроде и не тянуло, а встретит кого — отказаться не мог,

Если бы дома была поддержка, Димка, может быть, не докатился бы до этого. Но мать уже не могла обходиться без спиртно-

го, предлагала и сыну. Вскоре нашла себе вдовца, тоже «не любившего выпить», и колесо закрутилось с новой силой. Иногда Димка уходил из дома и бесцельно бродил по улицам. Он не умел бороться за себя, не было в нем противостояния.

В свои двадцать с небольшим он не нашел себе настоящего друга, которому мог все рассказать Единственный человек, кому он доверял, тетя Вера, крутилась между работой и домом. Конечно, если бы он пришел к ней, она бы его выслушала и помогла, но Димке было неудобно. Как-никак мужчина. За внешней бравадой он скрывал свою неустроенность.

Вот тогда он впервые украл. Денег в руках не держал давно, а выпить хотелось. Срок ему дали условно, но он никому об этом не говорил, предпочитая молчать.

Вскоре познакомился с Жанной. С ней было легко. Она уговорила его пойти лечиться. Он не пил. Вдвоем им было хорошо. Димка боялся вести ее к себе домой, боялся, что не выдержит, и все пойдет по старому руслу.

В небольшом городке все друг друга знают. Поползли разговоры, что Димка такой-сякой, Жанны он не достоин, что он пьянь и скоро сопьется вместе с матерью. И Димка сорвался. Он ненавидел себя, ненавидел окружающих его людей, ненавидел весь свет. Он напивался и ходил по улицам с тупым выражением на лице.

Жанна, глядя на него такого, предпочла уехать из города. У Димки каждый день появлялись новые собутыльники, мужики и женщины. Тетя Вера приходила к ним домой, ругалась с матерью, несколько раз пыталась вызвать его на откровенный разговор, но он отмалчивался.

* * *

Димка отошел от окна и снова лег в постель. В доме уже все затихло, а к нему сон не шел. Такая на него тоска навалилась, хоть волком вой. В окно стучал резкий осенний ветер, как будто рвал Димкину душу на части, на те самые части, на которые распалась считавшаяся когда-то счастливой их семья.

Кто виноват в Димкином падении? Он и сам не мог ответить. Он не был честолюбив, умел радоваться успехам других, уважая

честную игру, ничего не делал исподтишка, не лез в драки, никогда не поднимал руку на женщину, умел быть добрым. Умом-то он понимал, что «зеленый змей» всему виной, ради которого и по вине которого совершается большинство преступлений.

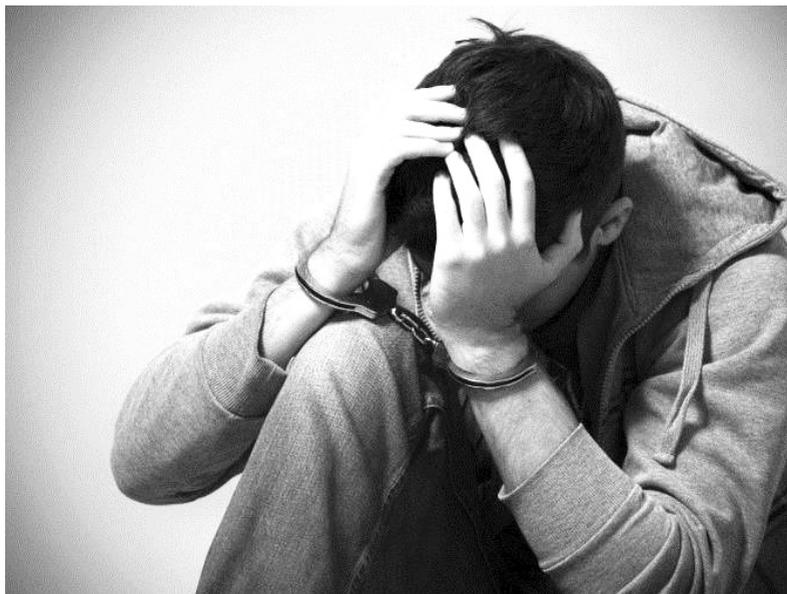
... На суде Димка не запырлся, это было ни к чему. Он видел заплаканное лицо матери, и жалость к ней проснулась в нем с новой силой.

Коротко взглянув на тетю Веру, он почувствовал жгучий стыд за себя и свои поступки.

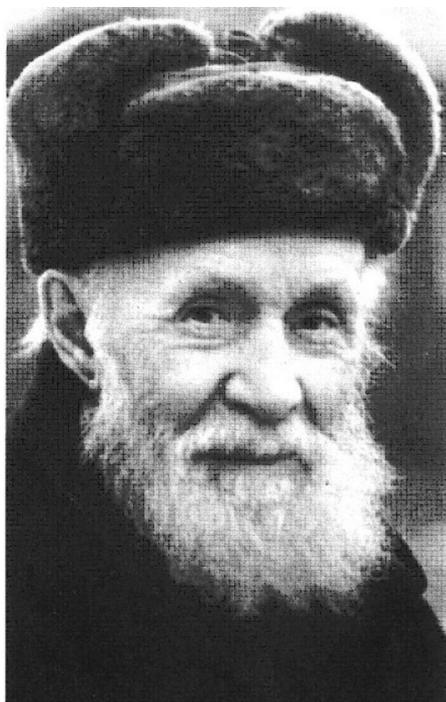
Суд вынес приговор — два года. Димка, опустив голову и сцепив сзади руки, выходил из зала в сопровождении милиционеров и в который раз давал себе клятву: «Все. Завязываю. Два года быстро пролетят, как в армии. Я вернусь и буду человеком, чтобы меня уважали так же, как когда-то отца».

Как хочется верить Димкиной клятве. Но будет ли так, как он решил, зависит в большей мере от него. Сможет ли он противостоять тому злу, что встретится на его пути, сумеет ли не сломаться перед всем, что увидит на зоне? А главное — не озлобится ли?

1995

Счастье под занавес

Тридцать лет искал свою семью Никита Павлович. В поисках объездил чуть не всю страну. И, когда казалось - вот оно, счастье, только руку протяни - ускользнуло прямо из-под носа. Опоздал.

Идет по городу старый человек шаркающей походкой, в руках - авоська с хлебом. Он всегда один. Зовут его Никита Павлович. Неразговорчив, замкнут, но таковым сделала его жизнь.

За плечами Никиты Павловича тяжелый путь: война, концлагерь, лесоповал, потеря семьи и одиночество в старости. Для него слова «Родина» и «Дом» - едины. К ним он всегда и стремился, попав по воле случая на запад. В награду за все испытания получил небо в клеточку на 11 лет без права переписки, в течение которых потерял самых близких людей.

Буйки

Никита никуда не выезжал из своей деревушки. В школу бегал до ближнего села пешком. Он и машин-то по-настоящему не видел, разве в кино, что раз в неделю привозили в деревенский клуб на радость детворе.

Как только в колхоз пригнали первый трактор, Никита, тогда еще совсем маленький, сразу сказал, что будет трактористом.

После семилетки пошел на курсы при МТС. Когда объявили о начале войны, вместе с друзьями пешком отправился в райвоенкомат. Там его пыл сразу остудили. На механизаторов была бронь.

Тогда он, сцепив зубы, до изнеможения работал на своем ста-

реньком тракторе, доставшемся ему от ушедшего на фронт старшего брата. После еще нескольких попыток уйти на войну, Никита махнул на все рукой – председатель не хотел снимать с него бронь.

И закуролесил парень. Девок-то!.. А он первый и единственный парень на деревне. Девки сами к нему льнули. А он «положил глаз» на скромненькую застенчивую Марфушу. С лица она не красавица, рыжеватенькая, с конопушками на носу, но, казалось, она светилась изнутри. Глаза большие, как озера, утонуть можно. Вот Никита и утонул в них.

Весной, перед посевной, сбегали в сельсовет да расписались. Конечно, матери были против. Отцы на фронте. Как же без их благословения?

Жить молодые ушли к Марфуше. Дом просторный, да и жили мать с дочерью только вдвоем. У Никиты же, кроме него, была еще старшая сестра, работавшая вместе с матерью на ферме, и двое близняшек, Октябрь и Прасковья.

Вести с фронта обсуждались всей деревней возле сельсовета, где на столбе висела черная тарелка. На такие сходки собирались обычно после трудового дня в сумерках. Зачитывались письма, похоронки. Колхозный сторож, Петрович, с «летучей мышью» всегда стоял рядом с председателем и выразительно кричал, выражая свое отношение к услышанному.

Однажды из Горького к ним в Буйки лектор приехал, который на войне побывал и видел все своими глазами. Слушали его, затаив дыхание. А когда кто-то спросил, не дойдет ли враг до их области, лектор заверил, что этого никогда не будет. «Не отдали Москву – не отдадим и Волгу, - сказал он на прощание. - А Сталинград немцам еще адом покажется, помяните мое слово». - И уехал.

Из сводок Никита знал, какие бои идут в Сталинграде, где-то там воевал его отец. И снова он начал проситься на фронт. На тракторе научил работать Марфушу.

В январе 1943 года фашистов от Сталинграда отогнали. Всей деревней праздновали это событие. Бабы, конечно, плакали. Многие к тому времени получили похоронки. Еще ни один из мужиков не вернулся с войны даже калеккой.

На войне

После уборочной пришел черед Никиты. В Горьком новобранцев наскоро обучили и – на фронт. Служить довелось в полковой разведке.

Накануне Нового года получил он письмо из дома, в котором сообщалось, что старший брат его погиб под Курском еще в августе, Марфушин отец возвратился в деревню без руки и без глаза. В тот же день Марфуша «разрешилась» сыном, которого назвали в честь К. Маркса – Карлом. Никита вспомнил - в доме тестя, над столом, висел портрет Маркса, и хозяин мечтал о сыне, но кроме Марфы никого не смогла больше родить ему жена. От последней вести что-то перевернулось в душе Никиты. Это ж надо такому случиться! Муж воюет с немцами, а она пацана вражьем именем назвала! Товарищи успокаивали, говорили, что Маркс – великий человек, дело ведь не в имени, вырос бы гражданин настоящий.

Вскоре группа пошла на задание. Необходим был «язык». Взяли сразу двух. Один, видно, важный чин, при погонах, с папкой. Другой – попроще. Худошавый, бледнолицый, в унтерской шинели. Вот его и должен был «довести до места» Никита.

Ночь выдалась вьюжная. Передвигались ползком. Видимо, в окопах хватились «важного чина», начался обстрел. Пришлось лезть в старую воронку и пережидать там. Все же не уберег пленного, шальная пуля угодила тому прямо в колено. Никита перебинтовал его, как положено и тащил потом немца на себе. Когда силы иссякли, сбросил пленного и привалился к дереву. Светало, надо было спешить. Немец уже оправился от шока, сел на снег, деловито ощупал свою конечность. Потом улыбнулся, протянул руку и просто сказал: «Карл». Что на Никиту нашло? То ли сказались последние бессонные ночи в охоте за «языком», то ли имя заставило содрогнуться, вспомнить жену и сынишку, которого еще не видел. Не помня себя, вскочил, всадил всю обойму в ненавистную унтерскую шинель и упал.

Откуда ему было знать, что Карл этот – антифашист и должен был передать нашему командованию ценные сведения.

Их нашли, лежащими рядом. Немец уже околел, а Никита был

в бессознательном состоянии. Его, обмороженного, долго отти-
рали в теплой землянке, дали отоспаться, потом вызвали в штаб.
Врать Никита не умел, рассказал все, как на духу. Он был на хо-
рошем счету, поэтому к нему отнеслись довольно лояльно – от-
правили в штрафную роту.

Во время штурма высоты его контузило. Вот в таком состоя-
нии он был взят в плен и вывезен на территорию Чехословакии в
наскоро сооруженный лагерь.

В 45-м после освобождения его вместе с такими же, как он, бе-
долагами, долго держали на границе, не пуская на Родину. Проверя-
ли, перепроверяли, допрашивали, выясняли. А потом прямым
ходом – в Коми АССР на лесоповал, за «пособничество врагам».

Марфа

Марфуша не была безучастной к судьбе Никиты. Получив де-
пешу о без вести пропавшем муже, она, куда только не писала.
Наконец, через два года пришел ответ, что он осужден, как не-
мецкий шпион, и отбывает наказание в одном из лагерей респу-
блики Коми. Бросила все и отправилась на поиски. Лагерьей было
много. Она передвигалась от одного к другому, где пешком, где
на какой-нибудь подводе. Ее не раз выгоняли, обкладывали матом
«лагерные чины», но все же нашла женщина, куда «сплавили» ее
благоверного. Повезло, да не очень. Пока искала, его уже пере-
гнали на Соловки, а затем в Воркуту, потом в Караганду. Всюду
Марфа попадала «не в число».

В Караганде, после надоевших посещений упорной женщины,
начальник сжалился над ней и пообещал через три дня узнать
что-нибудь о Никите. Пытался ли он что-то сделать, трудно ска-
зать, но, когда Марфа пришла еще раз, ей выдали официальную
справку о том, что муж ее умер от тифа несколько месяцев назад
и похоронен на лагерном кладбище, которое находится на терри-
тории зоны.

Так и вернулась она домой ни с чем. Карлуше шел уже седьмой
год. Марфа решила уехать подальше от мест, напоминающих о
муже. Отправилась с сыном в Молдавию восстанавливать разру-
шенное войной хозяйство, затем – на комсомольскую стройку в

Сибирь и так далее. Продолжала писать в разные инстанции – не верила, что Никита умер, сердце подсказывало обратное.

В 1955 году она получила известие о направлении Никиты в село Андреевку Пермской области. Ни минуты не раздумывая, с Дальнего Востока приехала в Оханск. Оказалось, зря ехала. В Андреевке на лесоучастке работал однофамилец мужа, но звали его Николаем Пармоновичем. Год рождения тот же, инициалы одинаковые, да и статья та же, вот и перепутали что-то чиновники, отвечая на запрос.

Из Оханска уехать Марфуша уже не смогла. Будто надломилось у нее все внутри. Круг замкнулся. Она поняла бессмысленность дальнейших поисков. Устроилась на фабрику, сын продолжал учиться. Имя ему пришлось сменить еще раньше, как только он пошел в школу. Смеялись над ним ребяташки, обзывали фашистом.

Никита

А Никита, освободившись из лагеря, поехал домой. Добрался к вечеру до деревни. Его дом оказался заколочен. Не решившись беспокоить соседей, направился к Марфиному дому. Там горел свет. Никита обрадовался, и в то же время в нем жила тайная тревога. Вдруг жена, не дождавшись его, вышла замуж, а сын давно носит не его фамилию?

Дверь открыл черноволосый мальчик и отступил, увидев незнакомца.

-Карл, - воскликнул вошедший, - сынок.

-Я - Миша и вас не знаю, - ответил мальчик и тут же крикнул мать, сообщив, что пришел гость.

Да, это был не его сын. В доме жили совсем чужие люди. Их поселил председатель, чтобы помещение не пустовало зря.

Он обошел знакомых, живущих в деревне. Из одногодков никого не осталось: одни погибли на фронте, другие разъехались. Встречали Никиту в каждом доме далеко не с распростертыми объятиями. К пленным и репрессированным относились тогда настороженно. Единственный человек, кто предложил ему пожить и усадил за стол, был бывший сторож Петрович. От него он и узнал о судьбе своих и Марфиных родителей и родных.

Его отец умер от ран вскоре после войны, мать – двумя годами позже от надсады, сестры и брат уехали из опустевшей деревни.

А родителей Марфы постигла трагическая участь. Мать попала под колеса полуторки, а отец, инвалид войны, умер в госпитале от сердечного приступа. Их даже схоронили в одной могиле.

- А ты поезжай-ка, милоч, в Кишинев. Оттуда письма приходили. Мать сказывала, что тебя Марфа будто искала по лагерям. Еще было письмо из Сибири, но мать ее уже погибла, и отвечал на него председатель, он теперь где-то на Украине живет, сынок увез. А на односельчан ты не злобись. Время такое пережили, когда за каждое слово отправляли за решетку. Страх этот в людях и сейчас живет.

Как жалел потом Никита, что о многом не расспросил словоохотливого Петровича, которому в то время было почти 90 лет.

Скитания

Уехав из Горьковской области в Кишинев, он оттуда начал поиски семьи. В некоторых местах останавливался надолго, чтобы подзаработать. Был строителем, шахтером, трактористом, лесорубом, рыбаком, прорабом, сторожем, грузчиком. Все прошел и проехал от Кишинева до Владивостока.

Не подсказало сердце Никите тогда, в 56 году, остаться в родной деревне на денек-другой. После его отъезда приходило в сельсовет письмо от Марфы, в котором она спрашивала, не появился ли Никита. Об этом он узнает через несколько десятков лет.

Где он только ни был, с кем ни встречался в поисках жены. Ему не особо верили, относились с опаской, часто попросту отказывая в помощи.

Нельзя сказать, что всегда Никита держал себя в «черном теле». Были у него женщины даже в лагере, но он никогда им не лгал и ничего не обещал.

Однажды, уже отчаявшись разыскать семью, написал письмо в газету «Правда» и попросил откликнуться тех, кто знал жену и может как-то прояснить ситуацию. Первую весточку он получил от того самого Николая Парамоновича, на которого по ошибке дали данные Марфе. Тот до 1957 года работал на лесоучастке в Оханском районе и помнит женщину, пришедшую к нему однажды с бригадиром. Она тогда посмотрела на лесоруба, печально сказала, что это не ее муж и заплакала.

Позднее Николай Парамонович увидел ее в Оханске, когда приезжал в контору леспромхоза. Она была с мальчиком лет 11-12. Он подошел к ним, помог донести нехитрую поклажу до дома, где они стояли на квартире. Номер дома уже запомнил, а улицу помнит, Советская, и указал ориентиры. Когда освободился, набрал продуктов и зашел к ним в гости. Дома была хозяйка и мальчик, Марфа работала во вторую смену. Хозяйку звали Натальей Ивановной, это точно, потому что так же звали его мать. А вот имени мальчика не припомнит. Через пару часов Николай Парамонович ушел на паром и больше никогда тех людей не встречал.

Это было уже кое-что. Другие письма интереса для него не представляли. Насилу отработав положенные две недели, Никита сорвался и поехал в далекий уральский городок. Нашел улицу, по ориентиру, данному однофамильцем, нашел домик, давным-давно не выдавший мужской руки. Его встретила сгорбленная старушка в цветастом платочке. Это и была Наталья Ивановна, приютившая когда-то его семью.

Старушка выслушала его. Потом поставила на стол все, что у нее было. Пригласила гостя.

- Не сердчай, мил человек, но где же ты был раньше, ведь она тебя до последнего ждала.

- Она вышла замуж? – спросил он тогда. - За кого? Кто он?

- Ну, да, вышла. Можно и так сказать. За Ивана Грובהа. Он всех прибирает. В 59-ом она померла, в аккурат на Пасху. Пись-

мо получила. Расстроилась очень. Марфа сказывала, что от... имя еще какое-то, не припомню – у нас таких не дают. То ли Март, то ли еще какое... с геологами работал. Так вот он написал, будто бы видел тебя на московском вокзале, бежал за тобой, а ты от него скрылся.

Никита тут же вспомнил Москву, когда из Кишинева ехал в Воркуту. Его окликнул какой-то парень. Он, было, остановился, но, увидев в руках бежавшего длинную палку или шест, предпочел ретироваться. Выходит, то был Октябрь, его младший брат, которого видел в последний раз еще десятилетним.

- Вот занемогла, сердечная, к вечеру, - продолжала старушка, - прилегла, сына приласкала. Он уж большой был, а все к матери ластился. Она отпустила его погулять. А я стряпать начала, печь истопила. Она всегда мне помогала. Ну, думаю, не можется ей, так я и одна справлюсь. Потом сынок пришел. Говорю ему, чтоб мать к столу звал. Он выходит от неё, а глаза остекленелые. Преставилась, милая. Сердечко не выдержало.

Сходили вдвоем на кладбище. Посидели на могилке.

- И куда ж ты теперь, дружок? – спросила старушка и тут же предложила, - а знаешь, что? Оставайся у меня. Все одно я, как перст, одна. Руки, гляжу, у тебя на месте. Домишко подлатаешь. А меня положи вот здесь, рядом с Марфой.

Остался Никита в Оханске. Понравился ему тихий уютный городок. Да и куда еще ехать, когда старость на пятки наступает? Поработал на кирпичном заводе, потом в сторожа ушел – заболели руки, видно, сказался лесоповал. Рыбачил, лес охранял.

Дом он отремонтировал. Наталья нарадоваться не могла на постояльца и отписала ему все, что у нее было.

Умерла она, никого не обременив. Похоронил ее Никита, как просила, рядом с Марфой.

Радость

(вместо эпилога)

Возможно, так и остался бы не дописанным этот материал, если бы не случай.

Когда Никите Павловичу не по себе, он уходит на «совет» к

жене. Посидит у её могилки, поговорит, оно, вроде бы, и полегчает.

По весне он тоже пошел на кладбище «поговорить», заодно и скамеечку покрасить. Могилка недалеко от дорожки, и старик заметил полноватого мужчину, который сидел на его скамейке. Вначале подумал, что, может, родственники нашлись у Натальи Ивановны, но цветы лежали на Марфиной могилке.

Мужчина глянул на старика – и у того екнуло сердце. Глаза-озера, рыжеватые волосы, прямой нос.

- Сынок, Карл, - произнес он, - неужели это ты?

Тот побледнел, из рук выпала фотография, которую он привез на памятник.

- Вот, кое-как нашел, смотрю, и тетя Наташа рядом, и памятники одинаковые – значит, следит за всем этим кто-то, - сказал мужчина растерянно.

Через мгновение, отойдя от шока, он протянул руку отцу и коротко сказал: «Карл».

Старик руки не принял. Пред глазами встал образ того, расстрелянного им когда-то немца.

- Давай лучше обнимемся по-русски, - произнес он обессилено.

Долго сидели они на лавочке. Карл рассказал о себе. Живет в Уренгое. Нефтяник. Жена – учительница. Оба на пенсии. Детей двое, Никита и Лиза, трое внуков: Павлик, Никита и самая маленькая – Марфуша.

Приятно было старику, что имена его и жены повторились в других поколениях.

- Имя мое, отец, по документам, Сергей, потому я и растерялся, когда ты меня Карлом назвал. Меня только мама так называла да тетя Наташа. А я ведь был здесь вместе с сыном, - продолжал он. – Повез его на могилку к бабушке. В паспорте у меня место рождения совсем другое, но из той жизни я ничего не помню.

Нашли мы тогда домик тети Наташи, но он оказался закрытым. По тому, как он выглядел, я понял, что появился новый хозяин. А старая хозяйка, может, уехала куда, может, умерла. Соседи – люди приезжие, ничего толком сказать не могли. Так мы и уехали ни с чем.

Долго горел свет той ночью в домике старика. Уже давно улеглись квартиранты, которых пустил к себе Никита Павлович, чтобы не было так скучно век коротать, а два родных человека говорили и говорили. Наутро решили, что должен дед увидеть своих внуков и правнуков.

В начале сентября Никита Павлович вернулся домой, полный впечатлений. Увидел, как сын живет, справно, по-хозяйски. С внуками и правнуками познакомился. Даже в родные Буйки, Нижегородской теперь уже области, на двух машинах съездили, где ждал его сюрприз. Старых жителей не осталось, все приезжие дачники. Места там красивые да привольные. Хотел своим показать, где дом их стоял. Глядь! А там живут! Пристрой сделан капитальный, веранда – а основа-то старая. Проходящая мимо женщина сказала, что в доме геолог какой-то живет с семьей, а сейчас они все на речке лодку испытывают.

То-то была встреча! Октябрь, выйдя на пенсию, поселился в полуразрушенном родительском доме, потом сына с семьей перетасил, а там и близняшка Прасковья вместе с мужем согласилась в родной дом вернуться. И снова рассказывал Никита Павлович о том, как искал семью, что пережил за те 30 лет неведения.

- Может, и ты к нам, Никита? – спросил брата Октябрь.

- Не обижайся, но я должен быть рядом с Марфушей, - ответил Никита Павлович, - она не меньше моего перенесла. Недолго осталось, глядишь, и встретимся с ней скоро. А вы еще молодые, вам жить да жить.

Вполне возможно, не придется больше побывать у родных старику, но поездка словно дала ему новые силы, у него даже походка изменилась. Голову держит прямо и смело смотрит на мир. Знает – на Земле он теперь не один, и совсем недалеко живут его и Марфушины потомки.

2003

Сашок

Ребенок-инвалид. Это звучит как приговор. Дети не умеют скрывать свои чувства, поэтому, увидев человека с ограниченными физическими возможностями, во все глаза смотрят на него и не могут понять, почему он не такой, как другие. К сожалению, инвалиды от рождения – уже не редкость. Будут ли они чувствовать себя комфортно в этом мире, зависит от окружающих людей, то есть, от нас с вами.

На улице – мокрый снег и дождь. Сашок сидит у окна и с тоской смотрит, как лихо гоняют мяч по утопанному двору ребята. Девчонки лепят снеговика и никак не могут прикрепить снежному человечку голову, она все время падает и рассыпается, им приходится делать ее вновь и вновь. Наконец, проходящий мимо дяденька помог девочкам водрузить снежную голову на место, потом они довели снеговика до готовности.

Внимание Сашка опять переключилось на футбольную площадку. Быстро бегают мальчишки, наверное, у них ветер в ушах свистит. Эту фразу он не раз слышал от взрослых, но у него такого не было. Конечно, ветер и у него в ушах свистел, когда он ехал с папой на мотоцикле, а вот во время бега – никогда. Да, собственно, и бегать он не умеет, у него детский церебральный паралич. А как хочется иногда подпрыгнуть так, чтоб достать головой до небес или бежать быстро-быстро, чтобы оставить позади всех классных чемпионов.

Сашок не припомнит, чтобы в детском саду или в школе над

ним смеялись по поводу его недуга. Только один случай оставил в душе неприятный осадок. Однажды мама оставила его на скамеечке в тени деревьев во дворе. На свежем воздухе сидеть намного приятнее, чем в четырех стенах. К нему подошла незнакомая девочка. Она приехала к бабушке в гости, и ей не с кем было играть.

- Мальчик, - обратилась она к Сашку, - как тебя зовут? Меня - Вика, а ты кто?

- Я - Сашок, - ответил он.

- Что ты умеешь делать?

Он пожал плечами. А действительно, что он умеет делать? Рисовать, лепить фигурки? Но это, наверное, все делают, начиная с детсада. Мальчик не мог придумать ничего особенного, а похвастаться чем-нибудь перед ней хотелось.

- Знаешь, давай в прятки играть, - предложила Вика.

- А, может, картинки из пазлов вместе соберем?

- Нет, это скучно, мне дома надоело. Давай в прятки!

- Я не могу играть в прятки, - потупился Сашок. - Бегать не умею. Я – больной.

- Ну, и везет же мне на уроков, - презрительно и совсем взрослому сказала Вика, сморщив свой курносый носик. – У другой бабушки в деревне тоже такой попался, за три шага ничего не видит, почти слепой.

Девочка легким шагом направилась в другой конец двора, где ребята играли с забавным щенком.

Сашку стало до боли обидно. Разве он виноват в том, что инвалид? Он слышал, как однажды мама рассказывала подруге, почему он таким родился. Все было хорошо до той последней командировки. При возвращении домой автобус, в котором мама ехала, вдруг «нырнул» на обочину. Она изо всех сил вцепилась в поручни кресла, а ногами – уперлась в переднее сиденье. Еще мгновение - и машина покатила бы под откос. Но она медленно перевалилась набок, потому и обошлось без жертв. Правда, мама долго не могла после этого разогнуться, а Сашок родился раньше, чем ожидали. С той поры мама больше не ездит в командировки, а если и отправляется куда, то с папой на машине. В прошлом году

она сама научилась водить автомобиль, осталось права получить.

Родители скрашивают жизнь первенца. Они возят его в зоопарк, в цирк, играют с ним, собаку купили, чтоб ему не было скучно. Один Сашок редко остается. Теперь вот еще и сестренка появилась, так что забот у мальчика хоть отбавляй. Он любит играть с маленькой сестренкой, хоть она еще и не все понимает, но когда слышит его голос, начинает по-своему выражать восторг – начинает визжать, смешно снуя при этом ручками и ножками.

Больше всего любит Сашок сочинять. Иногда слова сами по себе складываются в рифму – стихи получаются. Мама говорит, что они пока не очень удачные, но с каждым днем становятся лучше. Некоторые его стихи даже в классе читали.

Папа приучает сына к технике, правда, пока только теоретически, так как особо напрягаться мальчик не может, от этого руки у него начинают дрожать и слабеют. Нравится ему бывать у родственников в маленькой удмуртской деревне. Там всего четыре дома и такая благодать! Мальчик знает, какие грибы съедобные, какие – нет, по голосам различает некоторых птиц, без страха идет к пчелиным ульям. Там чувствует он себя, как рыба в воде. А дружит Сашок в деревне с бородатым Потапычем. Ему, наверное, в обед сто лет, а он все еще, не в пример молодым, бегом по лесу бегаёт.

С Сашком мы встретились на лавочке в сквере. Он торопливо доедал мороженое, а сам то и дело оглядывался в сторону улицы.

- Ты что торопишься? – говорю ему. - Мороженое так не едят.

- Меня мама заругает. Она велела батончик купить, а мне «Умку» захотелось.

- А что ты ей скажешь, когда она тебя спросит?

- Так и скажу: «Что купил, то уже съел». Получается – не совру.

Многим обделен этот мальчик, что имеют и чем не дорожат его физически развитые сверстники. Но при общении с ним приходится сознавать – Сашок мудрее. У него серьезные взрослые глаза, он не любит плакать, обожает родителей и сестренку, мальчик очень добрый. Так хочется, чтобы в жизни ему сопутствовала удача.

БЛИЗНЯШКИ

Екатерина Степановна, увидев на рынке областного центра Киру, всплеснула руками. Надо же, как преобразилась девчонка! В меховой шубке и белой вязаной шапочке она походила на снегурочку. На ногах модные сапожки, на плече шикарная сумочка, личико свежее.

- Может, не она это? – засомневалась Екатерина Степановна и подошла поближе. То же лицо, те же серые глаза, та же челка с упрямым вихорком. Интересно, где одежду такую взяла?

Женщина старалась обратить на себя внимание девушки, но та, равнодушно скользнув по ней взглядом, отвернулась, будто и не знает.

- Ах ты, стерва, - зло подумала Степановна, - совсем совесть потеряла. Делает вид, что не узнает. Сколько крови выпила, нервов вымотала, а теперь и рыло воротит. - Конечно, таких слов она никогда бы не произнесла вслух, просто устала от ожидания и очень соскучилась по Кире, хотелось побежать за ней, обнять и узнать все-все.

Девушка удалялась, а женщина стояла и не знала, что предпринять. Бросаться вслед? Вызвать милицию? Мысли роились в голове и не находили выхода. Где ее искать в большом городе? Степановна подхватила сумку, которая показалась в два раза тяжелей, и побрела к автовокзалу. Пока ехала до Оханска, из головы не выходила Кира. Она готова была простить ей все, лишь бы дочь вернулась.

Кира

Десять лет назад Екатерина Степановна лежала в областной больнице. Она уже начала вставать после операции, когда к ней в палату поместили девчущку с острым приступом аппендицита. Женщина ухаживала за ней. Она заметила, что к девочке никто не приходит, и та ко всему безучастна. На расспросы не отвечает, отворачивается. На третий день начала разговаривать и даже улыbnулась пару раз. Незаметно в душу «вошла» Кира (так звали девочку).

Перед выпиской Степановна узнала от врача, что Кира из детского дома. Ей исполнилось восемь лет. Женщина взяла данные детдома и, когда приехала на очередную консультацию в Пермь, отправилась по адресу.

Директор встретила ее приветливо, спросила, что привело ее в учреждение. И Степановна спросила о Кире.

- Кира? – директор как-то странно покрутила головой. - Как она может понравиться? Ее у нас никто не любит, ни воспитатели, ни ребята. Вроде, стараемся всем ей угодить, а она, как звереныш.

Вы видели на ее лице улыбку? Так и живет изгоем.

Потом она достала личное дело девочки. Сразу вспомнила, как отшатнулась, когда впервые увидела ребенка со взрослым взглядом. Решение пришло мгновенно – забрать ее к себе. Но муж ее пыл остудил и не одобрил порыва.

В папке было несколько документов, в том числе свидетельство о рождении, справка с прежнего места жительства, говорящая о том, что она действительно осталась без родителей, справка из больницы о причине смерти матери, крохотная характеристика из Дома малютки. Больше ничего.

Степановна попросила встречи с Кирой и намекнула, что не прочь забрать ее из детдома.

- Вы же такой хомут себе на шею надеваете, - с грустью сказала директор. – Это настолько непредсказуемый ребенок, скрытный, злой, что месяц годом покажется. Девочка недоверчива, груба до хамства, она живет в себе.

Договорить директор не успела, в кабинет вошла Кира. Она взглянула исподлобья, увидела Степановну, и в ее глазах зажегся еле уловимый огонек.

- Здравствуйте, тетя Катя, - она несмело улыбнулась.

- Кирочка, поедешь ко мне жить? – спросила Степановна.

- А Вы возьмете? Правда, возьмете? – голос девочки задрожал.

Дочка

Так и появилась Кира в Оханске. Степановне разрешили увезти ее в тот же день погостить, позже были соблюдены все формальности. Тяжело привыкала Кира к новому месту. Все делала нехотя, как нараспев. У женщины хватало терпения не торопить девочку, она понимала, нужно время, чтобы ребенок «оттаял». Часто они вместе делали уборку, потом что-нибудь шили, тихонько беседуя. Степановна с удовольствием слушала, когда Кира читала книгу. Из своего прошлого девочка не помнила ничего или хотела забыть, хотя трагедия случилась, когда ей было четыре года. На «нет» и суда нет, поэтому Степановна не настаивала.

Жили они себе вдвоем, никому не мешали, и им никто не мешал. Училась нормально. В школе проблем не было. Одним словом, обыкновенная девчонка, каких много в нашем городе. Научилась смеяться, доверяла Степановне свои маленькие тайны. Однажды, в порыве откровения спросила, можно ли называть ее мамой. И женщина не выдержала, заплакала.

Проблемы начались после 15 лет. Однажды после очередной поездки в Пермский цирк Кира пришла домой взвинченная. На вопросы не отвечала, заперлась у себя в комнате. Утром за завтраком Степановна поинтересовалась, понравилась ли программа. Кира не ответила, отвернулась.

- Девочка, ты, случаем, не заболела? – с участием спросила Степановна.

- Зачем мне в детдоме имя сменили, скажи, мама? – Она резко отодвинула стул и вышла.

Степановна разволновалась. Какое имя? Кто сменил? Она ровным счетом ничего не понимала. Решила поговорить с Таней, подружкой Киры. Таня рассказала, что в цирке во время перерыва к Кире подошел какой-то развязный парень и назвал ее Викой. Она пошла прочь от него, а он вслед ей кричал, что хоть она и прикинулась простушкой, он все равно ее достанет. После спектакля уже возле автобуса он снова появился, схватил Киру за руку, пришлось водителю вмешаться.

Женщине было страшно потерять Киру, но она чувствовала, как отдаляется от нее девочка. Она что-то постоянно писала у себя в комнате, потом сжигала в печке листы, снова писала. Вначале Степановна подумала – влюбилась Кира и начала стихи писать, но дело оказалось куда сложнее. Снова помогла Таня, которая рассказала, что Кира написала письмо в детдом, откуда ее привезли, но ничего утешительного – оттуда ответили, что у нее было всегда такое имя, какое она носит.

Скоро Кира успокоилась. Прошел год, другой, но Степановна чувствовала - это затяжное спокойствие перед бурей. После выпускного дочь вместе с Таней поехала сдавать документы. Степановна потом ругала себя, ведь как не хотела Кира уезжать, говорила, что хочет учиться заочно и работать. Уговорила она ее. Уехали девочки. Обе поступили в медучилище, общежитие им дали. Первое полугодие окончили благополучно, приехали на каникулы, обе похудели, осунулись.

Поиск

Потом Кира исчезла. Ее не было ни в училище, ни в общежитии. Екатерину Степановну вызвали в Пермь к директору учреждения. Она поехала и узнала, что девушка после каникул ходила на занятия всего два дня. Таня тоже ничего сказать не могла, потому что учились они в разных группах. Просто однажды пришла она домой, а Киры нет. Не появилась она ни на другой день, ни на третий, тогда подружка заявила об этом руководству училища. Опрос учащихся тоже ничего не дал, поиском занялась милиция. Взяли фотографию девушки. Женщина не находила себе места. Она срывалась, слышав шаги в сенях или звонок в дверь. Прошло несколько недель, Кира не появилась. Степановна не чаяла уже увидеть ее живой. Та февральская встреча перевернула все внутри ее. У нее все клокотало. Она отказывалась верить, что девочка, в которую вложила душу, может ответить ей черной неблагодарностью. Что случилось? Может, в беду какую попала, хотя по виду не скажешь. Почему отвернулась, сделав вид, что не узнала? Вопросов оказалось больше, чем ответов. Уже из дома Степановна позвонила следователю и рассказала о встрече. Спу-

стя пару недель следователь позвонил ей сам и сказал, что надо явиться в отделение. Она ехала в Пермь со страхом в сердце. Ее еще раз подробно спросили о приметах Киры и попросили немного подождать. Больше всего она боялась увидеть труп. Когда открылась дверь, она не поверила своим глазам. Передней стояла блудная дочь.

- Кира! – бросилась к ней Степановна, но девушка, недоуменно взглянув, отступила в сторону.

- Я не Кира, меня зовут Викой, - ответила она на немой вопрос женщины.

- А как же приметы? Они сходятся! – воскликнул следователь. Он попросил загнуть рукав, где красовалась коричневая родинка.

- Вот видите, мамаша, и родинка есть, и лицо одно, год рождения сходится, а в паспорте указано другое имя. Викторией ее зовут. Ну, что, красавица, говорить будем или запираемся? Почему сбежала? А я ведь тебя давно приметил, да не было причины задерживать.

- Не знаю я ничего. Вы меня с кем-то путаете, – девушка побледнела.

- Товарищ милиционер, может, это и вправду не она? У моей-то родинка на другой руке, а лицо, правда, то же. – Степановна во все глаза глядела на девушку. – У Киры на шее шрамчик был маленький, а у этой - нет. Не моя это дочь – она заплакала.

- А Вы позвоните моим родителям, – сказала Вика, - они недалеко живут.

Все выяснилось

Интеллигентного вида мужчина и женщина вместе вбежали в отделение. Они бросились к девушке.

- Солнышко, что случилось? – воскликнул мужчина, - тебя обидели? – У женщины в глазах стояли слезы. Это были родители Вики.

Следователь спокойно объяснил им, в чем дело. Он сказал, что произошла ошибка, и ничего удивительного, что девушки похожи друг на друга. Говорят – у каждого есть двойник.

Степановне захотелось поговорить с этими людьми. Она почув-

яла неладное, когда увидела в паспорте дату рождения Вики, она полностью совпадала с днем рождения Киры.

Когда она рассказала о своей беде, мужчина попросил дочку выйти. Потом повернулся к Степановне.

- Понимаете, - он подыскивал подходящие слова, - Вика нам тоже не родная, мы взяли ее из Дома малютки. О том, что у нее есть сестра-двойняшка, нам не сказали, иначе мы бы взяли обеих. У них в доме произошла трагедия, а девочка оказалась свидетелем ее. Поначалу она рассказывала нам один и тот же сон. К ним пришли какие-то люди, кричали на отца, требовали деньги. Сами лысые и одеты в черную одежду. Они убили отца и кинулись на мать. Разорвали на ней одежду, били. Потом перевернули все вверх дном и ушли. Вика вспоминала часто какую-то девочку, но мы ей сказали, что это всего лишь сон и последствия болезни. А спаслись девчонки потому, что мать под кровать их затолкала и попросила молчать. Торопились, видно, те бандюги, даже под кровать не заглянули, обалдели от свободы. А недавно, я, возвращаясь с работы, увидел во дворе Вику, она разговаривала с расхлябанным таким типом, причем разговор шел на высоких нотах. Я крикнул Вике, чтобы она шла немедленно домой. Потому как дважды никогда ей не повторял, пошел не оглядываясь. Каково же было мое изумление, когда дверь мне открыла не жена, а Вика. Мне показалось – я сошел с ума.

- Мы вместе должны найти Вашу дочь, - разволновалась мать Вики. – Вы же говорите, причины не знаете, а, может, та и причина, что она хочет найти сестру. Если парень назвал ее другим именем, значит, он знает Вику. И потом она ведь где-то живет.

Девушку снова пригласили в кабинет. Она сказала, что к ней действительно «клеился» какой-то парень, но в последнее время отстал.

Они вышли из милиции все вместе. Родители Вики пригласили Степановну к себе в гости. Как ей не хотелось, все равно пришлось пойти. На улицах было сухо, город готовился к майским праздникам.

Подойдя к подъезду своего дома, Вика обернулась и вдруг по-

бежала обратно. Возле детской песочницы на качалке сидела девушка и парень. Степановна видела плохо, поэтому не могла узнать в девушке потерянную дочь. Зато ее увидела Вика.

Она подскочила к ним и остановилась, как вкопанная. Перед ней был тот самый парень, что «клеился» еще осенью. Прежде всего, ее ошарашила реакция парня. Глаза его сделались круглыми, как болванки. Он крутил головой и ничего не понимал. Перед ним стояли две Вики.

Пока шла эта немая сцена, к ним успели подойти родители. Девушки были на одно лицо, только у одной оно было свеженькое, а у другой измученное. И прическами отличались.

Сестры смотрели друг на друга и молчали.

- Ну, что, сестрички, пора уже и познакомиться, - прервал затянувшуюся паузу отец Вики.

- Мама, как ты меня нашла? – кинулась к Степановне Кира. – Со мной ничего плохого не произошло. Я тебе потом все-все расскажу.

- Я же вам говорила, говорила же – сестра у меня была, а мне никто не верил, - сквозь слезы причитала Вика.

- Вот что, девицы-красавицы, марш домой мыть руки, обедать будем, - сказал, как отрезал, отец Вики. - А где же молодой человек? – он оглянулся, но парня и след простыл.

Денис

Потом они сидели большой семьей в тесной кухоньке хрущевской пятиэтажки. Всем было, что рассказать и послушать. Оказывается, тот наглый парень однажды снова увидел Киру и просле-

дил, куда она зашла. Девушка зашла в общежитие, переделась и побежала на тренировку, но на улице тот ее задержал. Кира не могла разубедить его, что перед ним не Вика. Она даже вынесла и показала ему паспорт. Тогда он стал рассказывать, кто ее отец и мать, где живут и работают. Девушке стало интересно, она попросила проводить ее к тому дому, где, якобы, она «живет». Они брели каким-то тропками, шли проходными дворами. Кира даже не помнит, как оказалась в чужой квартире, дверь за ней захлопнулась. На окнах решетки и никого. Кричать и стучать – бесполезно.

На другой день парень пришел за ней и повел ее к дому «родителей». Они стояли во дворе и спорили. Она не знала подъезд, а он старался уличить ее во лжи. В то время мужчина, проходящий мимо, резко приказал девушке идти домой и назвал ее Викой.

Девушке очень захотелось увидеть свою копию. Если не один человек уже назвал ее другим именем, значит, что-то тут не так. Она так и жила в той самой комнатке с решетками, день-деньской они кружили с Денисом (так звали парня) по улицам, в надежде встретить близняшку, или караулили вдвоем во дворе, стараясь не попадаться никому на глаза. Денис, в конце концов, поверил, что она действительно не та, за кого он ее принимает и предложил ей идти на все четыре стороны. Тогда заупрямилась Кира. Она, во что бы то ни стало, решила увидеть свое подобие.

Ни Денис, ни Кира понятия не имели о болезни Вики, которая почти месяц не выходила из дома, а университетские друзья приносили ей конспекты лекций и книги.

Послесловие

Вот так через 13 лет встретились близняшки. Сестры продолжили учебу каждая в своем учебном заведении, но жить Кира перебралась к сестре. А Денис, «виновник» их радости, стал лучшим другом девушек. Они его перевоспитывают, обучают хорошим манерам. Он оказался совсем неплохим парнем, а наглость – это напускное. У Степановны появилась новая родня. Она часто бывает у них дома, летом все семейство отдыхает в Оханске, как на курорте, и никто не чувствует себя одиноким или обделенным.

Судьба наизнанку

Некого винить в распаде некогда счастливой семьи. Самой несчастной в этой трагедии оказалась дочь, в падении которой немалая доля «родительской любви»

ЗИМА уже вошла в свои права, Каму сковало льдом. На носу старой полуразвалившейся лодки сидел старик. Он острием палки чертил на снегу ничего не значащие фигурки и тут же зачеркивал их. Одежда на нем едва держалась, видно было сразу, что она с чужого плеча. На реку он приходил часто без всякой цели. Осенью часами глядел на воду, а сейчас захотелось побыть одному.

Он не замечал, что за ним уже не в первый раз наблюдает пожилая женщина и мучительно пытается что-то вспомнить. Про себя она назвала его стариком, потому что он на него и походил. Глаза потухли, борода не ухоженная. Но именно глаза напомнили ей другого человека. Ей казалось, они сыграли огромную роль в ее судьбе.

Вот старику надоело чертить, он достал из выдавшего виды кармана газетный сверточек и осторожно начал его разворачивать. Кроме хлеба там ничего не было. Он аккуратно откусил кусочек и долго его жевал, может, зубов не было, а, может, хлеб был очень черствый.

Видимо, изрядно продрогнув, старик медленно встал, положил на лодку остатки хлеба и направился в сторону города. Спина его выгнулась горбом, словно он нес на плечах непосильную ношу.

Мария Васильевна шла за ним поодаль. Ей непременно надо было знать, где он живет и с кем. Она ходила за ним весь день, продрогла до костей, и все же выследила, куда он зашел. Это был неказистый домик с покосившимся заборчиком и грязными-пре-

грязными стеклами. В доме кто-то был, об этом можно было судить по приоткрытой двери и дыму из трубы. Ей захотелось посидеть у печки, но она подавила в себе это желание и чуть не бегом бросилась домой, в тепло.

Беда

ОТОГРЕВШИСЬ, взяла альбом. С первой страницы на нее смотрели счастливые и молодые лица.

- Как давно это было! – подумала она. – Ни красивых платьев, ни дорогих костюмов, ни многолюдных свадеб, а до чего жизнь была красивая!

Да, красивая. Пока не случилось беды. Случилось это после падения с лошади. Неудачное приземление приковало Марию Васильевну на несколько месяцев к больничной койке, вначале в хирургическом отделении, а потом в психоневрологическом. Дома оставалась семья - муж с дочкой.

Когда она вернулась домой, почувствовала отчуждение со стороны мужа. Вначале решила – отвык просто человек, потом все наладится. Не наладилось. Начались скандалы, порой, неделями муж и жена друг другу слова не говорили. Женщина понимала – есть у него кто-то на стороне, но ради дочки терпела и не выгнала мужа. Она не раз наблюдала, как общаются отец с дочерью. У них полное взаимопонимание. Даже сказку перед сном девочка просила рассказать папу, потому что он умел их сам сочинять.

На третий год такой жизни супруги разошлись. Муж уехал из города, только алименты напоминали о нем. Вначале они были приличные и приходили регулярно, потом все реже и размером меньше. Пришло время, когда алиментов не стало. Это означало одно – потерю работы или... О плохом думать не хотелось. Подруги посоветовали написать на прежнее место работы, чтобы узнать, в чем дело. Вдруг человека и вправду нет в живых?

Ответ пришел неутешительный. С работы он уволен за пьянство и прогулы. Это было неправдоподобно, он же не пил раньше. Его смолоду уважали, по имени-отчеству называли. Значит, жизнь довела, если в бутылке истину увидел. Позднее она привыкла к

редким денежным переводам и успокоилась. В конце концов, не в деньгах счастье, а он - взрослый человек и должен обходиться без няньки.

Однажды, это было перед выпускными экзаменами в школе, на имя дочери пришло письмо. По почерку Мария Васильевна не поняла, от кого, потому что написано было печатными буквами. На другой день Лиля сказала, что после экзаменов едет поступать в сельхозинститут. Матери понравилось, что, наконец, дочь сделала свой выбор. Если бы она знала, чем все это закончится...

Взрослая дочь

Позади вступительные экзамены. Как ни странно, при своих средних способностях Лиля оказалась зачисленной в институт, хотя конкурс на экономический факультет был немаленький. Через полгода Лиля заявила, что не хочет жить в общежитии и переходит к отцу. Для Марии Васильевны это был удар ниже пояса. Дочь ничего не хотела слушать, она уверяла, что у него все хорошо, трехкомнатная квартира, сожительница спокойная, добрая и не против того, чтобы Лиля жила с ними. Домой дочь приезжала редко, проведать ее мать не решалась, она не желала видиться с бывшим мужем, который в глаза называл ее чокнутой. Конечно, у нее была частичная потеря памяти после травмы, но психика без отклонений, сознание в норме.

С Лилей Мария Васильевна изредка говорила по телефону, когда та звонила. Домой, впервые после перехода к отцу, дочь приехала только летом, в каникулы. На ней было дорогое платье, хорошие туфли, а на лице столько «штукатурки», что узнать трудно. Матери хотелось взять мочалку и смыть все с лица девушки. Дочь изменилась не только внешне. Она стала не в меру циничной, высокомерной, на каждое слово огрызалась, с матерью разговаривала, как с малым ребенком. Мария Васильевна несколько раз пыталась вызвать Лилю на откровенный разговор, но безуспешно. В какой-то момент ей стало страшно. Она потеряла свою единственную дочь! Одно успокаивало – все же с отцом живет, он плохого ей ничего не сделает.

Потеря

Прошло несколько лет. Лиля окончила институт, осталась работать в Перми. Домой совсем перестала ездить. Кто-то может подумать, что мать была спокойной. Нет, конечно. Но накручивать себя она не хотела, это было чревато последствиями. Два раза в год она ложилась на профилактику в больницу. Когда в очередной раз потребовалась консультация узкого специалиста, снова поехала в областной центр. В отделении, куда ее положили, до обеда Мария Васильевна ходила на процедуры, а после обеда время было свободное, поэтому она решила найти дочь.

Пошла по адресу к бывшему мужу. На звонок никто не открывал. Парень из соседней квартиры, сказал, что в квартире электричество отключено за неуплату, поэтому надо постучать. На стук вышла женщина неопределенного возраста с опухшим лицом и багровым кровоподтеком на скуле. Она едва сообразила, о чем ее спрашивают.

- Лилька, говоришь? – Дак ее давно нету здесь. Отец-то ее на первом курсе продал богатому мужику. Она с ним все и тряслась, он и за экзамены платил, чтоб не выгнали из института. А сейчас... - собой торгует. Тот мужик-то ее бросил, моложе нашел. Гад! – она смачно выругалась. – Обещал отцу платить за девку-то, а как получил, все забыл... на фиг.

- Так, где ее искать? – перебила женщину Мария Васильевна настойчиво.

- На водочку дашь – скажу, - с каким-то прихлебыванием произнесла та.

- Вот тебе 50 рублей, больше дать не могу, - сказала несчастная мать. - Говори!

- Сходи на проспект или по Ленинской пройдишь ближе к вечеру. Проститутки там обитают. Может, и найдешь, а то и заранее ее сняли.

Насколько сдержанной была Мария Васильевна, но тут не выдержала. Она схватила женщину в охапку и начала ее трясти, стараясь вложить всю свою злость и ненависть за бывшего мужа и

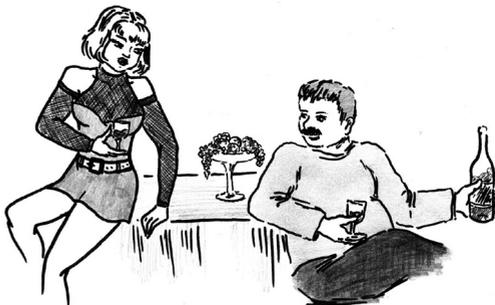
несостоятельную дочь.

Их разняли двое мужчин. Они пришли, чтобы вынести последнюю мебель из давно заложенной квартиры.

Падение

- Пропито все - совесть, честь, человеческое достоинство, - думала мать, шагая в сторону Комсомольского проспекта.

– Если Лиля действительно живет «легкой» жизнью, то, выходит, правильно та баба ее назвала. Проститутка она и есть, все надо называть своими именами.

Ни в тот день, ни на другой, ни на третий дочери она не нашла. Уже решила – будь, что будет, а поиски нужно прекращать. Она смирилась с мыслью об окончательной потере дочери.

Однажды все-таки мать увидела Лилю. После процедур поехала к своей давней знакомой в Мотовилиху. Посидев часа три, заторопилась, хотелось засветло попасть в больницу.

Она стояла у цирка на остановке, когда поодаль остановилась неказистая машина, и оттуда вышла расфуфыренная дама с претензией на законодательницу моды. Она отряхнулась, поправила шапочку и направилась к магазину. Следом за ней пошел лысоватый пожилой мужчина. У Марии Васильевны ступор наступил. Она не могла сдвинуться с места. В дамочке она узнала собственную дочь.

Ждать пришлось долго. Не выдержав, отправилась вслед за ними в магазин. Они стояли у прилавка и спорили.

- Ты обещал коньяк, а не дешевую водку, - канючила Лиля. – Знала бы, что так будет, другого бы нашла.

- Господи, да кому ты нужна такая потасканная, сказала бы спасибо, что тебя пригрел. Тоже мне! Звезда местного пошиба. Прости господи!

- Это ты кого так назвал? – взвизгнула девица и бросилась на

мужчину. - Это я-то «прости господи»? Сам-то ты кто? У тебя и толку ни на что нет, а туда же... Самец дешевый.

Они ругались долго, собрав толпу. Потом охрана вытолкала их из магазина, пригрозив милицией.

Как Марии Васильевне ни было стыдно, на улице она решительно подошла к Лиле и повернула ее к себе. У той, как говорится, глаза полезли на лоб. Она не готова была к такой встрече.

- Лиля, дочка, пойдем отсюда, мы начнем все с начала, - бес-связно говорила мать, держа за рукав дочь.

- Оставь меня, нет у меня никого! И у тебя нет никого! Меня продали, как щенка, как шлюху, как ненужную вещь, - она кричала это истерично, выбиваясь из материнских рук. - На мне клеймо, которое ничем и никогда не смыть. Я-то об этом помню. А ты знаешь, что скоро ребенок будет у меня вот от этого ублюдка? - она выразительно махнула рукой в сторону мужчины, который ничего не понимал и глядел то на одну, то на другую.

- Ребеночка мы вырастим, - успокаивала мать. - Он не виноват.

- Да ты что, мать? На ... мне сдался полудиот или хронический алкоголик? Лучше уж сразу придушить.

В милицию их все же забрали. Всех троих до кучи. Там начали выяснять, что да почему. Милиционер пригрозил Лиле, что если та еще раз попадет в кутузку, отправит за решетку.

- А ты кто такой, чтобы меня за решетку? - закричала Лиля. - Когда пользовался мной, устраивала, а теперь и рыло воротить? В пуху оно у тебя, погляди в зеркало, ментура беспардонная. Все вы тут одним миром мазаны.

Она долго кричала, перемежая свой крик такими выражениями, что у Марии Васильевны, казалось, даже пятки «вспыхивали огнем».

Вернулся он на родину

Марии Васильевне плохо стало прямо в милиции. Ей вызвали «скорую помощь», которая потом и доставила ее в больницу, где она лежала. Наступила депрессия. После лечения она безуспешно попыталась снова найти свою дочь и ни с чем уехала домой.

Ей было до глубины души больно за себя, за Лилю. Она по-

нимала – дочь попала в такую передрагу, что вряд ли сможет вырваться. Потом были письма из тюрьмы, куда она все же попала. Попала за компанию, когда вместе с собутыльниками залезла в чужой гараж и «позаимствовала» закуску из овощной ямы. Мать отправляла посылки, без задержки отвечала на письма дочери. Потом писем не стало.

Мария Васильевна написала начальнику тюрьмы. От него и узнала, что Лилю освободили досрочно. Куда она уехала и с кем, он не знает.

Теперь, по прошествии стольких лет, у матери душевная рана зарубцевалась. Когда впервые она увидела на улице города старика, сердце ее екнуло, а потом наполнилось жгучей ненавистью. Нет, он не был похож на бывшего мужа. Просто движения и манеры ей показались знакомыми. Именно поэтому она изо дня в день ходила по пятам за этим стариком, что-то притягивало к нему.

Теперь она уже была уверена – именно этот «старичок» и был когда-то ее мужем. У нее появилось страстное желание отомстить ему за дочь, за себя. Подходящего момента не было.

- За каким чертом явился он обратно в Оханск? Что ему здесь надо? – возмущался ее воспаленный мозг.

Когда приятельница предложила ей принять участие в выборной кампании, она, неожиданно для себя, согласилась. Ей хотелось, во что бы то ни стало, попасть в дом, где живет старик. Она еще не знала ни имени его, ни фамилии, но уверенность была – это он!

Первый визит оказался неудачным – на двери висел замок. Зато повезло во второй раз. В доме находилась средних лет женщина. Мария Васильевна, задав для проформы несколько вопросов по выборам, спросила, кто еще проживает в доме. Хозяйка немного смутилась.

- Мы с мужем живем здесь, это домик его отца. Мы еще и наследство не оформили, полгода не прошло, - она беспокойно бросила взгляд на окно.

- А разве старик - не отец Вашего мужа?

- Что Вы? - женщина неопределенно махнула рукой. - Пожалел-

ли мы его. Какой-то тихий, побитый жизнью. Вначале на ночку пустили. Нет у него никого. О прошлом ничего не рассказывает, только и сказал, что в тюрьме сидел. У него и одежды путной нет. Мы дали кое-что, так он все равно свои лохмотья носит. Хорошо, хоть не пьет. Муж рано уезжает, так дед снег вычистит, когда и похлебку сварит. А комнатка у него отдельная. Хотите, покажу?

- А фамилию хоть спросили, вдруг жулик он или маньяк?

- Да нет, не жулик, - горячо вступилась за постояльца хозяйка. - Паспорт у него в порядке, в Перми получал, а родился он в Оханске, поэтому и приехал сюда. Он только на вид старый, а по возрасту много моложе. Перенес, видно, много человек.

Записав все, что нужно, Мария Васильевна вышла на улицу. Послушав женщину, она вдруг стала думать о старике не с прежней ненавистью, а с непонятно откуда взявшейся жалостью.

Посмотреть в глаза и не осудить

Еще раза два пришлось Марии Васильевне зайти в этот дом, но старика она так и не застала. Теперь она знала точно, что это отец Лили. Оставалось одно желание – посмотреть в глаза человеку, сделавшему несчастными самых близких ему людей, жену и собственного ребенка.

И случай представился. Вечерело. Мария Васильевна возвращалась домой. Несмотря на пенсионный возраст, ее приглашали иногда на прежнее место работы. Внимание привлекла ватага ребятшек. Они кричали и толкались неподалеку от магазина.

- Вы что, хулиганы, делаете? Убить решили старика? – закричала проходившая мимо них женщина.

- Он - бомж, а бомжей истреблять надо, - заявил высокий мальчишка лет тринадцати. – Остальные же поспешили ретироваться и отошли в сторону, выжидая, что будет дальше.

Мария Васильевна, поравнявшись с женщиной, помогла подняться человеку и узнала в нем старика. Нос его был разбит, руки в синяках, видимо, от нанесенных пинков, рукав кое-как болтался на плече.

- Господи, бедолага, что же делать с тобой? – причитала женщина. – «Скорую», поди, вызвать?

- Не надо «скорую», - скомандовала Мария Васильевна, - помогите довести его до моего дома, а там посмотрим, ему обогреться надо.

Она даже не заметила, как у нее это вырвалось, но отступить было уже поздно.

Вдвоем они затащили старика в квартиру, положили на диван. Тот явно был не в себе. Он что-то бессвязно бормотал и крутил головой. Укрыв его старым одеялом, Мария Васильевна ушла на кухню. Она приготовила ужин и включила телевизор. Сколько времени прошло, не знала. Подходила к концу очередная серия фильма, когда она почувствовала на себе чужой взгляд. Медленно повернула голову. В дверях стоял старик. Он смотрел на нее, не отрываясь. И она не могла сдвинуться с места. Так и глядели глаза в глаза.

- Ну, что, отошел? – спросила она, сдерживая в себе негодование. – Сам пойдешь или неотложку вызвать?

- Зачем ты так, Маша? Или растоптать окончательно хочешь? – он не был теперь похож на безумца. – Так я уже до такой степени растоптан, что на мне места нет живого.

- Кто виноват? Человек судьбу сам выбирает, – она на ходу собирала на стол. – Узнал, выходит? Садись за стол, что ж, на голодный желудок разговаривать?

- Я подлец, Маша, ой, какой я подлец! Дочку свою, кровиночку нашу, сам за две бутылки интеллигенту отдал, - старик сел на табурет и закрыл лицо руками.

- Да знаю я, - зло оборвала его тираду Мария Васильевна. – Раньше надо было за голову хвататься. Где теперь наша дочь? Неизвестно. Надо же! Родной отец довел до тюрьмы и панели.

- В тюрьму, Машенька, я ее не толкал, - тихо произнес старик. – Она сама себе жизнь выбрала. Если бы не нравилось, бросила бы да уехала, чтобы не вспоминать, а она ведь осталась...

И нервы Марии Васильевны не выдержали. Она с размаху ударила бывшего мужа, да так, что он отлетел в другой конец кухни. В этот удар она вложила всю свою ненависть и жалость, обиду на судьбу и одиночество. Потом упала на стол и зарыдала в голос, причитая и захлебываясь слезами. Сказалось нервное напряжение последних месяцев.

Это длилось недолго. Когда успокоилась, увидела, что старик лежит без движения. Испугалась не на шутку:

- Вдруг убила? Тогда и мне сидеть в тюрьме. Вся судьба наизнанку. А ведь только в глаза хотела посмотреть и не осудить. Какое у меня право – судить? Наверное, и моя вина в падении дочери. Разве так уж я боролась за нее? Рассчитывала на «авось». Вот тебе и, пожалуйста.

Поднесла ватку с нашатыркой ему под нос. Старик медленно начал приходить в себя. На голове его зияла рана, видимо, сильно ударился о косяк. Быстро обработала рану и оказала первую помощь. Ей в этот момент было противно оказывать помощь бывшему мужу, но бросать начатое дело не в ее характере. Какой-никакой, а все же человек. Заставила его поесть и попить горячего чая. Уложила снова на диван.

Старик спал долго. Он проснулся только около обеда на другой день. Марии Васильевне пора было идти на работу. Она попросила его не уходить и дожидаться ее, обед оставила на столе.

Послесловие

Не думай, дорогой читатель, что эти люди решили начать жизнь сначала. Об этом даже речь не идет. Да и как жить под одной крышей с человеком, уже предавшим однажды? Старик, хотя он не настолько стар, вышедший на пенсию по болезни, так и продолжает снимать крошечную комнатку в покосившемся доме, а Мария Васильевна живет сама по себе. О дочери ни тому, ни другому ничего неизвестно. Им бы внуков нянчить сейчас, да молодость вспоминать, а они - каждый со своим горем.

Варнак

Вот он, долгожданный День Победы! Для Марии Никитичны он не был праздником, да и какой праздник, если на стол, кроме похлебки со щавелем и котлет из крапивы, поставить нечего.

Она достала из заветного угла еще довоенную бутылку водки, хранила ее для мужа, но он не вернулся с Халхингола. А потом на фронт сбежал их единственный сын, от которого с зимы 43-го года никаких вестей. Так для кого ей хранить этот неприкосновенный запас? Она пригласила к себе соседей, боялась, что одна зальется слезами, которые не успела выплакать за войну. Даже на это времени не хватало, все работа и работа.

Соседи понимали, одиноко Марии одной, поэтому с радостью откликнулись на приглашение. Принесли с собой все, что могли. На столе появилась вареная брюква, ржаные лепешки, кисель из сушеной рябины. Первый тост – за Победу, второй – за погибших, третий – за надежду, которая умирает последней...

И вдруг! Громкий стук в дверь, и вот он, я! На пороге стоял сын Марии Никитичны. Это было чудом. В такой день!

Родители назвали его Николаем, в честь деда, но так повернулись события в жизни парня, что к семи годам все окружающие звали его Варнаком, причем, с легкой руки того же деда. Колька не обижался, Варнак, так Варнак, зато ни с кем не перепутают.

Да, это был тот самый Варнак, который сбежал на фронт 16-ти лет от роду прямо из училища, где из него хотели сделать фрезеровщика.

На нем была выгоревшая гимнастерка, на груди красовалась медаль «За освобождение Крыма». В руках солдатский мешок.

Соседи дергали его, о чем-то спрашивали, но он, не отрываясь, глядел в глаза матери, которые выражали что угодно, но только не радость.

- С чем пришел, сынок? – спрашивали они. – Все ли у тебя в порядке или опять наловил приключений на свою голову?

Наконец, он вырвался из круга соседей и подошел к матери. Обнял ее и приподнял.

- Мама, я дома и никуда отсюда не поеду, везде хорошо, где нас нет. - Он достал из мешка хлеб, тушенку и кулек с сахаром. И веселье продолжалось, со смехом, воспоминаниями, песнями и слезами.

Я дома!

Только под утро в квартире стало тихо. Мать заметила и непослушный чуб, подернутый сединой, и шрам на левой стороне лба.

- Мужиком ты стал, Коля, - она села напротив него и, как в детстве, взяла его руки в свои. - Из детства не успел выйти и сразу в пекло. А оттуда детьми не возвращаются.

- Я видел, мама, такое, что лучше и не вспоминать. Может быть, когда-нибудь расскажу, а сегодня не время. Давай будем спать укладываться.

Николаю казалось, что он уснет сразу, только коснется подушки.

Однако сон улетучился. Перед ним, как наяву, вставали то одна, то другая картина войны.

Ему везло с самого начала. Мысль, сбежать на фронт, пришла неожиданно. Военский эшелон у станции Пермь-2 сбавил ход, и Колька на ходу заскочил в раскрытую дверь теплушки, где ехали новобранцы.

Если честно, он не собирался никуда бежать, все получилось спонтанно. Отступать было уже поздно. Он знал, что его ждет, если обнаружат, судить будут.

Новая фамилия

Варнаком назвал Кольку его дед, потому что не знал с внуком никакого покоя. Мальчишка не умел сидеть на месте, он то и дело куда-то бежал, прыгал, крутился и по этой причине не вылезал из

синяков. В его руках все «горело» безвозвратно.

Товарищи Варнака любили. С ним было весело и беззаботно. Он придумывал игры, сочинял легкие стишки на взрослых и очень похоже изображал известных людей.

Он и в теплушке всем представился Варнаком, новобранцы думали, фамилия у него такая. Поезд шел без остановок, пока не попал под сильную бомбежку. Все повыскакивали из вагонов, но с самолета продолжали бить по разбежавшимся.

Только немного поутихло, начали собирать убитых. Варнак помогал, как мог, он был похож на мясника, весь в крови и грязи. А когда трупы собрали в одну кучу, командир, посмотрев на Варнака, приказал снять одежду с убитого солдата и переодеться.

- Не буду, - заартачился парень, - что я, мародер какой?

- Приказы на войне не обсуждаются, и слово командира – закон. Перед мамкой будешь ломаться, если выживешь, конечно.

Вот так Колька стал рядовым Варнаком. Стрелять он умел, в училище они с ребятами устроили тир в старом, полуразрушенном складе. Стрелять ходили только в сопровождении мастера, который был ранен во время финской кампании и припадал на правую ногу. Но стрелял очень метко, тому же учил и своих воспитанников. Варнак по стрельбе был одним из лучших, поэтому наивно считал, что к войне вполне готов. Перед лицом врага все оказалось по-другому.

Через два дня он уже получил боевое крещение. Первый бой. Ему хотелось себя показать, он рвался все время вперед, боясь признаться, что от страха у него даже ноги сводило. Варнака каждый раз останавливал старый солдат Емельянов.

- Не лезь наперед бабки в пекло, - приговаривал он. – Умереть еще успеешь. А геройство побереги для лучших времен.

Емельянова Варнак уважал, он был его земляком и чем-то напоминал отца, которого Колька не мог забыть.

Награда

Первую свою награду Варнак получил за бой под высоткой 320. Трижды часть начинала наступление на высотку и трижды откатывалась назад. Тогда командир роты послал пятерку автоматчи-

ков в обход высоты для уничтожения дзотов, а сам дал команду имитировать наступление, чтобы отвлечь внимание противника. Это удалось. Все пятеро вернулись, но двое, Варнак с Емельяновым, были ранены. Их отправили в медсанбат. На другой день сам командир полка пришел в санбат и вручил воинам награды: Емельянову – орден Красного Знамени, а Варнаку – медаль «За отвагу». В удостоверении к медали так и значилось – Варнак Николай Михайлович.

В госпитале, куда автоматчиков отправили на долечивание, Колька решил вернуть себе собственную фамилию и рассказал Емельянову, каким образом он стал Варнаком. Тот посоветовал обратиться к начальнику госпиталя, чтобы в медицинских документах написали правильную фамилию, тогда обратно на фронт он уйдет не Варнаком, а Долгих. С наградой было сложнее, пришлось бы иметь дело с особистами.

- Не переживай, - успокаивал товарища Емельянов, - ты еще не одну медаль завоюешь, а биографию портить ни к чему, если нет большой надобности. Тебе хоть 17-то есть? Вот то-то и оно. Отправят в родное ремесленное, да еще и засудят. Доживи до совершеннолетия, а там видно будет.

Особый отдел заинтересовался

Начальник госпиталя пошел навстречу просьбе раненого. В документе на выписку значилась фамилия Долгих. И направили его не в свою часть, а на Крымский полуостров, Емельянова комиссовали.

Трудно пришлось Кольке без старшего товарища, но ничего, прижился и в новой части. Почему-то представители из особого отдела были там не редкими гостями. Варнак со своей бесшабашностью и ребячеством попал однажды в их поле зрения.

- Рядовой Долгих по вашему приказанию явился! – отрапортовал он четко, когда вызвали его в землянку комбата.

- Документики на медаль имеются? – без предисловий спросил офицер с погонами майора.

У Варнака сердце упало.

- Так точно, товарищ майор! – ответил он с тем же задором и

начал доставать из нагрудного кармана удостоверение.

В это время немцы предприняли наступление. Опять повезло Варнаку. Легко отделался, но медаль спрятал в вещмешок до лучших времен, а если спрашивали, говорил, что в бою потерял. Если б знал, где упасть...

Воевал он не хуже других. И дошел бы до самой Победы. Вернулся бы домой по-человечески. Но надо было так случиться, что вскоре он снова оказался в госпитале. Когда уже выздоравливал и начал ходить, в коридоре неожиданно встретил командира той первой роты, с которой начинал войну.

- Ты смотри, какой живучий рядовой Варнак, а я уж думал, тебя и в живых нет, - обрадовано воскликнул он. - Ну, рассказывай, раз уж встретились.

- Да что рассказывать, зацепило вот опять, из позвоночника осколок доставали, все обошлось. Как там ребята?

- Да почти никого не осталось из первых, - он помолчал, нервно потушил сигарету. - В местечке одном немцы нас с землей смешали. Меня санитары обнаружили в воронке. Где остальные, не знаю, без сознания был.

- Долгих, на перевязку быстро! - скомандовала, проходя мимо них, медсестра.

- Как Долгих? Ты же Варнак, я сам на тебя документы готовил.

- Нет уже Варнака, товарищ капитан, а есть рядовой Долгих, - козырнул, шутя, Николай.

Удача вдруг отвернулась от Варнака. Их разговор с ротным случайно услышал человек в гражданском, стоящий у окна, на которого раненые внимания не обратили. Особисту показалось подозрительным, что парень оказался с двумя фамилиями.

Штрафник

Перед выпиской его вызвали к начальнику госпиталя, с ним долго беседовал какой-то военный в звании подполковника. Заставил написать, где и когда он изменил фамилию, откуда родом и кто родители.

На другой день взяли под стражу. Еще неделю спрашивали что, как и почему. Под трибунал не отдали, но отправили в штрафную

роту. В первом «штрафном» бою осталось половина состава, а в следующем в живых остался один Варнак и без единой царапины. И опять особый отдел, снова допросы, разборки. Его обвиняли в трусости и черт-те в чем. Выходит, было бы правильной погибнуть, а Николай хотел жить. На сей раз, он не надеялся на благополучный исход. Ночами ему снилась мать, она просила сына перетерпеть все, что выпадет на его долю. Обидно, если ей придет известие, что сын расстрелян, как трус или изменник Родины.

Пока ждали ответов на запросы, прошел месяц. Наши войска уже шли по западным странам. Варнак искренне хотел на фронт и не раз говорил об этом на допросах.

- Ну, что ж, - сказал ему однажды молоденький особист, - отправим тебя на самый опасный участок, оттуда не сбежишь и вряд ли живым останешься, зато искупишь свою вину, а близким за тебя стыдно не будет. Но учти, это только благодаря твоей молодости.

Смертник

Его везли в арестантском вагоне с такими же, как он, бедолагами, под охраной автоматчиков. Николай и не разговаривал ни с кем, что было совершенно не присуще его характеру. Под стук колес вспоминал отца, мать, деда. Больше всего хотелось не говорить, а взять в руки старую дедову гармошку и пойти на берег, сесть прямо на гальки и играть, играть...

Нельзя сказать, что Варнак был отменным гармонистом, но дед заставил его взять в руки инструмент, научил играть несколько мелодий, а потом уж парень сам подбирал, что вздумается. Только вот с той поры, как началась война, он гармонь ни разу в руки не брал. В ремесленном училище гармошки не было, а потом побег на фронт. Какая уж тут музыка? Музыкой можно было назвать происходящее с ним, грустной музыкой. Ему, человеку с отрытой доброй душой, за что судьба «дарит» такие испытания? Предателем никогда не был и труса не праздновал.

От станции к месту назначения вела одна дорога. Вокруг весь снег был перемешан с землей. День клонился к вечеру, и надо было торопиться. Неожиданно, у леса, путь преградили военные.

Старший из них в звании майора попросил помочь чуть расширить овраг от выпавшего снега, чтобы к утру можно было поместить туда несколько тяжелых орудий.

За работу взялись бойко. Часа через два один из копавших крикнул, что под лопату человеческая рука попалась.

- Здесь же немцы были, - ответил на это майор, - может, и голова попадет. Чему удивляться? Руку убери наверх и копай дальше.

- Товарищ майор, - снова послышался тот же голос, - да тут, похоже, могила какая-то, посмотрите сами.

Майор подошел, взял из рук солдата лопату и начал медленно окапывать место рядом. Кругом – заметенные снегом трупы, наполовину заваленные землей.

- Вот, гады, даже не зарыли до конца, видно, торопились сильно, - произнес майор. Потом повернулся ко всем, кто стоял рядом и приказал аккуратно окопать ров. Остальные продолжали кидать снег на другой стороне возле самого леса.

Когда послышалась команда прекратить работу, Варнак подошел ко рву. И то, что он увидел, повергло его в шок. В яме лежали и стояли люди в неестественных позах. Видно, некоторых из них зарывали живыми. Больше половины там оказалось детей. Его с трудом оттащили от рва. Очень долго потом ему снились те дети, лишённые жизни фашистами.

Полк, куда попал Варнак, состоял из «оступившихся». Там все изначально были смертники. Во время танковых атак их задачей было, как можно больше уничтожить орудий противника. И не дать ему перейти условную черту. Если нельзя уничтожить с расстояния, бойцы обвязывались связкой гранат и кидались под гусеницы.

Сбежать отсюда действительно не было возможности. С двух сторон местечко охватывала вода, и только узкий проход с тыла соединял полуостров с материком. Но там стояла специальная часть с собаками, стерегущая «оступившихся».

Варнаку доверили пулемет. Три месяца держался Николай Долгих, а потом его вместе с пулеметом немцы «зарыли в землю». Собака учуяла. После боя всегда пускали собак, чтобы никто не

спрятался.

Ноги Варнака ничего не чувствовали, раны - на голове и шее. Держать его в полку без помощи - значит, убить. И по разрешению особого отдела парня вместе с еще двумя тяжелоранеными отправили в тыл.

Жизнь без войны

Пока возвращали к жизни его ноги, времени прошло довольно много. В апреле 1945 года его комиссовали. Домой ехал без всякого настроения. Решил по пути заглянуть к Емельянову, он помнил о земляке.

Емельянов искренне обрадовался, увидев Варнака. Однополчане проговорили почти до утра. А по радио передавали сводки о последних боях в Берлине.

- Варначок, поживи у меня, приедешь к матери, когда Гитлера повяжут, - предложил Емельянов. – Отдохнешь немного, нервы у тебя никуда не годятся, ведь мальчишка совсем. В 18 лет все дороги открыты.

И Николай остался. Правда, через две недели он уже трясся в кузове попутки, чтобы как раз в день Победы появиться пред ясны очи матери.

Обо всех перипетиях своей фронтовой судьбы матери он все-таки рассказал.

- А ведь приходили однажды ко мне двое, сынок, - Никитична смахнула рукой слезы. - Представились твоими однополчанами, спрашивали, как в детстве родные тебя называли, ну, я возьми да и скажи, Варнаком, мол, все вокруг звали. На войну сбежал, когда в ремесленном учился. Они переглянулись как-то странно, а у меня сердце заныло, известий-то от тебя никаких. Все думала, вдруг тебе хуже сделала.

- Все нормально, мама. Спасибо тебе.

Постепенно все наладилось в семье. Николай пошел работать, окончил вечернюю школу, но раны беспокоили. То и дело приходилось обращаться к врачам. Когда было особенно плохо, фронтовик брал в руки старую гармонь. Была мечта купить новую, но он решил, что на его век хватит.

Несмотря ни на что, Н.М. Долгих остался Варнаком, какую-нибудь да шутку придумает. Когда он шел по улице, соседи просили «сказануть пакость». Упрашивать долго не надо было, сходу расскажет такое, что те за животы держатся.

Недолгим оказался век у Варнака. Он и до 50 лет не дожил. Сердечный приступ свалил его дома. Николай смотрел телевизор, по которому шел фильм о войне. Смотрел и ругался, что режиссер донельзя «причесал» войну. Потом вдруг замолчал. Он умер сразу.

Похоронили его рядом с дедом. На металлический крест прибили табличку с именем и фамилией умершего, датами рождения и смерти. И кто-то то ли в шутку, то ли всерьез внизу нацарапал «Варнак».

Матери суждено было пережить сына на 20 лет. И все эти годы

она говорила, что живет за него. Жена Варнака ухаживала за свекровью до последнего дня, а потом и сама угасла. Так ничего и не осталось от человека, который жил и воевал, страдал и мучился. Уже не увидел Николай Михайлович ни фейерверков в свою честь, ни больших праздников. Не успел. А в удостоверении к медали «За отвагу» все же появилась его настоящая фамилия.

2009

Лебединая верность

Таисья жарила на кухне блины, когда услышала по телевизору свою любимую песню. Она забежала в комнату и обессилено опустилась в кресло.

- В небесах искал подругу он, звал из гнезда... - пела девушка. Хорошо пела, по-своему. Глядя на молодую красивую певицу, Таисья вспомнила себя в таком же возрасте, и слезы потоком хлынули из глаз. Она тоже была «лебедушкой», так называл ее Гриша. И появление песни «Лебединая верность» совпало по времени с его смертью. Она помнит, как приехала с похорон, легла на кровать и сутки не поднималась. Слез не было, но внутри все сжигала мысль, что больше никогда не увидит друга, без которого не представляла себе жизни. В этот момент по радио и услышала она впервые слова, запавшие в душу:

- И была непоправимою эта беда,

Что с любимую не встретится он никогда,

Лебедь вновь поднялся к облаку, песню прервал,

И, сложив бесстрашно крылья, на землю упал...

Вот когда Таисья заплакала назрыд. Стало легче. Но с той поры не могла она спокойно слушать «Лебединую верность». Ей казалось, что эта песня про нее и про Гришу, про их красивую, так нелепо оборвавшуюся любовь. Разница лишь в том, что она живет, а любимого нет, и никогда уже не будет.

Детство

Они жили с Гришей в одной деревне, которой давно уже нет на карте района. Он был на два года старше и отличался хулиганским поведением. На него жаловались все, начиная от соседей и кончая учителями.

Их знакомство состоялось весьма неожиданным образом. Игра в снежные сопки была любимой у ребят. В ней участвовали только мальчишки. Но когда не хватало в команде «воинов», изредка разрешали брать сопки и девчонкам.

Таиска была маленькой и очень ловкой, поэтому мальчишки часто забывали, что она девочка. И в тот злополучный день она была в игре. Ее задача – пробраться на вершину сопки и занять место у флага. Когда Таиска была почти у цели, перед ней встал Гришка, широко расставив ноги. Она моментально проскользнула между его ногами и оказалась у знамени «противника».

Парень, разъяренный, подскочил к ней, и, забыв, что она девочка, двинул кулаком в лицо. На него тут же набросились ребята ее команды. Куча мала! Таиска не отставала от мальчишек, лезла в самую гущу. Наконец, все устали мутузить друг друга. Поднимались, потирая ушибленные места и прикладывая снег к синякам. Таиска увидела, что Гришка стоя на коленях, пытается «водрузить на место» оторванный рукав. Она подбежала и со всей силы врезала обидчику между глаз, сказав при этом: «Это сдача». И села рядом.

Гришка был сражен наповал таким поведением Таиски. Она деловито осмотрела его рукав и командовала, чтобы следовал за ней. И парень, как телок, поплелся за девчонкой. Тася попросила старшую сестру пришить рукав к Гришкиному пальто, чтобы ему дома не попало. А сама принесла горячую кашу, молоко, хлеб и пригласила гостя за стол.

Ему было очень неловко, но он, удивляясь сам себе, снова безропотно подчинился. Уже сидя за столом, они одновременно взглянули друг на друга и засмеялись. У Гришки под обоими глазами начинало синеть, а у Таиски уже ясно вырисовывался «фо-

нарь» под правым глазом.

- Ты извини, Таиска, - сквозь смех едва выговорил мальчишка, - я не хотел. Еще никогда от девчонок не получал сдачи. Я тебя больше пальцем не трону. Честно!

- Ты меня тоже прости, - ответила девочка. – Мне, конечно, за «фонарь» от отца крепко влетит, но это не в первый раз, я уже привыкла.

Утрата

А потом была школа-интернат. Погиб отец Таиски – молнией убило, у Гришки после операции не стало матери. И оба они, по стечению обстоятельств, оказались в интернате. И там они постоянно были вместе, хоть и учились в разных классах. У них всегда темы для разговоров находились.

Гришка тосковал по матери, он очень изменился, стал молчаливым, и хулиганом его уже никто не называл. К Таиске он относился очень бережно. Не обижал, даже если та была не права.

Так пролетели несколько лет. После восьмого класса Гриша поехал в училище, а подружка осталась доучиваться. Он приезжал только на каникулы, и девочка очень по нему скучала. Ей было приятно, когда открытку или письмо он начинал словами: «Милая моя лебедушка...»

В девятом классе девчонки из класса начали влюбляться, они все перемены о чем-то шептались, хихикали, писали записки. А Тася не обращала на это внимания. У нее был друг, который за нее пойдет в огонь и в воду, а то, что они всегда будут вместе, она в этом нисколько не сомневалась.

Известие о смерти Григория оглушило девушку. Как? Почему? Ведь неделю назад они виделись, он обещал заехать на обратном пути. При всей своей радости от встречи, Тася заметила его воспаленные глаза, излишне бледное лицо, вообще нездоровый вид. На все вопросы он отшутился, как обычно, и сказал, что «переучился». Как потом она узнала, у него было белокровие, доставшееся ему от матери, детство которой проходило в поселке, находившемся недалеко от испытательного полигона.

Холодное сердце

Летели годы. Тася выросла. К ней не раз сватались хорошие парни, но сердце ее было холодным, никому оно не ответило взаимностью. Знакомые наперебой твердили, что время уйдет, и она останется одна, никто даже не поглядит в ее сторону. А уж когда будет за сорок, то и вовсе ждать нечего, разве что вдовец какой посватается.

Сказать, что никто не нравился Таисье, было бы неправдой. Но как только тот человек подходил, да, не дай бог, клал руку ей на плечи, все ее существо протестовало, и с этим она ничего сделать не могла. Это была чужая рука, она сразу вспоминала большие и теплые ладони Гришки, их запах, как они прикасались к ее волосам и как неистово хлопали ей на концертах, когда она читала стихи или участвовала в постановках.

Вот и пенсия подошла, несчастной себя Таисья не чувствует. У многих из ее подруг мужа покинули белый свет. Она одна, и они одни. Какая разница? Подруги заботятся теперь о внуках, помогают им. У Таисьи тоже есть, о ком заботиться. К ней приезжает старшая сестра, двоюродные братья, их дети и внуки, так что одинокой назвать ее нельзя.

Плачет она только, когда слушает «Лебединую верность», а так слезу из нее выбить трудно. Вот и сейчас, она сидела, прижав к груди подол фартука, а мыслями была далеко-далеко, рядом с Григорием.

2014

Семью отняла война

Проходя по старому кладбищу в сторону улицы Подгорной, наше внимание привлекла сгорбленная старушка, одиноко сидящая на полусгнившей скамеечке. Видно было по губам, она что-то говорит. Подойдя поближе, услышали:

- Не переживай, Венечка, все у меня, слава Богу, ни в чем не нуждаюсь. Время придет – к тебе переберусь, уж недолго осталось. - На ее чуть одутловатом лице блуждало что-то наподобие улыбки.

Говорила, а сама то и дело гладила рукой ребро металлического памятника, поржавевшего местами. Неожиданно увидев нас, она вздрогнула, будто ее застали за чем-то неприглядным. Мы хотели извиниться и уйти, но она спросила мою приятельницу, не Мариной ли ее зовут, очень уж она невестку ей напомнила.

- А я вот приехала на свидание к первому мужу моему, - сказала она, как бы, между прочим. - Каждый год навещаю его и сына, обоих война огняла.

Меня военная тема всегда волновала, поэтому интересно было узнать судьбу этой бабушки и ее близких. Но мы спешили, поэтому ушли, пожелав ей доброго здоровья. И каково же было наше удивление, когда на обратном пути мы снова увидели ее на том же месте. Надо было удовлетворить свое любопытство, и мы снова подошли к старушке.

- Меня все в деревне теткой Палагой кличут, - произнесла она, а так я – Пелагея Никитична. Живу в Удмуртии, а родина моя здесь, в Оханском районе. Счастлива я была когда-то, - при этих словах глаза ее засветились. - Колхоз назывался у нас «Имени Сталина». Все мы на полях работали, родителям помогали с детства. Как-то к нам командировочных прислали из Молотова (сейчас Пермь), ну, и выглядел меня один паренек, мне уж в ту пору 17 годков с половиной было. Мне он тоже приглянулся. А как срок подошел, ему в армию идти, мы расписались.

Как же я ждала Веню, он мне каждый день снился. Только демобилизовался, дома два дня побыл – а тут война. Раз война, крест и пояс снимай. – Пелагея Никитична аккуратно подобрала слезу со щеки узловатой рукой.

Девушка трудилась наравне со всеми. Мужчин в деревне не осталось, все - на бабьих плечах. Когда Пелагея поняла, что понесла, всю ночь проплакала.

- Что же с дитем-то будет? – думала она. – А как там Венечка? Писем давно не было, хоть бы весточку получить. Тяжело без отца-то детишек растить.

Она видела, каково было тем, кто остался с двумя, тремя детьми, а то и больше. Чтобы забыться и не думать ни о чем, она, как

одержимая, работала, не жалея себя. Уходила с рассветом на ферму, а возвратившись домой, падала без сил.

Ее уговаривали перейти на пасеку, там полегче, сытней, да и для будущего ребенка полезно. Пелагея отказалась.

- Как вы не понимаете? - доказывала она в конторе, - мне как раз нужно, чтобы не было у меня ни минуты свободного времени, чтобы не думала я ни о муже, ни о ребенке.

- Ну, нет, так нет. Неволить не будем, а решишь – приходи, - сказали ей в правлении. - Все равно тебе поменьше надо на работе напрягаться.

Она и не заметила, как подошел срок. Это случилось по весне, когда Пелагея рано утром на лошадке поехала к стожкам в поле, чтобы привезти на ферму немного сена. Только разворошила стожок, толчок изнутри и адская боль согнули ее. Она вскрикнула, хотела подобраться к саням, но бессильно опустилась на сухую траву. Лошадь от вскрика дернулась и понеслась к деревне.

Толчки становились все чаще, Пелагея уже ничего не видела от бежавшего пота, ее сознание от боли, казалось, куда-то уходит. На помощь она не надеялась, ведь деревня еще спала, а лошадь никого не приведет, разве что по следам поймут, где ее искать. Пожалела о том, что никому не сказала, куда едет.

Последним усилием воли, она скинула кожушок, потом кофту, сняла с себя исподнюю рубаху, с трудом снова оделась. В этот момент она думала не о ребенке, а о муже, ей казалось, он ранен, и лежит в поле один среди трупов.

Пелагея недалеко была от истины. Ее Венечка и в самом деле лежал на поле боя под Смоленском, без сознания. Его организм в одиночку упорно боролся со смертью, которой помогал довольно сильный мартовский мороз. Сознание солдата то возвращалось, то снова уплывало. Перед его глазами, как наяву, вставала молодая жена. Она улыбалась и держала на руках что-то завернутое в желтую тряпку, протягивала ему. Вдруг он в одно мгновение понял – это его будущее, его сын! И солдат встrepенулcя, больше всего ему захотелось жить, чтобы подержать на руках свое сокровище.

Приговор врачей был беспощаден – ампутация. Слишком дол-

го пролежал он на снегу, март мартом, а конечности он обморозил, началась гангрена. Еще давала знать о себе контузия, да к тому же все тело было изрешечено осколками.

- Доктор, - умолял он хирурга, - как же я сынишку качать буду, если руки отрежете? А гулять с ним кто будет, если не отец? Доктор, сделайте что-нибудь...

Молодой хирург, попавший на фронт со студенческой скамьи, не считал себя светилом в области хирургии, поэтому первым же рейсом срочно отправил Вениамина в госпиталь, где работал его учитель, которого он боготворил.

Вениамина, после санитарной обработки, показали профессору. Он осмотрел и коротко бросил: «В операционную!». Стопу левой ноги, однозначно, надо было ампутировать, вся она была черного цвета. О спасении ее речь даже не шла. Сколько часов доставал потом доктор осколки из тела парня после ампутации, сказать никто не мог. Остальное можно было попробовать спасти.

Начались бесчисленные процедуры. Рядом лежали такие же, как Веня, бедолаги. Но среди них он чувствовал себя еще счастливым. Ему только стопу удалили, а у некоторых вообще не было ни рук, ни ног.

Однажды в «обрубочную» палату, так ее называли в госпитале, вместе с профессором вошли несколько человек. Как сказал доктор, это представители заводов, которые могут изготовить временные протезы.

С Веней все было ясно, обещали привезти протез-ботинок уже недели через две. Когда привезли пробный, Веня надел его, вскочил и с криком от боли упал на пол. Его не предупредили, что не сразу он будет ходить. К протезу нужно привыкнуть и начинать постепенно с нескольких шагов, потому что еще не совсем зарубцевался шов.

И начались тренировки, которые изматывали вконец. Когда что-то стало получаться, доктор принес ему трость. Более-менее научившись ходить, Вениамин начал помогать соседям по палате.

* * *

Не обнаружив Пелагею на ферме, колхозницы заволновались.

Предположения были самые разные. Рядом с фермой спокойно стояла запряженная в сани лошадь, даже не привязанная. Женщины зажгли фонари, звали, кричали, ответа не было.

- Девки, смотрите, свежий след от полозьев, - раздался голос с другой стороны фермы.

- Значит, она куда-то уехала. Куда?

- Айда по следу, девки. Она ведь у нас на сносях, как бы ни случилось чего.

Они сели на лошадь, которая привела их к тому самому стожку. Женщина почти замерзала, но остатками сознания понимала, что надо спасти красное маленькое существо.

- Смотрите, дите, - заохала молоденькая доярка.

- Ладно, не ахайте. А, ну, быстро грузите Пелагею в сани, ее оттирать надо. Как приедем, Федосья, принесешь чуток самогона. Ребенка не уроните. Гляди-ко, будто смерзлись.

Женщины привезли Пелагею с малышом домой. Долго оттирали ее замерзшее тело, пока оно не стало розоватым. Затопили печь, согрели воду, чтобы обмыть ребенка.

Молодая мать, придя в себя, сразу огляделась встревожено, ища глазами кого-то.

- Да здесь твой сын, не волнуйся, - успокоила бригадир. - Девки-то на ферму побежали, а я с тобой осталась. А парнишка спит себе, его вымыли, Дуся накормила, у ней тоже малец растет. Так что все в порядке.

Вечером зашел председатель. Поздравил с рождением сына.

- Как назовешь-то, Пелагея?

- Сережкой, наверное.

- Ну, и ладно! Ты отлежись маленько дома, передохни, бабы пока без тебя справятся, чай, не страда сейчас, да ищи няньку каку-никаку, план-то поставок нам опять увеличили, где брать будем, ума не приложу.

Через неделю Пелагея пришла на ферму прямо с сыном. Уложила его на подстилку и отправилась работать. Так и таскала его с собой. Когда пропало молоко, начала поить вначале разбавленным, а потом и цельным коровьим молоком.

Мальчик рос хиленьким, бледным, хоть и старалась Пелагея накормить его досыта, да не в коня овес оказался. От мужа вестей не было, но и похоронки - тоже, значит, воюет, просто некогда писать, успокаивала себя Пелагея.

* * *

А в госпитале жизнь текла своим чередом. Вениамин ни разу не написал домой, не хотел беспокоить. Ему казалось, Пелагея только получит письмо из госпиталя, тут же приедет, ему же хотелось встретить ее на своих ногах. К протезу он привык, ходил сносно. Саньку пришлось сложнее, на костыли его поставить нельзя, так как ни руки, ни подмышки нет. Вот и опирался он на Веню, да на палочку. К весне пробовал ходить один.

Когда в госпиталь снова приехал кожаных дел мастер, он крутил Саньку, измерял, набрасывал чертежи на ходу, зачеркивал и снова принимался обмерять. Наконец, сказал, что будет Саньку рука. Даже пообещал новые ботинки изготовить и для Вени.

В палате висело радио, все сводки информбюро слушались в тишине. Однажды после сводки выступал корреспондент из армейской газеты. Он рассказывал про один из боев, прошедших полгода назад и просил откликнуться тех, кто знает пулеметчика Вениамина Чазова, который не был обнаружен ни среди живых, ни среди мертвых.

У Вени забилося сердце. А вдруг это услышит Пелагея на Урале? Она же подумает – погиб ее муж. В тот же вечер он написал первое за последний год письмо жене.

* * *

Когда почтальонка повернула к ее дому, у Пелагеи невольно сжалось все внутри. Неужели похоронка? Но, увидев треугольник, на время успокоилась. Взяв в руки, боялась раскрыть. Почерк был похож на Венин, но что-то было и другое. А к ней уже спешили соседки, увидевшие почтальонку. Они облепили раскрытые окна и ждали, что в письме.

Муж писал, что он был «немного ранен», а до этого все время шли бои, писать было некогда. Скоро он снова будет здоров, и получит отпуск. О том, что одной ступни у него нет, даже не об-

молвился.

Пелагея готова была сразу помчаться туда, где Веня, но бригадир остудила ее пыл.

- Зачем ехать, если он скоро сам явится?

- Счастливая, - говорили женщины. – Только бы сынка сохранила до приезда отца, ведь в чем душа держится у мальчишки.

Шли дни за днями, а муж все не приезжал. Каждый день Пелагея вставала с надеждой. На конверте Вениамина не было обратного адреса, но штамп стоял Вологды. Сколько в той Вологде госпиталей, где найти нужный? Она не знала. Да и пропуска у нее нет, чтобы ехать на запад. Бросаться наобум не хотелось, так можно и мужа не найти, и сына потерять. Она боялась, что Веня снова попал на передовую, поэтому сама обходила почтальонку стороной.

А письмо снова пришло, тогда Пелагея узнала, что Веня остался работать в госпитале, на конверте значился обратный адрес.

* * *

Шел уже конец 1943 года. Веню комиссовали, но попросили остаться в госпитале на время. Рук не хватало, медсестры с ног валились от усталости. Особенно трудно было с теми, кто начинал ходить. Здоровые мужики просто висели на девчоночьих плечах, сами были не рады, но больше-то помочь было некому. И стал Чазов шефствовать над «обрубочной» палатой. Заодно тренировал и свою ногу. Хотел вернуться домой и полноценно работать, он не терпел жалости к себе

Мастер привез Вене новые ботинки кирпичного цвета, который на многих действовали, как красная тряпка на быка. Когда прибыла очередная партия раненых, Веня только-только сдал дежурство и отдыхал. Увидев, что вносят раненых, пошел помогать. Надо же было попасть на глаза контуженному майору! Тот начал на весь госпиталь орать, что в окопах люди кровь проливают, а здесь такие здоровяки пристроились возле немощных, жируют, модными ботинками козыряют и так далее. Насилу майора уговорили. И еще было несколько подобных инцидентов.

Когда мастер снова приехал в госпиталь для обмера раненых,

Веня пристал к нему, чтобы он изготовил ему черные ботинки. Накануне Нового, 1944 года, в один день произошли два события. Во-первых, к нему приехали представители батальона и вручили медаль «За отвагу», во-вторых, добралась-таки до него жена, ей выписали пропуск по письму. Вениамин чувствовал себя именинником. В тот день ему дали отгул.

Всю ночь муж и жена ни на минуту не сомкнули глаз.

- Знаешь, Пелагея, меня приглашают в Удмуртию на завод, там тоже мужиков не хватает, - осторожно начал он разговор. – Как ты на это смотришь?

- С тобой, хоть куда, но как быть с сыном? Он очень слабенький у нас.

- А мы за городом где-нибудь пристроимся, чтобы воздух свежий был, корову заведем, гусей... На работу ездить буду. Если захочешь, пойдешь работать, а нет – дома сиди. Пелагея промолчала, и больше к этому разговору они не возвращались.

* * *

Пелагея и Вениамин Чазовы приехали в Пермь ранним утром. Никуда не заходя, добрались на трамвае до конечной и направились к Юго-Камску. По пути их несколько раз «подбрасывали» на какое-то расстояние. Наконец, вот он, берег Камы. Только ступили на ледовую дорогу, сзади их начала обгонять лошадь. К ночи путники были дома, в своей деревне.

Несмотря на поздний час, весть об их приезде разнеслась быстро. В дом столько нашло людей, что некуда было сесть. Кто-то принес табуреты из дома, а то и лавки. Вениамин был первым, кто приехал с войны живым, хоть и призывался из Перми, но семья у него жила здесь.

Он рассказывал о боях, о том, что слышал из сводок и от раненых, прибывающих в госпиталь с фронта.

- Бабоньки, я ведь давно на фронте не был, а воевал под Москвой.

- Где ж ты два года пропадал? Жена извелась вся. Вроде, не инвалидом вернулся, а говоришь, комиссовали. За какие такие заслуги домой отпустили? Вот мой никогда уж не придет, написали даже,

где похоронен, - кричала в сердцах Авдотья, у которой на руках осталось трое детей.

Не хотел Веня ничего объяснять. Он бы и рад еще повоевать, но один глаз из-за поврежденного нерва совсем не видел, об этом он никому не говорил. Кроме того, по ночам мучили головные боли. Теперь об этом знала только жена.

Через месяц Чазовы перебрались в Оханск, где близко была больница. Жили на квартире у женщины-удмуртки. Веня устроился в промкомбинат, а Пелагея – на пекарню. Сынишка ходил в детский сад, но был гораздо слабее своих однолеток, у него кожа, будто просвечивала, жилки видны были по всему телу. Мальчика откармливали, возили по докторам, но все было напрасно – он угасал на глазах.

Однажды на рассвете Пелагея проснулась от неясной тревоги. Подошла к кровати Сережи. Он лежал с распахнутыми глазами и глядел куда-то в потолок. При этом улыбался и быстро-быстро говорил какие-то непонятные слова. Мать была поражена, ее сын вообще очень редко улыбался, а тут...

- Не тронь мальчишку, он тебя не видит, - сказала хозяйка, неслышно подойдя сзади. – Он уже там, и ему хорошо.

- А мне какво? – воскликнула Пелагея. – Он у меня единственный, других не будет. Сереженька-а-а-а! – запричитала и завывала в голос, упав на колени перед кроватью сына.

Вениамин, по-мужски обхватив голову руками, сидел у стола. Когда подошел к мальчику и тихонько окликнул его, тот встрепнулся, взгляд его стал более осмысленным. Он протянул руки к отцу, но на полпути, уронил их бессильно и закрыл глаза.

- Мне больно, - прошептал последние слова.

Мать в растерянности начала трясти тельце Сережи, схватила его на руки, во что бы то ни стало, хотела вернуть сыночка к жизни. Шел декабрь 1944 года.

* * *

По весне не стало и мужа. С осколком, что таился возле сердца, Вениамину нельзя было напрягаться, А он таскал доски на работе, дома до одури пилил дрова, берег тех, кто находился рядом.

Однажды, помогая вытащить из весеннего месива машину, упал и больше не встал.

В мае, когда вся страна праздновала День Победы, Пелагея ушла на кладбище и целый день там проплакала.

- Вот, скажите, разве не война у меня забрала семью? – глядя в упор на нас, спросила старушка. - Если б не напали на нас фашисты, мы жили бы спокойно, сын родился бы здоровым, может, еще бы дети пошли, всегда бы рядом кто-то был. А так, одна я на всем белом свете.

Она ничего не рассказала о родных мужа, были они или нет, трудно сказать. После потери самых родных людей женщина была на грани помешательства. Уволилась из пекарни, каждый день бегала на могилки. Хозяйка, у которой она стояла на квартире, поехала к родным в Удмуртию и Пелагею пригласила с собой. Под Кезом жили ее сестры. Там как будто оттаяла убитая горем молодая женщина. Она ходила в лес, помогала кормить скотину, с удовольствием, и даже с каким-то остервенением, скоблила полы.

- Знаешь что? Оставайся-ка ты здесь, - предложила гостье одна из женщин-удмурток. - Ты на руку скорая, вместе в бригаде будем работать, в колхозе всегда рабочие руки нужны. Так как?

И Пелагея, не раздумывая, согласилась. Она вспомнила, что еще Веня звал ее в Удмуртию, но так они и не собрались. Ей нечего было терять. Когда стали давать отпуска, снова поехала в Оханск, на могилки мужа и сына. И так было почти каждый год.

Со временем колхоз построил ей дом. К ней сватались вдовцы, но неизменно она им отказывала. Как-то шла она с фермы по соседней деревне и услышала мужские рыдания, а затем детский плач. Пелагея вошла в дом и увидела такую картину; мужчина сидел над разлитой на полу массой, то ли супа, то ли каши – непонятно. А на стуле во всю силу легких плакал малыш.

Пелагея осторожно подошла к хозяину и тронула его за плечо. Он встрепенулся и, утерев глаза рукой, уставился на вошедшую.

- Что случилось? У вас беда? – спросила мужчину.

- У нас каждый день беда. Вот кормлю его, а он смахнул все на пол, больше кормить нечем.

- А где у него мать?

- Вот я и есть; и мать, и отец, и дед, и бабка, - только тогда заметила Пелагея, что мужчина далеко не молод, а вместо правой руки – пустой рукав.

* * *

С того дня она каждый день начала приносить в этот дом с фермы поллитра молока. Малыш встречал ее всегда радостно, повизгивая от нетерпения, ждал, когда Пелагея возьмет его на руки. Прикипела она душой к мальчику, отдавая ему не растроченное материнское тепло.

- Вот что, Палага, - начал однажды разговор фронтовик. – Я уж не молод, да и ты не девка на выданье. Сказывают, сколь в жизни перенесла. Смотри, как Лешка-то к тебе ластится, как к матери. Переходи ко мне. И на ферму бегать ближе, и в доме будет женская рука. А то живу бобылем, да и парнишке без матери плохо.

Пелагея всю ночь тогда проплакала, Веня был без ступни, а этот без руки – вот что война наделала. Наутро приняла решение. Ее дом перевезли в соседнюю деревню, так появилась новая семья Корепановых.

Мальчика этого Корепанов привез из госпиталя, его милиционеры обнаружили в прибалтийском лесу, где проходила операция по уничтожению «лесных братьев», и вместе с ранеными доставили в госпиталь, где долечивался Иван. У Лешки оказалась рана на плече, и его тоже лечили. Этот мальчишка скрасил Ивану госпитальную жизнь. Когда встал вопрос, что с ним делать, фронтовик попросил отпустить Лешку с ним. Семьи у него не было, девушка его вышла замуж еще до войны и уехала из деревни, родители умерли. Один-одинешенек, но в деревне проживала его сестра, он надеялся на то, что она поможет справиться с мальцом. Но сестра в помощи отказала. У нее было шесть ртов, а муж с войны не вернулся. Так и остался Иван с мальчиком один на один.

* * *

Пролетели годы. Алешка вырос, окончил школу, потом училище, в армию сходил, механизатором работал в большом совхозе. Все было ладно в семье.

- Иван-то добрым и сердечным оказался, - старушка смотрела себе под ноги, - слова грубого от него не слышала. Так сильно, как Вениамина, я уже никого не могла любить, но доставалось Ивану и любви, и ласки. Пять годков назад и его Бог прибрал, опять я одна. Вся и радость – Алеша. Жена у него, Марина, хорошая, душевная. Внуков мне привозили, сейчас правнуков – одни мальчишки. Моторные они какие! Нисколько на месте не сидят, все бегут куда-то. Как уедут – тоска берет. С козочками разговариваю, гоняю их к речке, она почти рядом с домом. Скоро и с ними придется проститься, силы не те. Сижу, бывало, перебираю награды мужей своих, да и свои положила в ту же шкатулку. Что толку-то от медалей, кабы за них в то время что-то давали. У меня за войну медаль есть, потом еще за работу на ферме в 70-м году получила. Сейчас мне Веня снова стал сниться, зовет, наверное. А вот Иван ни разу не приснился, хоть бы сказал чего, присоветовал.

Осторожно выбирая тропинку, она медленно пошла к центральной аллее, ее шаги были очень короткими. Мы ушли другой дорогой. В голове долго еще звучал чуть хрипловатый голос старушки, которая прожила долгую жизнь. Труженица тыла, она видела боль и горе других, сама перенесла столько, что не на одного хватит. Глядя на ее согбенную фигуру, я подумала, Пелагея Никитична вряд ли еще когда-нибудь сможет побывать на оханском кладбище.

2014

Старая тетрадь

Звонок телефона поднял Фаину с постели ранним утром. Она схватила телефон, на котором высветился номер ее подружки детства Риты.

- Ритка, ты что не отвечаешь на мои звонки? – закричала она в трубку, - Вторую неделю пытаюсь поздравить тебя с днем рождения.

- Это не Рита, - послышался в ответ мужской голос. – Скажите, вы давно знаете Маргариту?

- Давно. Мы в школе учились вместе, потом в техникуме. Я уехала по направлению в другой район, а ее из-за болезни матери отправили в Оханск. У каждой из нас своя жизнь, но мы по-прежнему дружны, я к ней приезжаю иногда, помогаю подруге по возможности. Только не очень она меня жалует в последнее

время, замкнутая стала. Несколько дней звоню, а она и трубку не берет. Скоро поеду в Оханск, обязательно забегу.

- Нет ее больше, она умерла, пока при не выясненных обстоятельствах. Вы приедете ее проводить?

- Да, конечно. Сегодня же выезжаю. С кем я разговариваю?

- Приезжайте, все узнаете.

Фаина судорожно начала собирать сумку. Потом позвонила на вокзал. Автобус отправлялся через полчаса. Она побежала, и уже по пути сообщила своей дочери об отъезде.

По прибытии на место, сразу с автобуса направилась к дому Риты. Этот дом она помнит с того момента, когда однажды в детстве ее чуть не загрызла большая собака. Как давно это было! На лай и рычание из ворот выскочила девчушка с огромной палкой в руке и так завизжала, что у Фаи зазвенело в ушах. Как ни странно, но собака, не оглядываясь, рванула подальше от этого визга вдоль по улице. Это было началом большой дружбы.

В сенях стояли какие-то люди, тихонько переговаривались. Фаина вошла в дом. Риту только привезли с экспертизы, старушки одевали ее и сокрушались, что ничего доброго у женщины нет в шкафу.

- Подождите, - остановила их Фая. Она достала из сумки свое платье и туфли, которые специально взяла, зная, что у Риты давно уже не водилось приличной одежды.

- Вы подруга Маргариты? – подошел к ней моложавый мужчина. – Тогда давайте поговорим. Ее обнаружила соседка, точнее, моя тетя. Когда я приехал к ней в гости, тетя решила меня, как всегда, побаловать своими пирожками, начала стряпать и вспомнила, что соль кончилась. Побежала к Маргарите, время было обеденное. Дом закрыт изнутри, но никто не открывал. Она заглянула в окно и увидела хозяйку лежащей на полу. Позвала меня. Мы дверь открыли, женщина уже не дышала. Вызвали милицию. Тетя сказала, что соседка ее, по всей вероятности, спилась.

И Фаина вспомнила, как приехав однажды к Рите на праздник, она удивилась, что подруга не пропускала ни одного тоста, и пила все до дна и не пьянела.

- Что случилось? – спросила она подругу, когда все разошлись.
– Отчего такое неодолимое желание напиться?

- Хорошо тебе, подружка. У тебя семья, дочери. Мне надоело быть примерной, серьезной, хочется для себя пожить, тоже завести семью. Так не получается. Окружающие все время толкают на то, чтоб любовника завела. А живу-то я где? Здесь чихнуть не успеешь, как услышишь: «Будь здорова!»

- Ритка, я сколько раз звала тебя к себе. Приезжай, у нас поселок городского типа, найдем тебе работу, дом у нас, слава Богу, всем места хватит. И мужика тебе найдем. Такая девка одна не должна остаться.

- Поздно, Фая, поздно, - она заплакала. – Вышла я из девок, вот так, подруга. Повстречала парня, красивого, работающего, еще удивилась, что свободным оказался. Мне так хотелось родить девочку. Игорь руку и сердце не предлагал, но мне уже было все равно, главное, что он рядом.

- Надо полагать, он тебе изменил?

- Нет, хуже. Однажды ко мне приехала женщина с двумя мальчиками, сказала, что поговорить хочет. Я ее пустила, чаем напоила. Потом она отправила сыночков во двор поиграть, а сама начала меня выпытывать, как и с кем живу, где работаю, кто у меня муж. Разговорились. Она поведала о своем житье-бытье, намекнув, что муж ей не верен. А я начала изливать душу насчет Игоря, призналась, что жду ребенка. Помню – она сразу побледнела и засобиралась. Ушла, а у меня осталось чувство чего-то непоправимого. Вечером прибежал взбешенный Игорь, и как начал орать, саданул мне пару раз по лицу. Сказал, что больше я его никогда не увижу. Как оказалось, это приезжала его жена из Большой Соновы. А сообщила ей обо мне его сестра, с которой мы вместе работаем. А я, дура, еще ей рассказывала обо всем, считала ее подругой, ты-то ведь далеко, а мне не с кем даже посоветоваться.

- Вот уж, правда, дура! – в сердцах воскликнула Фаина. – А что с ребенком?

- С каким ребенком? А, с этим... а нет никакого ребенка. На пятом месяце скинула, не убереглась в гололед. В Перми была,

поскользнулась на автобусной остановке, чуть под колеса не попала. Одним словом, не будет у меня никогда ни мальчиков, ни девочек. Все, пустая я. – Рита схватила недопитую бутылку вина и жадно начала пить.

Напрасно Фаина говорила ей, что на этом жизнь не закончилась, в конце концов, сироту можно осчастливить, но чувствовала – ее слова не доходят до человека, который зациклился на своем несчастье. Так ни с чем и уехала тогда Фаина, но каждую неделю звонила подруге, справлялась о ее здоровье, спрашивала, что нового. Ездить часто не получалось, то работа, то детям помочь надо, муж тоже внимания к себе требовал. Раз-два в год они все-таки встречались, и с каждым разом Рита выглядела все хуже и хуже, но при Фаине держалась, к спиртному не притрагивалась.

Похороны Риты были не многолюдны. Молча, прошли поминки, на которых несколько слов произнесла Фая, да еще только один забулдыга в дополнение сказал, что Рита – человек, способный на поступки.

После похорон Фаина начала уборку в доме подруги. Документы на дом имелись, лежали в дальнем углу старенького комода. У Риты в Сыктывкаре жили дальние родственники, Фаина им написала пространное письмо и попросила приехать, чтобы забрать документы на дом, в наследство которым им предстояло вступить через полгода.

Все носильные вещи Риты не представляли ничего хорошего, поэтому их пришлось сжечь в печке. Фаина начала переставлять мебель, и за шкафом обнаружила толстую тетрадь, видимо брошенную туда давненько, потому что она вся была в тенетах. Открыла первую страницу. Стихи, написанные витиеватым риткиным почерком, Фая начала читать и не могла оторваться. Она словно слышала голос подруги. Как, оказывается, она плохо ее знала. Позднее раскаяние и чувство вины жаром ударило в голову. Чтение продолжалось не один час.

Когда последняя страница тетради была закрыта, Фаина откинулась на спинку кресла. Перед ней, как наяву, встала Рита. Они во время учебы, можно сказать, не разлучались и не ссорились.

Даже их родители считали девочек сестрами. Если подарки, то обеим, если поездки – брали с собой ту и другую.

Она как-то не проявляла интереса к противоположному полу. Ни одноклассники, ни однокурсники Рите не нравились. Натура у нее была возвышенная, и Фаина не однажды ей говорила: «Спустишься на землю». Девушка мечтала о принце, может быть, это и неплохо, но в повседневной жизни они встречаются крайне редко, ей вот такой не попался.

У нее в жизни и так хорошего было мало. Мать слегла, и несколько лет не вставала с постели. После ее смерти случился инсульт у отца, Рита ухаживала за ним, потом к ним приехали брат отца с женой, бездетные, у которых сгорел дом в деревне. За всеми она ухаживала, всех потом схоронила.

После разрыва с Игорем Рита сломалась. Вначале пила одна, потом к ней стали захаживать странные друзья. С похмелья страдала и зарекалась больше не пить.

- В Ритке умер поэт, - подумала Фаина. – Как же я-то этого не заметила? Может, по другому бы руслу жизнь подруги потекла.

Находясь на расстоянии, трудно судить о чем-то, иной раз рядом не видишь, что с человеком происходит, а тут – за сотни километров.

- Я ведь как просила, чтобы зелье-то она в рот не брала, - сокрушалась ритина соседка, заходившая к Фаине каждый день, - Маргарита клялась, просила прощения, а на другой день все начиналось сызнова. Племянник мой, что тебе звонил, договорился в Перми с больницей, ее там полечили. Все, вроде, наладилось, но полгода не прошло – опять все кувырком. Она ведь была человеком добрым, никогда мне в помощи не отказывала, – Соседка говорила, а сама то и дело смахивала слезинки.

Перед отъездом Фаина еще раз сходила на могилку, мысленно попрощалась с подругой и дала слово, что будет приезжать проведать ее каждый год.

Она шла к городу, а в голове ее звучали стихи Риты. Пусть они были несовершенны, и ритм не везде совпадал, но стихи словно оголили душу женщины. В каждом слове ее мысли, чувства и муки, которые она переживала.

Предали

Я, как путник на перекрестке, озираюсь по сторонам,
Мне бы выбрать свою дорогу, не ходить по чужим стопам.
Мне бы только понять, проверить, что ошибки не может быть,
Мне бы людям опять поверить, чтобы дальше уверенно жить.
Как обидно и больно ранят лесть, предательство и обман,
Тех, кому доверяла и верила. Вышло – будто плохой роман.
То ли зависть змеей ползучей, то ли жадности алчный рот
Превратили моих знакомых в отвратительный злой народ.
Говорят – друг в беде познается, и уйдет, кто казался другом,
Только больно поверить в это, и смотрю я на них с испугом.
Как же можно? Вот так спокойно, обмануть и предать в одночасье?
Значит, я не тех себе выбрала из большой человеческой массы.

Да, это будет неизбежно,
Мы все идем к печальному концу,
У каждого из нас своя дорога,
Но все придем к могильному кресту.
И вот на грани жизни и кончины
Мы спросим у себя – А как потом?
Что после нас оставим на земле мы,
Не станем ли упавшим вниз листком?
Сгнием, засохнем, превратимся в пепел,
Иль прорастем другим живым ростком.
Так страшно обо всем об этом думать,
Но, к счастью, это не сейчас, потом.

Настоящая мать

Красавка оценилась перед самыми морозами. Под старым сараем, куда она забралась, ветер доставал со всех сторон, а найти более надежное убежище не успела. Двое слепых щенков тыкались мордочками в тело матери, а та занималась третьим, самым слабым ку-тенком. Потом собака, уставшая, лежала с малышами, чуть не подминая их под себя, чтобы они не замерзли.

Проснувшись утром, мать обнаружила рядом с собой двух мертвых щенков, то ли замерзли, то ли она сама их задавила. Живым остался лишь последний. Она вылезла из-под сарая и завывала. Красавка была старая, она понимала, что это последняя ее радость. Во что бы то ни стало, захотелось, чтобы у малыша была другая жизнь.

Красавкой назвал ее хозяин, когда она была пушистым и беззаботным щенком. Все говорили, что это будет красивая собака. Ей и вправду жилось хорошо. Ее любили, кормили, брали с собой на природу, даже детей с ней оставляли. Потом все домочадцы разъехались, и хозяин остался один. Красавка жила в сених, но в стужу ее пускали в дом. Так вместе с хозяином и состарилась.

В начале осени его увезли в больницу, Красавка тосковала, выходила на дорогу и смотрела в ту сторону, куда его увезли. Когда полетели «белые мухи», хозяин вернулся, но ходить уже не мог. Еду собаке выносила какая-то женщина. Однажды ночью Красавка интуитивно поняла, что ее зовет хозяин, она подскочила к двери и зацарапала когтями дверь, при этом подвывая. Когда женщина приоткрыла дверь, Красавка, чуть не сбив ее с ног, ринулась

в спальню.

Она поднялась на задние лапы и лизнула лицо дорогого ей человека. Он пошевелился, повернул голову набок.

- А, это ты, Красавка. Как же одна ты останешься, ведь замерзнешь, - он шептал еле слышно, но собака все понимала. Она опустила голову ему на руку, словно прощаясь. Женщина, глядя на собаку, вдруг поняла – умирает человек, который был другом этого животного.

После похорон все окна и двери заколотили, а Красавку выпустили на волю. Теперь ей самой надо было добывать пропитание. Через неделю она уже не походила на домашнюю ухоженную собаку. Научилась рыться в помойках, иной раз и выпрашивала у прохожих старушек, сидя рядом с продуктовым магазином.

Появление щенков и радовало, и пугало. Раньше хозяин увозил ее детенышей на продажу, а кто будет ими сейчас заниматься?

* * *

Красавка боялась оставить детеныша одного, и лежала на месте, обогревая малыша собственным телом. Только мороз чуть отступил, отправилась искать еду. Пришлось пойти на преступление, задавить петуха, который случайно выскочил побегать по морозцу. Зато несколько дней она могла никуда не ходить, а лежать с малышом.

Собака понимала – надо пристроить щенка, иначе он просто погибнет. На соседней улице Красавка присмотрела дом, который чем-то напоминал тот, где она жила раньше. Там обитали молодые люди, ей показалось, что они добрые. У них был маленький ребенок. И когда хозяйка или хозяин отправлялись с ним гулять, Красавка наблюдала за ними из-за кустов.

Чуть сыночек подрос, мать повела его с собой на поиски пропитания, в обиду никому не давала. Он смешно бежал за ней, попискивая, будто шарик катился. Прохожие с умилением глядели на него.

Как-то в ветреную погоду Красавка не учуяла впереди себя человека, и ткнулась ему прямо в ноги. Это был хозяин того самого дома, который так приглянулся собаке. Человек отвернулся от

ветра и даже крикнул, когда увидел щенка.

- Смотри-ка, какой колобок! – удивился он. – Ты же замерз весь, и мордашка вся в снегу. Он, хотел взять щенка его на руки, но, увидев взрослую собаку, отдернул на всякий случай руку. Он понял, что это мать, а животные детей не бросают и защищают их. Присел перед Красавкой, которая не отскочила, а доверчиво посмотрела в глаза человеку.

- А, ну, пойдем за мной, - пригласил он ее и направился по направлению к дому. Собака поняла и, низко опустив голову, побрела за мужчиной. Перед домом Красавка остановилась и носом начала подталкивать малыша ко двору. Она понимала, ее, скорей всего, не возьмут, но душа болела за сыночка.

Хозяин увидел эту картину и был немало удивлен. Он сказал: «Подождите», - и побежал к дому. Очень быстро выскочил обратно, в его руках была миска с какой-то едой, у Красавки зацепало в носу от этого запаха.

- Поешь, собака, - сказал он и поставил миску на снег. Щенок тут же подскочил к миске, и, не давая матери ходу, начал жадно лакать. Мужчина, наконец, взял щенка на руки, продолжая сидеть на корточках, чтобы собака поела.

- Отдай мне щеночка, - попросил он, - тебе его не прокормить, а у нас ему будет хорошо. - Он разговаривал с собакой, как с человеком. – Хочешь, и ты оставайся, а уйдешь – держать не буду, отвыкла ты, видно, от людей.

Красавка поняла, поняла, что в этом доме ее малышу ничего не грозит, и его будут любить здесь так же, как когда-то любили и ее. Она лизнула сынка, повернулась и пошла навстречу ветру, не оглядываясь.

* * *

Наступило лето. Щенок вырос, стал красавцем, шерсть его блестела на солнце. На колобка он уже не походил. Весело бегал по двору вместе с маленьким мальчиком.

Красавка всю зиму подходила к забору и наблюдала за своим чадом. К лету она уже еле носила ноги, но все равно шла к дому, приютившему ее детеныша. Радовалась за него, иногда довольно

повизгивала, глядя на красивого песика. Его называли Шмелем, он и вправду походил на шмеля и окрасом, и тем, как бегал по двору, будто летал.

Однажды мяч, которым играл щенок, подкатился к самому забору. Собачонок подскочил и увидел мать. Он ее, наверное, уже забыл, но ему захотелось поиграть с собакой. Он начал делать подкоп под забором, чтобы вылезти. Следом притопал к забору и мальчик.

В это время из дома вышел мужчина. Он увидел эту картину и снова, как зимой, вынес миску с едой, позвал к себе собаку. Красавка с готовностью подошла, лизнула благодарно руку.

- Ты, молодчина, настоящая мать, - произнес мужчина. – Приходи, когда будет невмоготу. А хочешь с сыночком поиграть? Сейчас я его позову.

Вернувшись, он увидел, что собака лежит поодаль от миски и тяжело дышит. Собачонок подскочил к ней, а она из последних сил подняла голову. В глазах ее стояли слезы. Она только и успела обнюхать своего подросшего малыша. Потом голова ее упала на траву, и дыхания не стало слышно.

Хозяин увел Шмеля во двор, а сам взял лопату и пошел к выходу. Жена поливала в это время цветы и поинтересовалась, куда это благоверный направился.

- Зоя, там, за воротами мать нашего Шмеля умерла, так пойду похороню.

- Что ж, ты всех собак теперь зарывать будешь? – возмутилась жена.

- Я не просто собаку хороню, а настоящую мать, людям у нее поучиться надо.

Он похоронил ее между двумя молодыми березками, откуда виден дом, в котором живет ее продолжение.

- Вот так, собака, не знаю, как тебя и звали, но преклоняюсь перед тобой. Обещаю, с твоим сыночком все будет хорошо. - Сорвал несколько цветочков, росших рядом, и положил на холмик.

Разные судьбы

Перед Евгенией Николаевной стояла женщина с удивительно знакомыми глазами. Пунцовые щеки выдавали ее волнение. Они смотрели друг на друга и молчали.

- Вы ко мне? - не выдержала, наконец, Евгения Николаевна.

- Если Вы Женя Калмыкова, то к Вам, - тихо ответила гостья, Евгения Николаевна пропустила ее вперед, а сама задержалась на крыльце. То ли оттого, что ее назвали девичьей фамилией, то ли еще отчего, но она тоже почувствовала непонятное волнение. Справившись с собой, вошла в дом, приветливо предложила гостье раздеться и попить чайку с дороги.

Гостья повесила на вешалку плащ, поправила сбившуюся прическу, и без всякой связи вдруг сказала:

- Я Ваша сестра, Евгения Николаевна.

- Но у меня нет своих родственников, - запротестовала хозяйка.

- Тогда прочтите вот это, - протянула она серый, довольно выгоревший конверт.

Письмо отца

Доченька моя, милая Енька. Почему-то уверен, что дочка. Я так ждал твоего появления на свет, а судьба развела нас еще до твоего рождения. Не знаю, где и с кем ты живешь, счастлива ли, но поверь, я тебя не предал. Всю жизнь писал тебе письма, но отправить было некуда. Это, наверное, последнее

С твоей мамой, Люсей Калмыковой, мы поженились во время войны в эвакуации. Я учился в институте, а она была уже аспиранткой. Каждый день мы бегали в военкомат и просились на фронт. Мне после медкомиссии вообще дали «белый» билет, Люсю приняли на курсы радисток, но вскоре она забеременела, и ее отчислили. Мы сразу дали имя будущему ребенку. Хоть мальчик, хоть девочка, но обязательно Женя.

Жили мы в коммунальной квартире. Соседи были милыми, хорошими людьми, всегда старались помочь друг другу.

И вот в августе 1944 года прямо на работе арестовали нашего

соседа, инженера крупного завода. Узнав об этом, Люся пошла в органы требовать справедливости. Потом просила рабочих завода заступиться за инженера.

Я в это время с головой ушел в науку, готовил научные публикации и не замечал, что вокруг делалось. Меня вызывали к следователю, который прозрачно намекнул, что с наукой у меня могут быть осложнения, если жена не успокоится. Мой научный руководитель тоже сказал, вставать за защиту врага народа – дело опасное.

Дома я осторожно начал разговор с Люсей, убеждал ее, что зря никого не арестовывают. Она не спорила и обещала подумать. На другой день меня с группой студентов отправили в колхоз. Вернувшись оттуда через две недели, нашел дома короткую записку: «Ухожу навсегда. Ты для меня не существуешь».

Начал ее искать. Снова попал к следователю. Он мне показал бумагу, где Люся отказалась от моей фамилии, просит в дальнейшем ее именовать Калмыковой и что ждет ребенка... от того самого арестованного инженера?! Вскоре я услышал ее фамилию в числе разоблаченных вражеских элементов. Понял, что она арестована.

Война шла уже за границей. Я просил направить меня в Москву, но декан убедил, что сейчас мне лучше не высовываться, и посоветовал отправиться в Сталинград, а года черед два-три снова продолжить научную деятельность.

Вот так и закончилась моя научная карьера. В Сталинграде занимался восстановлением завода. Нужны были сельскому хозяйству тракторы и комбайны. Времени не хватало. И все равно тосковал по Люсе, писал ее знакомым, но никто ничего не знал. Пробовал официально найти ее следы. Мне ответили, что я не являюсь ее прямым родственником, поэтому не стоит людей от работы отвлекать.

Вторично женился только через десять лет. У нас родилась девочка, и я дал ей твое имя, если, конечно, ты существуешь на этом свете. Все у меня было хорошо, но, наверное, до конца дней будет жечь меня чувство вины перед тобой и Люсей. Я не смог вас защитить.

К сожалению, не могу уже никуда ходить и ездить. В послед-

ней бумаге, что прислали из архива, мне сообщили, что Люся с февраля 1949 года находилась в одном из лагерей Пермской области. Я, видно, уже не успею сам разыскать и передаю все дочери. Может быть, когда-нибудь вы встретитесь. Может быть.

Прощай, Енька. Так хотел тебя увидеть. Маме передай, что я всегда ее любил. Пусть простит. Только сейчас понял, что тогда она спасла мне жизнь.

Твой папа, апрель 1995 года.

Письмо было длинным. Видимо, писалось не один день. Евгения Николаевна перескакивала с одного места на другое. Все, о чем она читала, никак не укладывалось в ее голове. Ее мама, добрая хорошая мама, была врагом народа! Тогда как же она сохранила папин портрет, который всегда лежал в альбоме вместе с его похоронкой?

Евгения Николаевна взяла с полки альбом, раскрыла его. Она поняла, кого напомнили ей глаза гости. Это же папины глаза! Сомнений быть не могло.

Пока гостя разглядывала альбом, Евгения Николаевна подошла к небольшому сундуку, достала со дна пакет, обернутый в темную тряпицу, где было несколько ученических тетрадей. Мама перед смертью просила дочь, чтобы та перечитала все это на досуге и не судила ее строго. В работе да заботе просьба так и осталась не выполненной.

- Вот она, семейная тайна, - подумала Евгения Николаевна, глядя на аккуратные ровные буквы, написанные маминой рукой.

Семейная тайна

Еня, дочка, ты родилась в январе 1945 года в тюремной больнице. Да, да, не удивляйся. Я была арестована как враг народа. Но врагом никогда не была. Верь мне. Встала на защиту хорошего человека, которого осудили безвинно. Так и сама стала «агентом вражеской разведки».

Чтобы не навредить твоему отцу, отказалась от него и попросила снять с меня его фамилию. Я очень любила его, дочка. Он умный и добрый, справедливый. Хотел посвятить себя науке, и я

не имела права мешать ему.

Не в силах передать на бумаге, сколько унижений я вынесла ради того, чтобы ты появилась на свет. Это было в Казахстане. Как я была рада! Но недолгим оказалось мое счастье. Летом ты тяжело заболела. Тебя в больницу положили одну. У меня от переутомления пропало молоко.

Врачом там был вольнонаемный человек. Видя, что ты таешь на глазах, он попросил проходящую прачку приносить изредка козье молоко.

Однажды объявили, что на другой день меня с группой заключенных этапом отправляют в Воркуту. Не представляешь, что делалось со мной. Я прибежала в больницу, чтобы забрать тебя, но поняла, что дороги ты не выдержишь. У меня началась истерика. Я просидела возле тебя всю ночь. А утром врач, взяв грех на душу, записал в журнале, что ты умерла. Завернул тебя в худенькое одеяльце и пронес через дозоры, якобы, похоронить. Он отдал тебя в руки той самой прачки, которая носила молоко. Долгие годы я не знала, жива ли ты? Меня гоняли из лагеря в лагерь, права переписки у меня не было. Только когда вывели меня на поселение, смогла я отправить первое письмо в Казахстан. И - о, счастье, получила ответ от той женщины, что сберегла тебя и вырастила. Для нас с тобой она стала самой родной бабушкой.

Был у меня еще родной брат. Он ушел на фронт, и я ничего не знала о его судьбе. Сделала запрос и получила официальное извещение о том, что Николай Павлович Калмыков пал смертью храбрых под Будапештом в декабре 44-го. Его фотографий у меня не сохранилось. Ничего от него не осталось. Фамилия у нас одна, его имя и твое отчество совпадают. Поэтому я рассказывала тебе о нем как об отце.

Фотографию твоего настоящего отца я взяла в архиве института, когда ездила туда за дубликатом своего диплома. Как жаль, что ты похожа на меня, а не на своего отца.

Близкие родственники все погибли, а дальние, узнав о моем аресте, постарались отмежеваться. Так что кроме тебя и бабушки Зульфийи никого у меня и не было.

Помню, когда сообщили о моем освобождении, я не спала всю ночь. Утром можно было ехать куда угодно, не оглядываясь, но мучили сомнения, возьмут ли меня на работу где-нибудь. Вот тогда и пришла мысль: остаться работать на поселении, тем более что меня звали еще до освобождения в соседний леспромхоз, где была довольно приличная школа, а учителей не хватало.

Меня приняли без всяких оговорок, дали домик возле школы. Кроме директора леспромхоза никто и не знал, что я из бывших заключенных. Спасибо ему, он ни разу не напомнил мне об этом.

Потом я поехала к вам в Казахстан. Ты помнишь нашу первую встречу? Передо мной стояла высокая худенькая девочка, почти девушка. Я не смогла тогда сдержаться. Не знаю, Еня, поймешь ли ты. Ведь в том поселке я потеряла самое дорогое и вновь обрела его. Ты поначалу дичилась меня, потом оттаяла.

Не обижайся, что я постоянно держала тебя возле себя. Просто очень боялась снова потерять. И рассказать не могла, не хотела, чтобы ты носила клеймо дочери врага народа. Очень прошу: не позволяй себя жалеть ни при каких обстоятельствах и запомни, что ты к репрессированным никакого отношения не имеешь. У тебя чистые документы, и судьба должна быть такая же чистая. Дети не могут отвечать за родителей.

Ничего худого для страны я не сделала. Доведись мне жизнь начать сначала, я бы ничего не изменила, потому и вины за собой не чувствую. Не будь лагерей, жила бы я где-нибудь в столице и никогда бы не узнала душу простого человека из глубинки. Эти люди очень своеобразны, они честны и добропорядочны, а главное, бескорыстны. И никуда я от них не поеду. Мое место здесь.

Отца твоего я не пыталась искать. У него, наверное, семья, дети, которые не виноваты, что так сложилась жизнь. Кто знает, вдруг судьба сведет вас? Не верю, что он не пытается нас найти. Не такой он человек. Для меня кроме него других мужчин не существует...

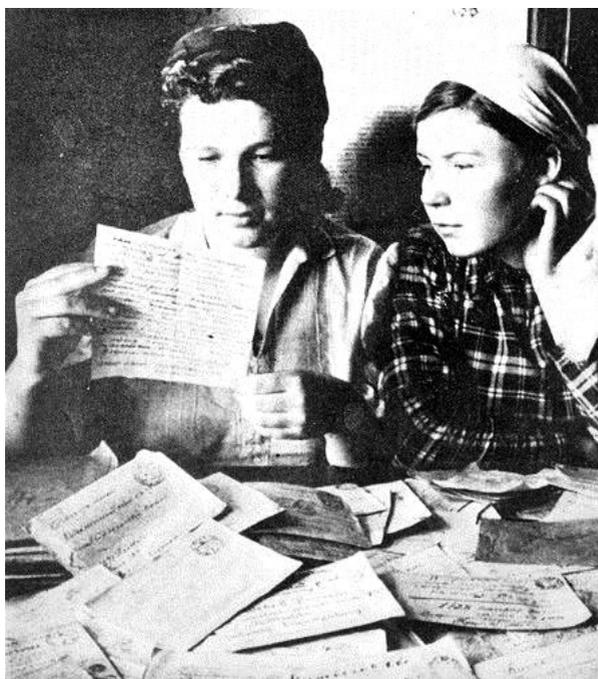
Мама

Два письма. Две тайны одной семьи. А сколько судеб! Никогда мать не рассказывала ей о своем прошлом. Только один раз высказала сожаление по поводу того, что дочь учится не в столич-

ной школе. В поселке, где они жили, большинство детей были из семей репрессированных, поэтому никто никого не обзывал, не унижал

Летом Евгения Николаевна уезжала к бабушке Зульфие, которая ни в какую не хотела перебираться на Урал. Не нравился ей уральский климат. Если, случалось, приезжала, то больше двух недель не выдерживала и торопилась домой. Умерла она, не дожив трех дней до своего 80-летия.

В том же году не стало и матери. Несколько часов боролись врачи за ее жизнь. Всего на несколько минут мать пришла в себя, сказала дочери о том самом «тайном пакете» и попросила отыскать Николая Федоровича Замятина, который, якобы, является родственником. Правда, где он живет, она не успела сказать, а Евгения Николаевна в суматохе последующих дней забыла фамилию того родственника и никак потом не могла взять в толк, почему, лежа на смертном одре, мать заговорила именно о нем.

Сейчас ей было стыдно, что за 20 лет она ни разу не нашла времени, чтобы посмотреть мамино завещание. Как много она могла бы рассказать своим детям о бабушке! Теперь поезд ушел, а поймут ли внуки - еще вопрос.

* * *

Две женщины до утра просидели над пожелтевшими тетрадами. Читали вслух, по очереди.

Не раз всплакнули. Обе они носили одно имя, одно отчество, но фамилии и судьбы у них были разные.

Старшая Евгения Николаевна жила в лесном поселке с матерью и считала себя счастливым человеком. Во время учебы в Перми познакомилась с хорошим парнем. Потом он стал ее мужем. Жили у его родителей в Оханске, растили двух сыновей. Потом построили свой дом. Дети выучились, разъехались, завели свои семьи. Евгения Николаевна остались с мужем вдвоем. Сыновья навещают часто, особенно летом. Помогают с огородом, да и детишек своих приучили к земле. Так что за внуков своих бабушка спокойна.

А вот у младшей Евгении Николаевны жизнь сложилась совсем по-другому. У нее было счастливое детство Отец - ведущий специалист завода, мать - учительница биологии. Девочка прекрасно училась, занималась музыкой. Окончив школу с золотой медалью, поступили в консерваторию. Через три года попала в автомобильную катастрофу. Многочисленные переломы обеих рук и страшный приговор врачей: музыку надо бросать. Для нее это было таким ударом, что она и жить не хотела. Попала в руки психиатров. Через год вышла из больницы совсем другим человеком. Осенью поступила в мединститут, чтобы тоже стать психиатром.

Теперь Евгения Николаевна работает в детской поликлинике врачом-психиатром. Свою семью так и не завела. Все последние годы посвятила себя тому, чтобы завершить начатые отцом поиски своей сестры, о существовании которой она даже матери не сказала. Евгения Николаевна выполнила завет отца. Теперь со спокойной совестью может все рассказать матери, которая ждет ее в Волгограде.

Еще неизвестно, как воспримет это пожилая женщина, но есть уверенность, что она все-все поймет и правильно оценит молчание самого близкого ей человека.

Безотцовщина

Учительница зачитывала перед классом Наташино сочинение, а девочка сидела гордая, украдкой поглядывая на соседа по парте, который был уверен, что его дед-офицер самый геройский.

- Молодец, Наташа. Хорошо написала, - похвалила ее учительница. - Ставлю тебе пятерку.

Потом она раздала тетради ребятам, подходя к каждой парте. Когда дошла очередь до Мишки, он в приятном ожидании распахнул свои синие глаза.

- Знатный у тебя дедушка, Миша. Вот бы ты еще писал так же, как он воевал, - произнесла учительница и отошла к своему столу.

В тетради Мишки, как флаги, алели, подчеркнутые красными чернилами, шибки. Он до конца урока просидел с опущенной головой. Когда прозвенел звонок, и все начали собираться домой, послышался громкий Мишкин голос.

- А Наташке не по-честному пятерку поставили. Она все сочинила. Нет у нее никакого деда, и отца нет, а мать детдомовка. Безотцовщина, Наташка, безотцовщина! Списала, наверное, сочинение.

Он выпалил это настолько быстро, что учительница даже не успела его остановить. Она не успела остановить и Наташу, которая со слезами на глазах пулей вылетела из класса.

Девочка бежала по улице, не оглядываясь. Она не хотела, чтобы ее догнали. Запыхавшись, остановилась возле милиции и тихонько побрела к Каме.

У Наташи, действительно, отца не было. Говорят, он утонул, когда она еще не родилась. Так это или не так, Наташа не знает. Но, наверное, был кто-то и ее отцом. Зато у нее замечательная мама, и нет никого роднее. Нет, Наташа ни за что не скажет маме, как назвал ее Мишка.

- Бессовестный! - ругала она его мысленно. - Что я ему сделала? Хорошо вот у него целая семья и родни много.

Когда учительница задала на дом сочинение о родственниках, которые участвовали в Великой Отечественной войне или трудились в тылу, Наташа постеснялась сказать, что нет у нее таких родных. Она даже хотела придумать маленький рассказик. Для этого она долго читала фамилии у стелы на берегу, но такой фамилии, как у нее, в списках не было.

- Что, девочка, своих ищешь? - раздалось почти над ухом. Перед ней стоял старый человек с седыми усами.

- Откуда Вы знаете, дедушка, что я кого-то ищу? - спросила она и покраснела так, что лицо ее слилось с пионерским галстуком.

- Да очень уж ты серьезная и озабоченная. А я сюда частенько весной захоживаю, пока не жарко. Братова фамилия тут и двух друзей детства. Могилы-то не знамо где, вот сюда хожу. Их нет, а я живу, стало быть, за них.

- Ой, дедушка, Вы на войне были? - обрадовалась Наташа. Он ответил утвердительно. И девочка тут же выложила то, что ее мучило. Так появилось сочинение. Героем его стал бывший солдат 17 пехотного полка Владимир Павлович Казаков. Пусть не числилось за ним громких подвигов, но ему не стыдно смотреть в глаза своим землякам, потому что не прятался он за спины других и табачком всегда делился с товарищами. Свою заслуженную солдатскую награду, медаль «За отвагу», получил под Белорусской

Хатынью за то, что вытащил из-под огня своего командира.

После ранения и контузии списали Владимира Павловича. Через год вернулся домой. А вот младший брат навсегда остался на войне. Пали в боях и друзья, с которыми жили на одной улице. Не умеет выступать на людях В.П. Казаков, а вот девчужке смог рассказать все доступно и просто, будто собственной внучке.

Наташа не удивилась, когда на другой стороне улицы заметила знакомую шляпу.

- Дедушка, - закричала она, перебегая улицу. - Я пятерку за Ваш рассказ получила.

Она радостно подбежала к нему, и он улыбнулся ей в ответ, как родному человеку.

И снова, как неделю назад, Наташа рассказала о своем горе.

- Не печалься, внученька. Приведи-ка мне своего басурмана, я с ним поговорю по-фронтовому.

- Да нет, дедушка, Мишка хороший, - бросилась защищать его Наташа. - Он просто вредный иногда бывает, когда завидует.

- Проводи меня, Наташа, - попросил ветеран. - Что-то устал я.

Он взял ее за руку. Так они и шли, тихонько переговариваясь. Они не замечали прохожих, но когда ее окликнули ребята, бросившиеся из школы следом за ней, Наташа широко улыбнулась. Она подошла вместе с Владимиром Павловичем к одноклассникам и, глядя в глаза Мишке, сказала:

- Вот мой дедушка, о котором я написала.

Мальчишка смутился и пробурчал что-то вроде «больше не буду». Потом все загалдели и окружили старого фронтовика. То и дело слышалось: «Дедушка, дедушка...»

- Ишь ты, под старость сколько внуков объявилось, - улыбнулся в усы Владимир Павлович.

На другой стороне улицы за этой сценой наблюдала учительница. Она почувствовала, что ее присутствие будет там лишним, и еще поняла, что конфликт исчерпан и не надо к нему возвращаться.

Клавушка

У ног Федора Ивановича лежала распластанная береза. Ее листочки от ветерка шевелились, прощаясь с жизнью. Он слушал этот еле уловимый шелест и вдруг с размаху всадил топор в белый березовый ствол, будто в собственное сердце ударил.

- Дедушка, ей же больно, а ты ее топором! - закричала внучка. Она бежала от дома без шапочки, на ходу убирая с лица растрепавшиеся волосы.

Федору Ивановичу тоже было больно. Только что он своими руками рубил память о давно умершей жене. Березку эту они сажали вмес-те, когда Клавина семья приехала в Оханск и начала строиться.

- Клавушка, ты моя Клавушка. - горестно вздохнул он. - Не сберегли мы тебя. Вот и память заставляют под корень рубить.

Внучка удивленно смотрела на деда. Она никогда не видела его таким. Девочка часто-часто заморгала ресницами, и глаза ее наполнились слезами. Жаль ей было березу, под которой она играла летом, жаль и деда - он всегда был добрым и часто говорил, что березка живая и его понимает. Тогда за что же он ее так?

- Отжила, внученька, березка свое, корень подгнил, вот и пришлось срубить, а то задавит кого-нибудь, - говорил, а сам прятал глаза. Раз-ве объяснишь пятилетнему ребенку, в чем тут дело?

* * *

Невестка вошла в дом Федора Ивановича стремительно, смело, словно жила вместе с ними с самого рожде-

ния. Работящая, упрямая, жадная до работы – именно о такой паре своему позднему сыну он и мечтал. Веселей стало в доме. Федор Иванович потихоньку начал оттаивать после смерти жены, а то ведь в последние годы дальше собственного двора и не хаживал.

До прошлого года все шло хорошо, но сократили невестку на работе, и занялась она огурцами. Мешать ей стала березка - тень на теплицу бросает. Сын предложил перенести теплицу в другое место, но невестка, что называется, «удила закусил» и каждый день с того времени начинался и заканчивался ее зудением.

Федор Иванович старался подольше гулять с внучкой, а перед сном рассказывать ей сказки подлинней. Не помогло. Невестка целыми днями дома находилась, и все ее разговоры сводились к тому, что дерево не у места. Федор Иванович пытался объяснить, почему дорога ему эта береза, на что невестка махала рукой.

- До чего же вы сентиментальные, мужики. Память памятью, а жрать-то что будете? На вашу зарплату и пенсию не проживешь. Это же заячьи слезы. Я на огурцах да капусте в десять раз больше зарабатываю.

Не любил Федор Иванович спекулянтов, но сейчас жизнь перевернулась, и все называется по-другому. Скоро зима начнется, а невестка до сих пор в Пермь мотается, огурцы да капусту продает. К слову сказать, она и вправду на овощах много выручала за лето. Холодильник новый купила, одежду зимнюю всем справила. Не могла она уговорить мужа со свекром, и когда они ушли вместе с внучкой в лодочный гараж, пригласила двух мужиков с «Дружкой», что пилили дрова неподалеку.

* * *

Пока сын расставлял по местам рыболовные снасти. Федор Иванович решил снять с лодки мотор. Поднатужился - и тут у него начался очередной приступ аритмии. На здоровье он не обижался, но изредка, ни с того ни с сего, «мотор» начинал барахлить. Вот и на этот раз Федор Иванович почувствовал себя неуютно, появилось предчувствие чего-то недоброго. Он осторожно опустил на корточки и посидел некоторое время, согнувшись.

Сын, заметив состояние отца, осторожно вывел его на воздух

и усадил на бревнышко. Рядом тут же защебетала внучка, задавая вопрос за вопросом. От этого щебета, тихого плеска воды и редкого крика чаек Федору Ивановичу стало лучше, но чувство беспокойства не проходило.

Вернувшись домой, все трое пообедали и прилегли отдохнуть. Через часок Федор Иванович поднялся, походил по дому, потом взял топор и пошел жерди тесать для ограды, чтобы заменить подгнившие.

Зачем понадобилось ему выйти в огород, он и сам не знает. То, что он увидел, повергло его в бешенство. Первое его желание - убить невестку - так же быстро прошло, как и появилось. На женщин он руку не поднимал. Глаза застилала слезы обиды.

- Бог тебе судья, невестушка, - процедил он и, сгорбившись, потопал к спиленному дереву.

* * *

- Ой, дедушка! - вдруг вскрикнула внучка. - Смотри, здесь что-то зелененькое растет.

Она разгребла листья, и Федор Иванович разглядел еще совсем малюсенькое деревце. То ли оно пошло от материнского корня, то ли семечко ветром занесло, но оно потянулось к солнцу и хотело жить.

Дед с внучкой осторожно откопали березку и посадили ее за изгородью, где она никому не будет мешать. Федор Иванович поставил вокруг деревца колышки и обмотал колючей проволокой.

- Прости. Клавушка, что в тюрьму тебя засадил. Это чтоб не затоптали. Глядишь, и я рядом с тобой моложе буду

За ужином внучка заметила, что взрослые молчат, и решила сообщить свою главную новость.

- Мы с дедушкой сегодня деревце посадили. Оно называется Клавушка.

- Какое дерево? Какая Клавушка? Что ты несешь? - в сердцах спросила мать и взглянула на свекра. Глаза их встретились, и невестка поспешно опустила их, чувствуя свою вину. Федор Иванович подмигнул внучке:

- Ну, что ж, пусть будет Клавушкой. Так и будем звать. - И они весело засмеялись.

Понять и простить...

При рождении, в апреле 1945 года, ей дали имя «Победа». Лукерья, называя так дочку, чувствовала, что войне вот-вот конец, об этом говорили по радио, писали в газетах. Наши войска уже штурмовали Берлин. Она ждала мужа с победой. В последний раз видела его летом 44-го, заезжал на сутки домой, по пути на фронт после госпиталя, и потом - ни единой весточки. Она не знала, живой муж или сгинул на военных дорогах.

Разве это имя, Победа? Что касается победы в войне, так деревенские жители ее приняли, были рады, и с нетерпением ждали своих мужиков. В каждый второй дом пришла похоронка, а то и не одна. Но ведь случаются чудеса. Вон в соседнем селе парня давно оплакали, а он живой вернулся. Каждая женщина в глубине души надеялась на чудо. Девчата подросли, стали невестами, а женихов нет.

Не ложилось на язык людям странное имя «Победа», и называли все девочку Полинкой. Лукерья поборолась, поборолась, да и оставила эту затею: «Полинка, так Полинка, свекровь так же звали».

Время шло, а муж не возвращался. Выходит, вместо него живет на земле дочка? В деревню вернулось всего шесть мужиков и трое парней, остальные полегли.

В тот же год на колхозном собрании решил народ объединиться с тремя соседними деревнями. В хозяйстве стало больше мужских рук, прибавилось количество лошадей, скота, техники. Постепенно все колхозники перебрались ближе к центральной усадьбе, в том числе, и Лукерья перед тем, как дочка пошла в школу.

Колхозный счетовод Лука пришел с войны без ноги еще в 43-м. Нашел девушку, которая пошла за него. Вроде, все хорошо было, но однажды в колхоз приехал какой-то заготовитель, и жена сбегала с ним в город, оставив на мужа двоих сыновей. Лука не жаловался, со всем справлялся. Его можно было видеть на разных участках колхоза. Чтобы везде поспевать, он соорудил приспособление на велосипед для своей деревянной ноги, а зимой ездил на лошадке. И мальчишек держал в строгости.

Стал он по-соседски захаживать в дом к Лукерье: то доску прибить, то забор поправит, а по осени помог с картошкой. Хозяйство без мужских рук ветшает. Однажды завел серьезный разговор:

- Одни мы с тобой, Лукерья, остались. Детей надо поднимать, у тебя дочка, у меня два сорванца. Мне тяжело в доме без женщины, всего не успеваю, да и тебе трудно справляться с домом. Выходи за меня, не обижу, а Полинку, как свою, любить буду.

- Дай подумать, Лука, - негромко отозвалась Лукерья. – Вроде, время прошло, а я все равно жду, когда в сенях застучат его сапоги. Да, зря, наверное. Только чувство такое, что жив он, мой Мишка. И во сне приходит живым.

- Ничего, Лукерья, я подожду. Если надумаешь, сама скажешь.

Новая семья

Они расписались в ноябрьский морозный день 1952 года. Вечером к ним зашли соседи и председатель колхоза с парторгом. Пришли со своим, зная, что достаток у того и другого не велик. Так и отпраздновали.

Весной избу Лукерьи пристроили к дому Луки. Получилось неказисто, зато у ребят и Полинки появились свои уголки, что для деревни редкость.

Дети учились нормально. Во дворе появилась корова и куры, в доме всегда чисто. Перед праздниками всей семьей мыли стены. Дружно жили, на зависть другим. И дети между собой не ссорились. Мальчишки сестренку не обижали, а она верх над ними взяла, командовала. Потом родился малыш, назвали его Мишей.

Навсегда запомнила тот день Лукерья. Председатель колхоза вызвал ее к себе. Поговорили о том - о сем. Потом он спросил ее о первом муже.

- Что о нем говорить, если нет человека? – ответила она. - Сгинул и следов не оставил. Как уехал после ранения, так и ни одного письма. И похоронки нет. А дочка вон как к Луке привязалась, отцом его называет.

- Так его парни тебя тоже мамой кличут, - улыбнулся председатель. - Хорошая семья у вас с ним получилась, на загляденье. И общего вашего малыша ребята любят.

- Ты к чему этот разговор затеял, председатель? Мне ведь сидеть тут некогда, у меня работа стоит.

- Ничего, девчата справятся. А я вот что хочу сказать. Ездили мы с агрономом в соседнюю область за семенами. И сдаётся мне, Михаила твоего на вокзале видел. Конечно, десять лет прошло, мог человек измениться. Может, не обратил бы внимания, да упал он, и все кинулись ему помогать. А когда подняли, я случайно встретился с его взглядом. Он сразу потупился, заторопился к выходу. Я только заметил, правая нога у него казенная в ботинке, я такие в госпитале видел. Наш поезд как раз объявили, и мы побежали на посадку. А одет он был прилично.

После этих слов Лукерья будто подменили. Она побледнела, вся поникла, из горла ее вырвался то ли хрип, то ли стон:

- Я же верила, что Мишка живой. Мне надо его найти. Обязательно надо. Отпусти меня.

- Где ты его будешь искать? Может, он проездом там оказался, - старался успокоить ее председатель, но тщетно.

Поиск родных следов

В Киров Лукерья приехала поздно вечером. Куда идти? Старушка, что ехала с ней в поезде, пригласила к себе. Жила она в коммунальной квартире в нескольких кварталах от вокзала.

На другой день Лукерья пошла в горсовет. Объяснила ситуацию. Ждала ответа несколько часов, пока ей не сообщили, что человек с такими данными в городе не прописан. Посоветовали обратиться в архив, где есть списки фронтовиков, кто долечивался в госпиталях во время и после войны.

На третий день ей повезло. Нашли Михаила в списках. Он был доставлен в Кировский госпиталь в марте 1945 года. Диагноз: гангрена правой нижней конечности. Ампутация.

Целую неделю прожила женщина в городе, пытаясь найти хоть какие-то сведения о Михаиле. Ей дали адреса бывших сотрудников этого госпиталя, кто остался в городе, Лукерья встретилась с ними. Но больше всего ей помог старый доктор-психиатр. Она пришла к нему, ни на что не надеясь. А у него память оказалась крепкой.

- Я этого Михаила помню, - сказал он после некоторого раздумья. - После ампутации ноги парень хотел покончить с собой, просил застрелить его. Истерики устраивал каждый день. Я советовал ему написать домой родителям, сообщить, что жив. На что он ответил: «Не надо стариков беспокоить, у

них без того горя хватает, один сын погиб на Халхин-Голе, другой – на Финской. Пусть думают, что и я остался на войне». Потом ему протез изготовили. Одна медсестра учила его ходить. Когда его выписали, они так вместе и уехали куда-то. Куда – не знаю, но то, что он взял ее фамилию, это знаю точно. Их расписали прямо в госпитале. Можно узнать в ЗАГСе, оттуда сотрудница приходила.

В ЗАГСе не сразу откликнулись на просьбу. Девушка говорила о неразглашении данных, еще о чем-то, но Лукерья ее не слушала.

- Да пойми ты, девушка. У меня дочка растет, не зная отца. Если у него все хорошо, я только рада буду, а если помощь нужна? Его же нет в городе, может, мне всю жизнь придется его искать по всей стране.

Все-таки получила она сведения на бывшего мужа, но что с ними делать дальше, не знала. С тем и уехала.

Новый год

Лука ни о чем не спрашивал. Она сама все рассказала. В доме с тех пор ничего не изменилось. Дети росли, родители старели. Вот уже Полина и старший сын Луки в районном центре школу заканчивают, средний учится в сельской семилетке, а самый маленький Мишка уже ходит во второй класс.

Новый год. Его всегда с нетерпением ждали дети. Лука со стар-

шим сыном съездили за елкой, потом всей семьей ее наряжали. Лукерья обязательно шила к празднику для каждого что-нибудь новенькое или же перешивала из старого, а ребята сами готовили маскарадные костюмы. В тот Новый год Лукерья, как волшебница, доставала из сундука подарки. Красное платье в горошек – это для Полинки, новые штанишки – это Мишке, а Луке и старшим сыновья - по льняной рубахе.

- А мама у нас без подарка осталась? – спросил удивленно Мишка.

- Конечно, мама наша думает только о нас, а о себе не позаботится, - сказал Лука, вставая из-за стола. – Он открыл полог на вешалке, взял в руки цигейковую шубку и накинул жене на плечи.

- Это что, мне? – Лукерья осматривала подарок и больше не могла сказать ни слова. На глаза ее навернулись слезы.

- Ну, полно, полно, мать. Не новая шубка, но вполне приличная, не один год носить будешь, не все же время в фуфайке ходить, - смущенно успокаивал ее Лука. – Это мы с сыном частью мяса за нее на базаре расплатились. Носи на здоровье.

- Мам, ты у нас будешь самая красивая в деревне, - поддержала его Полина.

Когда все убрали со стола, и дети улеглись спать, Лука достал из-под клеенки конверт и вручил жене.

- Извини, что не отдал сразу, не хотел праздник портить, - он надел валенки, взял папиросы и вышел во двор.

Письмо

Лукерья утром почувствовала, что письмо от Михаила. С трепетом раскрывала конверт и первое, что бросилось в глаза – знакомый почерк:

- Лукерья, я очень виноват перед тобой, - писал он. - Я ведь не знал, что у нас дочка родилась. Мне не повезло на фронте, остался без ноги. Жить не хотелось, я подумал тогда, зачем тебе нужен инвалид? Ты молодая, красивая, найдешь еще свое счастье. О том, что умерли мои родители, так и не узнав ничего обо мне, сожалею. Спасибо, что ты всегда была с ними рядом.

Я женился на медсестре, которая помогала мне в госпитале овладеть протезами, сама она тоже фронтовичка, ей после ранения

удалили легкое. Так мы и жили, два инвалида. Детей бог не дал. Теперь и ее я потерял.

Много лет назад я видел мужика из соседней деревни, мне он показался знакомым, но я испугался, что он меня узнает, постарался скрыться, как можно быстрее. Потом себя ругал за трусость.

Похоже, в жизни я потерял все: семью, здоровье, родителей и малую родину. Дома нашего не нашел. Приехал вот на сельское кладбище. Просто прошелся и увидел могилы родителей, соседей, знакомых. Там как раз мужики забор кладбищенский разбирали. Один из них подошел ко мне, такой же бедолага, как я, только у него нет левой ноги, а у меня правой. Спросил, кого я ищу. Я назвал тебя, а он, как мне показалось, даже в лице сменился. Сказал, что ты сейчас живешь в другом месте, про дочку рассказал и про то, что все у тебя хорошо. Передаю через него это письмо. Поздравляю тебя и твою семью с Новым годом, будьте счастливы.

Твой бывший муж Михаил.

Ревность

Когда вошел в горницу Лука, она спросила, как выглядел Михаил, что о себе рассказывал.

- Ничего не рассказывал, больше спрашивал, - ответил Лука.

- Надеюсь, ты сказал, что у нас одна семья?

- Нет. Наверное, сам догадался. Пока мы старый забор разбирали, он пристроился за каким-то столиком и писал тебе. У него даже конверт нашелся. Думаю, он заранее знал, что напишет тебе, поэтому все приготовил.

- Что ж ты его в гости не пригласил? Праздник все же, да и дочку, наверное, он хотел увидеть.

- Если честно, ревность во мне заиграла. А вдруг все прахом пойдет? И гнездышко наше расколется. Я не выживу. Веришь, Луша?

- Верю, Лука, но видишь, не все у него в порядке. Иначе бы он не приехал. Надо бы помочь, а как?

- Не переживай, на днях с секретарем сельсовета в район поеду, в дом приезжих загляну, может, там остановился.

И, правда, через несколько дней Лука вернулся в деревню с незнакомым человеком. С бородой, в длинном городском пальто,

его бы и родители не узнали, если б были живы.

Шли по деревне два фронтовика, заплатившие дорогую цену за Победу – по ноге оставили на войне. Они мирно беседовали, но подойдя к дому, городской остановился в нерешительности.

- Иди смелее, - подтолкнул его Лука. – Неужели уедешь, так и не повидав свою семью? Иди. А мне еще кое-что надо сделать.

Встреча через годы

Михаил поднимался на крыльцо, как на голгофу. Волновался, а от этого все движения его были замедленные. Из дверей выскочила девчонка, за ней пацаненок, оба хохотали. Михаил посторонился. Девчонка на ходу крикнула, что отца нет дома, он еще из города не вернулся.

Потом вышла Лукерья. Он ее узнал и залюбовался. В белом платке и шубке она выглядела очень эффектно.

- Что же ты, Миша, остановился. Проходи, - сказала она, и первой вошла в дом.

- Я думал, ты меня не узнаешь. Прости, что так вышло... - Михаил не находил слов.

- Вот что. Ты с дороги. Давай-ка сначала поешь, а разговоры – потом.

Из-за занавески показалась ребячья мордашка с удивленными глазами. Михаил улыбнулся ему, и вдруг стало так легко на душе, будто он и впрямь в собственный дом пришел.

Через несколько минут, пока Лукерья гремела посудой, парнишка забрался на колени гостя.

- Как тебя звать, малыш? – спросил Михаил.

- Я уже не малыш, я большой, а зовут меня Мишкой, - с веселым смехом сказал мальчик.

- Как, как тебя зовут? – он растерялся, у него даже внутри все захолонуло.

- Дядя, ты глухой? Да Мишкой меня зовут, - он уже кричал, на ходу надевая валенки и шапку. – Мам, я к ребятам, они там крепость строят.

- Вижу, все у тебя хорошо, - вздохнул Михаил. – Муж надежный, ребят полон дом.

- Ты что, завидуешь? На месте Луки мог быть ты. Почему ты за

меня решил тогда? Не написал, не спросил. Я уж не говорю о твоих стареньких родителях, которые молились, чтобы ты остался жив. Их-то ты за какие грехи наказал? Они до последнего вздоха ждали тебя. – Лукерья, словно наотмашь била словами бывшего мужа. В этот момент ей было не жаль его. Она выплескивала все, накопившееся за 17 лет ожидания и неопределенности.

- Прости, я тебя не достоин.

- Знаешь, если бы я могла вернуться на лет этак десять назад, и мне бы предложили выбор, я бы выбрала в мужья Луку. Он, действительно, надежный, понимающий. Наша с тобой дочь так и думает, что Лука – ее отец, благо, фамилии у вас одинаковые. Только вот отчество у нее Михайловна. Будет в школе аттестат получать, тогда узнает и обязательно спросит, - потом она устало опустилась на стул, но вздохнула легко, будто освободилась отчего-то тяжелого.

- У меня, Луша, фамилия теперь другая. Не мог я после ранения уже жить старой жизнью, поэтому взял фамилию человека, который мне очень помог справиться с собой. Какие книжки она мне читала, какие стихи! Не мог я оставить без внимания ее заботу. Вместе с ней, ее тоже Полей звали, мы и начали новую жизнь.

- Твою дочку, положим, не Полиной звать, а Победой. Деревенским не понравилось, вот они и придумали Полину. Придется теперь метрики менять.

Долго сидели за столом Лукерья с Михаилом. Обо всем посудили, обо всем друг другу рассказали. Потом домой вернулись дети, познакомились с дядей Мишей, а Лука не возвращался.

- Что-то отца до сих пор нет, - вздохнула Лукерья. - Не случилось ли чего?

- Мама, ты не волнуйся, папа сказал, что сегодня на конном дворе заночует, у Ночки жеребчик должен появиться, так они с ветеринаром туда ушли, - сказала Полинка.

- Поля, беги к нему и скажи, чтоб немедленно шел домой. Вот взял моду голодом сидеть.

Михаил заночевал у них, а утром собрался в путь. Ни машин, ни автобусов не было, он хотел идти до города пешком, а это без малого километров 40.

- Как ты пешком пойдешь? Может, лошадь попросить у председателя? Да и куда ты теперь? – спросила Лукерья.

- Не знаю, где-нибудь пристроюсь, хоть столяром буду работать.

- Послушай, Михаил, нам в колхозе твои руки пригодятся, - встрепенулся Лука. – Председатель говорил, что окна на ферме надо менять, а некому. Может, возьмешься, дом мы тебе подыщем. В соседней деревне их много, можно в село, а можно сюда перетащить.

Так и остался Михаил в колхозе. Лет пять спустя, встретил хорошую женщину. Жили они на центральной усадьбе. Время от времени приезжали в гости к Луке и Лукерье, в Семик вместе отправлялись на погост.

Полина, конечно, узнала об отце, даже бывала у него в гостях, но для себя настоящим отцом все же считала Луку, а его детей – своим родными братьями.

Вместо эпилога

Никто не вправе судить Лукерью, Луку и Михаила. Была война, которая у миллионов людей отняла жизнь, и миллионам поломала. Их не судить, их жалеть надо. Несмотря на все невзгоды, что они пережили, в них осталось благородство, доброта, готовность подать руку помощи. Так важно понять человека и простить.

Дети наших главных героев выросли. Полина окончила зооветеринарный техникум и много лет трудилась в Косинском районе. В ее семье тоже четверо детей, старшая дочь проживает в Оханске, у нее несколько лет перед своей смертью жила Лукерья. Сыновья Луки предпочли колхозную жизнь и работали механизаторами в Верещагинском и Осинском районах, а самый младший Мишка стал военным. Сам Лука скончался от сердечного приступа, едва вышел на пенсию.

Полина Михайловна (имя ей все-таки сменили, а отчество оставили биологического отца) – человек необычайно скромный, она просила не называть фамилии родителей и деревню, где случилась эта история, чтобы люди не трепали имена дорогих ей людей. Одно могу сказать, на месте той деревни теперь шумит лес, а на полянах летом полно ягод. Да и местные грибники любят туда заглядывать, хоть и далеко эти места от дороги.

Нечаянная любовь

Стук в дверь застал Вотиновых за столом. Екатерина Петровна неспешно встала из-за стола и направилась к двери.

- Ты, Катя, вроде как мне не доверяешь даже дверь открывать, - обратился к жене Захар Иванович.

- Да сиди уже на месте. Здоровья нет, а все куда-то шел бы, да ехал.

Вернулась Екатерина Петровна с двумя женщинами, у которых в руках был торт и еще какие-то свертки.

- Захар Иванович! – обратилась к нему та, что постарше. – Мы пришли поздравить Вас с Днем пожилых людей.

- Да бог с вами, какой я пожилой? Мне еще годков-то всего-ничего, даже 70-ти нет, - оборвал он визитерш, пряча в усы улыбку.

- Ну, хватит молодиться, лучше приглашай гостей за стол, - беззлобно приказала жена.

- А что? Я еще и сплясать могу. А пока давайте-ка с нами к столу, вместе чайку попьем, поговорим.

Гости начали горячо отказываться, говорили, что им еще надо несколько человек обойти, но хозяин их не слушал.

- Катя, есть у нас что-то покрепче чая? – спросил жену, а сам уже из буфета доставал заветный графинчик. Быстро разлив настойку, и сказав: «Со свиданьем!», он опрокинул содержимое своей кружки, не забыв крякнуть при этом.

Минут через десять лицо его стало пунцовым, от этого глаза казались буравчиками. Он смотрел на женщин, а у них было такое чувство, как будто он раздевал глазами. Одна из них поежилась, будто ей стало холодно, и это не ускользнуло от внимания хозяина.

- Вот так под моим взглядом в молодости все девки штабелями ложились, - сказал он и подмигнул загадочно.

- А, ну-ка, Захар, девичий сердцеед, не пора ли тебе на место, а то напугаешь девчат, так они в другой раз и не зайдут, побоятся, - спокойным тоном приказала ему жена и подтолкнула к загородке, где стояла кровать.

- А ты, Катя, скажи им, что я прав, что меня женщины любили, - не унимался он, еле ворочая заплетающимся от выпитого языком.

Гостьям было неудобно уйти, не попрощавшись с хозяевами, поэтому они решили чуть подождать. Екатерина Петровна очень скоро вышла и сказала, что муж уснул.

- Выпьет на копейку, а развозит его так, будто целый литр выпил. Нельзя ему пить совсем, да не часто он это и делает, - посоветовала она.

- Правда, что Захар Иванович был раньше таким, как говорит? - поинтересовались женщины. - Мы-то с ним немного работали, так скромней его на предприятии не видали.

- Напускает больше на себя, - засмеялась хозяйка. - Все грозным хочет казаться, я только взгляну на него, сразу и замолчит. Мы ведь женились по несчастью. Я после школы в колхозе работала, однажды выехала с ним в паре, на жатке оступилась, чуть ногу мне не оторвало. Он на тракторе был, молодой, лихой, в армию успел сходить. Перед поворотом немного притормозил и оглянулся. Как раз вовремя. Остановил трактор, выскочил. Схватил меня на руки - и в кабину. Потом на полном ходу поехал в медпункт. Там первую помощь фельдшер оказала и вызвала «скорую». Уже в больнице после операции Захар не уехал домой, пока его не успокоили, что все обошлось, и ногу не придется отнимать. Он каждый день приезжал ко мне, цветы полевые привозил и все извинялся, что розы не растут на полях. А для меня полевые - самые любимые цветы... - она задумалась и посмотрела в окно, под которым, несмотря на осень, еще качались головки ромашек и остатки васильков.

- Так он, наверное, тогда и влюбился в Вас, - предположила гостья.

- Да нет, это пришло позднее. Нечаянная у нас любовь получилась. Я не успела выйти из больницы, как случилось несчастье с ним. Я, честно говоря, так привыкла видеть Захара каждый день, а тут его не было два дня, и я затосковала. За окном осень, сыро, слякотно. К вечеру в палату зашла женщина, прямо ко мне направилась. Хотела что-то сказать и заплакала. Потом вошел врач, от него я и узнала о несчастье. А женщина эта была его матерью. Не буду вспоминать, что и как, только скажу - был поврежден

позвоночник. И я стала его сиделкой. А когда в Пермь отправили, то с любой оказией старалась проведать его и поддержать, хоть и хромала сильно.

Он заново учился ходить, и у него все получилось. Профессию механизатора пришлось забыть. А что еще делать в деревне? Мать перевезла его в Оханск. Меня перевели в бухгалтерию, для полевых работ я тоже уже не годилась. По вечерам к нему из деревни напрямую пробиралась, чтобы помочь. Через год он мне предложение сделал, и я тоже оказалась в Оханске. Его брали лишь на временные работы из-за здоровья, я работала на фабрике, на хлебопекарне. Он сейчас у меня на второй группе инвалидности, я – на третьей. Живем с самого начала в этом доме. Это дом его матери, она с нами до последнего дня жила, хорошая была женщина и мудрая. А насчет того, был Захар дамским угодником или нет, не могу сказать и никогда об этом не спрашивала. Зачем же чье-то прошлое ворошить, если оно не мешает жить никому?

В словах Екатерины Петровны была такая неприкрытая правда, против которой, что бы ни сказать, все будет лишним. Женщины поняли одно – в этой семье главенствует жена, правит спокойно, неназойливо. Захар Иванович хоть внешне и бывает страшен, а на самом деле мухи не обидит. И мальчишки у них выросли такими же, жены ими правят.

Сколько надо иметь в сердце тепла, такта и терпения, чтобы 40 с лишним лет не уставая повторять мужу, что он - ее голова, как скажет, так и будет. Она не спорит с ним, да и он тоже.

Женщины разговорились и забыли, что еще час назад спешили уйти из этого дома. С Екатериной Петровной было как-то уютно, хотелось ее слушать и слушать. Из нее, наверное, получился бы хороший учитель, но ее университетом стало колхозное поле, она собиралась поступать в сельхозинститут. И поступила бы, если бы не случилось той беды. Так мечта лопнула, как мыльный пузырь. Всю себя она отдала семье.

Захар Иванович вскоре очухался и, кряхтя, вышел из своего закутка. Виногато глядя на жену и гостей, присел в кресло.

- Девчата дорогие, вы уж простите меня, я знать-то лишнего

опять нагородил. Вот ведь натура моя противная. Как выпью, ну, прямо «цицероном» делаюсь. И сказать охота, и покомандовать тоже. Простите. А так у нас все хорошо, правда, Катя?

- Словоблуд ты у меня, Захар, хоть и старик уже, - жена подошла к нему и обняла его за плечи. – Вот так по-стариковски и доживаем свой век. В выходные здесь будет шумно, ребята придут, внуки прибегут, капусту помогут рубить, мы ведь ее на всех делаем. А потом, как водится, баньку истопим, пельмени капустные налепим. Нам скучать некогда.

И от того, как она это сказала, даже не посвященному в биографию этих людей человеку стало бы ясно – в этом доме никогда не бывает ссор. Одного боятся Вотиновы – быть со временем обузой для своих детей и внуков. Те травмы, которые они получили в молодости, сказываются на здоровье сейчас, а стонать и жаловаться они не привыкли. Берегут они друг друга, жалеют, и, конечно, любят. У них все хорошо. Пусть так и будет еще долгие годы.

2016

Без вести пропавший

Раиса Петровна, в ожидании своей очереди к нотариусу, от нечего делать взяла подвернувшуюся под руку газету, которую оставил на стуле предыдущий посетитель. Посмотрела название – «Сельская жизнь». Развернула, почитала заголовки. На последней полосе ее взгляд наткнулся на портрет милого старичка. Ей захотелось узнать, кто это такой.

Под фотографией была помещена небольшая статейка, подписанная Галиной Новицкой. В ней говорилось – этот старик не знает своего настоящего имени. Он – фронтовик, после ранения и контузии в 1944 году не может вспомнить, что было с ним до этого. Проживает в доме-интернате для инвалидов войны на Алтае. Далее журналистка просила внимательно взглядеться в портрет, она надеялась – родственники узнают его даже через десятилетия.

Дня через три Раиса Петровна ни с того, ни с сего вдруг вспомнила лицо того старика. Ей показалось оно знакомым. Она начала мысленно рыться в своей памяти. Перебирала всех, кого знала в возрасте от 70 лет.

- Как же я сразу не сообразила, ведь он похож на дядю Еремея, отцовского брата, - осенило ее. Только бородку сбрить. Где же газету теперь взять, ведь она не посмотрела даже, за какое число? - В почтовом киоске таковой не оказалось, направилась в библиотеку. Там, к счастью, разыскала нужный номер, переписала адрес, куда следовало делать запрос.

Было огромное желание сразу рассказать об этом матери, которая жила с ней, но Раиса Петровна решила не будоражить ее понапрасну. Вечером она написала письмо, оставалось - ждать.

В ту ночь ей не спалось, прошлое волной нахлынуло на нее. Отец. Она всегда видит его в каком-то ореоле. И, как назло, не может вспомнить его голоса, но хорошо помнит руки, шершавые, мастеровые и всегда теплые.

Мир перевернулся

День 22 июня 1941 года навсегда запечатлелся в ее памяти. Рано утром она с младшими братьями поехала к бабушке в Оханск. Старенькая заводская машина увозила какие-то железяки на Юго-Камский завод, и отец попросил шофера прихватить по пути детей. Рано утром выехали они из города. Мальчики сидели в кабинке, а Рая, как старшая по возрасту, забралась в кузов. Так они ездили уже не раз. Это сейчас не всякая мама позволит отпустить малышей одних в такую дальнюю дорогу, а в то время большинство детей с раннего возраста становились самостоятельными, да и не крали тогда ребятишек.

От завода до переправы детей «подбросил» неказистый заводской мужичок на лошадке. Он постоянно дергал вожжи и аппетитно чмокал губами, зажмуривая при этом глаза. Был он в зимней почему-то шапке и в теплых, шитых из сукна, ботах, хотя на улице было тепло. Мужичок оказался на редкость разговорчивым и любопытным. Спросил про родителей, про то, какие сказки любят, какие песни поют. Потом запел сам. Это была странная заунывная песня, которую девочка никогда не слышала.

На берегу ребят уже ждала лодка. В отличие от первого мужичка, второй не сказал за всю дорогу ни слова. Молча, греб веслами, молча, помог ребятишкам выгрузиться, на прощание буркнул: «Бабуле привет передавайте».

Не спеша, добрались они до города. Младший, Толик, еле ногами шевелил, ему было всего-то три года, но рос он пухлым, попробуй, потаскай такого, поэтому и приходилось ему везде ходить ножками. Пока дошли до города, сделали несколько привалов. Девочку удивили прохожие. Никто из них, как раньше, не улыбался, головы их были опущены, из некоторых дворов слышался плач.

К вечеру ребята добрались до дома бабушки. В соседнем дворе

настежь были открыты ворота, там стоял вой. Особенно плакала одна молоденькая женщина. Дети открыли калитку, вошли в дом. Даже собачонок по кличке Шарик не подал голоса. Бабушка сидела в горенке на своем сундуке и безучастно глядела в окно. Она не слышала, как они зашли, поэтому не сразу обратила внимание на внуков. Увидев их, подошла, обняла всех троих и запричитала:

- Сиротки, вы, мои сиротки... Как же дальше жить-то вы будете?

- Бабушка, почему все люди такие невеселые? – спросила девочка, вырываясь из цепких рук старушки.

- Да ведь война, милые мои... Гитлер-гад нарушил договор. По радио передали. Теперь всех сынков моих на войну возьмут, а возвратятся ли – неизвестно, - она снова заплакала, и Рая поняла, почему причитала молодая женщина. Девочка в свои пять лет еще не осознавала, что такое война. Но мама ей читала книги про русских богатырей, и она была уверена – «поднимется людская рать и сметет врагов с земли русской».

Не дрейфь! Прорвемся и будем жить!

Отца на войну не брали, токари были на вес золота, а молодые ребята-ремесленники еще не научились работать по-настоящему. Отец отказывался от брони, и каждый день ходил по пятам директора завода, не раз навевался в военкомат – тщетно. Собирался уже, как мальчишка, заскочить в проходящий воинский эшелон. Два его брата ушли добровольцами в первой партии, одному из них было 20, другому – 19 лет. Отца «грыз» стыд. Он, самый старший, будет отсиживаться в тылу, а братьев взяли на войну?

Раиса Петровна помнила и голод, и холод военных зим, но наиболее сильное эмоциональное чувство испытала она, когда отец получил повестку.

Шел январь 43-го. Невеселыми были проводы. На вокзале мать не плакала, только сжимала в руке платок да следила за мужем тревожным взглядом.

- Увидимся ли, Петя? – спросила она, глядя ему прямо в глаза.

- Да не хорони ты меня раньше времени, Людушка. Вон братья воюют и ни одной царапины. Не так страшен черт, как его

малюют. Увидимся, вот только немцев разобьем и увидимся, - он улыбался, а глаза оставались печальными. – Ты детей сбереги, это все, что у нас с тобой осталось.

Потом подошел к детям, стоящим в сторонке, поцеловал их, а дочке на прощанье сказал: «Не дрейфь! Прорвемся и будем жить!» Эти слова он всегда говорил ей, когда она плакала или грустила.

Спустя несколько дней бабушке пришла похоронка на младшего сына, Игната. Рая запомнила его веселым и обязательно с балалайкой. Он всегда напевал что-то, лихо играл на балалайке и гармошке, а ногами такие выкрутасы выделявал - не каждый мог повторить. Игнат погиб при освобождении Сталинграда.

Еще через месяц пришло письмо из Саратовского госпиталя, где лежал дядя Еремей. От отца долго не было никаких известий. Наконец, пришло первое письмо. Рая вместе с матерью поочередно заглядывали в почтовый ящик, ждали следующей весточки. Но прошел месяц, другой, третий, прошли весна и лето...

Ошибка

Однажды к ним домой постучалась женщина. Мамы не было, и Рая объяснила, где ее найти. На следующий день приехала бабушка, а Рая вместе с матерью поехали куда-то на поезде. В кишачем людьми вагоне было душно и жарко, но девочка держалась, понимая, что всем нелегко.

В маленький железнодорожный поселок, названия которого Рая и не запомнила, они приехали ночью. Притулились в уголке грязного вокзала и просидели там до рассвета. Госпиталь нашли быстро. Молоденькая медсестра вела их по коридорам, где пахло карболкой, а от белизны стен и халатов слепило глаза.

В небольшой палате, куда их впустили, стояли четыре кровати. Обитатели их были все в бинтах, как мумии. Мама растерянно смотрела и не знала, что делать.

- Ваш муж у окна, - сказала медсестра, - и показала рукой.

- Вы уверены? – дрожащим голосом произнесла мать, когда приблизилась к раненому.

- Да. Это Петр Семенович Каменских. Ваши данные мы нашли в его обереге.

Рая смотрела на обрубок и никак не могла поверить, что это ее отец. Она потрогала его руку, потом погладила забинтованную голову и заплакала.

Потом пришла женщина-врач. Она успокоил девочку, увела ее к себе в ординаторскую, угостила кусочком сахара и вернулась в палату. Глаза больного были безучастны ко всему, что происходило вокруг.

- Это не Ваш муж, - горестно сказала она матери. - Извините, что потревожили. Понимаете, он не может говорить, но память и сознание у него в норме, а в глазах можно «прочитать» все эмоции. К Вам, а, тем более, к девочке, он остался равнодушен. И потом, когда мы его спрашивали год рождения, он «сказал» взглядом – 1923, а в записке значится – 1919 год. Выходит, и фамилия у него другая, и имя, стало быть, вы ему действительно – чужие.

- А давайте спросим у него, может, он знает Петра моего? - попросила мать.

Врач не сразу, но согласилась. Она повернула раненого к окну и четко задала вопрос, встречал ли он Петра Каменских. Тот закрыл глаза, потом медленно открыл. На второй вопрос, жив ли он, у раненого из глаз потекли слезы. Больше ничего узнать не удалось.

Так и потеряла Рая отца. Больше с фронта вестей не приходило, только однажды вместо похоронки они получили письмо однополчанина, который сообщал о том, что их муж и отец пропал без вести еще летом 1944 года в Молдавии. Он не был обнаружен ни среди живых, ни среди мертвых.

Память молчала

Ответа на свое письмо Раиса Петровна не дождалась и забыла о нем, потому что навалились заботы. Зарплату не выдавали по полгода, задерживали пенсии, люди были обозлены. Начало 90-х для всей страны ознаменовалось неразберихой и ожиданием.

В те годы и выходила на заслуженный отдых Раиса Петровна. Муж умер рано, когда ему не было и сорока, дети обзавелись семьями и разъехались, звали к себе. Но она решила перебраться в места, которые хорошо знала с детства, где проводила все кани-

кулы. В Оханске все еще стоит бабушкин дом, где живут сейчас внуки дяди Еремея, а сам он уже отправился в мир иной.

Раиса Петровна, не раздумывая долго, увидев объявление об обмене с Оханском, распростилась с квартирой и переехала в небольшой уютный домик в нашем городке, перевезла старенькую мать.

Ответ на ее письмо с Алтая все-таки пришел на старый адрес, его в Оханск переслала женщина, которая жила в ее бывшей квартире. Сотрудница дома ветеранов просила сообщить приметы ее отца, привычки. Ничего такого Раиса Петровна не могла вспомнить. Пришлось осторожно обратиться к матери. И, к изумлению дочери, мать, ничего не заподозрив, обрадованно начала рассказывать о привычках его, о шрамах, о родинках на лице и на руках. Она ничего не забыла и словно ждала этого вопроса. В их семье было заведено – об отце ни слова, чтобы не травмировать мать. А дочь, кроме «Не дрейфь! Прорвемся и будем жить!», все забыла. За что ее винить?

Почти год копила Раиса Петровна деньги на дорогу. Летом 93-го приехала в Барнаул. На вокзале ее встретили двое сотрудников дома ветерана. Потом тяжелый разговор с врачом-психиатром, который просил вспомнить эпизод из жизни отца, во время которого могла произойти эмоциональная встреча. Ее память молчала.

- Я не уверен, что по истечении стольких лет этот эксперимент удастся, - сказал врач, - но попытка – не пытка. Надо все возможности использовать. Ему нужен сильный стресс.

Тогда и решили пригласить ребенка из детского сада, загримировать и сделать похожим на девочку Раю в семилетнем возрасте. Хорошо, Раиса Петровна привезла с собой все старые фотографии в надежде, что отец, если это, конечно, он, узнает кого-нибудь.

Эксперимент

Она боялась заходить в интернат, боялась повторения неудачи. А вдруг получится, как в войну, снова ошибка?

В просторном фойе за небольшим квадратным столом сидели старики и играли в домино. Раиса Петровна того старичка с фотографии узнала сразу. Медсестра пригласила его в кабинет

директора. Он числился здесь Егоровым Сергеем Ивановичем. В капсуле, надетой на его шею, были именно эти данные. В записке значился адрес его матери. Ее вызывали, но она сказала – это не ее сын. Можно было ошибиться, если бы он был обезображен, но с виду он не походил на калеку, да и рассуждал здраво. Собственно, он сам как-то и попросил доктора помочь. Все, что было после ранения, он прекрасно помнит, а как и когда попал на госпитальную койку, напрочь вылетело из памяти. Более того, ему казалось, что и зовут его по-другому.

В кабинете доктор попросил больного «взглянуть» на гостей. Тот равнодушно обвел их взглядом, чуть дольше задержав его на девочке. Наморщил лоб, пытаясь что-то вспомнить, но безуспешно. Так же равнодушно перебрал несколько фотографий и непонимающе посмотрел на врача.

В это время в форточку залетела пчела и с налету выпустила свое жало в лицо девочки. Раздался истошный крик. Старик, как молодой, подскочил к девочке, ловко выдернул жало, засмеялся и сказал при этом:

- Не дрейфь, дочка! Прорвемся и будем жить!

Вдруг с него будто спала невидимая оболочка. Он гладил по голове всхлипывающую девочку и повторял, повторял... одно и то же:

- Как же так, Раюшка? Скоро праздник, а ты с таким глазом. Попадет нам от мамки.

Раиса Петровна действительно вспомнила, был такой момент в ее жизни. Слезы душили ее. Старик озирался вокруг и ничего не мог понять.

- Ну, у Вас и прыть, Сергей Иванович, - сказал доктор.

- Почему Сергей Иванович, я - Петр Семенович, - ответил, ничего не подозревая, отец. Это был действительно он.

- А кто тогда Сергей Иванович Егоров? – строго спросил доктор.

- Сережа? Это друг мой. Мы воевали вместе с первого дня. Перед боем обменялись капсулами, чтобы в случае гибели, сообщить родным. А где он, Сережа? Он жив? – отец беспокойно глянул на врача.

- Егорова мы найдем потом, а какой год сейчас на дворе? – за-

дал следующий вопрос психиатр.

- 1993-й.

Эксперимент удался. Отец и дочь познакомились заново. Их оставили вдвоем на целый день. Они не могли наговориться. Когда отец уставал, Раиса Петровна давала ему возможность отдохнуть. Она рассказала о том, как она с матерью ездила в госпиталь, но там оказался другой человек. Сейчас она прекрасно понимала – это был тот самый Сережа, Сергей Иванович Егоров.

От отца она узнала, что оба они были автоматчиками. Им даже первые медали вместе вручали после Курской дуги. Его воспоминания были еще отрывочными. Как объяснил доктор - требуется время, чтобы воспроизвести все по порядку, ему сейчас очень тяжело объять все сразу. После такого стресса организму нужен хороший отдых.

Потом отец спал целые сутки. Раиса Петровна рассчитывала, что домой вернется вместе с отцом и обрадует мать. Но теперь следовало восстановить имя и фамилию, документы запросить в военном архиве, сделать перерасчет пенсии и так далее. Запросы были отправлены в тот же день. Надо было ехать в Пермь, взять справки на заводе и в военкомате и много еще чего сделать.

Отец понимал, что доставляет людям массу беспокойства, но оставаться на чужой фамилии не хотел. Его огромным желанием было найти потом родных Сергея Егорова. Домой Раиса Петровна поехала тогда одна.

Чудо случилось!

В первый же вечер, сидя вместе с матерью перед телевизором, она, как бы, между прочим, спросила:

- Мам, а что бы ты сделала, если б вдруг открылась дверь, и вошел отец?

- Ой, миленькая, в сказки я давно не верю, - отмахнулась от нее мать.

- Нет, я серьезно. Почему ты в госпитале тогда сказала, что раненый – не наш отец?

- А мне сердце подсказало – молчало оно.

- Разве ты не допускаешь такого чуда? Вдруг он в плену был

или без сознания валялся.

- Можно было бы поверить, если б прошло пять, ну, десять лет, но не 50 же.

- А сердце твое молчит?

- Оно выболело все, потому и молчит. Давай-ка, выкладывай, зачем тебе это?

Раиса Петровна не удержалась и рассказала матери о поездке на Алтай, об эксперименте, о том, что совсем скоро они увидятся. Мать забеспокоилась, засуетилась, готова была хоть завтра поехать к мужу. Дочь не на шутку испугалась, как бы раньше времени старушку инфаркт не хватил. Она пообещала матери взять ее в следующий раз с собой.

Только через полгода все документы на имя Петра Семеновича Каменских были готовы. Из архивного отдела Министерства обороны пришла справка о том, что он награжден орденом Красной Звезды и тремя медалями.

Они поехали на Алтай накануне Нового года. Раиса Петровна переживала за родителей. Выдержат ли они? В фойе дома-интерната набилось столько людей, что пройти было невозможно. Не впервые у людей из этого заведения находились родственники, но Сергея Ивановича (по привычке его продолжали так называть) любили все. Он и жил, и работал здесь, был первым помощником в любом деле, если это касалось хозяйственных забот, директор нарадоваться не мог. Работник хороший, и человек добрый, бескорыстный. Все были рады, что через столько лет и у него нашлись близкие люди.

Ему в тот день посвящали свои стихи и песни самодеятельные артисты, о нем говорили, ему желали здоровья, а многие откровенно плакали.

Наступил момент, когда ведущая встречи пригласила войти в фойе жену и дочь. Раиса Петровна аккуратно вела мать под руку. Они приблизились к отцу, который плакал внутренне, без слез. Только руки выдавали волнение. Он осторожно взял жену за плечи, разглядывая ее. А мать от волнения лишилась дара речи, она только гладила его руку и смущенно улыбалась.

Они поехали через Москву, где их встретили сыновья. Решили погостить недельку у одного из них в Подмоскowie. Раиса Петровна давно не видела братьев и тоже была рада встрече. У Виктора дом был – полная чаша. Вместе с женой работал он на химическом комбинате, оба получали пенсию по выслуге, жена вот-вот должна была выйти на заслуженный отдых.

Вот что значит судьба

Накануне отъезда Виктор уговорил всех съездить ко второму брату, Толику. Раисе Петровне в тот день нездоровилось, и она отказалась. Ночевать они не вернулись. Беспокойство охватило ее, когда и к обеду следующего дня никто не приехал. Билеты были куплены на вечерний поезд. Она заметалась. Времени оставалось совсем немного. В надежде, что родителей привезут прямо к поезду, женщина, быстро собрав вещи, отправилась на вокзал.

Поезд ушел без них. Раиса Петровна сдала билеты и снова на такси вернулась в дом брата. Соседка, у которой она оставила ключи, сообщила, что звонили из московской больницы, и дала номер телефона.

Дрожащими руками она набрала номер, назвала себя. На том конце провода долго молчали, потом совершенно бесцветный женский голос сказал об автомобильной аварии и попросил приехать.

Не успев обрести отца, она его вновь потеряла. Вместе с ним «ушла» и мать. Машина Виктора попала под колеса КРАЗа, когда он возвращался домой. Гололед вынес его на встречную полосу. Родители погибли сразу. Они сидели, крепко обнявшись, на заднем сидении. Жена Виктора получила черепно-мозговую травму и находилась в коме, а у него самого оказалось несколько переломов и сотрясение мозга.

Второму брату уже успели сообщить о происшедшем, и он находился в больнице. Никого не вызывая больше, вдвоем похоронили родителей на кладбище в Реутово. Когда приехала жена Толика, они поочередно дежурили в больнице.

Послесловие

В Оханск Раиса Петровна вернулась одна. Не хотелось ни с

кем говорить и отвечать на вопросы. Новый год, который отец называл своим вторым рождением, для его детей стал трагическим.

- Вначале я ругала себя за то, что взяла мать с собой, за то, что согласилась на уговоры родителей – ехать через Москву, - рассказывает Раиса Петровна, - но по истечении лет поняла – не стоит себя винить. Они на тот свет ушли, крепко обнявшись, значит, так им лучше. Не попади мне в руки та газета, я не встретила бы с отцом, не возьми я мать с собой, не случилось бы трагедии. Она жила бы, может, до сих пор, но в духовном одиночестве. А отец так до конца дней своих и не узнал бы своего настоящего имени. Еще неизвестно, что лучше или хуже.

- Каждый год 9 Мая я уезжаю в Пермь, - продолжает она, - где познакомились мои родители, где потом родились и учились мы, откуда отец ушел на фронт. Не суждено было ему вернуться. Что ж, от судьбы, как говорится, не уйдешь. На могиле родителей тоже бываю, правда, каждый год не получается. Брат и его жена встали на ноги после аварии, чувствуют себя относительно неплохо.

* * *

Раиса Петровна боялась отдавать мне последние фотографии отца и матери, это все, что у нее осталось. Они даже вместе сфотографироваться не успели, хотели по пути на вокзал в день отъезда заехать в фотоателье, чтобы вся семья была в сборе.

Без вести пропавшие. Сколько их по всей стране! Дети выросли без отцов. До сих пор не прекращается поток писем и запросов в военные архивы, в газеты и журналы. В прошлом к пропавшим без вести и их родным отношение было неоднозначным: «Раз пропал, значит, предал и переметнулся к врагу», - считали одни. «В плен попал, вот и сгинул» - говорили другие, а это тоже приравнивалось к измене Родины. Как рассказывают фронтовики, некоторые бойцы сами лезли под пули, чтобы умереть на поле боя, чтобы родные его не проклинали потом.

Правильно сказал в своей поэме «Двести десять шагов» поэт Роберт Рождественский. Пора уже реабилитировать всех пропавших без вести и считать их погибшими в боях за Родину.

Мамина тайна

Анна Владимировна лежала на своей старенькой кровати и от-
решенно смотрела в потолок. Она понимала – жизнь уходит, но
как сказать дочери то, о чем она старалась не думать с самой во-
йны? И горько, и стыдно.

- Галочка, подойди ко мне, - позвала она дочь, решившись, на-
конец, открыться. – Прости, за все прости. Помнишь, ты меня не-
сколько раз спрашивала, кто твой отец?

- Да, ладно, мама, жила я без него и дальше проживу.

- Нет, доченька, я должна тебе все рассказать, иначе меня небо не
примет. Да и ты, смотрю, измучилась вся со мной. Сядь и послушай.

Она начала рассказывать. По ее лицу то и дело текли слезы, но
она их не замечала. Рассказывала так, будто боялась не успеть.

Галина не раз слышала от матери рассказ о том, как она после
окончания четвертого класса с дядей по отцовской линии поехала
на Украину погостить на недельку. Хотели возвратиться вместе
с дядиной женой Оксаной, которая находилась у родителей под
Киевом. А тут война!

Оккупация

Июньское утро 1941 года было кошмарным. Проснулась
Аня от оглушительного гула и хлопков, вначале дальних,
а потом они стали стремительно приближаться. В окнах –
огненные сполохи. Дядя подхватил девочку, следом бежала
Оксана, за ними все остальные.

В подвале, где они сидели, было прохладно, одежду никто с
собой не взял. Взрослые возмущались по поводу очередной про-
вокации, они считали, что вот-вот все закончится. Прошел час,
другой, наверху все гудело и ухало. Дед решил разведать, что, да
как. Вернулся с ворохом одежды и одеял.

- Война! – выдохнул он и присел на лесенку. - Оксана, бери
девочку и беги на пасеку, не ровен час, враги нагрянут. Мы при-
дем потом.

Однако ни деда, ни его жены, ни дяди Аня не дождалась. Окса-
на потом сказала - бомба попала прямо туда, где они сидели.

Потянулись тяжелые дни оккупации. Горели хлеба вокруг, солнце пекло неимоверно. Ане очень хотелось домой, к маме, а войне, казалось, не было конца. Она помогала Оксане печь хлеб, потом сушить его и складывать в мешки.

- Оксана, а зачем мы это делаем? – спросила однажды Аня.

- Надо, Анечка, - только и ответила Оксана.

На пасеке

Может быть, так и отсиделась бы Аня на пасеке, помогая Оксане печь хлеб для партизан, но при беспорядочном отступлении небольшая группа немцев случайно наткнулась на пасеку. Они не успели зайти в дом, как начали кричать: «Куры! Млеко!» Оксана в тот день не сказала, куда пошла, Аня была одна, от страха спряталась в угол за печь. За два с лишним года, что прожила в оккупации, она сильно выросла и стала довольно крупной девочкой. С пасеки никуда не уходила.

Немцы, видя, что в доме никого нет, расположились в комнате, начали рыскать по углам, выискивая съестное, и только чудом не добрались до закутка, где сидела Аня. Один фашист вышел на улицу и, увидев кошку, которую Аня притащила с собой из поселка, решил потренироваться в меткости. С первого раза не попал, на помощь к нему вышел еще один «снайпер». Вместе они кошку добились, потом взялись за собаку. У Ани душа разрывалась от жалости к животным, но выйти из укрытия, значит, обнаружить себя. Потом немцы пили, пели, и, в конце концов, заснули. Девочка решила вылезти через окно в сад.

Шел октябрь, было довольно прохладно, но искать одежду времени не было. Она не знала, сколько немцев приехало, думала, что все были в доме. Выпрыгнула и оказалась в крепких руках часового. Это был немец. Он радостно затопал, не отпуская руку девочки, повторяя при этом: «Мой дефочка, мой дефочка...» Аня вырывалась, но кричать боялась, чтобы не проснулись остальные.

Немец тащил ее к зарослям, а она отчаянно сопротивлялась. Но разве силенки 13-летней девчушки могут сравниться с мужской силой? Бросил на землю и ударил по голове. Девочка потеряла сознание.

Партизаны

Аня очнулась от стрельбы, которая шла совсем рядом. Открыла глаза и увидела возле себя своего дядю и даже не удивилась, что он живой. Рядом лежал с окровавленной головой рыжий немец. Аня резко подняла голову, но от боли во всем теле, повалилась назад. Она вспомнила, как тащил ее потный немец в кусты, и зарыдала. Ей потом долго снились мертвые, небесно-синие глаза испоганившего ее тело фашиста.

- Прости, девочка, мы опоздали, не смогли помочь тебе вовремя, слишком много фашистов на всех дорогах, – сказал дядя, прижимая к себе рыдающую племянницу и укутывая ее своим кожушкой. – Что же я матери-то твоей скажу и отцу? Все, миленькая, больше немцы сюда не сунутся, никого не бойся. А как поезда пойдут, отправитесь с Оксаной на Урал, там вам лучше будет. А мне добывать фашистов надо, ухожу с армией. Бог даст, встретимся.

Партизаны уничтожили спящих немцев, зарыли их наспех подальше от пасеки, и ушли. Оксана не напоминала Ане о случившемся. Они с пасеки перебрались в поселок. Осень была ветреная, холодная, на себя надевали все, что можно было надеть. Однажды, это было уже в конце декабря, Оксана поняла - Аня беременна. Как сказать это девочке, чтоб не напугать?

Как только Аня поняла - случилось непоправимое, она решила покончить с собой. Немало усилий пришлось приложить Оксане, чтобы отвести беду.

- Аннушка, если хочешь, я возьму этого ребенка и воспитаю его, а ты забудешь, - предложила Оксана. – У меня все равно никого нет, а тебе еще жить.

На другой день они обе вернулись на пасеку, чтобы «не мозолить глаза людям» и избежать расспросов.

Потеря

Жарким летним утром 1944 года на свет появилась девочка. Аня отказывалась кормить «фашистское отродье», но опять же, Оксана смогла уговорить ее. Никто в поселке даже не усомнился, что ребенок Оксанин. Так пролетело несколько месяцев, Аня пошла в пятый класс.

Когда из дома она получила первое письмо от матери, радости не было предела. Правда, не только хорошие новости были в письме. Отца призвали на войну, а через месяц пришла похоронка. Младший братишка учился в пятом классе.

- Я была бы уже в восьмом, если бы не война... - подумала Аня.

Мать звала Аню домой вместе с Оксаной. Из Киева уже можно было на поезде ехать на восток. На фронт Оксана написала мужу, что у них родилась дочка, и она с Аней уезжает на его родину, просила писать туда.

В поезде было битком. С трудом они отвоевали место в уголке вагона. Сидели по очереди, а маленькая Галочка спала. На третий день путешествия заболела Оксана, от нее так и несло жаром. Раненый военный спросил, нет ли врача в вагоне. Нашелся старенький фельдшер. Он осмотрел больную и бросил коротко: «Тиф!» На следующей станции их высадили. Вместо станции - чистое поле и искореженный металл, только торчащие трубы напоминали о том, что здесь жили люди.

Аня не знает, сколько часов прошло, для нее время остановилось. Она не заметила, когда к ней подошли женщины, с черными от копоти лицами. Кто-то забрал у нее ребенка, кто-то поднял ее, сунув в руки сухарь.

Анна спала долго. Проснувшись и первым делом спросила у старушки, сидевшей возле топчана, где ребенок.

- Та спит дите, а матка твоя вмерла, зарыли девки за бором. Куды ж ты с дитем така молоденька?

- Домой поеду, на Урал.

Дома

Неделю прожила она в землянке среди добрых сердобольных украинок, которые делили с ней кров и пищу. Они потом проводили ее до места, где была когда-то станция, там останавливались поезда. Уговорили начальника санитарного поезда взять Анну с ребенком. Он разрешил, но с условием, что девушка, пока едет, будет помогать санитарам.

Поезд прибыл в Пермь, когда снег вокруг таял. Как добиралась девчонка с ребенком на руках до родного дома, знают те, кто

пережил войну в этих местах. Через Каму путь был уже закрыт, поэтому, где пешком, где на случайной подводе, ночуя в разных избах, через Нытву, она вернулась в Оханск. Это чудо, что на долгом пути с Украины ни она, ни ребенок не заболели.

Мать, увидев дочь на пороге, бросилась к ней и заплакала. Она провожала на Украину совсем еще ребенка, а сейчас видела перед собой измученного и взрослого человека.

- Где Оксана, дочка? – спросила она сквозь слезы.

- Потом, мама, все потом, - вымолвила Анна, и обессилено упала на кровать.

Спала целые сутки. Мать боялась, что дочка вовсе не проснет-ся. Она постоянно посылала младшего, Петю, слушать, дышит ли Аня. Сама взялась за ребенка. Мыла, кормила, качала, не зная даже имени девочки.

Проснувшись, Аня не сразу поняла, где находится. Только увидев мать, успокоилась. Они долго сидели, обнявшись, на кровати. Дочь рассказала матери, как жила в оккупации, как пришли немцы, как они с Оксаной отправились в путь, и она заболела. Об одном не рассказала – о том, что случилось на пасеке. Мать тоже решила, что Галочка – дочка Оксаны.

- Ничего, Анечка, вот скоро война кончится, и вернется твой дядя домой. Сам будет дочку воспитывать, а мы поможем.

Но не вернулся дядя, ни в 45-м, ни позже. Пропал без вести еще в мае 1944 года – так было написано в извещении, пришедшем только в 1946 году. Задержалась где-то почта.

- Это будет моя дочка, - заявила Аня, поняв, что Галочка осталась одна.

- Получается, что ты стала матерью в 13 лет. Да где это видано? – возмутилась мать. А что я соседям-то скажу?

- А мы переедем в Юго-Камск, и никто знать ничего не будет. Да и тебе, мама, будет легче, не так часто папу нашего будешь вспоминать, а то здесь каждая дощечка помнит его руки.

Прощение

- Так ты и стала уже официально и по-настоящему моей дочкой. Поняла, кто был твой отец?

- Мамочка, но в этом нет твоей вины, - Галина обняла сухонькое тело матери и тоже заплакала. – Я же на тебя похожа, все так говорили.

- У тебя глаза отцовские, я их на всю жизнь запомнила, синие глаза фашиста.

- Нет-нет, мама, я – твоя дочь и больше ничья.

- Дай слово, что расскажешь со временем тайну своего рождения кому-нибудь совсем постороннему, тогда и меня Бог простит.

В ту ночь Галина не уснула. Сама, уже, будучи бабушкой, она никак не могла поверить, что ее отец – фашист. В молодости она была очень бойкой, решительной, поэтому, может быть, и правильно, что мать не рассказала все это ей раньше.

Наутро Анны Владимировны не стало, ее лицо выглядело спокойным и безмятежным.

- Прости, мама, что я родилась и столько переживаний тебе принесла, прости, - только и сказала Галя, искренне в душе жалея самого родного человека, давшего ей жизнь – свою мать.

2015

Котенок

Нередко можно видеть на улицах нашего города брошенных котят или собачат. Они плачут, словно взывая людей к совести. Бегут за одним, за другим и просят: «Возьмите меня!». Даже у взрослых не выдерживают нервы, а что говорить о детях, которых учат доброте в детском саду и в школе, а на деле взрослые, бывает, преподносят им уроки жестокости.

По осенней улице бежала девочка в ярком зеленом пальтишке, а по пятам за ней «катился» темно-серенький пушистый комочек. Прохожие с улыбкой смотрели на эту пару. Неожиданно из-за угла им навстречу вышла женщина в модной красивой одежде. Девочка приостановила бег, она знала, что сейчас мама будет ругаться, ведь она запретила ей дружить с животными.

Котенок, как нарочно, начал тереться об ноги девочки и громко мурлыкать.

- Наташа, сколько раз я тебя просила, не таскаться с собаками и кошками, - обратилась дама к дочери тоном, не терпящим возражений. - Всякую заразу в дом тащишь. Сегодня в наказание не получишь сладкого. Потом поговорим. А сейчас марш на урок, и так, наверное, опоздала. - Она повернулась и пошла по направлению к дому.

Девочка схватила котенка и крепко прижала к себе. Он прибился к ней несколько дней назад, когда она шла из школы. Наташа очень надеялась, что мама разрешит оставить его, но та схватила котенка и с силой вышвырнула его на улицу, да так, что он уда-

рился об забор и, мяукая, побрел восвояси.

- Мама! – закричала Наташа, - ему же больно, тебе бы так. У тебя, наверное, никогда не было в доме животных. - Она выскочила из дверей и побежала туда, где скрылся котенок.

Малыш сидел у дороги и зализывал ушибленное место. Девочка погладила его, и он замурлыкал в ответ.

- Ты будешь мой Дружок, ладно? Я сейчас тебя спрячу куда-нибудь и накормлю, - сказала она и понесла его обратно. За сарайчиком стоял ее детский домик, который построил дедушка, когда она была совсем маленькой. Вот туда она и пристроила Дружка. Жаль было ей котенка, который остался совсем один.

Наташа пришла домой, разделась. Она не могла смотреть на маму, ведь девочка считала ее самой доброй, самой красивой, самой справедливой. Как же она могла выбросить такое беззащитное создание на улицу? Ее душили слезы. Она кинулась на кровать и закрыла голову подушкой.

- Наташа, что это за выходки? – спросила мать, войдя в детскую комнату. – Что за истерика? Впредь запомни – никаких кошек и никаких собак в доме не потерплю! Пока я здесь хозяйка. Быстро вымой руки с мылом и садись за стол.

Успокоившись, девочка кое-как поела, не забыв спрятать от материнских глаз котлету, даже мясо из супа достала. Буркнув, что пошла к подружке за книжкой, оделась и вышла. Бегом пробежала за сарай и скрылась в домике. Котенок спал, дергая во сне лапками и смешно шевеля усами. Наташа погладила его, и он проснулся, потягиваясь на скамеечке.

- Давай, Дружок, поешь, а то ты совсем голодный. – Она подкладывала ему маленькие кусочки и наблюдала, чтобы ничего не упало на пол. – Завтра принесу тебе подстилку, а сегодня ложись на мой шарфик, он теплый, не замерзнешь.

Так продолжалось целую неделю. Девочка забегала в домик, когда шла в школу, заходила после уроков, не забывала его кормить и поить. На деньги, которые ей дала бабушка, купила для котенка несколько пакетиков кошачьего корма.

И вот надо же сегодня было попасть на глаза маме в такой не-

подходящий момент. Наташа знала – мама вне себя, но выложит все, что думает по этому поводу, после возвращения дочери домой. Остаться без сладкого ради друга, Наташа была готова. Она бережно несла котенка и одна мысль терзала ее: как же она на урок пойдет с ним, педагог не пустит. И тут возле почты увидела соседского Дениску.

- Дениска, ты можешь посидеть с котенком один час, пока я на урок в музыкалку схожу?

- А что ты мне за это дашь? – Он ехидно улыбался, и веснушки на его лице аж плясали от смеха.

- Завтра в школе конфету получишь, - пообещала Наташа, сунув в руки парнишке Дружку.

После урока они вместе шли до дома, Наташа не знала, сможет ли пробраться мимо кухонных окон незамеченной. Тогда Дениска пошел к дверям, чтобы отвлечь хозяйку, а девочка – в домик.

Весь вечер потом мама в никуда жаловалась на судьбу, которая подарила ей такую жестокую дочку. Наташе было не жалко маму, ведь ее никто не кидал на забор и не выгонял из дома. Ночью она снова прокручивала ту сцену, и слезы лились из ее глаз. Она не разговаривала с мамой и очень ждала папу, который работал вахтовым методом и приезжал домой раз в две недели.

Сосед Денис навевался к Наташе, он теперь был тоже с ней в заговоре. Его семья жила очень скромно, но и он иногда что-нибудь приносил Дружку.

Прошла еще неделя. К выходным приехал папа, и Наташа не отходила от него. Ей хотелось поговорить с ним, посоветоваться. Но первые дни с ним постоянно рядом находилась мама. Девочка не могла ему рассказать о своей обиде. Мама, конечно, пожаловалась на дочь, сказала, что она жестокая девочка и не слушает никого, часто из дома уходит.

На третий день, когда Наташа уже лежала в постели, отец зашел к ней. Дочка обхватила его крепко за шею, потом заплакала.

- Что ты, Наталка, плачешь? Какая муха тебя укусила? Рассказывай, что случилось.

И девочка, глотая слезы, рассказала, как мама выбросила ко-

тенка, который прибежал за ней. Как лишила за это сладкого, и как они с Дениской ухаживают за ним.

- Папочка, котенок такой маленький, хорошенький, за что мама его так? Он же ничего ей не сделал. Вы меня учили любить животных, а сами их не любите. У мамы в комнате портрет собаки висит, зачем? Она же никого не любит. Вот возьму и умру вместе с котенком.

- Доченька, успокойся, - папа гладил по голове своей теплой рукой. – Маму тоже надо понять. Когда-то погибла ее любимая собака. Они жили тогда в деревне и часто бегали купаться. Однажды мама, она была такая же, примерно, как ты сейчас, попала на речке в яму, а плавать не умела. Барахталась, как могла, кричала, и уже начала тонуть. Собака, которую она привязала к стволу березки, сумела оборваться и кинулась в речку спасать хозяйку. И она ее вытащила. Из деревни на крик уже бежали люди. Мама твоя успела нахлебаться. Пока с ней возились, про собаку никто не вспомнил. Когда мама очнулась, первый вопрос ее: «Где Герда?» Только тогда начали искать ее спасительницу. Собака лежала в луже крови под березкой и тяжело дышала. Видимо, зацепилась за что-то острое, пока тащила маленькую хозяйку. Не удалось Герду спасти. У мамы был тогда долгий нервный срыв. С той поры она не хочет брать в дом никаких животных, чтобы не волноваться за их судьбу. И тебя хочет оградить от этого. А что касается того, что котенок ударился об забор, так это она сгоряча силы не рассчитала. Помиришься с ней, Наташа, ведь ближе мамы для человека никого нет, запомни это. Мама всегда поймет и простит.

Наташа уснула, и снилось ей, как она спасает своего Дружка от хулиганов, как они вместе лазают по деревьям, играют в прятки. Утром она пробралась к маме в комнату, погладила ее по руке:

- Мамочка, я все знаю про твою Герду, прости меня, пожалуйста. – Мама обняла ее и всхлипнула. – А почему ты плачешь? Я тебя люблю, и животных тоже люблю. Их пожалеть надо, ты же сама говорила, что это наши младшие братья, и в школе об этом говорят.

- И ты меня прости, дочка, я была не права. Только знай – нельзя сильно привязываться ни к людям, ни к животным, потому что потом очень трудно расставаться. Неси уж своего котенка, где ты его держишь? Только учти, ходить и убирать за ним будешь сама.

- Все-все буду делать, мамочка! Сейчас я за ним сбегаю, - крикнула девочка на ходу.

Наташа занесла Дружка в дом, поставила на пол. Он начал ози- раться, нюхать каждую вещь, смешно отпрыгивать от того, что ему было не знакомо.

- Корми своего котенка, да беги в школу, а то опоздаешь.

- Мама, его Дружком зовут, он ласковый и мурлыкать любит.

- Что ж по-собачьи его назвала? Может, лучше, Барсик или Васька?

- Нет, пусть останется Дружком.

Вечером в гости прибежал Дениска, и они вместе долго играли с котенком. Папа с мамой, улыбаясь, смотрели на это. Мир в доме был восстановлен. А в детской на стене появился портрет в рамке маленького Дружка.

2016

Отыгралась судьба на сыне

Николай Ефимович остолбенел, когда увидел выходящего из магазина старого знакомого.

- Нисколько же тебя жизнь не изменила, - подумал зло. - Как огурчик, не расплылся, лицо почти не помято временем.

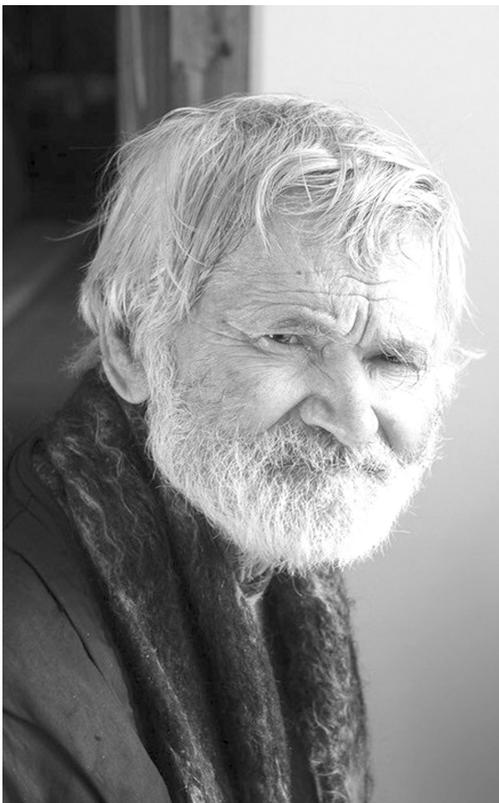
Рядом с ним семенила женщина невысокого роста на высоких каблуках. Она выглядела намного моложе своего спутника.

- Ишь ты, видно, молодуху завел, небось, старую оставил давно, - продолжал он размышлять про себя, не выпуская из виду парочку.

В нем боролись смешанные чувства. Хотелось подойти и плюнуть этому

человеку в лицо или громко крикнуть, чтобы слышали все: «Это он угробил десятки людей. Бойтесь его!» Ни того, ни другого он, естественно, не сделал, хотя слишком свежо было в памяти все, что произошло с ним по воле этого человека много лет назад.

Левины обычно на летние каникулы отправляли детей из областного центра к своим родителям, в деревню под Оханск. Так было и летом 1936 года. С двумя школьниками уехал в деревню и самый маленький член семьи, Николка, которому только-только исполнилось четыре годика. Ребята уютно чувствовали себя на природе.

Казалось бы, что может запомнить четырехлетний ребенок? А вот как раз он и запомнил больше всех из того, что происходило тогда.

Накануне учебного года, как всегда, мальчишки ждали родителей, чтобы поехать с ними домой. Но проходили дни за днями, никто за ними не ехал. Как-то вечером к дому подкатила грузовая машина. Тогда машины были редкостью, поэтому сразу же собралась толпа. Из кабины вышел франтоватый человек со злым выражением на лице.

- Кто тут Левины будут? – назвал он имя и отчество деда, при этом смачно сплюнул под ноги.

- Мы Левины, а что такое? - в голос спросили дедушка с бабушкой.

- Собирайтесь живо, и в машину. Вы арестованы! - приказал и отвернулся.

- Как собираться, у нас дети, а их-то куда?

- И щенков туда же, это вражеское отродье. Ваш сын уже показания дает, - из машины вышли еще трое. В толпе послышался ропот и вопли: «По какому праву? Кто вы такой?»

- Я майор Саврасов, - заорал он, - и выполняю государственный приказ. Врагов надо истреблять.

Пока шли пререкания, кто-то под шумок оттеснил Николку от родных, потом Юрка, десятилетний парнишка с дальнего конца деревни, потащил мальчика за дом и прикрыл ему рот рукой, чтобы не кричал.

А Саврасов уже рвал и метал, когда понял, что одного из детей спрятали. Он вместе со своими прислужниками бегал по дворам и кричал, что подожжет деревню, если не найдет парня.

Не нашли. Так и уехали, когда совсем стемнело. Николку Юрка до той поры держал в кустах, и только потом потащил к себе домой, а тот начал сопротивляться, кричать. Он понял, что остался один, а дедушку с бабушкой и братьев куда-то увез этот злой человек по фамилии Саврасов.

Николка так и остался в деревне. Вырастила его незамужняя тетка Устинья, у которой не было ни кола, ни двора, и она перебралась в избу Николкиных стариков. Даже фамилию Николке

менять не пришлось, Левиных было много. У мальчика оказалась очень хорошая память, он любил рисовать, особенно ему нравилось изображать на бумаге знакомых людей. Однажды он по памяти изобразил того самого Саврасова, который, как говорили в деревне, раскулачил Левиных, хоть и не были они никогда кулаками. Так и не узнал тогда Николка, куда подевались его родные.

Он был в третьем классе, когда в деревню на «черном воронке» снова приехали представители ОГПУ. Они собрали народ, много говорили о бдительности, о врагах, которые пробрались даже в глубинку. Кто-то из толпы задал вопрос: «А куда девали наших Левиных, что забрали в 36-м?». По холеному лицу Саврасова прошла тень.

- Их сын вместе с женой были связаны с иностранной разведкой и устраивали на заводе аварии, - сказал он. - А, как известно, яблоко от яблони недалеко падает. Таковы же и их сыновья, хоть и совсем еще дети, это будущие враги нашего государства и не должны жить среди нас.

Толпа зашумела, но в этот момент все увидели, как со стороны Оханска несется всадник и что-то кричит.

- Война, товарищи, война! – продолжал парень все еще выкрикивать это на высоких нотах, уже остановившись и соскочив с коня.

Приезжих будто ветром сдуло. Они быстро сели в машину и уехали, оставив после себя только облако пыли. И опять Николка, словно сфотографировал лицо Саврасова. И снова изобразил его на другой стороне того же листочка бумаги, а потом положил в бабушкин сундук.

В свободное от учебы время мальчик с удовольствием помогал конюху ухаживать за лошадьми. Тот ему доверял, и иногда одного отправлял на поле увезти чего-нибудь или съездить за водой на речку.

Всем тяжело было в войну. Когда пришла долгожданная победа, радости ни Николка, ни тетка Устинья не испытывали. Жили так же, впроголодь, одежда – только грехи прикрывала. После семилетки Николай хотел остаться в колхозе, но председатель настоял, чтобы ехал приобретать специальность, не гоже с такой светлой головой в конюхах ходить. В ремесленном училище вы-

дали форму и довольно сносно кормили, поэтому мальчишка подрос, возмужал.

Его тянуло съездить в Мотовилиху, в тот дом, где он жил в раннем детстве вместе с родителями и братьями, но каждый раз что-то внутри останавливало. И все-таки решился, правда, поехал не один, а с товарищем. Адрес он нашел в бабушкином сундуке на конверте, положил туда и рисованные «портреты» Саврасова, хотел запомнить на всю жизнь лицо человека, погубившего его семью.

Он спросил у нескольких жильцов, не помнят ли они Левиных, у которых было трое сыновей. Те испуганно мотали головами, не желая разговаривать с пареньками. Удрученные неудачей, ребята пошли восвояси. За углом их догнал дворник. Он попросил идти за ним. Пройдя с квартал, остановился возле частного дома и пригласил присесть на скамейку.

- Зачем вам Левины? Кто они вам? – спросил он, закуривая сигарету.

- Я их сын, - признался Николка.

- Вот те на! А Саврасов говорил, будто сгинули они бесследно в войну.

- Опять Саврасов! Когда Вы его видели? – Николка даже зуд почувствовал, до того хотелось увидеть того самого Саврасова.

- Он жил в этом доме, и твой отец как-то посмел возразить этому господину, заступившись за меня. Через день его вместе с женой арестовали, объявив врагами народа. Он сказал, что и детей забрали в деревне. Год назад Саврасов с семьей уехал куда-то, никто не знает, в какую сторону. Жильцы до сих пор боятся. Вдруг он кого-нибудь своим информатором здесь оставил. Я, честно признаться, и сам боюсь.

- А меня деревенские спасли, - сказал Николка. - Я же самый младший, мне было тогда четыре года. Хочется найти хоть одного родного человека. А Саврасова я в лицо запомнил.

- Ой, парень, не суй ты голову, не ровен час... Да и где ты его найдешь, страна большая? Если что, заходи ко мне в гости, я в подвале так и живу, может, о близких твоих что-нибудь узнаю. У меня-то никого не осталось. Жена в войну на заводе погибла, а сын с

переднего края не вернулся, остался на чужой земле. Живу бобылем, - дворник встал и, не оборачиваясь, пошел в сторону дома.

Николка с другом, молча, вернулись в общежитие, так же, молча, поужинали и легли спать. Говорить не хотелось. Мысленно Николай простился с родными, он понимал, что остался один на свете, и надежды нет, хотя до этого дня она была.

- Слушай, Николка, - вдруг заговорил товарищ. – А поехали ко мне в Березовку, нас там хорошо встретят, у меня знаешь, какие родители! Мамка в колхозе работает, а батя с войны пришел раненый, у него одна нога до колена обрезана. Так он протез сделал деревянный и «летает» на своем мотоцикле по деревням, он у меня председатель сельсовета. Сестра замуж вышла, уехала на Украину. Так что я один, вместе бы работать начали, от нас завод недалеко.

- Нет, Витя. Не могу я. Попробую запросы сделать. Что на меня есть? Да ничего. О том, что родители - враги народа, я мог и не знать в силу возраста, даже родителей мог не помнить. Какие ко мне претензии? Сам Сталин говорил, что дети за родителей не в ответе.

Пролетело время учебы. Николая оставили в городе, он сам попросился на Мотовилихинский завод, где когда-то работал его отец. Немного освоившись, решил откровенно поговорить с профсоюзным лидером цеха, рассказал о родителях и желании, хоть что-то узнать об их судьбе и братьев.

Время шло, но никаких новостей не поступало. В выходной день решил Николай проведать дворника. А тот ему выложил сразу главную новость – старший брат Николки нашелся! Парень взял письмо, оно было адресовано Левиным с припиской (или дворнику Тимофею).

- Здравствуйте члены семьи Левиных!

Пишет вам медсестра Саратовского военного госпиталя Юлия. Дело в том, что к нам поступил не так давно Левин Георгий Ефимович, 1924 года рождения. Его уже несколько лет перебрасывают из одного медучреждения в другое. Я пишу за него, потому что сам он сделать этого не может, у него нет обеих рук. Он почему-то уверен, что найдет кого-то из родных. Он жил в Сибири с ба-

бушкой и дедом, которые умерли еще до войны. На фронт его не брали, в 43 году он ушел добровольцем, но вскоре его перевели в штрафбат, известно, по какой причине.

Часть бросили на защиту Ленинградской области. Дважды был ранен легко и один раз серьезно. После лечения попал под Кишинев, потом воевал в Европе. В начале 1945 года в одном из боев поймал гранату, летящую в окоп, отбросил ее, но не успел спрятаться, одну руку оторвало сразу, а другую раздробило так, что и собрать не могли, голову спасла каска. Он остался жить, но без рук. Вот и возят его сейчас по медучреждениям. Наверное, после нас будут оформлять в дом инвалидов войны.

Один специалист к нам приезжал, обещал на левую руку сделать протез, а за правую не взялся, потому что там не за что зацепиться, удалена до основания. Пишу в надежде, что кто-нибудь откликнется. Георгию дома было бы намного лучше, чем в казенном доме. Он хороший человек, но душа у него изранена. Он никого из своего дома не помнит, кроме дворника, дружил когда-то с его сыном.

Николка прочитал письмо. Он готов был прямо сейчас броситься в тот самый Саратов и забрать брата. Но куда? Сам он пока живет в общежитии, в комнате на четверых.

- А ты, Николай, сходи в профком и партком, может, выделят хоть какую-то жилплощадь, ведь отец твой там работал, да и ты не собираешься убегать с производства, - посоветовал Тимофей.

На другой день Николай пришел в партком, объяснил ситуацию. Один из членов парткома помнил его отца, поэтому сразу предложил найти уголок для его сыновей. Ответ обещали дать через неделю.

Дни тянулись для парня, как годы. Наконец, его вызвали в партком и сказали, что за ним оставляют комнату в общежитии, где он живет в настоящее время, а остальных ребят расселят по другим. В цехе товарищи собрали ему деньги на дорогу и кое-какую провизию, начальник цеха дал две недели отпуска.

Невозможно описать, как встретились братья, разлученные

насиленно еще в детстве. Пришлось несколько дней Николаю пожить в Саратове, пока не привезут протез брату. Ночевал на вокзале. Наконец, документы были получены, и братья отправились домой. В поезде они не могли наговориться, столько надо было друг другу рассказать. Николай видел седой чуб Жоры, горькие складки возле губ, следы осколков на лице, кто бы мог подумать, что этому человеку всего 24 года, а выглядел он стариком. Окружающие думали, едут сын с отцом.

Парню многие говорили, что лучше бы брат оставался в среде инвалидов, а ему, молодому, ни к чему такая обуза, на что Николай неизменно отвечал: - - «Это мой брат и единственное, что у меня осталось от семьи».

Трудно было братьям первое время. Николай вставал затемно, чтобы приготовить еду для Жоры, накормить его, умыть. В обед приходил покормить брата дядя Тимофей и каждый раз приговаривал: «Вот бы и мой сын вернулся, принял бы его в любом состоянии. Не повезло моему парню. А ты держись. Правильный у тебя братишка вырос. А я к тебе, как к сыну отношусь, вы с моим-то вместе бегали в детстве. Знаешь, что давай-ка будем учиться себя обихаживать, потихоньку, помаленьку. Ты меня не стесняйся. Сделаем такой сюрприз Николке, он за тебя будет очень рад. Главное, желание. Ну, как ты?

- Согласен, дядя Тимофей. Мне и самому неудобно, хочется ему чем-то помочь, а чем – не знаю.

Так день за днем они начали выполнять свою программу. Дворник сконструировал нехитрое приспособление, чтобы Георгий мог брать что-то рукой, пригласил знакомого конструктора с завода, который в порядке шефства решил попробовать изладить металлическое облачение со встроенной искусственной рукой на шарнирах.

Через месяц принес свою модель на примерку. Конечно, конструкция была тяжеловата, но другого на тот момент придумать было нельзя. У Жоры глаза даже засветились. Потом конструктор облегчил каркас, заменив некоторые детали на кожаные.

В общем, «сделали» Жоре руки. Больше всех радовался, навер-

ное, Николка. Теперь он хотел, чтобы Жора работал по силе- возможности и с людьми общался. И опять помогли ребята с завода. Нашли на окраине кузню, где меха качают ногами, уговорили заведующего взять Левина. Вначале дело продвигалось медленно, потом все лучше начали работать ноги, Жора ежедневно делал зарядку, даже пробежки стали для него привычными, да и Николая он тоже заставил бегать.

Пришел день, когда принес в дом первую зарплату. Это был праздник, на который пригласили и дядю Тимофея, и конструктора, и товарищей с завода. За Жору радовались все.

- Вы знаете, я ведь не раз с жизнью прощался, пока меня из одного госпиталя перебрасывали в другой, третий. Не хотелось жить, честное слово. Если б не Коля, меня бы, скорей всего, не было на свете. Кому нужен инвалид без рук? Спасибо вам, братцы, спасибо дядя Тимофей, я жизнь увидел, - сказал со слезами на глазах Георгий.

И еще одно событие прибавило настроения брату, когда из военкомата пришли к нему, чтобы вручить медаль «За боевые заслуги» и орден Красного Знамени. Награды «ходили» за ним по всем местам, куда его переправляли.

В ту ночь братья не спали. Жора первый раз рассказывал о фронте, о потерянных друзьях. И, самое главное, он поведал, наконец, о судьбе семьи. Он держал все в себе, и вот подходящий случай подвернулся.

Родителей расстреляли почти сразу после ареста, а детей с бабушкой и дедушкой отправили в Сибирь. Вначале везли в скотских вагонах, потом на палубе парохода за решеткой, как бандитов. Осенью было уже холодно, ни теплой одежды, ни укрытия. Стражи не давали выходить, только по нужде. Высадили посреди леса. Люди не растерялись. Оказались среди сосланных и мастеровые люди, и охотники, и крестьяне. Вырыли землянки временно. Плохо было с едой, где ее взять глубокой осенью? Но выручили охотники. Наделали стрел и что-то вроде арбалетов. На медведя ходили с рогатинами. Жили колхозом. Все шло в общий котел. Иначе было

просто не выжить. Чтобы не заболеть цингой, заваривали и пили хвою.

Однажды к ним забрел охотник из ближнего поселка, находящегося в 50 километрах. Увидев, как живут эти люди, пообещал помочь хоть чем-то. Его предки были сосланы в Сибирь вместе с декабристами, он уже здесь родился.

Охотник слово сдержал. Только река встала, на двух подводах привез лопаты, грабли, косы, пилу, кое-какую одежду и, чем удивил весь колхоз – семена ржи, гороха, овса и других культур.

- Это мы всем поселком собирали, уж не обессудьте, кто что мог... – сказал он и поклонился. Три дня жил у них охотник, много чего рассказал, многому научил мужиков.

Всю зиму валили деревья, делали заготовки для строительства. Весной разработали приличный участок земли, посеяли семена. Так и жили. В первый год многие умерли, кто от болезни, кто от голода, кто от тоски.

Постепенно жизнь налаживалась. Начальства никакого вначале не видели, а когда поселок вырос, были построены избы, появились и душеприказчики. Поселок стал носить название «Таежный». Создали сельсовет, двух милиционеров прислали, для них пришлось отдельный дом ставить. Школу открыли сами. Нашлась среди поселенцев учительница, а также были академик, художник, агроном, врач и два священнослужителя.

Перед войной в 1940 году дед Левин сильно застудился. Никакие снадобья не помогали. Так и угас. Следом и бабушка «богу душу отдала». Остались братья вдвоем, а через полгода война грянула. С поселка парней начали призывать. Георгий сам просился, но ему отказали, хотя других ребят брали. Та и разница, что у него родители были расстреляны, а у тех еще отбывали свой срок в лагерях. Брат, что на два года моложе, тоже хотел воевать. Телом он был крупнее старшего брата, поэтому в 15 лет выглядел на все 17, а то и 18. Он сбежал однажды из дома, прибил к какой-то части и уехал на фронт, с дороги письмо написал. В 42-м пришла на него похоронка, погиб под Смоленском, а ему было-то всего 16.

Шли годы. Николай обзавелся семьей, первого сына назвал Ефимом в честь отца, а второго Алексеем – в честь погибшего брата. Георгий тоже встретил свою судьбу. Наташа стала его второй половинкой. Все у них ладилось, да только не все хотели честно жить. Поздним осенним вечером, когда Жора возвращался с работы, попался он на глаза группе подвыпивших парней. Они следом за ним вышли из трамвая и в безлюдном переулке наскочили сзади. Жестоко и зло били безрукого человека, зная, что он не сможет ответить тем же. Они пинали его до тех пор, пока он не перестал сопротивляться.

Нашли его утром, он еще подавал признаки жизни. В больнице Жору привели в чувство, но каждый вздох ему давался с трудом. Там и нашли его Николай с Наташей.

- Спасибо, брат, за все, что ты сделал для меня, - прошептал он и совсем тихо: Прости, Наташа...

Похоронили Жору рядом с дядей Тимофеем. Наташа ждала ребенка, поэтому Николай настоял, чтобы она переехала на время к ним.

Майским утром 1955 года появилась на свет светловолосая девчушка с жоркиными глазами и такой же, как у него, ямочкой на подбородке. Дали ей имя Майя.

Однажды решили Левины съездить в деревню, проведать могилку тетки Устиньи, для Николая она была матерью, взрастившей его. Ехали на кефали. Ночевали в Оханском Доме приезжих, а утром направились на рынок. Было воскресенье, и была возможность с кем-нибудь доехать на подводе до кладбища. Нашелся такой мужик, но сказал – поедет не раньше полудня.

Время было, и направился Николай в круглый магазин. И вот такая встреча с Саврасовым. Он проследил, куда тот зашел и побежал в милицию. Сумбурно все объяснил, но дежурный понял - надо человека какого-то задержать до выяснения.

Вдвоем с милиционером они постучали в дом. Дверь открыла та самая молодуха, что шла рядом с Саврасовым.

- Здесь проживает Саврасов?

- Здесь, проходите.

- Саврасов сидел с паяльником в руке возле старенького радиоприемника и явно гостей не ждал.

- Ваши документы, - строго сказал милиционер. Он прочитал их и вернул владельцу.

- Это Саврасов, но не тот, кого Вы ищете, - обратился к Николаю. – Он родился в 1926 году и никак не мог до войны работать в ЧК.

- Чекистом был мой отец, - сказал Саврасов младший. – Его убили три года назад вместе с мамой в Свердловске, я просто на него очень похож, все так говорят.

С одной стороны, Николай в душе почувствовал торжество, Саврасова убили, вроде, возмездие свершилось, с другой – жаль, потому что хотелось все-таки посмотреть ему в глаза. А сын, это видно, по характеру явно не в отца пошел, скромный, спокойный, хотя выглядит очень плохо, наверное, болеет.

- Вы простите Ивана, он не очень разговорчив, - извинилась жена, провожая незваных гостей. – Слаб легкими, это у него с детства. Как видите, он и выглядит намного старше своих лет. Мы здесь с моими родителями живем, воздух чистый, может, на поправку пойдет Иван. Отец его, конечно, был крутой, а больше детей у них не было.

- Отыгралась жизнь на его сыне, - только и сказал в ответ на это Николай.

Эта встреча произошла в 1977 году, а теперь самому Николаю Ефимовичу уже за 80. Он помнит, что было когда-то, но напрочь забывает, пообедал ли он сегодня. Он считает, что теперь много их, Левиных, на свете от одного корня. От двух его сыновей родились еще пять – все парни, а затем и правнуки пошли. А у Майи, дочери Георгия, двойняшки, девочка и мальчик, и они уже пустили свои корни. Так что жив род Левиных, а сохранить его помогли добрые люди, встретившиеся на пути Николая Ефимовича.

2016

Мама Наташа

Пожилой мужчина, устало облокотившись на березу, смотрел по сторонам. Рядом стояла дорожная сумка. Он не просто смотрел, а будто жадно впитывал в себя воздух, внимательно разглядывая здание аптеки, затем взгляд его скользнул в сторону колледжа, и на лице появилось что-то вроде улыбки.

Мне надоело наблюдать за ним, к тому же показался автобус, водитель которого вез мне пакет. Пассажиры вышли, я получила свой пакет и, обгоняя знакомую, направилась к дому.

- Женщины, не скажете, где тут гостиница? – обратился к нам мужчина. Мы объяснили и посоветовали воспользоваться такси, возле автостанции в это время как раз стояли две машины.

На другой день мы случайно столкнулись с ним в магазине «Пятерочка».

- Вы меня не узнали? – спросил он на выходе из магазина. И, не дожидаясь моего ответа, сказал, что приехал в Оханск, потому что здесь родился и четыре года жил. Ему хочется найти мать, которая спасла его от неминуемой гибели.

Мне стало интересно, почему мать надо искать, он не с ней жил? Разговорились. Присели на скамеечку возле магазина.

- История моя очень запутанная, я и сам до конца не разобрался, вот потому и приехал сюда. Меня

Прохором Васильевичем звать, - отрекомендовался он поспешно. – Вначале я с отцом был, а потом детский дом прошел в Красноярске.

- Мать ищет, был с отцом, прошел детский дом... - неразбериха какая-то.

Мимо нас то и дело сновали люди, отвлекая. Нить разговора постоянно прерывалась. Идти в гостиницу не хотелось, стояла золотая осень. Мы нашли место в защитке.

Синаевы

Семья, а точнее семейная пара Синаевых была эвакуирована в Оханск поздней осенью 1941 года из Ленинграда. Жена была на последних месяцах беременности. На квартиру их приняли старики Шиловы, что жили на улице Красноармейской. Домик был низенький, под стать их росту, а квартиранту приходилось всякий раз нагибаться при входе в дверь.

Первая военная зима была очень холодная, это помнят все старожилы. Морозным январским утром на свет появился малыш, названный в честь деда Прохором. Мать увидела сына и заплакала. Роды проходили тяжело, она знала – век ее не долог, так было со всеми в ее роду по женской линии.

- Ровно неделю я был с матерью, у нее начались какие-то процессы, не совместимые с жизнью. Да что я в этом понимаю? - Прохор Васильевич замолчал, словно вспоминая что-то. - Одним словом, выписали меня одного. Отцу предлагали оставить меня в больнице, но он отказался. Принес меня в дом и тоже заплакал, не знал, что со мной делать. Старушка Шилова нашла кормилицу, у которой был маленький ребенок. Она сама приходила и кормила меня.

Весной Синаеву вручили повестку, принесли прямо на делянку, где он работал. Сейчас трудно представить, в какой безысходности находился молодой отец. Он был не против фронта, но на кого оставить сынишку, которому от роду три месяца? Пошел в военкомат. Ему посоветовали сдать на время сына в детдом, дали на обустройство ребенка две недели отсрочки.

На счастье, к старикам вернулась младшая дочь, муж которой погиб под Москвой, а детей у них не было. Все бросила и поехала к родителям.

- Ее звали Наташей, - продолжал Прохор Васильевич. - Если бы она приехала на неделю позже, я бы неминуемо тогда еще попал в детдом. Выжил бы или нет, никто не знает, крепким здоровьем-то я не

отличался. Наташа сразу взялась за дело, словно всю жизнь возилась с малышами. И я молчал в ее руках. Отец ушел на фронт успокоенный. Когда я начал говорить, первым словом было «мама», и понятно, что мамой была Наташа. Мне хорошо было с ней. А вот стариков – ее родителей, я не помню совсем, хотя они много для меня сделали.

Сирота

В 1946 году, после госпиталя в Оханск приехал Василий Прохорович Синаев за сыном. Был демобилизован из армии по инвалидности. Несколько раз его, израненного, вытаскивали с поля боя, не раз получал контузии, но всегда возвращался в строй. И было до боли обидно, когда на подступах к Берлину накрыла роту вражеская артиллерия. Его доставили в медсанбат почти бездыханного. Придя в себя, увидел возле кровати молоденькую медсестру. Он не знал, выжил ли кто-нибудь еще из роты. Когда к нему вернулись слух и голос, он сразу попросился на передовую. Женщина-доктор строго сказала, что его собрали, можно сказать, по частям. Еще неизвестно, чем это все закончится.

На следующий день его с группой тяжелораненых отправили в тыл, а сопровождающей поехала та самая сестричка, что ухаживала за ним. Красноярский госпиталь на многие месяцы стал его домом, а медсестра – тем человеком, без которого он уже и не мыслил дальнейшей жизни. Поэтому при выписке не возникло вопроса, куда идти. Жили в маленькой комнатке на два окна. Зарегистрировались, а потом им, как двум фронтовикам дали двухкомнатную квартиру. Немного оправившись, Василий Прохорович сказал жене о сыне, которого оставил в Оханске у чужих людей. Она восприняла это спокойно, зная, что детей у него больше не будет.

- Я почему-то запомнил большой сундук, на котором играл, - рассказывает Прохор Васильевич. - В дом вошел огромный дядя с медалями, с порога подбежал ко мне и схватил на руки. «Сынок, сыночек», - повторял он, обнимая меня, а я испугался и давай орать. Вбежала мама и остановилась в нерешительности. Я рвался к ней и кричал, что есть мочи. Потом, помню, отец дал мне кусок сахара и отпустил. Они о чем-то говорили, а я занят

был этим куском. Столько сладкого я еще не видел. Совершенно неосознанно запомнил из их разговора одну фразу, которую мама повторила несколько раз: «Я знала, когда-нибудь это случится...»

На другой день мы с отцом ходили по городу, по лесу, а мамы с нами не было. Не знаю, где она работала, но я почему-то запомнил много ниток, когда она брала меня однажды к себе на работу.

И еще помню, ехали мы с ней и отцом на какой-то телеге, потом переезжали на другой берег реки на лодке. И поезд помню, он увез меня от мамы Наташи. Я снова орал во всю силу легких, когда увидел, что она не садится в вагон.

- Не плачь, Проша, я приеду к тебе, - шептала она мне на ушко. В общем, тогда я весь вагон, как говорят, на уши поставил. Меня уговаривали, угощали, пытались сказки рассказывать и так далее. В конце концов, я замолчал. После этого болел долго.

Отец привез меня к себе домой, женщину, которая нас встретила, я должен был называть мамой. А у меня язык не поворачивался. Нет, она была неплохим человеком. Никогда меня не ругала, старалась на все мои выходки реагировать спокойно, без нервов. Так я ее никак и не называл, только «Она».

А во сне мальчик снова и снова звал маму, не мог ее забыть. В школе учился нормально, не отличник, но и не двоечник. С него большего и не требовали. Душевной болью своей и тоской он пробовал однажды поделиться с отцом, но тот только посмеялся, мол, ничего, привыкнешь. Тогда мальчик запрятал переживания в глубь себя, ведь отец все равно не понимал его, а с мачехой сокровенным делиться не хотелось. Мальчишка мечтал, как однажды выйдет на улицу и встретит маму Наташу. Он и потом часто видел ее во сне, она тянула к нему руки, но каждый раз на этом сон обрывался.

Прохору было 12 лет, когда не стало отца. Мальчик просил мачеху написать маме Наташе, чтобы она забрала его. Вместо этого она привела его в Красноярский детский дом. Он не сбегал, не дрался, не причинял беспокойства воспитателям и учителям, только замкнулся еще больше.

После семилетки парню выдали документы в детском доме. Вна-

чале профтехучилище, затем армия и долгие годы работы в шахте, а дальше семья, дети... Выйдя на пенсию, Прохор Васильевич решил найти маму Наташу или хоть что-то узнать о ней. Однажды, оказавшись в Красноярске, зашел в свой детский дом и попросил личное дело. Ни воспитателей, ни директора старого уже не было – давно вышли на пенсию. Молодая женщина, замещающая руководителя на время его отпуска, отправила бывшего воспитанника в городской архив, куда сданы были документы военных лет.

Сотрудница архива взяла его данные и попросила зайти дня через три. На его счастье, личное дело сохранилось. Кроме копии свидетельства о рождении, справки о смерти отца и заявления мачехи, в деле была тетрадь, написанная отцовской рукой. Вот из нее-то Прохор и узнал некоторые подробности о себе. Отец начал писать дневник с того времени, как привез сына в Красноярск. Последняя его запись кончалась днем, когда его увезли в больницу.

На малой родине

Семья и заботы не отпускали Прохора Васильевича. Детей у него народилось много, шесть сыночков и одна долгожданная дочка Наташка. И только сейчас, когда самому уже за 70, собрался Прохор Васильевич проведать свою малую родину. С войны даже в нашей глубинке многое изменилось. В первый день искал улицу и дом, где жил с мамой Наташей. Никто из встречных ему по дороге оханцев, не сказал, что улица Красноармейская после первого полета человека в космос, переименована в улицу Гагарина. Молодежь этого, скорей всего, не знает, да и те, кто проживает сейчас на бывшей Красноармейской, тоже не задумываются о том, как она называлась раньше.

- Больше всего обидно, что я даже поблагодарить этих людей не могу, не знал и сейчас не знаю, где их взять, - вздохнул Прохор Васильевич. - Отец, видимо, даже не писал маме Наташе и адрес свой не давал. Она бы непременно приехала, ведь обещала мне. Скорей всего, отец этого не хотел, умирать он не собирался, да и жену молодую, наверное, боялся потерять.

Перед отъездом из города П.В. Синаев сказал, что нашел, наконец, бывшую Красноармейскую улицу, даже дом один вспом-

нил, а вот домика, где жил когда-то, так и не обнаружил. Номера не знает, да и отец об этом не написал в своем дневнике. Скорее всего, на месте старого домишка давно стоит новый. Он был приятно удивлен тем, что в старых кварталах улицы Гагарина много зелени, рябин, и улица довольно чистая.

Прохор Васильевич говорил, что был однажды на работе у мамы Наташи и помнит много ниток. Это могла быть швейная фабрика или швейная мастерская. В районный архив сданы фабричные документы, но там тысячи людей, которые прошли через цеха фабрики. Бытового комбината в то время тоже не было, но в городе работала во время войны мастерская имени Крупской. До сегодняшнего дня ничего от нее уже не сохранилось, да и свидетелей вряд ли найдешь.

Возможно, мама Наташа вышла снова замуж и уехала из Оханска. По погибшему под Москвой мужу ее фамилия была Архипенко.

Когда я начала писать этот материал, рассказала эту историю пожилому человеку, жившему до 60-х годов прошлого века на соседней улице, Михаилу Ивановичу Косожихину. Он долго кряхтел, прежде чем сказал, что знал стариков Шиловых, а с Натальей учился в одном классе его старший брат Григорий, он погиб под Ельцом.

- Я помню мальчика у Шиловых, бабка гуляла с ним, когда мать на работе была. А Натальин это ребенок или нет, я и не задумывался. Самому было лет семь-восемь.

Как звали стариков, Михаил Иванович уже не помнит, но то, что первым ушел в мир иной хозяин дома, знает точно. Это случилось в 50-х годах. А когда Косожихины переезжали в другой район города, бабушка Шилова была еще жива, дочь жила с ней. И еще к ним в дом ходил какой-то мужчина. Возможно, он был мужем Натальи, а, может, сыном стариков. Больше Михаил Иванович ничего не вспомнил. Жаль, что он не встретился с Прохором Васильевичем. Поводил бы его по тем местам, где жил в детстве и, может, еще бы что-нибудь вспомнил. Свидетелей тех лет остается все меньше и меньше.

Верность и предательство

Полкан лежал на теле хозяина и никого не подпускал. Целый день пытались отогнать пса, но он бросался на всякого, кто приближался.

На второй день, когда уже хотели на собаку набросить сеть, в дом вошла соседка Мироновна,

только-только вернувшаяся от детей из краевого центра. Она подкармливала и собаку, и соседа заодно, поэтому Полкан ей доверял. Он и сейчас встрепенулся, увидев Мироновну.

- Полкан, поди поешь, небось, голодный сидишь какой день. Вот я тебе тут косточек принесла, да супчику. Пойдем, - говорила она нараспев, неспешно приближаясь к топчану.

Пес, нехотя, прыгнул и пошел к своей миске. Старушка прикрыла дверь. Пока собака ела, через окно вынесли труп хозяина, чтобы отправить его на экспертизу.

Собачья жизнь

Когда Полкана совсем маленьким щенком, взяли к себе первые хозяева, он по-щенячьи выразил свой восторг – громко залаял. Наконец-то ни братья, ни котята не будут ему мешать наслаждаться свободой.

Дом был довольно просторный, поэтому щенок бегал, прыгал. Его хорошо кормили, а по весне хозяин взял с собой в лес. Вот где была благодать! Бегай, сколько хочешь. Но так хорошо ему жилось только первые два года. Потом хозяева продали дом и уехали в неизвестном направлении, а Полкана отпустили.

Пес вначале думал, что ему просто дали возможность погулять, но когда ни через день, ни через два перед ним никто не открыл ворота, он загрустил. Была осень, начались дожди. Он не умел искать себе место, спал перед домом прямо на улице и ждал хозяина.

Однажды к дому подъехала машина. Полкан обрадовано бросился к ней, залаял радостно. Но мужчина, вышедший из кабины, ногой оттолкнул от себя собаку, грязно выругавшись. Пес взвизгнул и отскочил. Устроился неподалеку, наблюдая, как в дом заносят вещи. Это были чужие люди и чужие вещи.

День за днем Полкан подходил к дому. Как-то раз увидел, что ворота открыты. Он думал, это для него, и заскочил во двор. Никого. Он увидел свою будку и залез. Уже оттуда наблюдал, как на крыльцо вышел мужчина, закурил, закрыл ворота и удалился.

- Как же я? – подумал Полкан. – Он меня примет или снова выгонит?

Вспомнив счастливую жизнь, он заскулил жалобно. Ему хотелось есть. За весь день он подобрал лишь размокшую от дождя краюху хлеба. Пес, жалея себя, скулил все громче и громче. И доскулился.

Во двор вышел новый хозяин дома. Взял дубину, лежащую у крылечка, подошел к будке и застучал по крыше. Полкан вылез и сразу попал под удар. Он бегал по двору, визжал, лаял, а мужик бегал за ним. Наконец, пес забился в угол, дрожал и поскуливал. Мужик в бешенстве махал дубиной, словно пыль выбивал из ковра.

На шум во дворе обратил внимание прохожий. Он ткнулся в ворота – закрыто, толкнул боковую дверь и осторожно вошел. Увидев всю картину, без страха бросился на мужчину и выбил у него дубину из рук.

- Ты за что бьешь беззащитное животное? – закричал он на хозяина дома. – Самому-то не стыдно? Собака ответить тебе не может, а ты и рад. Тоже мне, хозяин.

- Это не моя собака, - закричал тот в ответ. – Трется здесь которую неделю. Чего ей надо?

Полкан сидел, зализывая в кровь ушибленные места. Его никогда раньше не били, ему было очень больно и обидно. Он толь-

ко сейчас понял, что бывший хозяин его просто предал.

Мужчины продолжали ругаться, а пес, увидев приоткрытую дверь, шмыгнул на улицу. Он своим собачьим умом понял, что прохожий – человек хороший. Может быть, ему нужен охранник? Так Полкан, пожалуйста, будет охранять, только бы под крышей жить.

Он перешел через дорогу и ждал. Вот прохожий вышел, и Полкан побрел за ним по другой стороне улицы, стараясь не выпускать из виду.

Когда дошли до покосившегося дома почти на окраине, мужчина оглянулся и увидел собаку.

- Ах ты, бедная твоя душа, убежал все-таки. Ну, и хозяин у тебя, - проворчал он. – Такой и убить может.

Полкану так хотелось крикнуть, что не хозяин это, но говорить по-человечески собаки не умеют. Пес подошел и лизнул руку тому, кто его спас от верной гибели.

- Как тебя звать, горемыка? Шарик, Тузик, Бобик, Полкан? Услышав свою кличку, собака встрепенулась и взвизгнула.

- Вот и познакомились. Ты, стало быть, Полкан. Так и буду звать. Если не так, не обессудь. А я Геннадий. Давай лапу, друг. Заходи в мои хоромы. Они, конечно, намного скромней твоих, но уж какие есть, - собака вошла в небольшой дворик, где в одном углу стоял старый навес.

- Мне теперь есть, с кем поговорить и кому душу излить. Живи, Полкан, если нравится, все лучше, чем по улицам шататься. Стало быть, тебя тоже предали, и меня предали самые близкие люди. Ничего, все переживем. Вот ложись, сейчас лопотину какую найду да постелю тебе, а завтра, может, конуру излажу. Сиди, я сейчас что-нибудь вынесу.

Он принес хлеб, кусочек сала, остатки черствой булки и положил перед собакой. Больше у него ничего не было. Но и за это Полкан был благодарен.

На другой день пес сопровождал своего нового хозяина до магазина. Пока сидел у дверей, какая-то бабушка пожалела его и кинула кусочек шанежки. Другая дала хлеба. Наконец, вышел хозяин.

- Полкан, пойдем похлебку варить, хватит жить всухомятку. Ты теперь – моя семья.

И, правда, он сварил суп. Поел сам и накормил Полкана. В тот день у пса не бурлило в животе от голода, и он сладко уснул.

Несчастье

Так и жили эти двое не один и не два года. Бывало, хозяин пьяный упадет где-нибудь, пес никогда его не оставлял, тормошил или же, если погода позволяла, сидел рядом и охранял. Они научились понимать друг друга без слов. Полкан оказался хорошим слушателем, и хозяин разговаривал с ним, как с человеком.

Соседка Мироновна и раньше заходила, когда еще была жива мать Геннадия, жили в доме его жена и дети. Теперь она, жалая сына подруги, в праздники или когда стряпала что-нибудь, обязательно делилась с соседом.

Увидев первый раз собаку, она испугалась. Однако Полкан был псом воспитанным. Он подошел, обнюхал гостью, даже лапу дал, чтобы доказать свое мирное соседство. Так и повелось, собаку кормили оба, а она охраняла тот и другой дом.

Несчастье пришло неожиданно-негаданно. Принесли письмо. Хозяин прочитал его и заплакал. Пес терся возле него, стараясь слизать ему слезы с лица. Потом лег на ноги и затих.

- Все, Полканушка, нет у меня сына, - запричитал он громко. – Погиб мой сын, кровинушка моя. Если б ты знал, как мне сейчас плохо.

Вдруг он начал сползать со стула. Немного отлежался и медленно направился к своему топчану. Забравшись кое-как, затих, тяжело дыша. Полкан не отходил от хозяина, лежал рядом, прислушиваясь к его дыханию. Пес ждал, когда придет Мироновна, а ее, как назло, ни в тот день, ни накануне не было.

Наутро хозяин не проснулся. Полкан тормошил его, лизал холодное лицо, но тщетно. Весь день охранял верный пес тело своего хозяина. Вечером к дому подъехал трактор с дровами, посигналил несколько раз. Раз никто не вышел на сигналы, парень заскочил в дом и наткнулся на собачий взгляд. Тракторист окликнул хозяина, но тот молчал. Собака зарычала, потом залаяла, хозяин не двигался. Парень все понял, вышел и позвонил в больницу, потом в полицию.

Собачьи слезы

Геннадия похоронили, не завозя домой. Полкан целыми днями сидел возле дома и снова ждал. Мироновна выносила ему еду, но он вначале и от еды отказывался.

- Нет больше, Полкан твоего хозяина, - говорила она ему. – Он тебя не предал, ты не думай, сердечко не выдержало, вот он и отправился на тот свет. Сына он очень любил, все справлялся, как у него дела. Дочка-то замужем, почитай, отрезанный ломоть, а сын – есть сын, надежда его. Вот на днях приедет мой зять, мы с тобой на кладбище съездим, мне уж сейчас не дойти, далеко.

Пес смотрел на нее, словно понимая, о чем она говорит. И, правда, через какое-то время Мироновна вместе с Полканом приехали на кладбище. Она подошла к холмику.

- Вот здесь лежит твой хозяин, дождя не было, так, может, запах еще остался.

Полкан залез на холмик и начал его рыть.

- Ты лежи, охраняй, а я подружку проведу, скоро вернусь, - сказала Мироновна и отошла. Когда вернулась, собака лежала в ложбинке, которую сама себе вырыла. В ее глазах стояли слезы.

- Вот это да! Никогда не видела, чтоб собака так убивалась, - прошептала старушка. – Полкан, поедем домой, нас машина ждет. Потом снова придем сюда.

Она смогла уговорить пса, и они вернулись домой. А под вечер, вынося еду, она опять увидела слезы в глазах животного.

- Еще говорят, что собаки ничего не понимают. Все они понимают, только сказать не могут. Поди ж ты, Геннадий бездомного подобрал, обогрел, и тот служил ему верно. Живи, Полкан у меня. Тоже буду разговаривать с тобой, как, бывало, Геннадий. Умный ты пес, да несчастный.

Он всегда внимательно слушал Мироновну, ворочая головой туда-сюда. Когда приезжали внуки к старушке, он гонял с ними мяч, не огрызался. Подружились они. Дружно живет Полкан и со старым котом Мироновны по кличке Васька.

- Ну, и слава Богу, пусть живет, - говорит новая хозяйка. - И мне спокойнее. Не могу я его выгнать. Еще одного предательства Полкан не переживет, начнет на людей бросаться.

Старая рябина

Павлу показалось, что он проспал слишком долго. Он легко поднялся и сел на топчане. В землянке был полумрак. За столом, неловко согнувшись, сидела Надя, медсестра. Одна рука ее безвольно свесилась, другая лежала на столе.

За землянкой кто-то смачно выругался и брякнул котелком. Надя встрепенулась, подняла голову и долгим взглядом посмотрела на Павла.

- Надежда, ты почему там сидишь? Что случилось? — обеспокоенно спросил он.

- Знаешь, Павлик... Ничего больше не надо. Спасибо тебе за все. Только не верю я, что война спишет все наши грехи.- Надя поправила сбившиеся волосы и встала.

- О чем ты говоришь, Надя? Кто тебе в душу плюнул?

- Да никто не плюнул, просто ты сегодня всю ночь называл меня Машей и просил, чтобы дочку берегла.

Она одним движением приподняла край плащ-палатки и вышла.

Павел стиснул голову руками и глубоко задумался. Только вчера он получил письмо от жены, и маленькая Нина приложила к нему свою ручонку. Жена писала, что дочка похожа на него. Нет, он ни о чем не жалел, но Надя была ему дорога. Вот уже полгода, как они вместе. Бойцы в роте вначале посмеивались за спиной, но никто из них к медсестре уже не приставал. Павел помнит, как Надя первый раз появилась в роте. Ее привез взводный. Дул резкий осенний ветер, а девчонка стояла и дрожала, то ли от холода, то ли от волнения.

- Тю-ю-ю... Какого цыпленка нам прислали, — выска-

зал свое неудовольствие сержант Катаев.

- Гад буду, в первом же бою немцам пятки покажет, — заявил рядовой Халяви. Он прибыл в роту из штрафбата после ранения, был смелым до безрассудства, но языка его солдаты побаивались.

- Ничего, мал золотник, да дорог, — бодро произнес взводный, — а зовут ее Надеждой. Не смотрите, что она сейчас несмелая, зато в бою любого заменит.

После недельного затишья немцы снова зашевелились, на участке роты пока было спокойно. Как-то после совещания у комбата Павел уже в сумерках пробирался на свои позиции. Неожиданно у кромки леса навстречу ему рванулась тень. Он инстинктивно отскочил за дерево и выхватил пистолет. Тень оказалась новенькой медсестрой. Она запнулась и распласталась почти у ног Павла. Тут же ее настиг Халяви. Он грубо выругался и начал зажимать девушке рот. Та отбивалась, как могла, но силы были не равными.

- Рядовой Халяви! Встать! - забыв о конспирации, громко крикнул Павел.

- А.а-а. ротный.... - лениво отозвался Халяви и встал. - Ну, что ты, лейтенант, ее защищаешь? От нее начальник штаба отказался, так ты решил к рукам прибрать. Желаю успеха. — Он желчно рассмеялся и пошел восвояси.

Надя, обхватив дерево, тихо плакала. Павел подошел, взял ее за вздрагивающие плечи и повернул к себе.

- Ну, что же вы, мужики, за каждую юбку хватаетесь? — с горечью бросила она. — Не было у меня ничего с начальником штаба. Он просто охранял меня от всяких. Его в другое место перевели, вот он и отправил меня сюда.

Павлу жаль стало девушку. Он понимал, что трудно девчонкам на войне, не всякая удержится от соблазна, когда рядом столько парней. Вот и идут девчонки под крыло начальников, часто становясь ППЖ (так называют их в солдатской среде).

Через несколько дней во время боя Павла ранило в правое плечо. В медсанбат идти он отказался. Ходила за ним Надя. Так она поселилась в его землянке. А позднее он понял, что влюбился, как

мальчишка.

На далеком Урале его ждали жена и дочка. За два года он отвык от них, а Надя всегда была рядом. Павел вышел на воздух. Начинало светать. Он отправился проверять посты. Недалеко от землянки на бревнышке сидела Надя, рядом примостился старый солдат Новиков.

- Старый да малый, — подумал Павел и повернул в другую сторону.

Еще через три дня при взятии высоты у Константиновки его тяжело ранило. Он очнулся на носилках, а рядом, на других носилках, лежала Надя. Одиннадцать долгих месяцев провел Павел в тыловом сибирском госпитале. Надежда оправилась быстрее и начала ухаживать за ним. Он заново учился ходить, двигать ругами, говорить. Вся жизнь для него заключалась в Наде.

После госпиталя Павлу дали отпуск ни десять дней, чтобы он проведать семью. Когда поезд остановился в Перми, Надя вышла проводить Павла. Он смотрел на девушку и никак не мог представить на ее месте свою жену. Решение пришло мгновенно. Он, схватив Надю за руки, заскочил обратно в вагон.

Потом, ночью, стоя в прокуренном тамбуре, Павел мысленно разносил себя самыми последними словами. Ему всегда казалось, что он любил свою Марию. Нравился ее мягкий характер, покладистость и какой-то уют в душе, когда она находилась рядом. При случае Мария умела настоять на своем. Тогда почему же он струсил? Да, струсил, потому что не мог честно смотреть в глаза жены.

Так и воевали до конца войны Павел и Надя, на броне танка въехали в Берлин, видели слезы радости и горя. В тот же день Павел написал жене письмо, в котором сообщил, что домой не вернется, и предоставил ей полную свободу.

А на далеком Урале тоже радовались Дню Победы. Мария редко получала письма от мужа, знала, что писать он не любит. Все эти годы она терпеливо ждала, боясь получить «казенное письмо». Нина росла, отца она не помнила, а мать постоянно была на работе, домой приходила поздно, поэтому девочка была очень са-

мостоятельной и хозяйственной. Теплым майским вечером, когда все люди ликовали, мать с дочерью сидели одни, и Нина с упоением слушала, какой у нее хороший, добрый и красивый отец. Они вместе мечтали о том времени, когда счастливо заживут втроем.

Пролетел месяц, другой. Соседкам приходили письма с японской войны, а Мария снова ждала. Наконец, и в ее почтовом ящике появился треугольник. Она с нетерпением его распечатала - и по стенке, обессилено, опустилась на пол. Она не знала, сколько времени просидела так без дум и мыслей. В чувство ее привела Нина. Она вбежала в дом и, увидев мать сидящей на полу с закрытыми глазами, громко закричала:

- Mamochka, сейчас я тебе воды принесу, только не умирай!

Мария оправилась от потрясения и на немой вопрос дочки ответила:

- Нет у нас больше папы. И никогда не будет.

Девочка поняла это по-своему, и по улице загуляла весть, что Марусин Павел убит на японской.

Шли дни, складывались с годы, Мария с Ниной так и жили вдвоем. Мать знала, что рано или поздно ей все-таки придется рассказать девочке правду об отце. Разговор начала сама Нина. Однажды она пришла из школы вся в слезах и спросила, почему они не получают пенсию за отца. Мария попыталась перевести разговор на другое, но дочь оборвала ее:

- Мама, почему ты его защищаешь? Он просто бросил нас. А ты говорила, что он хороший.

Из бессвязных выкриков девочки Мария поняла, что кто-то из взрослых сделал такое предположение, а сказала об этом Нине ее подруга.

Мария никогда не жаловалась на свою жизнь. Удары судьбы переносила молча. По характеру была довольно замкнутой, не рассказывала о своей семейной трагедии.

- Кто я теперь? - спрашивала она себя долгими бессонными ночами, - вдова при живом муже? Солдатки, у которых на руках похоронки, хоть какую-то помощь получают, а ей кто поможет? Из-за дочери пришлось перейти на другую работу. На заработок

школьной уборщицы разве проживешь вдвоем безбедно? Как ни крути, а получается, что она — брошенная.

Мария не разыскивала Павла, понимая, что насильно мил не будешь. Он тоже не пытался что-либо узнать о дочери. Сватались к Марии мужики, да только менять она ничего не хотела.

Когда Нина окончила школу, Мария была на седьмом небе от счастья. Самой-то ей почти не пришлось учиться. После выпускного вечера Нина заявила, что пойдет работать на фабрику, чтобы заработать на одежду, а доучится потом. Зимой, в день 18-летия дочери, Мария показала Нине последнее письмо отца. Больше разговора о нем не было. Он умер для обеих.

С годами, начало сдавать здоровье Марии. Нина настояла, чтобы она не работала, а почаще бывала на свежем воздухе. У Нины уже была семья, и жили они на другом конце города. Обычно в субботу Мария приходила к ним, чтобы понынчить, с внуками, помыться в бане. Скучно ей было одной. Мария больше любила младшего, он похож был на Павла, и имя ему дали такое же - Нинин муж настоял. Павлик рос шустрым, разговорчивым, а вот из Танюшки лишнее слово не вытянешь, она любила играть одна.

Еще через несколько лет Мария уже с трудом двигалась, и Нина перевезла ее к себе. Дети отошли от нее, жили своими семьями. Днем Мария оставалась одна, а вечерами вместе с дочерью и зятем смотрела телевизор или выполняла нехитрую домашнюю работу.

Однажды, в очередной День Победы, когда Мария прилегла отдохнуть, в квартире раздался звонок. Сергей, муж Нины, открыл дверь. Перед ним стоял уже немолодой мужчина среднего роста с орденскими колодками.

- Скажите. Маша, Мария Никаноровна, здесь живет? Я искал по старому адресу, меня направили сюда.

Он теребил в руках шляпу и никак не мог унять волнение. Сергей отступил, и мужчина зашел в прихожую. Вышедшая из комнаты Нина тоже с удивлением уставилась на гостя. Он как-то старомодно поклонился ей и попросил позвать Марию Никаноровну.

Нина заглянула в комнату матери и поразилась ее перемене.

Глаза матери сияли, а на лице была загадочная улыбка.

- Доченька, - сказала она.- Там Павел пришел. Пусть он зайдет.

- Да нет, мама, - возразила Нина. — Там какой-то мужчина, а Павлик еще от тещи не вернулся.

Мария не могла объяснить Нине, что узнала своего Павла сердцем. А он уже входил в комнату. Мария, молча, смотрела на него, седого и какого-то уж слишком скромного и нерешительного.

- Что ж ты, Павел, так долго не шел? Или дорога дальняя?

- Да нет, Маша, я все эти годы в Перми жил. Не хотел тебе на нервы давить.

- И как она... жизнь?

- Мы хорошо жили с Надей. Только вот детей не завели. Не получилось. Я дочку часто вспоминал.

- Что ж, ни разу даже с праздником ее не поздравил? Знаешь, каково ей-то жилось?

- С тобой она не могла жить плохо. А помощь я боялся предлагать – ты ведь гордая. Маша, прости, если можешь.

- За что?

- За то, что жизнь тебе поломал и дочке не дал того, что мог.

- Война виновата, Павел, ее и вина. А я что ж? Жизнь прошла, и мне ни за себя, ни за дочь нашу не стыдно перед людьми.

Нина стояла в дверях, боясь спугнуть этих пожилых людей – своих родителей, давших ей жизнь. Она понимала, их надо оставить одних, но не могла сдвинуться с места. Именно сегодня Нина поняла – мать всю жизнь ждала отца, потому что никогда и никого так не любила, как его.

Всего час был отец в Нининой квартире. Он познакомился с ее семьей, а потом попросил сходить с ним к старому дому. Они пошли втроем: отец, Нина и появившийся в это время Павлик. Они шли по улице, все похожие друг на друга, и люди обращали на них внимание, оглядывались. Из окон звучала музыка, было много улыбок.

Когда они подошли к старому дому, Павел замедлил шаги, как бы вглядываясь во что-то. Да, он помнил это место. Помнил, как впервые открыл калитку. Остался ли здесь его след? Оказывается,

остался. С левой стороны ворот стояла большая рябина. Ее корявые ветки тяжелым грузом легли на забор и крышу. Эту рябину Павел посадил в тот год, когда родилась Нина. И Нина помнит, когда матери было плохо, она уходила под рябину, но никогда не рассказывала, кто ее посадил.

Павел погладил рукой махровые листочки и вспомнил, как расцветал дом по осени, когда дерево было сплошь покрыто красными гроздьями. Потом тихо произнес:

- Я, наверное, подлец, Нина. Пока была жива Надя, я боялся сюда ехать, не надеялся на себя. Мне казалось – только увижу Машу – не смогу уйти. Пойми меня, дочь. Я не имел права бросить Надю, которая из-за меня осталась инвалидом. Это случилось на другой день после Победы. Если б не она, лежать бы мне в могиле. Она тогда зрение потеряла, так и прожила в темноте. Да, там, на фронте я был ее защитой, а потом она спасла меня. Не надо ее судить слишком жестоко. Только я виноват, что внуки мои выросли без деда.

Он прислонился к рябине, и плечи его затряслись от рыданий. Внук подошел к нему, повернул к себе дедову голову:

- Не терзай себя, дед. Ты за все заплатил своей жизнью, поэтому прощен и бабушкой, и мамой. А за Победу спасибо, от имени всех внуков спасибо! Поздравляю тебя с праздником!

На автостанции было шумно, играла гармошка, а Павел, не отрываясь, смотрел на дочь и внука. Он чувствовал, что видит их в последний раз. Он никогда больше не сможет вернуться в город, где впервые познал счастье, где стал отцом, где живут похожие на него дочь и внук, которых он предал давным-давно. Он и сам не мог объяснить, почему появился здесь именно в такой светлый день, и не думал, что он окажется таким грустным. Он сел в автобус. Закрыв глаза и, как наяву, увидел счастливую улыбку Марии и маленький сверток в ее руках. Потом это видение заслонили корявые от старости ветки его рябины.

- Прощай, Маша и прости, - прошептал он успокоено.

А за окнами гремела музыка. Люди праздновали День Победы.

Измена

Случилось! Случилось то, чего она боялась все 35 лет, пока была замужем за Виктором. Поводов к разводу Таисья не давала, более того, старалась оборвать разговор всякий раз, когда ей плохо говорили о муже. Но последний случай переполнил чашу терпения. Она не считала себя брошенной, в конце концов, сама поставила точку. Люди повсякому отнеслись к ее поступку, но не будешь же кричать на всю Ивановскую, что послужило причиной.

Оханский жених

Он красиво ухаживал. Что-что, а это он умел, как никто другой. С весны до поздней осени каждый день цветы ей носил, а зимой – конфеты. Иной раз она задержится в техникуме, а он стоит на морозе, зубами стучит, но не уходит, ждет. Девчонки ей все уши пропели – выходи да выходи за него. А куда выходить, если пока не зовут?

Приходил он к ней все годы, пока она училась, будучи и сам в это время студентом политеха. Тася всегда удивлялась, каким образом ему удавалось сдавать без троек сессии.

Предложение он все же сделал, прямо на выпускном вечере. Она ничего не ответила. Надо было все обдумать, ей предстояло ехать по распределению в Оханский район, а ему еще год учиться. Она помнит, как Виктор обрадовался, узнав, что ее направляют в его родной район. Как ни странно, он никогда не говорил, где живут его родители. Мог часами рассказывать об интересных фильмах, о своих друзьях, о прочитанных книгах, «травить» анекдоты, но о доме – ни слова. Таисья грешным делом думала, что он детдомовский, и не хотела беречь рану. Балагур он классный, этого не отнять. Сын вот тоже в него пошел, нисколько не молчит, но

характером в нее, в Тасю – основательный, надежный. Сейчас в селе живет, уехал к жене на родину. Дом построил, скотины полон двор, дети пошли – за него Тася спокойна.

Обман

Было уже три часа ночи. Виктор не возвращался. Это не впервые. Любвеобильным оказался муж. Все время на стороне приключения ищет. Женщины его тоже любят. Тася не была ревнивой, она доверяла мужу, хотя чувствовала, что двойной жизнью он живет. Спрашивать как-то неудобно, не хотелось его унижать. А скандалить и заламывать руки, изображая безутешное горе – не в ее характере.

Таисья вышла на улицу. Что-то не спалось ей сегодня. Побродила по улице, потом свернула на Пионерский проспект. Света не было, а фонарик она, на всякий случай, сунула в карман. Шла медленно и дышала воздухом. Со стороны аллеи слышались голоса. Она, было, поспешила отойти подальше от этого места, но голос показался ей знакомым. Остановилась. Подслушивать не любила, ей было противно стоять в кустах, но уходить уже поздно.

Виктор, как всегда, «пел соловьем». Рассказывал о «подвигах» далекой юности. Поежившись от свежего воздуха, Таисья решила вернуться домой. Другая, может, и пошла бы за парочкой, чтобы выследить, где живет соперница, но она сочла это ниже своего достоинства.

Виктор пришел домой только на четвертый день. Явился, как всегда, с букетом и улыбкой во весь рот. Прямо с порога начал рассказывать, как провел время в командировке, чем занимался.

- Виктор, давай честно, ведь по глазам вижу – врешь, если мы друг друга обманывать станем, как жить дальше? Может, уж сразу рвать будем отношения? – Тася сказала это, и сама испугалась своих слов, потому что не представляла себе жизнь без Виктора. Дети выросли и, как птички, выпорхнули из родительского гнезда, а она только и делала, что ждала мужа, который редко бывал дома.

- Тасют, ты о чем? Я, правда, был в командировке, могу билет показать, - он торопливо начал перегребать какие-то бумажки, вытащенные из кармана.

- Когда ты уехал, если еще в пятницу был в Оханске? – в упор спросила она.

- С чего ты взяла? – искренне изумился Виктор. - Ты что, сле-

дить за мной вздумала?

Глаза мужа налились злостью и потемнели. Таким Тася никогда Виктора не видела. Больше в тот вечер они не сказали друг другу ни слова. Она чувствовала себя не в своей тарелке. Возможно, он и вправду съездил в командировку, но не в пятницу, а, скорей всего, в понедельник.

Другая, возможно, раскричалась бы, «выпустила пар», и стало бы легче. Таисья даже думать об этом не хотела. Она росла с отчимом. Тот часто кричал на мать, на братьев, а когда напивался, бил посуду и все, что под руку попадало. Мать униженно успокаивала его, поддакивала, только бы не скандалил, готова была в ногах у него валяться. Он тогда на ней вымещал плохое настроение, неудачи на работе и нехватку спиртного. Избивал ее до синяков.

Таисья не хотела повторения материнской судьбы, поэтому сразу сказала жениху еще перед свадьбой: «Только пальцем тронешь – уйду навсегда, а унижаться перед тобой не буду». Глаза Виктора в какой-то момент напомнили ей отчима, отчего она невольно поежилась.

После смерти матери, наложившей на себя руки, Тася ни разу не бывала на малой родине. Братья разъехались, изредка заезжали к ней в гости, а отчима видеть не хотелось. Он уже совсем стар, видит плохо, жалуется на болезни. Со стороны может показаться, что она жестока к нему, но его и родные дети не жалуют, даже не навещают. А ей отчим столько гадостей сделал, что даже воспоминания о нем портили настроение.

Точки над «И»

Несколько дней спустя приехали дети, чтобы поздравить Таисью с днем рождения. Вместе с дочерью и снохами быстро собрали на стол, сыновья затопили баню. День был субботний. Виктор забыл про ее день рождения, сказал, что пошел на работу. Да что Виктор, если она и сама вспомнила об этом, только когда ребята приехали.

Приятно, что дети не забыли, договорились и вместе приехали, в подарок привезли шубу. Она никогда шуб не носила и даже не мечтала. Удобная, легкая и теплая. Она завернулась в нее и, расчувствовавшись, заплакала.

- Мама, ты же у нас самая сильная, откуда слезы? – воскликнула Наташа.

- Это я от радости, - отговорилась Таисья.

- Мама, а где все же батя? – спросил Сережка, младший из детей.

Тася не могла больше скрывать и все им рассказала. Нет, она не хотела, чтобы они возненавидели отца. Ей было неудобно, что пришлось на него пожаловаться, ведь она, как мать, должна быть хранительницей семьи и добрых отношений в ней. Не пришел Виктор и утром. На каком «объекте» он пропадал, никто не знал.

К вечеру дети засобирались домой. И, как ясно солнышко, явился Виктор. От него разило перегаром, и весь он казался жалким. Устроили семейный совет. Виктор сидел, как на горячей сковородке, он все время ерзал на стуле и молчал. Не просил прощения, не оправдывался. Когда все было сказано, неожиданно встал и заявил:

- В общем, ребята, так – ухожу я из дома, совсем ухожу. За вещами вот пришел, – и снова ни извинения, ни объяснений.

- Недостойн, мама он твоих слез, - сказала Наташа, увидев на глазах матери навернувшиеся слезы. – Мы-то всегда думали, что наш отец самый лучший, семьянин завидный, а он, видимо, и тогда уже на сторону глядел. Мир и покой в семье мама хранила. А ты даже не вспомнил, что у нее сегодня день рождения.

- Ну, ладно, что говорить? – оборвал ее речь старший сын, так похожий на Виктора. – Пусть собирает вещи и убирается.

Муж ушел, дети уехали, а Таисья осталась одна со своим горем. Так вышло, что подруг у нее не было. В молодости не завела, ей хорошо было с мужем, а потом просто не хотелось выносить сор из избы.

Как-то вечерком постучалась к ней соседка, все ее называли бабой Катей, немало удивив Таисью своим приходом.

- Что? Не ожидала? – спросила она с порога. – А я вот по доброй воле к тебе пришла. Скрытная ты, девка, ой, скрытная. Среди людей живешь, а все, вроде, в стороне. Да ведь шила в мешке не утаишь.

- О чем Вы, баба Катя? – с недоумением посмотрела на старушку Тася.

- Все о том же. Нельзя, милочка, так жить. Как медведь в своей берлоге. А ты выйди на люди, оглянись. Жизнь-то продолжается. Тебе годков не так много, чтобы взаперти сидеть. А мужики, они,

что? Одно слово – кобели. Стоит ли из-за них убиваться?

Бабка скинула с ног галоши и прошла в кухню.

- Видишь вот, запыхалась вся из-за такой длинной речи. А, ну, ставь чайник! Поговорим.

Хозяйка быстро поставила на плиту чайник, собрала кое-что на стол. В тот вечер мир открылся перед ней по-новому. Баба Катя рассказала историю своего неудачного замужества. Ее мужа уведла самая близкая подруга. Детей не было, вернее, был один, но умер еще до рождения.

- Ты же счастливая, Тасенька! – воскликнула баба Катя. – У тебя трое. Тебя почитают, и в обиду не дадут.

Просидели они до полуночи. О чем только не поговорили. Таисья совсем не чувствовала разницы в возрасте. Она поведала соседке всю свою боль, все сомнения. Ей стало после этого настолько легко, словно тяжелый груз с плеч свалился. На следующий день она и на работе смотрела на всех совершенно другими глазами.

- Девчонки, глядите, наша Тая помолодела на несколько лет, – сказала тихонько одна из сотрудниц. – С чего бы это? Может, влюбилась?

- Да нет, вряд ли, оборвала ее другая. - Она мужа любит, от чужих мужиков, как черт от ладана бежит. Правда, говорят, он загулял...

Таисья слышала этот разговор, и, чтобы поставить все точки над «и», достала торт.

- У меня был день рождения, - сказала она с вызовом. – Давайте чай пить. А что касается мужа, о нем не будем говорить. Он сам себе выбрал дорогу, и обратной не будет никогда.

Разбитую чашку не склеишь

Однажды в конце рабочего дня, когда все начали собираться домой, она случайно глянула за окно и отшатнулась. Под окнами стоял Виктор. Ей не хотелось выслушивать его объяснения, поэтому она попросила приятельницу сказать бывшему мужу, что она в командировке.

Он ходил несколько дней, но Таисья не хотела возврата прошлого. Душа ее разрывалась на части, но она не могла ему больше верить и не хотела прощать. Она все же решилась и унесла

заявление на развод, было желание стряхнуть с себя невидимую ношу, называемую замужеством.

Их развели, конечно, но долго уговаривали, советовали подумать. Новый год Тася встретила свободной женщиной. К ней приехали дочь с зятем, пришла баба Катя. Уже после полуночи нагрянул незванный гость – бывший свекор. Не будешь в праздник выяснять отношения. Приняла его, угостила, как положено. После нескольких рюмок глаза его сделались влажными. Он попросил ее выйти с ним в другую комнату.

Тася не готова была к разговору, но пошла. В конце концов, свекра она уважала, он ничего плохого ей не сделал.

- Слушаю Вас, Иван Ильич, - произнесла она первое, что пришло на ум.

- Девочка моя, я понимаю, сильно тебя мой стервец обидел, - свекор старался говорить твердо, но голос срывался. – Ты не думай, мое отношение к тебе и внукам осталось таким же. Приходите в гости, как и прежде, а Витьку на порог не пушу.

- Он же Ваш сын, а от детей не отрекаются, - начала она, но Иван Ильич перебил ее.

- Я свое слово сказал, и точка! И мать, кабы жива была, тоже не простила бы, – он закашлял тяжело, с надрывом, словно что-то внутри мешало дышать. Потом еще зашел проститься со всеми и удалился, предупредив, что провожать его не надо.

Месяца не прошло, и Таисье сообщили – парализовало свекра. Она, узнав об этом, бегом побежала в больницу. Бежала и плакала. В таком состоянии ее, конечно, не пустили к больному, тем более что он еще в себя не пришел.

Она ходила к Ивану Ильичу ежедневно утром и вечером. А когда его выписали, привезла к себе домой. Постепенно к нему вернулась речь, начал потихоньку ходить по дому. Пока Таисья на работе, ее место занимает баба Катя. Виктор так ни разу не пришел проведать отца.

Как чужая душа – потемки, так чужую жизнь судить – дело неблагодарное. Разбилась семья, и осколки ее разлетелись, а раны и ссадины, оставшиеся от них, будут болеть еще долго.

Вернулся сыночек с чужбины

В один из октябрьских дней середины 60-х к небольшому домику у Камы подошел лысоватый мужчина средних лет. Он горбился, исподлобья смотрел настороженно вокруг, словно боялся погони или слежки. Осторожно откинул крюк на двери калитки и несмело направился к крылечку. О чем он думал, этот человек после 20-летней разлуки с родными? Ни письма, ни весточки не мог он дать за все годы жизни на чужбине. Живы ли родители? О жене он не вспоминал, понимая, что она, безусловно, давно вышла замуж. Да и жили они с ней всего-ничего, в августе 1942 зарегистрировались, а в ноябре его призвали в армию.

Незнакомец

Степан Матвеевич пил чай, на скрип двери медленно повернул голову. На пороге стоял незнакомец.

- Проходи, мил человек, если с добром пришел. Редко к нам гости заглядывают, а ты, вижу, издалеча топаешь. Сымай одежонку-то, да почаевничай со мной, и мне веселей, и ты согрешься. — Он достал из-под стола массивный табурет, поставил большую кружку.

Незнакомец присел на краешек, поглаживая рукой табурет.

Он осматривал избу, как будто видел впервые. Заметил глубокую насечку на стене — это старший брат поставил, когда ему 16 лет исполнилось. Стулья и стол были явно те же самые, а стены почернели, видно, редко их мыли.

- Рассказывай, путник, откуда и куда идешь, - проговорил Степан Матвеевич, наливая гостю из самовара кипяток.

- Ты, дед, один живешь в

этом доме? - не ответив на вопрос, поинтересовался незнакомец.

- И один, и не один, - ответил хозяин. – Бабу мою в больницу на днях положили, так пока один, а выйдет – вдвоем будем. Когда внуки заглянут, дочь прибежит, все не скучно. Строил я когда-то дом на большую семью, да не судьба, видно. Старший сын погиб в Сталинграде, потом второй на войне сгинул, мать все глаза проплакала. Без вести, оно и есть без вести, ничего не знаем о нем. Дочка на старость нам осталась да внуки.

- А что сыновья не женаты были? – снова спросил гость.

- Старшой-то нет, не успел, он в армии был, когда война началась. А младший - женат. Митрий ушел на войну, а Татьяна, дай Бог ей здоровья, до последу ждала, в прошлогодие попался хороший человек, мы и уговорили ее пойти за него. Чего бабе одной вековать? А дочку она на мужней фамилии оставила, как память. Вот жизнь! А ты куда идешь, мил человек?

- Да я, вроде, домой возвращаюсь. Только не знаю, примут ли, считай, 20 лет по миру скитался. С войны не был.

- Если бы к нам хоть один из сынков возвратился, хоть инвалидом, хоть прокаженным, приняли бы без разговоров. Мало ли, что судьба накуролесила, а мы приняли бы. Даже подумать не могу, какими бы стали они, сыны наши, сейчас.

Потом они, молча, пили чай с пряниками, и каждый думал о своем. Хозяин заметил, что у путника постоянно закрываются глаза.

- Наверное, тебе уснуть надо с дороги. Так ты иди, раздешься да подремли, а я, покуда, до больницы сбегая, старухе моей пряничков отнесу. Звать-то тебя как? – Ответа он не услышал, потому что гость уснул сразу, как только голова его коснулась подушки.

- Вот, бедолага, намаялся, ну, спи, спи...

Якорь

Когда Степан Матвеевич вернулся из больницы, незнакомец все еще спал, раскинувшись на кровати. Взгляд хозяина упал на руку гостя. Выше локтя на правой руке красовался якорь. Может, и не обратил бы на него внимания дед, но сразу вспомнилось, как его Митька пришел однажды домой с завязанной рукой, сказал, что упал. Но на другой день рука воспалилась, видимо, грязь

попала, все загноилось. Пришлось обращаться в больницу. Парню разрезали руку, когда все зажило, якорь получился несколько уродливым, а под ним - шрам.

Степан Матвеевич, не отрываясь, смотрел на это «творение искусств», потом перевел взгляд на лицо мужчины. И вдруг, словно пелена спала с глаз. Он увидел перед собой лицо жены в тот момент, когда она проводила на войну младшенького. Дед боялся ошибиться. Он вышел во двор, хотелось растормошить гостя, расспросить, кто он. Понимая, что могут быть совпадения, он все еще сомневался. Чтобы скоротать время, взялся за топор и начал колотить дрова.

- Так как тебя звать, незнакомец? - еле сдерживая себя, спросил дед, когда гость вышел на крыльцо.

- Да Дмитрием родители нарекли.

- Ах, ты, стервец, ты этакий, - разозлился Степан Матвеевич. - Что ж ты мне душу-то травмишь, окаянный? Признал ведь я тебя, Митька, по якорю твоему треклятому признал. Признавайся, где был, а то выпорю, как мальчишку. А лицом-то ты на мать стал походить. Пошли в дом, рассказывай, какие такие дела не давали тебе домой вернуться...

Неволя

Дмитрий Россомагин влился в стрелковый взвод лейтенанта Трепетова в 1943 году, когда часть находилась между Белоруссией и Западной Украиной. Больше месяца держали они оборону, но силы таяли, подмоги все не было. Ситуацию усугубляло то, что рядом находились болота, туда и теснили бойцов немцы. Из-за разбитой рации связь оборвалась. Отправили нескольких смельчаков в штаб фронта, но шли дни за днями, бойцы не возвращались. Посылать новую группу боялись, каждый человек на счету.

Обычно ночами фашисты спали, но однажды мокрой ноябрьской ночью предприняли бросок. Когда наши отступили к болотам, от взвода оставались единицы, то же самое и в соседних. Дмитрия ранило в первые минуты боя. Вначале садануло в руку, но он продолжал стрелять, даже в штыковую со всеми вместе пошел, а когда осколок снаряда разворотил бедро, упал в воронку и потерял сознание.

Очнувшись, понял, что в плену. Рядом сидели и лежали бойцы, а в нескольких шагах – фашисты с автоматами на груди. Пленных привезли на железную дорогу, погрузили в вагоны для скота и повезли в неизвестность. Как молил Митя, чтобы партизаны их эшелон подорвали, чтобы погибнуть, но не попасть в страшные концлагеря, о которых он уже был слышан.

Их высаживали из поезда ночью. Вокруг – автоматчики с собаками и прожекторы. Не убежишь, не скроешься. До самого лагеря пленные не произнесли ни слова. Кто не мог идти и падал, тех охранники просто добивали на месте, не давая им возможности встать. Дорога была усыпана трупами.

Вот он, лагерь. Россомагин не знал, в какой стране они находятся. Уже потом, после стрижки, ледяной бани и переодевания, их выстроили и офицер, еле говорящий по-русски, поздравил с прибытием в польский Майданек.

Раны на теле Дмитрия постепенно заживали, осколок в теле не задержался, прошел на вылет, поэтому чувствовал себя солдат вполне сносно, только есть постоянно хотелось. От лагерной баланды сводило все нутро, но отказаться даже от нее, было выше человеческих сил. Через полгода несколько сотен заключенных, в том числе, и Россомагина, перевезли в другой лагерь, но тоже на территории Польши.

В начале 1945 года на плацу перед бараками появился важный немецкий чин со свитой. Он сказал, что лагерь закрывается, посету предлагал заключенным поехать, куда они захотят, кроме, разумеется, Советского Союза. И пригрозил, что в противном случае всех просто уничтожат. Дмитрий видел, как уничтожают пленных. Сутками дымили печи крематориев, с колючей проволоки ежедневно снимали трупы самоубийц.

Страну для себя он не выбрал, и остался, в числе немногих, стоять на плацу, готовый к любому исходу. Началась бомбежка, немцы забегали, а Дмитрий, не растерялся и заскочил в первый попавшийся барак. Ночью всех его обитателей погрузили на машины и повезли. Куда везут, зачем, солдат не знал, вокруг люди, говорящие на чужом языке. Русских слов не было слышно.

Потом поезд, пароход и неизвестная доселе страна. Так русский человек, Дмитрий Россомагин, оказался в Португалии. Он, пока ехал на пароходе, познакомился с украинцем Павлом, который чуть-чуть мог изъясняться с португальцами. Так вдвоем они жили в небольшой лачуге, куда их определили власти.

Прошел год, другой, связи с Родиной у них не было, письма не доходили, но парни любой ценой хотели добраться до дома. В конце концов, пошли в посольство, добились приема, рассказали, что и как. Посол обещал помочь. Это было в начале 1952 года.

Через год сменилась власть, приехал другой посол, и снова бывшие военнопленные начали добиваться аудиенции. Они слышали, что в Советском Союзе наступила оттепель, и бывшим гражданам разрешено вернуться на Родину. Добились парни своего, хотя какие это были уже парни? Им обоим перевалило за сорок.

Снова дома

- Вот так, отец, я снова оказался на Родине, - закончил свой рассказ блудный сын.

- А что ж ты в одежке-то такой, как из нашего лагеря? Нешто не заработал на добрую? – удивился Степан Матвеевич.

- Заработал. Мы же с Павлом, где только ни работали, откладывали деньги. Приехали в Одессу, у трапа нас встретили люди из органов и сопроводили напрямик в одно из своих отделений. Все вещи, какие мы везли, отобрали. В последний день охранник нам и одежду заменил на фуфайки, видно, костюмы наши им нужнее. Выдали нам «волчьи билеты», хотя обещали паспорта, взяли расписки, что поедем по довоенному месту жительства, а в столичные города – ни ногой. Павла посадили на поезд до Харькова, а меня – на сибирский, до Свердловска. Дальше я сам добирался.

- Знаешь, Митька, как мы с матерью ревели, когда Победу объявили? – Отец смахнул с лица крупную слезу. – Дочка на стадион побежала с подружками, а мы сидим и ревим, как белуги. Двух сынов вырастили, а ни одного рядом нет.

- А я все представлял, как приеду, мне казалось, обязательно будет весна, а сейчас, видишь, осень. Октябрь.

- Значит, праздник в доме будет! Всю родню соберем, все-таки сын вернулся! – Он вдруг резко остановился. - Как же мать-то

подготовить, да до смерти от радости не довести? Зайдется у нее сердце-то. Попробую завтра к ней сходить вместе с тобой, скажу, что ты раньше работал со мной. Подскажет ли ей сердечко, кто ты есть на самом деле?

- Ой, Степан, я нынче во сне сынков наших видела, - начала Клавдия Ивановна, завидев мужа. - Старший все извиняется за что-то, а младший шепчет, что скоро, мол, встретимся. Это что ж, умру я что ли, на том свете и встретимся?

- Тьфу, ты, не говаривала. Может, приедет сынок-то. Пишут в газетах, многие возвращаются. Мало ли, в какие передрыги попал?

Дмитрий стоял, боясь пошевелиться. Он смотрел на мать, и ему хотелось броситься к ней, взять ее за руки и попросить прощения за то, что в плен попал и оказался в чужой стране.

- А это кто с тобой? – видимо, почувствовав взгляд, обратила, наконец, на него внимание мать.

- Да сослуживец бывший, - и опустил глаза.

- Постой-постой, кого-то ты мне напоминаешь, - она повернула Дмитрия к свету, и вдруг начала оседать на пол, шепча. – Митька, родной, я же говорила, что ты жив, не было у меня удара в сердце после извещения о том, что пропал ты без вести, а на старшего был, и я поняла – погиб он.

Через два дня собралась в доме родня. Не было только бывшей жены Татьяны, она с мужем переехала в Соликамск. Дмитрия ждал сюрприз, на встречу приехала его дочь Надя, которую он никогда не видел.

Послесловие

Начал Дмитрий Степанович Россомагин новую жизнь. Работал коновозчиком, потом перешел на стройку. Когда пригласили поработать лесником, не отказался. Жил то в городе у отца, то в лесной избушке, то в селе у старушки какой заночует. На люди не хотел выходить. «Одичал, пока на чужбине был», - так говорил он о себе.

В 70-е один за другим ушли в мир иной родители. Старый дом одиноко стоял, пока крыша не покосилась окончательно, тогда Дмитрий Степанович разобрал его на дрова, а сам перебрался к сестре, где и закончился через несколько лет его земной путь.

Нечаянное счастье

Соперница

Зоя была уже в том возрасте, когда женщину не считают серьезной соперницей. Она 12 лет жила одна после развода с мужем. Хотя и мужем-то назвать его было трудно. Познакомились однажды на вечеринке. Зое было уже за 30, он тоже немолодой. Поехала за ним в Сибирь. Расписались. Потом оказалось, что в соседнем поселке у него жена и девочки-двойняшки. Зоя понимала, что «посягнула на чужое», и все-таки решила выяснить отношения до конца

В воскресный день на рабочем поезде отправилась в поселок. Разыскала дом, и вошла, не боясь. У порога ее встретил серый сибирский кот. На звук открываемой двери хозяйка дома подняла голову от шитья и улыбнулась приветливо:

- Вы проходите. Сейчас чай поставлю, согреетесь. Меня Ирой звать.

Уже сидя за столом, Зоя несколько раз порывалась заговорить о муже, но... уводила разговор в другую сторону. Не хотелось портить настроение этой милой и гостеприимной женщине.

Попрощавшись, она вышла на улицу. Невдалеке две девчушки в одинаковых шубках делали усы снеговика. И до того Зое стало тоскливо, что невольно у нее вырвался не то всхлип, не то вздох.

- Не плачьте, он не стоит того, - послышалось за спиной. Ира вышла следом, накинув шарф и пальто, видимо, хотела позвать двойняшек домой.

- Алименты на девочек я получаю, - продолжала она, - а Сергей как скакал козлом всю жизнь, так и до конца дней будет скакать. Вы простите, я сразу поняла, зачем Вы пришли, но как-то о плохом не хотелось думать, да и Вы, видимо, добрый человек, не решились заговорить об этом. Спасибо Вам.

Снова одна

Зоя уходила от Иры, как в тумане. Успокоения не получалось.

Ей жаль было и двойняшек, и их мать, но больше всего она жалела себя. Как она теперь? По документам – жена. Но где же ее муж? Он появляется раз в неделю. Говорит, что работает. Так это или нет, Зоя проверять не собиралась.

После рождения Павлика в семье на время мир был восстановлен. А потом снова Сергей закуролесил и начал «работать» сутками.

Зоя привезла сына к бабушке с дедом, когда мальчику исполнилось пять лет. Старики думали, что дочь приехала в гости. Но когда узнали, что ушла от мужа, их негодованию не было предела. У них в жизни все разложено по полочкам. Этого же они требовали от дочери и никак не думали, что судьба сыграет с ней такую злую шутку.

Родители ничем Зою не укоряли. Помогали ей воспитывать Павлика. На работе все было хорошо. Никто не лез к ней с расспросами. От алиментов Зоя сразу отказалась:

- Пусть лучше считают меня матерью-одиночкой, чем «брошенной женой».

И жила себе женщина, никому не мешала, никого не осуждала и не мечтала больше о личном счастье.

Новый человек

Григорий появился у них в доме, как бы, между прочим. Зашел к отцу помочь провести летний водопровод. Они когда-то работали вместе. Григорий жил неподалеку на квартире. Была у него семья или нет, никто никогда не спрашивал. Наверное, была, не может человек до таких лет в холостяках ходить.

Григорий после водопровода почти ежедневно заходил, играл со стариками в карты и уходил. Потом начал приглашать Павлика на рыбалку, и тот потянулся к совершенно чужому человеку. Так продолжалось несколько лет.

Перед выпускным вечером в девятом классе Павлик спросил у Зои, можно ли на вечер пригласить дядю Гришу. Она остолбенела.

- На правах кого? - спросила сына растерянно.

- Все ребята с папами и мамами, а ты у меня одна. Дед уже не может пойти, - ответил Павлик.

В школу они все трое пришли врозь. Павлик усадил их рядом с собой. У Зои на душе было беспокойно. Ей казалось, что Григорий просто-напросто отбивает у нее сына, и вся она внутренне восстала против того, но виду не подала.

Уже поздно вечером, когда они возвращались домой, Павлик заговорил о дальнейшей учебе.

- Знаешь, мам, поеду-ка я поступать в колледж, потом можно и в институт. Если в вуз не поступлю, так хоть профессия будет.

- А меня с кем оставишь?

- Дедушка с бабушкой живы, да и дядя Гриша будет заходить.

Зоя открыла, было, рот, чтобы выразить свое неудовольствие, но сын опередил ее:

- А классно вы с дядей Гришей смотрите. Почему он не мой отец? Он же один и ты одна, взяли бы да и жили вместе.

Мир тесен

Павлик поступил в колледж, но с общежитием не получилось. Тогда Григорий предложил поехать к его сестре, которая жила в Мотовилихе. Дочери ее жили своими семьями и приезжали иногда в гости. Договариваться решили все вместе.

Каково было удивление Зои, когда она увидела сестру Григория. Это же Ира из Сибири!

Павлика Ира приняла как родного, она и словом не обмолвилась брату, что знакома с Зоей, а у Павлика и ее дочерей один отец.

Зоя не хотела оставаться на ночь и заторопилась на вокзал. Григорий тоже решил ехать. Ира, провожая их до автобуса, сказала брату:

- Гриня, у тебя чудесная жена. Что же ты мне ее раньше не показывал? Скрытный.

Зоя вся вспыхнула и отвернулась. Пока ехали до Оханска. Григорий рассказал о себе. Впервые он женился перед самой армией. Жена умерла во время родов. Не спасли ни ее, ни ребенка. Потом он учился и о женитьбе не думал.

Работать его направили в сельскую местность. К концу третьего года Григорий начал задумываться, оставаться ли ему в селе

или искать другое место. Колхоз дал ему квартиру, работа его тоже устраивала, и он не стал ничего менять.

Люся пришла к нему сама. Она жила одна с ребенком. Поговаривали, что колдовать умеет, привораживать. К разговорам Григорий относился скептически. Расписались, жили спокойно. Дети пошли. Двадцать лет, как один день.

Однажды Люся заявила, что впервые в жизни полюбила и ничего с собой не может сделать. Григорий сцен не устраивал. Дети взрослые, поймут. Взял кое-что из одежды - и в Пермь, к матери. Сестра звала его в Сибирь, но он предпочел Оханск. После смерти матери в ее квартиру вернулась Ира с девчонками, бросив Сибирь.

Зоя пообещала, что через неделю она даст ответ Григорию. Дома долго ходила из угла в угол. Боялась снова ошибиться. Отец глядел-глядел на нее и брякнул:

- Ты, Зойка, сколько одна будешь сидеть? Мы помрем, с кем останешься? Григорий - человек стоящий и надежный. Разве не он помогал тебе Павлушку растить? У меня глаз на людей наметанный.

Потом поддакнула мать и сказала, что людская молва их давно поженила.

Скандал

Зоя и Григорий жили не расписавшись. Когда через год все-таки решили отношения оформить, скандал подняла его бывшая жена. Люся божилась, что изведет на «нет» всю Зоину семью. Она долго кричала и топала ногами:

- Ты воровка! Где у тебя совесть? Ишь, увидала свободного мужика и закрутила подолом. Работник тебе нужен, а не муж, А внукам его кто будет помогать?

Остановить ее было невозможно. Дед сколько раз пытался встрянуть, но она и его положила на лопатки:

- Ты, старик, одной ногой в могиле, молчи лучше, пока я этой шлюхе фонарей не насадила.

Григорий вихрем ворвался в дом, тряхнул Люсю так, что у нее ноги подкосились.

Он силой посадил ее в кресло:

- Ты что приехала «собаку спускать»? Девять лет врозь живем, и не я тебя бросил, а ты нашла любовника. Детям я помогал, хоть ты и запрещала с ними встречаться. Квартиру оставил, технику. Какие ко мне претензии? А теперь уходи. Еще раз Зою обидишь, в газете о тебе напишу. Я только жить начал. Счастье мы ни у кого не крали. Да и зачем оно нам, ворованное счастье?

Люся как-то странно дернула головой, вскочила и опротясь ринулась к дверям, но, запнувшись за табурет, распласталась у самого порога. Ее тело сотрясали рыдания. Началась истерика.

Отец взял ковш воды и вылил его на голову Люсе. Она сразу как-то затихла и подняла голову. Зоя помогла подняться и усадила на табурет. Она понимала в какой-то мере эту женщину и не собиралась стоять на ее пути, в конце концов, все имеют право на счастье.

Люся успокоилась, привела себя в порядок и тихо сказала:

- А ты счастливая. Я вот, дура, променяла свое счастье на молодого, да смазливого. Распустила уши на ласковые слова, из семьи увела. На днях соседка из Оханска вернулась и сказала, что Григорий снова жениться собрался, в ЗАГС приходил. Меня такая злоба взяла! Наверное, на себя, на мою неустроенную теперь жизнь. Получается, что хотела чужое счастье отнять. - Она глубоко вздохнула и продолжала:

- Вот меня и заело. Сюда с утра приехала, узнала, где ты живешь. Хотела нахрапом его вернуть. А он, видишь, как из-за тебя на меня набросился. Я его таким никогда не видела. Выходит, любит он тебя сильно, как, мне казалось, любил меня. Извини, если что не так. Пойду я.

Зоя смотрела из окна вслед Люсе, похожей сейчас на побитую собаку. Ни злорадства, ни чувства превосходства у нее не было, ничего, кроме жалости к этой женщине и гордости за Григория.

2001

Повороты судьбы

Игорь приехал в город утром. На улице прохожих почти не было. Вдалеке гудел трактор, расчищая дорогу после ночного снегопада. Он шел по улицам родного города и не узнавал его.

Давно, очень давно уехал он отсюда, чтобы связать свою жизнь с армией. Его дед был офицером, всю войну прошел, а умер от воспаления легких, когда Игорю не исполнилось и семи лет. Отец тоже мечтал о военной карьере, но падение с лошади перед самыми экзаменами в училище чуть не стоило ему жизни. Ничего, оклемался. Получил «белый билет» на руки и навсегда простился со своей мечтой.

Игорю повезло больше. Он довольно легко «пробился» в курсанты. Учился упорно. Он всегда знал, чего хочет. Получив свое первое назначение в воинскую часть, женился. Правда, родителям сообщил об этом лишь через полгода. Он и сам не мог понять, почему поступил именно так. Скорее всего, хотел почувствовать себя взрослым, умеющим самостоятельно принимать решения.

Родителей своих он любил. Отец был добродушным милым толстячком, мать – строгая, принципиальная. В их семье ценили трудолюбие. Младшие сестры Игоря окончили институты, попали в хорошие трудовые коллективы. Теперь у них свои семьи.

Игорь подходил к дому, и ему не давало покоя чувство вины. При жизни отца к дому вела широченная дорожка. Игорь сам ее несколько раз чистил, приезжая зимой на каникулы. Сейчас же он шел по еле заметной тропинке, проваливаясь в глубокий снег и чертыхаясь.

- Ой, сыночек приехал, - удивленно вскинула на него глаза мать, оторвавшись от плиты. – А я уж не чаяла тебя увидеть так скоро. Не пишешь, не звонишь. Может, думаю, случилось что. Ты ведь раньше-то аккуратным был.

- Ладно, мама, потом поговорим, - осторожно, чтобы не обидеть, прервал он мать. – А сейчас дай мне лопату, хоть дорожку прогребу.

Игорь кидал снег и будто наяву видел, как ловко это делал отец.

- Неблагодарный из меня сын получился, даже отца похоронить не приехал, - ругал себя Игорь.

Потом они сидели вдвоем с матерью за столом и говорили о том, о сем. Мать все рассказывала про соседней, родных и знакомых. Спрашивала, кем хочет быть внук.

- Внук твой будет врачом. Вот так-то, мама. На первом курсе медицинского учится. В военные я сам не советовал ему идти.

- Но почему?- удивилась мать. – Кто-то должен нас защищать.

- Хватит с нашей семьи двух офицеров. Единственного сына не хочу терять в братоубийственной войне, - ответил Игорь, поднимаясь из-за стола. Этим он как бы давал понять, что разговор окончен.

Он долго бродил по городу. Обошел вокруг школы, где учился, постоял на том месте, где когда-то был детский сад. Ноги сами привели его к знакомой калитке. Здесь жила его подружка. Сколько шишек он от нее износил! Но сдачу не сдавал. Девчонка все-таки. Они и в школу пошли вместе. Долго сидели за одной партой. Он ее подтягивал по математике, а она учила Игоря танцевать.

- Что, если зайти? Может быть, родители живы. Хоть спросить, как живет Люба, – думал он, а сам уже осторожно открывал калитку и шел к двери. На его стук из дома вышла женщина в простеньком пальтишке, накинутом на плечи.

- Вам кого, молодой человек? В списках знакомых военные у меня не значатся, - сказала она.

Из тысяч голосов Игорь узнал бы этот. Внешне женщина не походила на Любу, но голос, интонация...

- Мне бы Любу, Любовь Матвеевну, - заикаясь, проговорил он.

- Заходите, коли так, - улыбнулась женщина, пропуская его вперед.

Она замешкалась в сенях, и Игорь был благодарен ей за это. Волнение его улеглось.

- Что ж Вы не проходите, Игорь Сергеевич? – насмешливо произнесла она, заходя, - раньше-то не были таким робким.

Он смотрел на нее во все глаза и все еще не верил, что перед ним Люба, которую он не видел 30 лет. Она хорошо выглядела,

только морщинки возле глаз выдавали ее возраст.

- Да не торчи ты, как истукан, у порога. Проходи в комнату, - подтолкнула его Люба.

- Теперь я убедился, что ты – это ты, - обрел, наконец, Игорь дар речи.

- Ну, слава те, Господи, заговорил. А я уж думала – и голоса не услышу, - вздохнула она, проходя за ним в комнату.

В доме мало что изменилось. И мебель все та же, и даже трещина на стене осталась, как бы ее не замазывали. Единственное новшество – видеодвойка. Зато исчезла широкая родительская кровать, что стояла за печкой. Ее место заняли самодельные книжные полки.

- О родителях не спрашивай, - предварила Люба вопрос Игоря. – Давно похоронила. Детей нет. Был муж, да сплыл. Живу одна. Еще вопросы будут?

- А как насчет любовников? - спросил он.

- Я бы постеснялась спрашивать об этом женщину, о которой ничего не знаю.

- Но я-то знаю, - возразил он.

- Нет, - покачала она головой. – Ты знал девочку Любу, затем девушку, а теперь я совсем другая.

- Люба, я с женой разошелся, в отставку ухожу через месяц. Мать об этом и не догадывается.

- Вон что! Тылы для себя готовишь.

- Ты не так поняла.

- Да все я все поняла. Не маленькая. Только не хочу я быть палочкой-выручалочкой.

Перепалка эта длилась довольно долго. Наконец, он поднялся и пошел к вешалке.

* * *

Когда за Игорем хлопнула дверь, Люба так и осталась сидеть за столом. Мысли были в далеком жарком июне, когда они поклялись не бросать друг друга, что бы ни случилось. Но после вступительных экзаменов Игорь к ней даже не зашел. Первое время Люба тосковала, потом учеба поглотила ее, появились новые друзья, заботы. И все-таки, завидев на улице одинокого военного,

останавливалась и долго смотрела ему вслед. Отработав три положенных года вдали от родных мест, Люба вернулась домой к родителям. Она поняла, что Игоря уже не дождаться. Потом узнала, женился он и служит на южной границе.

Люба была в том возрасте, когда рассчитывать на внимание со стороны одногодков не приходилось. Все хорошие прибраны к рукам, а плохих не надо.

Вышла замуж за подвернувшегося вдовца, но через пару лет с ним рассталась. Таких скупердяев, как этот, Люба сроду не видела. Вот уж, действительно, у такого снега зимой не выпросишь. Он считал Любу легкомысленной, не доверял деньги и строго следил, когда она приходила с работы. Не признавал никаких компромиссов. У него все было заранее запланировано.

- Что же ты, Любушка, себя в тюрьму загнала? – причитала мать, изредка приходя в гости, когда мужа не было дома. – Так и будешь жить в отшельниках? За что он так с тобой поступает? Чем его прогневала?

Люба, молча, утирала глаза и ничего не говорила. Однажды мать пришла и попросила о помощи.

- Картошки много уродилось, а у отца язва. Не справлюсь до дождей... - начала она.

- Что это Вы, мамаша, моей женой распоряжаетесь? – подчеркнуто вежливо перебил ее зять. – У Вас свое хозяйство, у нас – свое.

- Так дочь ведь она мне, - возмутилась мать. – Не чужих прошу.

- Да уж что верно, то верно. Ваша дочь никому и ни в чем не отказывает, только попроси. Вертихвостка.

- Павел, - закричала Люба. - Какое ты имеешь право?

- Вот так, мамаша. Вы спросите лучше, по каким кустам ее в молодости таскали. Все говорила, уж такая она у Вас... дева. Ну, да, была дева... - хихикнул он.

- Ты чего, срамник этакой, говоришь? – опешила мать. Как не стыдно?

- Это мне стыдно? Пусть Вашей дочке будет стыдно, что пришла ко мне порченая. Ладно, пригрел, а то бы до сих пор таскалась.

Этого Люба вынести не смогла. Она подошла к мужу и отвеси-

ла ему такую оплеуху, что самой стало страшно.

- Все могу простить, но подлость – никогда. Какая же ты тварь поганая! – выплеснула она это ему в лицо и выскочила за дверь.

К мужу Люба больше не вернулась. На развод подала сама. Кроме документов не взяла ничего. Павел приходил несколько раз, извинялся, стоял на коленях, приносил подарки. Как ни странно, жалости к нему Люба не испытывала. Все, что приносил, выбрасывала ему вслед.

Тихо жила с родителями и о замужестве больше не помышляла. О Павле вспоминала с откровенной брезгливостью. Подумывала об усыновлении чужого ребенка, но всякий раз сослуживцы отговаривали. Без детей в доме было скучно, но спасали соседские мальчишки. Они прибежали чуть не каждый день. Иногда по делу, а чаще – просто так. Потом время ушло, и думать о детях стало поздновато.

* * *

Много воды утекло, прежде чем Люба стала такой, какой ее знали до замужества – общительной, веселой и ироничной. В доме по праздникам снова зазвучали песни. Как и раньше, стали заходить друзья, помогали, если была нужда. Жизнь устоялась, менять ничего не хотелось. И вот на тебе!

Нельзя сказать, что Люба отнеслась равнодушно к приходу Игоря. Где-то внутри отозвалась давняя обида, которую она старалась скрыть за язвительностью и смехом. Она видела, как неуютно становилось Игорю от ее насмешек, но остановиться не могла.

- Ничего, - сказала она ему, - поизвивайся, словно уж на сковородке. Я дольше терпела. Меня сколько лет называли «невестой без места». Хоть бы весточку подал, написал бы честно, что не нужна я тебе. Поступил по-скотски.

После этих слов Игорь ушел. Она не знала, радоваться ей или горевать. Слишком неожиданно все получилось. Через час она уже забыла о существовании старого друга. Все давно перегорело, и будить былые воспоминания, значит, снова ждать и надеяться хоть на запоздалое, но счастье. Тогда, в молодости, она готова была бежать за ним на край света, но он не позвал.

Но не таков оказался Игорь. Он сдаваться не собирался. Обескураженный таким приемом, он часа два колесил по улицам. Вернулся домой, когда совсем продрог. Уже с порога почуял приятный запах шанег и топленого масла.

- Ой, мама, ты как будто мои мысли читаешь, - воскликнул Игорь. – Я так мечтал о горячих шаньгах с молоком.

- Небось, по гостям шастал и сытый пришел? – спросила мать, накрывая на стол.

Он, не отвечая, вымыл руки и подошел к окну.

- Ты помнишь Любу из нашего класса? – задал он волнующий его вопрос. – Не знаешь, где она и как живет?

- Да как не помнить? Ладная была девушка, - отозвалась мать, - да люди разное про нее говорили. Чужая душа – потемки. Кто знает, может, оно так, а, может, нет.

- Что говорят-то? – поинтересовался он.

- Плохо говорят. Будто был у нее жених, потаскал да бросил. Потом вдовый один подобрал, так она и ему «рога наставила».

У Игоря мгновенно вспыхнуло лицо, он почувствовал, что багровыми становятся и уши. От смущения сделал огромный глоток воздуха и закашлялся.

- Да уж не к ней ли ты собрался в гости? – гневно спросила мать. - Ославить хочешь?

- Ну, прямо так и ославить, - возразил ей сын. – Посмотрю, какая стала, поговорю. Все-таки 30 лет не виделись.

- Что ж она тебя забрала в юности?

- Не она забрала, а я перекинулся к другой и не мог признаться. Выходит, струсил.

- Ты уж, Игорек, Бога не гневи. Жену ты нашел хорошую. Вон какого сына тебе родила. Богатырь!

- Разошелся я с ней, мама. Еще год назад, - выдавил он из себя.

- Ах ты, пес шелудивый! Снимай штаны! – она схватила полотенце и, обессиленная, опустила на стул.

Несколько раз потом он пытался объяснить матери ситуацию, но она и слышать ничего не хотела.

Заглядывал к Любе, отношения их оставались натянутыми. Он не знал, как вести себя с ней. Даже гуляя с ним по улице, она больше молчала.

Отпуск подходил к концу, а у Игоря все еще не было никакой определенности. В последний день перед отъездом мать под села к нему на диван.

- Что не весел, сын?

- А чему радоваться?

- Ты что же, на меня обиделся? На правду нельзя обижаться.

- Да какая правда, мама? Ты же Любу совсем не знаешь, только по бабьим сплетням судишь. Она, если хочешь, до последней возможности меня ждала.

- Это она тебе сказала?

- В том-то и дело, что она вообще молчит, а я по глазам вижу. Расстрожил ее.

- Так какого черта ты тут разлегся? – воскликнула мать. – Коли виноват, так кайся, а девку сызнова нечего на позор выставлять.

Она схватила со стула полотенце и закричала на него.

- Быстро надевай штаны и без нее не возвращайся.

Едва удалось Игорю убедить Любу пойти к его матери. Вначале они долго сидели за столом втроем, а когда мать ушла спать, остались наедине. Проговорили до самого рассвета, не замечая времени.

Когда мать начала колдовать возле печки, Люба бросилась ей помогать, чтобы успеть перед дорогой накормить Игоря домашней стряпней.

В полдень подошла машина, посигналила. Это сосед поехал с дочерью в Пермь и согласился подбросить Игоря в аэропорт.

Игорь, взяв с собой самое необходимое, начал одеваться. Вместе с ним на улицу вышли Люба с матерью. Наскоро попрощавшись, он сел в машину. Потом оглянулся. Два самых близких человека, махали ему вслед.

- Я скоро вернусь, - мысленно кричал он им.- У меня снова есть дом и ... жена.

Он уже не боялся будущего. Семья есть, а работу он найдет. Были бы руки.

Отторжение

Далеко от нас Великая Отечественная война, но пока еще живы ее свидетели. Еще болят старые раны у фронтовиков. Но ни с чем не сравнить душевные раны. Мужчинам было намного легче и на фронте, и после, а вот женщинам и девочкам, которых втянула в свой водоворот война, пришлось испытать такое, что и врагу не пожелаешь.

Издавна защитником на Земле был воин-мужчина, а женщина – хранительницей домашнего очага. Но на передовых позициях самой страшной войны XX века сражались около миллиона представи-

тельниц слабого пола. Многие из тех, кто выжил, после войны оказались отвергнутыми.

- Я за два года, что находилась на фронте, разучилась улыбаться, - говорит о себе Г.Ф. Ковалева. – Думала, вот доживу до Победы, буду хохотать до упаду. Не получилось, веселья во мне не осталось, все война вытравила.

Вглядитесь в лицо фронтовички. Каждая морщинка кричит о перенесенных страданиях, но взгляд ее гордый, не потухший.

Знакомство

Серьезная и не очень улыбчивая пожилая женщина, сидящая за именинным столом напротив, привлекла мое внимание тем, что постоянно крутила в руках спичечный коробок. Она не произносила тостов, не пела, не смеялась, словно веселье шло мимо

нее. Когда хозяйка предложила гостям представиться друг другу, и очередь дошла до этой женщины, назвалась пенсионеркой, Галиной Федоровной.

Часом позже я узнала, Галина Федоровна приходилась родственницей имениннице, но что вызвало у меня больший интерес - участницей войны. Военная тема всегда была мне близка, не скрою, после общения с фронтовиками, я продолжаю какое-то время «жить на войне».

Когда гости стали расходиться, Галина Федоровна сама подошла ко мне:

- Если Вы не против, я пройду с Вами?

Это меня и смутило, и обрадовало. Мы шли по осеннему городу, я показывала старинные здания. Возле городского сада она остановилась, долго смотрела на собор, но не проронила ни слова, только покачала головой.

- Я же местная, - наконец, произнесла она, когда мы подошли к бывшему военкомату. – Вот здесь отца, помню, провожала и дядю в июне 41-го. Отсюда и сама уходила в марте 43-го. Кроме этого здания и того, что напротив – это госпиталь, здесь ничего не осталось, все по-другому. Не поверите, с тех пор и нога моя сюда не ступала. Мы в Половинке жили, а в конце войны мама в Юго-Камск переехала, он же относился тогда к Оханскому району.

Постепенно наш разговор подошел непосредственно к войне. Галина Федоровна рассказала, как узнала о начале войны и, не помня себя, бежала домой, ей было 13 лет. Как рыдали жены и матери у военкомата, провожая близких людей в неизвестность. Плач не прекращался и на берегу Камы, где мобилизованных и добровольцев сажали на пароход.

- Как же Вы попали на фронт, - удивилась я, - если в начале войны Вам было 13 лет?

- Вот так и попала, - несколько смутившись, ответила Галина Федоровна.

Доброволец

Через два года после начала войны из нескладной девочки-подростка Галя превратилась в крупнотелую румяную девушку

– кровь с молоком. Никто не верил, что ей всего 15 лет.

Однажды, сделав из своих кос взрослую прическу, Галина явилась в военкомат и попросилась на какие-нибудь курсы, чтобы потом уйти на фронт. Деревенские жители тогда паспортов не имели. Она «честно» сказала, что ей 17 лет. Девушке поверили, и через три дня она уже шагала по Перми в шинели вместе с другими добровольцами. После медкомиссии Галя попала в группу девчат с «орлиным зрением». Их обучали на снайперов.

- Я с радостью училась и с нетерпением ждала момента, когда первый фашист ляжет от моей пули, – Галина Федоровна тяжело вздохнула. – Если б знать, какие последствия ждут в будущем, лучше бы на медсестру выучилась.

Счет открыт

Свой первый выход на точку Галина Федоровна помнит до мельчайших подробностей. Был ли страх? Естественно. Была ли уверенность в своих силах? Да, была, она, пожалуй, больше походила на внутреннее бахвальство и самоуверенность (я, да не выслежу врага?).

В первый раз ничего существенного не произошло. Фашиста она убила на третий или четвертый выход, несколько часов пролежав в мокрой траве без движения. Тишина. Даже птицы молчали, но девушки знала, враг где-то близко и выжидает удобного момента. Нервы не выдержали у немца. Он заворочался, и тут же застрекотала сорока, выдав его присутствие. Это был первый фашист на счету Галины.

С трудом, дождавшись смены, она добралась до своей землянки, и тут ее начало выворачивать так, что пожилой капитан, который командовал девчатами, не на шутку испугался.

- Так бывает, милая, - успокаивал он ее. – Убить человека не просто, да еще девушке. Это пройдет, во второй раз будет легче, а потом и совсем привыкнешь. Вот ведь что наворотели, из девчонок, которым детишек рожать надо, убийц сделали. Эх, война, война...

И, правда, потом было легче. Снайперы укладывали фашистов одного за другим, но погибали и сами.

Первая любовь

- Зимой 44-го я прокляла войну и тот час, когда стала снайпером, – заметно было волнение Галины Федоровны, но ей, видимо, хотелось выговориться. - Я шла на задание с разведчиками. Старшим в группе был лейтенант Ледогор. Как его увидела, сердце екнуло. В 16 лет самое время влюбляться. Ничего не могла с собой поделывать, стоял перед глазами, куда бы ни смотрела. В руки себя взяла. На опушке осталась их ждать и наблюдать за противником.

Неудачной оказалась та «охота». Разведчики шуму наделали. Вернулись только к ночи, с ног до головы грязные и без «языка». Еще не раз Галя ходила на задание под началом Ледогора, но он никаких признаков внимания не оказывал, и девушку это злило.

По ночам она плакала от тоски и безысходности, жалела себя.

- Если бы Вы знали, что такое первая любовь на войне, когда неизвестно, что будет с тобой и любимым человеком завтра, - в ее голосе послышался внутренний всхлип. – Некоторые девчата жили тогда по принципу – война все спишет, и плыли по течению. Я так не хотела и помнила наказ отца – не терять своего достоинства.

Разведчики жили в ста метрах от снайперов, однако желания познакомиться поближе не изъявляли. Уважали девушек-снайперов, но сторонились. Больше в гости к телефонисткам да медсестричкам заходили.

- Однажды я решила сама этому Ледогору про свои чувства сказать. Вечерком встретила его на базе, он меня даже не сразу узнал, мы же видели друг друга обычно в масках. Представьте влюбленную девчонку, они во все времена одинаково нетерпеливые. Я сходу и выпалила ему все, что на сердце было.

Ледогор вначале опешил, потом долго смотрел девушке в глаза, будто изучал.

- Ты хоть понимаешь, о чем говоришь? - спросил он, тяжелым взглядом обведя вокруг себя. – Какая любовь, такая бойня вокруг? И потом, не представляю рядом с собой жену-убийцу. Не обижайся, но ты никогда не сможешь стать ни хорошей женой, ни настоящей матерью, у тебя же в крови одно – убивать и убивать. Это не лечится, к сожалению.

Крепко обидел девушку лейтенант. Она даже имени его не знала. Со временем боль улеглась, поутихла. Галя могла спокойно смотреть на человека, которого продолжала любить, но чувство свое «спрятала» подальше. Война – не время для любви.

Безрадостная встреча

- Еще год я выслеживала и убивала врагов, - продолжала фронтовичка. – Как сейчас сказали бы, киллером работала. На счету был не один десяток немцев. В 45-м, на подступах к Будапешту дурной осколок мимо пролетал, да на меня и наскочил, а я так мечтала войти в Берлин победительницей.

Ранение на два месяца уложило девушку в госпитальную койку. О Победе она слышала по радио в госпитале, когда уже могла ходить. Все обнимались, что-то кричали, лежачие плакали. Плакала и Галина от радости и от обиды.

В середине мая она поехала домой. Из писем знала, что мать живет в Юго-Камске. Приехала, а из колеи ее начала выбивать кричащая тишина, которая заставляла напрягать внимание во сто крат больше. После ранения в голову «орлиное зрение» пропало. Пришлось подружиться с очками.

Сотрудница заводского отдела кадров, посмотрев документы, сказала, что такие рабочие предприятию не нужны.

- Какие такие? – возмутилась фронтовичка. – Я ведь на войне не в бирюльки играла.

- Да знаем мы, зачем на войну девки бегают...

И девушка решила никому больше не говорить, что была на фронте. Спрятала воинские документы и награды, поехала в областной центр и устроилась на работу. Когда тебе 18 лет, жизнь должна бить ключом. Так оно и было. Жила в общежитии, училась в вечерней школе, потом в техникуме. Наблюдая за женщинами, которые не скрывали своего участия в войне, внутренне содрогалась, с каким презрением относились к ним не только люди, не нюхавшие пороха, но даже и некоторые мужчины-фронтовики.

- А Вы ни разу больше не встречали Ледогора? – перебила я ее.

- Встретила как-то..., - она долго молчала, будто подбирала слова. - Только радости та встреча обоим не принесла. – Отпра-

вили меня однажды в составе делегации на Череповецкий металлургический завод по обмену опытом. Вечерком мы решили побродить по городу, ознакомиться с его достопримечательностями.

Было воскресенье. В городском парке играл духовой оркестр. Туда и направились уральцы. В парке много людей разного возраста. Фронтоников можно было узнать по выцветшим гимнастеркам. Вдруг Галине Федоровне показалось знакомым лицо мужчины, проходящего мимо. На гимнастерке – целый иконостас. Мужчина уже прошел, а ее сердце вдруг встрепенулось, готовое выскочить. И она, не в силах совладать с собой, кинулась за ним. Обогнала и пошла навстречу.

- Ледогор, ты меня помнишь? – спрашиваю и понимаю, что я очень изменилась за десять лет. Начала путано рассказывать ему, где мы встречались, напомнила, как в любви ему объяснялась. Он скользнул взглядом и с полным равнодушием произнес:

- Это та пигалица, что людей убивала? Ты, стало быть, еще жива? А-а-а..., да все вы одинаковы. А ну, кыш отсюда, убийца, - и, грязно выругавшись, замахнулся.

Коллеги это увидели и поспешили на помощь. С другой стороны бежали милиционеры. Двое увели Ледогора, а третий объяснил, что человек этот контужен на войне, и когда выпьет, становится невменяемым. Спросил, что за причина такой его нервозности. Галина Федоровна уклончиво ответила, что обозналась, приняла его за однопольчанина.

Одиночество

- Галина Федоровна, да Вы у нас героиня! - воскликнул один из коллег после того, как контуженного увели. – А мы и не знали, что Вы - фронтоничка.

- Я увидела, они по-другому стали на меня смотреть, с уважением что ли. И опять я не сказала, что была снайпером. Вы, наверное, удивитесь, но муж ушел от меня, как только узнал, кем его жена «работала» на фронте. Развелся, как объяснял всем, по идейным соображениям. Знаю я его «соображения». По возрасту, он мог быть призванным, но сделал все, чтобы этого не случилось. Зато его младший брат ушел добровольцем и погиб.

После ухода мужа, Галина Федоровна сходила в ближайший детский дом и взяла на воспитание девочку из Прибалтики, родители которой погибли после войны от рук «лесных братьев».

Смотрела я на нее и не верила, что такую женщину можно отвергнуть. Муж случайно обнаружил сверток с орденами и медалями. Вначале думал, это награды ее без вести пропавшего отца, но красноармейская книжка жены словно открыла ему глаза.

- Нас, женщин, стали по-настоящему признавать участницами войны, наравне с мужчинами, лишь в 70-х годах, - она смахнула рукой невидимую слезу со щеки и продолжала. – Не скажу о других воинских «специальностях», но девушки-снайперы в большинстве своем доживают свой век в одиночестве, потому что не сумели создать семью.

Несмотря на то, что дочка радовала приемную мать своими успехами в учебе, а потом и внуки, оказавшиеся на редкость творческими личностями, женщина все равно осталась одинокой в душе. И это душевное одиночество живет с ней ровно столько, сколько лет нашей Победе.

Мы еще долго бродили по ночному городу, потом взяли такси и съездили в Половинку. Но дома, где жила Галина Федоровна, уже не нашли.

2010

Прощание

Иван Николаевич лежал в комнате с закрытыми глазами. Он слышал в кухне чужие голоса. Кто-то громко на чем-то настаивал, во дворе под окном лаял Трезор. Все казалось жутким сном. За заборкой капризничал правнук, выпрашивая у матери банан. Всюду были чужие непривычные звуки.

Старик, скорее, почувствовал, чем услышал, что в комнате он не один. Открыл глаза. Возле дивана стояла старшая невестка, уже немолодая полнеющая женщина. Он всегда удивлялся, насколько легка ее походка. Вот и сейчас не расслышал, как невестка вошла в комнату.

- Дед, - обратилась она к Ивану Николаевичу, - поднимайся, завтракать будем.

- Сейчас, сейчас, Зоя, - заторопился сразу старик. Он оделся, крихтя, пошел умываться. В сени из открытой двери светило яркое осеннее солнце.

- Все так же, как раньше, и все-таки по-другому, - подумал Иван Николаевич. Не было привычных половичков, не висели над головой пучки пахучих трав.

Умывшись, он накинул на плечи старенький полушубок и вышел во двор, Трезор радостно кинулся ему под ноги. Он погладил пса своей сухой морщинистой рукой и прошел к старому тополю. Сел на низенькую скамейку, задумался.....

Семь лет уже старик жил один. Обихаживал себя сам, помогал, помощи ни у кого не просил. Нынешней весной занедужил и до сих пор не может войти в колею.

От сильного порыва ветра заскрипело старое дерево. Иван Николаевич глянул наверх, где, как обычно, сидела ворона, и вдруг с тоской вспомнил, как сажал с женой это дерево. Они были тогда совсем молодыми. Тополь хорошо прижился, разбросал по сторонам свои огромные сильные ветви. В его тени знойными летними часами отдыхала вся семья.

В год, когда не стало жены, молния ударила в дерево, и оно начало сохнуть. Иван Николаевич, видя, как умирает тополь, чув-

ствовал, что из него самого силы с каждым днем уходят. Он понимал, что вернуть молодость невозможно. Вот уж один сын вышел на пенсию и дочь с невесткой пенсионерки, топают по земле его внуки и правнуки, и все равно не хочется считать себя беспомощным и быть кому-то обузой.

Сегодня он навсегда уедет из родного дома, а завтра здесь будут хозяйничать уже другие люди. Дом продан. Из глаз старика вылезли две большие слезы и, чуть задержавшись, покатались по впалым морщинистым щекам. Внутри, как натянутая струна, зазвене-ла жалость к себе и ко всему привычному, что он оставит здесь.

Иван Николаевич поглядел на Трезора и тихонько проскрипел:

- Душу я свою здесь оставляю, Трезорко, охраняй ее вместе с домом. А тело, что ж, ему немного жить осталось.

- Дед, ты куда подевался? послышался звонкий голос Зои. - Остывает все. Скоро машина придет, а ты еще голодный.

Спустя час к дому подкатил грузовик. Кто-то носил вещи, кто-то мыл полы. Старик сидел у окна на выдавшем виды табурете и безразлично смотрел на улицу. Рядом на подоконнике пристроился пятилетний Ванюшка. Он рассказывал деду, какие дома у них в городе и как без лифта можно быстро добежать до седьмого этажа.

Когда все было закончено, в комнату, как вихрь, ворвался сын и коротко приказал:

- А ну, живо, одевайтесь. Паром ждать не будет.

Проходя в последний раз по собственному двору, старик у самых ворот обернулся на Ванюшкин крик:

- Деда, деда! Собачка плачет. Успокой ее, деда!

Он подошел к собаке, молча, вытер у нее слезы.

- Прощай, Трезорко. Прости, если что. А хозяев уважай, не пакости, смотри. Дай-ка лапу на прощание.

Пес, встав на задние лапы, лизнул старика в лицо и, поджав хвост, заковылял к крылечку. Лег там, положил голову на передние лапы и тихонько заскулил. Из глаз его текли слезы, но их уже никто не видел.

Черное лето 41-го

Лишь опускались над городом июньские сумерки, Василий Николаевич садился возле окна и не видящими глазами старательно всматривался туда, где, как ему казалось, должен был увидеть давно забытое и страшное. Он не любил первый месяц лета, потому что июнь сделал его совсем другим человеком.

С Василием Николаевичем Каменских мы познакомились, когда он приходил к нам в школу на пионерский сбор от родительского комитета. Его дочка училась в нашей параллели. Сбор был на тему бережливости. Он тоже выступал, и никто из нас не заметил, как сам собой разговор перешел на военную тему, нет, не о подвигах шла речь, а о той же бережливости. Как берегли патроны солдаты, как берегли своих командиров, как берегли друг друга, оказавшись в сложной ситуации, например, в плену и так далее.

В жизни Василий Николаевич вообще не любил говорить о войне, в душе его жила боль, связанная с какими-то событиями, но это для меня было тайной, скрытой за семью печатями.

Окончив восемь классов, дочка его уехала учиться, а потом ее направили в Приморский край. Там она и живет до сих пор. Последняя наша встреча состоялась в конце 60-х, перед ее отъездом на новое место. Мы сидели втроем и неспешно беседовали, вот когда я узнала, о том, что случилось с Василием Николаевичем в первые дни войны.

* * *

Василий Каменских успел до призыва получить в училище специальность слесаря, а в школе, куда бегал по вечерам, аттестат зрелости. Даже поработать успел на заводе. Весной 1941 года вместе с другими новобранцами Василий Николаевич бодро шагал от Красных казарм до станции Пермь-II. Он много читал о разведчиках и пограничниках, больше всего запомнился бесстрашный Никита Карацупа, очень хотелось походить на него. И каково же было удивление, когда он узнал, что служить ему при-

дется на границе, правда, не на восточной, как хотелось, а на западной. Радость и волнение переполняли его.

В небольшом пограничном гарнизоне на Буковине Василий хоть и не встретил земляков, но быстро нашел друзей. Украинец Мыкола, так все его называли, обучал парня премудростям пограничной службы, не однажды ходил с ним в наряд, зимой должен был демобилизоваться.

Если дома Василий не особо задумывался, будет война или не будет, он был уверен в силе Красной армии, то на границе то и дело слышал разговоры о предстоящей войне, и на занятиях, и от старших военнослужащих. И все равно, не верилось начинающему пограничнику, что враг рискнет напасть на такую огромную страну, которая в намного больше Европы.

* * *

Утро 22 июня началось с непонятого гула, который нарастал, ширился, а потом, казалось, занял все пространство. На спящих людей посыпались бомбы. От свиста и грохота стонала земля. Бойцы, успевшие выскочить из казарм, метались по территории, не зная, куда спрятаться. Казалось, огонь хлещет из всех щелей, с воздуха и из-под земли.

- Почему такая нелепая провокация именно на нашем участке? - подумал Василий. – Ну, ничего, сейчас вот наши прилетят и устроят вам Варфоломееву ночь!

- Василь, давай за мной! – крикнул вылетевший откуда-то Мыкола. – там танков идет не меряно. Хватай гранаты и вперед! Все это он прокричал скороговоркой, мешая русские и украинские слова.

Не успев пересечь плац, пограничники увидели первый танк. На стволе его, видимо, для устрашения, болтался окровавленный труп в форме советского солдата. Они машинально отскочили назад и припустили к укреплениям. Там уже разгорелся нешуточный бой.

- Они же нарушили границу, почему нет нашей авиации, Мыкола? – возмутился Василий.

- Не будет авиации, Василь, не будет! – почти кричал Мыкола.

– Они по всей нашей границе пошли в наступление, аэродромы уничтожены.

- Откуда знаешь?

- Да я ночью у телефонистов был. Обидно погибнуть ни за грош, а чем помочь ребятам, не знаю. Нет, не справиться нам одним. Это ж, какая масса прет! А чем отбиваться, если склад с оружием разбит?

Когда стрельба поутихла, и рев моторов не так резал уши, видимо, танки пошли по шоссе, бойцы пробрались к укрепленной зоне. Кругом валялись трупы. В углу рядом с истекавшим кровью солдатом тело медсестры Дуняши. Она перевязывала бойца, когда ее достала пуля. Среди погибших был и начальник гарнизона.

Мыкола собрал оставшихся в живых ребят.

- Будем бороться до последнего, - сказал он, - если каждый хоть одного фашиста убьет, нашим будет легче гнать их обратно.

С этой минуты дни и ночи превратились в кошмар. Немцы забывали про кучку погранцов, засевших в укреплении. Зато ребята постоянно напоминали о себе, стараясь нанести хоть какой-то урон врагу. У них не было ни связи с миром, ни достаточного количества оружия, зато ненависть в них кипела на полную силу.

Только начинало темнеть, смельчаки пробирались к немецким машинам, остановившимся на ночлег. Уничтожив часовых, прокалывали шины. Им удавалось и поживиться за счет немцев, в машинах были продукты, а иногда и боеприпасы.

Бойцов спасало то, что воинские части были проходящими и больше одного-двух дней в этом местечке не задерживались.

Ребята натаскали немецких автоматов, гранат и даже взрывчатки. Однако потеряли осторожность.

Однажды остановилась на постой часть СС. В ту ночь Мыкола приказал заложить взрывчатку

под мост, выходящий на шоссе, и под здание, где ночевали эсэсовцы. Со второй группой он пошел сам и взял с собой Василия. Решили часовых не убирать, а дожидаться, когда они отойдут подалее. Вроде, все рассчитали. Только подползли к стене, открылась дверь и из здания вышли двое здоровых эсэсовцев покурить. Выстрелить, значит, наделать шума, а оставаться на месте тоже нельзя, вот-вот вернутся часовые. Что делать?

- Василь, - шепнул Мыкола. - Я отвлеку гадов, а ты с другой стороны попробуй попасть в нишу. И не возражай, приказы не обсуждаются.

Василий в черноте ночи прижался к темным кирпичам, а Мыкола, изобразив из себя пьяного, направился к немцам. Эсэсовцы, увидев человека в лохмотьях, обалдели. Крикнули часовых. Те, пробегая мимо Василия, его не заметили, и парень, воспользовавшись этим, завернул за угол и пробрался к нише. Он все сделал, как положено, но как выйти из оцепления, которым вмиг был окружен двор? Шнур уже горел под деревяшкой, а спрятаться нигде. За какое-то мгновение до взрыва Василий успел прыгнуть в сторону деревянной развалюхи и упасть лицом вниз. Это его и спасло от гибели.

Сколько раз он потом проклинал тот день, сколько раз ему хотелось умереть! Эсэсовцев, которые находились близко к зданию, или завалило, или убило, но остальные, кто были в оцеплении, остались живы. Они быстро сорганизовались и начали прочесывать двор.

Достали из-под обломков своих, потом нашли под обломками сарая Василия, он был без сознания. Чтобы привести в чувство русского солдата, немцы окатили его водой из колодца.

Вот когда Василий прочувствовал, что значит, собраться и сделать что-то из последних сил. Фашист пинал его ногами, заставляя встать. И, преодолевая боль и тошноту, пограничник встал и с усилием сделал первый шаг.

Он увидел, только одна сторона здания была разрушена, к тому крылу его и повели. Следом подтащили Мыколу, живучим оказался, всех убило рядом с ним, а он живой остался, только вот

левая рука болталась лишь на коже.

Вскоре из их укрепункта послышались выстрелы, это фашисты добивали тех, кто не мог идти, а остальных тоже привели во двор. Так застава перестала существовать.

* * *

К вечеру эсэсовцы передали пленных в руки полевой части, а сами подались на восток.

- Офицеры и командиры должны идти впереди строя, - на ломанном русском языке скомандовал немец, видимо, старший по званию. Никто не шелохнулся. Среди пленных, в самом деле, не было ни одного офицера, чему немец не поверил. Он взял самый настоящий кнут и начал хлестать беззащитных людей, только кровь брызгала со всех сторон. Ничего не добившись, вытащил самых рослых и поставил впереди.

- Вы есть офицер. Вздумаете бегать, получите пулю раньше. – Из-за приземистого роста Мыкола в «офицеры» не попал, он был сержантом.

Их долго держали в каком-то местечке, закидывая им, как собакам, какую-то еду в сарай, наливали в бочонок воду. Мыкола взял на себя распределение скудной пищи. Немцы думали, что русские перегрызутся из-за куска хлеба, но этого не случилось. В первую очередь кормили самых слабых и раненых, а остальным – что достанется.

Потом их везли на поезде. В телячьих вагонах со всех сторон продувало. У пленных было такое чувство, что русских больше нет. Они несколько месяцев подряд слышали только немецкую речь и еще какую-то незнакомую. К осени их привезли в Польшу. Вот там впервые встретились русские, такие же бедолаги, как и они сами.

Пообщавшись с другими пленными, Василий понял – бои идут по всей территории, куда ступила нога врага. Немцы рвутся к Москве, к нефтяным «резервуарам», к Волге. Наша армия пока отступает и несет огромные потери.

* * *

- Все, милочка, больше ничего тебе не расскажу, не было у

меня юности, ее война оборвала, - сказал, будто поставил точку Василий Николаевич. – Не хочу вспоминать и не буду, только расстройство лишнее. Этак, я и до внуков не доживу. Хоть и вовсе худо вижу, а хочется их еще понянчить.

Меня интересовало, жив ли остался Мыкола, но Василий Николаевич дальше вспоминать наотрез отказался. Пообещал как-нибудь в другой раз. Но «другого раза» не получилось. Умер он между грядками в огороде, не дождавшись внуков, не дождавшись реабилитации.

Через несколько лет после его смерти в Оханск приезжал тот самый Мыкола (Николай Тарасович Охрименко) с сыном, «очень хотел с Василем повидаться», но увидел только могилку. Об этом рассказала мне его соседка, купившая дом Каменских. Живет Мыкола на Буковине, где войну встретил и в плен попал.левой руки нет, в плену нашелся врач, заметил, что конечность болтается лишь на коже, вот и «отхватил». Работает Мыкола председателем колхоза. А что насчет плена, так об этом на Украине ему даже не напоминают, но и почестей особых не оказывают, как другим фронтовикам.

Годы, проведенные на чужбине, сказались на здоровье, на характере людей, прошедших плен. Сегодня Василия Николаевича поставили бы в один ряд с участниками войны, а тогда правило было одно: в плен попал, значит, предал. Всего две недели сражались с фашистами пограничники на территории заставы, не прятались, а наносили врагам урон, как могли. Не сдавались, рук не поднимали, конечно, пришлось работать потом на немцев и в каменоломнях, и в шахте, потому что было огромное желание вернуться на Родину, которую они не видели с того черного лета 1941 года.

2011

Икона

Никогда Екатерине Ивановне не было так плохо, как сегодня. Какая-то тревога нарастала изнутри. Она не могла понять причины, но чувствовала – беда на пороге. Больше всего на свете она боялась пожара, насмотрелась еще в детстве, когда горела вся

деревня – подожгли фашисты. В ее памяти остались отдельные картины: босые, полураздетые люди на снегу, плач детей, причитания женщин и огромное зарево во все небо. Все это сопровождалось гортанными криками на непонятном для нее языке. Сколько ей было, два, три года?

Тогда деревне еще повезло. Спалив ее, фашисты решили, что люди сами погибнут, да и торопились очень, ведь впереди у них маячила Москва. Жители поселились на горелках, а у кого ничего не осталось, начали рыть землянки.

* * *

Как во время войны еще ребенком Екатерина Ивановна оказалась в Оханском районе, ушло из ее памяти навсегда. Не знает и настоящей даты своего рождения, поэтому никогда не отмечает. В кармане ее пальтишка нашли только скомканную бумажку с накарябанными кое-как именем и фамилией, больше ничего не было указано, и маленькую иконку.

Детдомовская жизнь – не сахар, но здесь было тихо и спокойно. Девочка хорошо помнила деревенский пожар, но из сознания совершенно ушел образ мамы. Она не знала, как ее звали, помнила только голос.

Когда закончилась война, в детский дом приезжали люди, которые искали своих детей. Девочка тоже ждала, но никому о сво-

ем самом главном желании не говорила. Она вообще очень мало говорила.

Тайна из прошлого

Екатерина Ивановна накапала в стакан с водой валерьянки и пошла в комнату, где в переднем углу находилась икона. Помолилась. Стало чуть легче, но тревога не проходила. Сильно верующей она не была. Когда уезжала из детдома после шестого класса, ей вернули маленькую иконку, что лежала в личном деле. Еще сообщили, что настоящая дата ее рождения неизвестна, а обнаружили девочку пехотинцы в Ленинградской области совершенно случайно. Она была в тяжелом состоянии. Как сказали потом в медсанбате – тиф. Девочка выжила, и ее отправили вместе с другими найденными детьми на Урал. Женщина и сегодня хранит иконку, как самую дорогую реликвию. Это – единственное, что осталось, как она считает, от мамы.

Долгие годы Екатерина Ивановна пыталась найти хоть какой-то след родных, но только по имени и фамилии, без точного года рождения и указания места жительства, ничего найти не удалось. Сотни деревень сожжено только в Ленинградской области.

Екатерина Ивановна окончила училище, стала строителем. Вышла замуж за своего коллегу. Все шло хорошо. Две дочки радовали, сынишка рос сорванцом, но и с ним можно было ладить. Теперь у всех уже свои семьи.

После смерти мужа Екатерина Ивановна поменяла пермскую квартиру на Оханск. Слишком многое в Перми напоминало о нем. Здесь зажила спокойно, но тянуло в церковь. Почему? Она и сама не могла объяснить. Однажды ей приснилась мама, точнее, она услышала ее голос, как наяву. Вначале колыбельная песня, а потом: «Доченька, ты не отвергай веру, молись, дед-то твой священником был». Она проснулась сразу, а голос еще звучал. Достала из шкапулки свою иконку и положила обратно, молиться она не умела.

На другой день поехала к сыну в Пермь, посидеть с заболевшим внуком. Через неделю решила проведать и младшую дочь. Та призналась, что с некоторых пор ходит в церковь. Вначале у Екатерины Ивановны в душе поднялась волна неприятия, готовая

вырваться наружу, но она вовремя вспомнила свой недавний сон и напросилась пойти в храм вместе с дочерью.

Шла служба. Женщина внимательно слушала, но почему-то потом не могла ничего вспомнить из услышанного, как не силилась. Она сказала об этом дочери, та подтвердила, что в первое время с ней было то же самое.

- Мама, молиться надо, а не просто стоять и слушать, - посоветовала дочь. – Да и на исповедь неплохо бы сходить.

- Доченька, да ведь я ничего в этом не понимаю. Просто мне мама приснилась и сказала, что дед мой был священником.

- Ты же говорила, не помнишь ни мать, ни отца – круглая сирота.

- А голос помню. И я его слышала.

- Все, мама, давай завтра же иди исповедоваться, а то еще сойдешь с ума.

Так потихоньку Екатерина Ивановна начала молиться.

Находка

Однажды сын взял ее с собой в Ленинград (она так и не привыкла называть этот город Санкт-Петербургом). Они вместе сходили в Казанский собор, а потом он каждый день отправлял мать на экскурсии по разным маршрутам. Одна из них, «По местам бывлых боев», запала ей в душу. Они остановились в бывшей деревне, которую, по словам гида, спалили во время войны полностью. В наши дни там ничего не осталось, лишь памятник украшает территорию. Экскурсантам предложили отдохнуть, погулять по свежему воздуху, пока водитель автобуса будет возиться с перегревшимся мотором.

Екатерина Ивановна вместе с соседкой по автобусу спустились к речке. Сняла обувь и решила походить по воде. Вдруг почувствовала под ногой что-то острое. Наклонилась, и увидела из воды направленный на себя взгляд, казалось, он смотрел ей прямо в душу. Пошарила рукой по дну и подняла... небольшую икону.

- Здесь после войны много находили разных предметов церковной утвари, - сказала спутница. – Недалеко отсюда разрушенный храм, может быть, она оттуда попала, а, может еще откуда-нибудь выплыла. Земля многое выталкивает. Вы верующая?

- Да как сказать? Дед мой был священником. Вот и я начала молиться. Я, может быть, даже родом из этих мест, мою деревню тоже сожгли.

- А я коренная ленинградка, и часто езжу по таким экскурсиям. Мой отец погиб на фронте, а мать в городе, при бомбежке в 42-м, мне несколько месяцев было. Меня соседи спасли и вырастили. Ты вот что, спрячь икону, иначе отберут. И запомни, она теперь - твоя защита. Дома на нее молиться будешь. Пусть совесть тебя не мучает, это не кража, возможно, знак из твоего прошлого.

- Как же я ее спрячу, у меня, кроме пакета и нет ничего? – удивленно воскликнула Екатерина Ивановна.

- Возьми мой, он побольше будет, - ответила спутница.

Они еще побродили возле рожицы, посидели в тени березок, а когда раздался сигнал автобуса, вернулись к группе. Всю дорогу молчали. И снова, как было много раз, Екатерина Ивановна пыталась выжать из памяти какие-то воспоминания. Тщетно. Память молчала.

Водитель высадил группу на Невском проспекте. Спутница крепко взяла Екатерину Ивановну за локоть и предложила сходить в церковь Александра Невского, которая находилась неподалеку.

- Меня Неонилой Матвеевной кличут, - сказала она. – Знакомые называют просто Оней. Мою маму так звали.

- А я Екатерина Ивановна или просто Катя.

Женщины вошли во двор церкви. Неожиданно поднялся ветер и начал накрапывать дождь. Они поспешили в храм. Поставили свечи за здоровье своих родных. После этого Неонила Матвеевна подвела Екатерину Ивановну к человеку в рясе. Он был довольно молод, но глаза добрые и располагали к доверию. Ему-то и рассказала сирота о неудавшемся детстве и найденной иконе. Он внимательно выслушал, не перебивая.

- Икона – твоя случайная находка, ты ведь ее не искала специально. Но коли твоя душа отозвалась, значит, так тому и быть. Храни ее. Вполне возможно, что когда-то ею обладал твой дед. Поставь ее дома и не забывай молиться.

- Вот видишь, как все удачно получилось, - обрадовалась Неонила.

Как ни хотелось Екатерине Ивановне быстрее рассказать о находке сыну, она все-таки пошла в гости к новой знакомой. Ноги ныли и просили отдыха.

Они пришли в дом, восстановленный после войны. В этом доме и родилась Неонила Матвеевна, которая никогда не сомневалась, что папа и мама у нее родные. Только после того, как у нее самой родился ребенок, она узнала, кто были ее настоящие родители. А человек в рясе, который выслушал Екатерину Ивановну, оказался сыном Неонины.

Кража

После той поездки Екатерина Ивановна вернулась окрыленная. Икону поставила на видное место, а рядом положила ту, маленькую, напминавшую ей о детстве. Теперь ее день начинался с молитвы. Очень редко заходит она в оханский храм, предпочитая пермские церкви. Но в этот раз ее потянуло. Хотелось очиститься, правда, она и сама не знала от чего. Уходя, проверила, выключена ли плита, уютюг убрала на место.

Со службы пришла в хорошем расположении духа, не было той тревожности, которая мучила ее в последнее время. Даже не заметила, что дверь не заперта. То, что увидела позже, привело ее в шок. Иконы на месте не было.

- Вот она, беда пришла, - пронеслось в голове. - Вот отчего та тревога и ожидание.

Не могу описать состояние человека, у которого, будто отняли все. Что это? Случайность или целенаправленное похищение? Но в ту комнату посторонние никогда не входили. В это время раздался звонок в дверь. Как во сне Екатерина Ивановна пошла открывать. На пороге стоял мальчишка с ее иконой в руках. Она даже слов найти не могла. Молча, впустила его.

- Бабушка, я не вор, только бабуле своей показал. Она все умирать собирается и ругается, что образов у нас в квартире нет. Вот я и принес, чтобы она помолилась. А она заругалась и обратно послала, сказала, что я совершил грех великий, и никто с меня его теперь не снимет.

- Откуда ты узнал, что у меня икона есть? – спросила Екатерина Ивановна.

- Да я не знал, хотел у Вас спросить, где найти. Позвонил, а никто не ответил. Я дернул, дверь не заперта. Вошел, никто не отзывается. Я подумал, может, меня не слышат, и прошел дальше. Увидел икону и взял ее на время.

Мальчишка пыхтел, казалось, вот-вот заплачет, и продолжал держать икону в руках.

- Считаю, грех я у тебя с души снимаю, хоть и не священник, - улыбнулась с облегчением женщина. – А сейчас давай-ка, мы с тобой поставим все на место и пообедаем.

С того дня у Екатерины Ивановны появился и помощник, и собеседник. Он познакомил ее со своей бабулей, которая теперь умирать не собирается. А когда хочет помолиться, приходит в гости к Екатерине Ивановне.

* * *

- Я сейчас чувствую, как будто меня кто-то охраняет, - говорит Екатерина Ивановна. – Наверное, мама. Я столько раз была в экстремальных ситуациях и выходила из них без последствий. Дети мои, слава Богу, все у них ладно, у внуков - тоже. Думаю, найденная икона помогла мне укрепиться в вере. Жаль только, ничего не узнала о своих родных, но теперь кажется мне, что икона эта – привет от деда, которого мне не суждено увидеть.

2018

Без вины виноватый

Иван Павлович, осужденный на 20 лет, прибыл в Оханский район в 1946 году. Вначале рубил лес в Рождественске, потом в Беляевке, в леспромхозе Оханска и Ольховке.

Иван полз, не замечая ни резкого ветра, ни холодного дождя, ни камней, ни колючек. Он очень хотел жить, поэтому спешил к спасительным кустам, не слыша выстрелов с той стороны, откуда бежал. Там была его деревня, а на поле остались лежать самые близкие ему люди, мать и дед Опанас. Он сейчас думал только о том, как уцелеть.

В деревню Гарино немцы пришли летом 1941 года. Вначале они вели себя достаточно пристойно, но местом жительства выбрали соседнюю деревню, где было много добротных домов. Больше досаждали людям полицаи. Они придирались ко всему: не так посмотрел, не то сказал, не поприветствовал и так далее. Иван старался держаться от них подальше.

Не раз приходил к ним дед Опанас, по совместительству, староста деревни, все просил мать, чтобы она сына уговорила идти в полицаи.

- Понимаешь, Ганна, о тебе забочусь, - с этих слов начинал он разговор. - Подумай сама, парню 16 лет, когда немцы начнут подчищать свои хвосты, они его первого расстреляют, потому что возраст самый опасный. А в полиции он все-таки жалованье будет получать, и тебе легче будет, да и он живым останется.

- Прости, дед, но в нашей родне отроду предателей не было. Как потом в глаза смотреть соседям, мужу, который на фронте?

- Ты не горячись, я ведь дело говорю, мало ли что...

- Нет, и еще раз нет, не сделаю я сына убийцей. Не приходи ко мне больше с таким разговором.

Пистолет

Иван понимал, что не должен сидеть, сложа руки, но что делать? Ровесников в деревне не осталось, а в одиночку, да без оружия, ни одного немца не убьешь.

Однажды ему повезло. Полицаи обычно носили винтовки, пистолетов не имели. Как-то трое полицаев и немец в изрядном подпитии забрели к ним в хату и потребовали у матери горилки и сала. Чтобы не вызвать у представителей «нового порядка» ярости, мать поставила горилку, а вместо сала – кусочки вареной курицы. Компания все это уничтожила и улеглась прямо на соломенном полу.

Иван увидел у немца пистолет.

Решение пришло мгновенно. Все храпели, он подполз к немцу, попробовал открыть кобуру. Удалось. Теперь надо осторожно вытащить пистолет. Он тихонько потянул его на себя и почти достал из кобуры, но в это время фашист заворочался и что-то быстро заговорил. Иван боялся, что проснутся полицаи, он дернул пистолет и выскочил на улицу. Бежал за деревню, чтобы спрятать в кустах добытое оружие.

Ближе к ночи гости начали просыпаться. Через некоторое время вся компания покинула жилище, ничего не заподозрив.

Все началось на следующий день. Ворвались немцы вместе с полицаями и накинулись на мать. Они спрашивали, где партизаны и где похищенный пистолет.

В деревне еще и не слышали о партизанах. Если они и были, то никак себя пока не проявляли. Полицаи перевернули все верх дном, даже солону перетрясли, но ничего не нашли. Тогда принялись за Ивана. Один из полицаев ударил его в ухо, да так, что из уха потекла кровь. Мать запричитала, но ее заставил замолчать рядом стоящий немец, ударив прикладом в плечо. Часа два допрашивали мать и сына, потом пошли в соседние хаты.

Вечером явился дед Опанас. Он без предисловий обратился к подростку.

- Иванка, ты что это удумал? Хочешь, чтобы всю деревню спа-

лили? Это ведь ты украл пистолет, сознавайся. Ты? Я видел, как ты летел через огороды. Нехорошо это, Иван, плохо.

Крыть было нечем. Хоть дед Опанас и был старостой, но почему-то в деревне к нему относились с доверием.

- Ты вот что, пойдешь все-таки в полицию, - продолжал он. - Не обязательно кого-то убивать, наоборот, сможешь помочь Красной Армии. Ты же будешь свободно передвигаться по ближней территории. Что-то разузнаешь, что-то увидишь, кого-то спасешь - и это тоже помощь. От нас никого в полиции нет. Понимаешь меня?

Иван понял. Дед Опанас, скорее всего, связан с партизанами. Но как смотреть в глаза своим односельчанам после того, как наденет повязку полиция? Каждому не объяснишь, чем он занимается.

С повязкой полиция

Вместе с дедом Опанасом на другой день Иван направился в управу. Там его принял офицер, неплохо говорящий по-русски. Познакомил со старшим полицаем Степаном, у которого был один глаз, а другой завязан темной тканью. Он разглядывал Ивана, словно буравчиком прощупывал.

- Ладно. Посмотрим, что ты за фрукт, - произнес сквозь зубы Степан, который никому не верил.

Ивану выдали повязку, винтовку, сколько-то патронов. У офицера он получил пропуск.

В свою деревню Иван возвратился с полицейской повязкой на рукаве. Он боялся смотреть по сторонам, ему казалось, каждый односельчанин плюет ему вслед.

Вместе с другими полицаями он выходил на облавы, сопровождал пленных до железной дороги. Все, что видел, о чем узнавал, докладывал деду Опанасу. Пока все было спокойно.

Но вот поздней осенью сразу в нескольких местах на воздух взлетели немецкие поезда, на шоссе взорваны машины с провиантом, на улицах появились советские листовки. Все это было причиной того, что фашисты начали звереть. Они хватили каждого подозрительного, заставили полицаяв без предупреждения входить в дома и производить обыски, дежурить по ночам. Обычно на дежурство отправляли парами.

Случайный выстрел

В ту памятную ночь Иван вышел со Степаном, который все еще присматривался к молодому полицаяу. Сам Степан тоже был украинцем, осужденным до войны за разбой. Ему повезло, на тюрьму упала бомба, под обломками осталось много заключенных, а ему удалось выбраться, правда, уже без глаза. Побродив по лесам, он понял, надо искать пристанище и лучше всего искать его там, где сила. Это он усвоил еще в тюрьме.

Однажды в тюрьме группа заключенных приговорила Степана, очень уж он старался выслужиться перед паханом. Они подкараулили его возле туалета, ударили железной трубой по голове и, уверенные в том, что свершили возмездие, удалились. Только живуч Степан оказался. Очнувшись, дополз до медпункта, где его подобрала конвойные. Он знал, кто «точит на него зуб», поэтому назвал всех, кого не взлюбил и кто ему мешал. Не важно, участвовал человек в покушении на него или нет.

В немецкую комендатуру он пришел сам, сказал, что готов служить новой власти. Сам подбирал себе таких же оголтелых товарищей. За хорошую работу офицер взял всю его команду на следующее место службы. На новом месте Степана никак не мог подобрать полицаяев из местного населения, а офицер требовал, чтобы они были в каждой деревне.

Как раз, в ту ночь, прохаживаясь вместе с Иваном по улице, Степан заметил, как метнулся огонек в одном из домов. Это ему показалось подозрительным. Он быстро рванулся туда. Иван уже знал, что к деду Опанасу приходят связные. Как предотвратить беду? Бросившись за Степаном, парень еще не знал, что сделает.

Они подбежали к дому одновременно. Из двери как раз вышел Опанас, а за ним какой-то человек с мешком за плечами.

- Стой, голубчик, - заорал Степан. – А я-то думаю, кто это помогает партизанам, вот ты зачем все вынюхиваешь, да высматриваешь.

- А ну, заткнись, гад, - вскинул винтовку Иван, заставив полицая оглянуться. В это время человек с мешком успел скрыться за углом хаты. Иван нажал на курок случайно и попал Степану в

живот. Дед Опанас схватил веревку и быстро начал скручивать руки Степану, пока тот от боли корчился. В это время к деревне приближалась немецкая машина. Опанас засунул полицаю кляп из грязной рукавицы, с помощью Ивана затащил его в старую конюшню и прикрыл соломой.

Побег

Немецкий офицер, выйдя из машины, огляделся, увидел полицаю и подозвал его к себе. Иван подошел. Офицер спросил, почему он один и где напарник. Парень ответил, что старший ушел до ветру, и он пока один патрулирует.

- А что за выстрел был отсюда? – задал он следующий вопрос.

- Мы тоже слышали, но это где-то за деревней. Мы свой пост не покидали. Сейчас туда пойдем.

- Да, господин офицер, это не у нас, - подтвердил и староста.

Офицер пошел к машине, а в это время где-то далеко раздался выстрел, потом еще один. Машина рванулась с места.

- Быстро собирай мать, и дуйте в лес, пока немцы не хватились полицаю, - скомандовал дед Опанас. – Я вас провожу.

Уже светало. Они вышли на поле, а с другой стороны в деревню уже въезжали немцы на грузовой машине со сменой полицаев. Беглецам пришлось идти по открытому пространству. Их заметили. Началась погоня. Фашисты лупили из автоматов. Шальная пуля достала Опанаса. Мать хотела ему помочь, но и ее уложили. Иван кинулся к ним. Оба были мертвы. И он пополз.

Без суда и следствия

На третьи сутки парня подобрала партизаны, ему удалось уйти далеко. Он рассказал все, что знал. Ходил на задания, воевал, как все в отряде, правда, отряд этот «работал» в соседней области. Когда пришли наши, Иван вместе с ними ушел гнать фашистов дальше. В 45-м, вернувшись в родные места после ранения, узнал, что при отступлении его деревню немцы сожгли дотла, жителей угнали. Только нескольким семьям удалось спрятаться.

Иван пошел в райвоенкомат, там его сразу взяли под стражу. Сказали, что на него есть документ, доказывающий его сотрудни-

чество с фашистами. Никто даже не разбирался, просто дали парню десять лет без суда и следствия, потом еще добавили десять. И статья такая, что хоть сразу в гроб ложись - «За измену Родине».

- Так попал я в эти места, - горестно вздыхает Иван. - Я не просил снисхождения, понимая, что дед Опанас и мать погибли из-за меня. Не сделай я тогда тот опрометчивый выстрел, может, все бы обошлось. Не хватило выдержки.

- Почему Вы никуда не обратились за помощью, никому не написали? - спрашиваю его и сама понимаю, что не было у него времени сделать это. Его же сразу арестовали. А документом было донесение того самого полицая Степана, который оговорил мальчишку, а про себя написал, что помогал партизанам через старосту Опанаса, и по его заданию начал работать в полиции. В третий раз этот предатель ушел от ответа.

В родных местах

Лет 30 назад Иван Павлович ездил на свою малую родину. Деревню после войны отстроили. Он постоял возле того места, где когда-то стоял их дом. Спросил у прохожего, нет ли в деревне людей, которые жили здесь до или во время войны. Ему указали на дом, где жила одна старушка. Каково же было удивление Ивана, когда он узнал в ней мать своего одноклассника и друга Генки Непейводы, Марьяну Тарасовну.

- Иванка, - запричитала она, - я ведь думала, тебя и на свете этом нет. Помню, как фашисты за вами гнались. Выходит, живой ты. Ну, и слава Богу! А Генка мой в войну тоже уцелел, он у бабки в городе был. Я к ним ушла после той погони за вами. Как чувствовала, что деревню в покое не оставят. Почти всех в неметчину угнали. Аглая своих спасла, как раз в лес корову доить ходила, и ребятишек с собой взяла. Еще Алесь спасся, так что с него взять, он же глухонемой. Дожил до старости, умирать ушел к речке, там его и нашли.

Узнал Иван, что полицай Степан, после того, как выгнали фашистов, остался в этих местах, был каким-то уполномоченным. При галстукe ходил. Но не все коту масленица. Опознали его, нашлись свидетели его прислужничества немцам и написали, куда

следует. Суд шел несколько дней. В его защиту никто не выступил. Расстреляли его в еще в конце 50-х годов.

Обидно было Ивану, что не посмотрел он в глаза этому предателю, на руках которого кровь стольких невинно погибших людей и загубленных судеб.

Марьяна Тарасовна дала Ивану адрес сына во Львове. Генка не сразу узнал одноклассника, но искренне обрадовался земляку. Семья его как раз отдыхала в санатории, поэтому им никто не мешал. Из неказистого и угловатого подростка Геннадий Непейвода превратился в солидного лысеющего мужчину, знающего себе цену. Он – инженер в сфере машиностроения. Иван заметил, о войне Генка говорить не любит, может быть, потому что отсиделся, и нет у него ярких воспоминаний. Не осуждать же его за это. В конце концов, каждый решает сам, как поступать в экстремальных ситуациях. А у Генки не было возможности вступить в борьбу с фашистами, случай не представился.

Он себя не простил

Уезжая на родину, Иван Павлович в глубине души надеялся узнать что-нибудь об отце, и даже не исключал возможности остаться там, а потом перевезти семью. В военкомате ему сказали, что отец его погиб при освобождении Варшавы. Похоронку вручить было некому, она так и осталась не врученной. И таких в военкомате оказались сотни.

С тяжелым сердцем возвращался Иван Павлович на Урал. Дал себе слово, никогда больше не ездить на Украину, ведь там даже холмика не осталось от родных ему людей.

- Вы вот спрашиваете, как я жил все эти годы, не требуя для себя ни статуса, ни признания, - Иван Павлович тяжело вздохнул. - А зачем мне это? Как я должен был оправдаться перед своим

сыном такой страшной статьей, как предательство? Я – простой работяга, не нужно мне ничего, лишь бы меня не трогали. Пенсию себе заработал. Третий раз в жизни я рассказываю о том, что со мной произошло. Вначале рассказал жене, потом другу детства Генке, теперь снова возвратился в военные годы. Вообще-то я – молчун. Сын ничего не знает, он далеко отсюда, служил на Дальнем Востоке, там девушку встретил и остался. Раз в пять-шесть лет приезжает, зовет нас к себе, семья у него хорошая. Он еще в школе спрашивал, воевал ли кто-нибудь из нашей родни. Я сказал тогда, что дед его погиб на войне, у жены отец тоже был на фронте, пришел весь израненный и пожил недолго. О себе, конечно, промолчал.

Иван Павлович живет скромно в доме родственницы жены, которая осталась одна и пригласила стариков к себе.

- Посмотрите, что сейчас на Украине делается. Я не хочу туда. Не хочу испытывать животный страх перед снарядами: попадет или не попадет? Не хочу внутренне содрогаться при виде убийц мирных людей. Думаете, мне не страшно было жить в оккупации? 16 лет! Жизнь только начинается, а ее кто-то грязным сапогом топчет. Фашисты называли себя «чистой расой», насмотрелся, как они жрали сало, отобранное у мирного населения, как не брезговали тем малым, что имелось тогда у народа. Лишь бы унижить и поставить на колени. Что, поставили? Да ни хрена у них не вышло! Нутро у нас крепким оказалось, - старик закашлялся и надолго замолчал.

- Хотя я и старый уже, и больной, но меня до сих пор грызет чувство вины за смерть матери и деда Опанаса, - сокрушается Иван Павлович. – За это нет мне прощения. Наверное, поэтому я всю жизнь старался не высовываться, работал, как мог, и не хотел ни от кого зависеть.

2018

Кто моя мама?

Юлька опешила, когда услышала показавшиеся ей оскорбительными слова девятилетнего Шурки. Того самого Шурки, которого она не раз спасала от своих сверстников. Он, шустрый по натуре, сам «лез на рожон», невзирая на возраст. Бывало, и Юльке досажал, но она привыкла прощать ему: «Мал еще, что с него взять?»

В тот день Юлька застучала Шурку, когда он обучал двух первоклассников пускать дым через нос. Она дала по затрещине малышам и успела схватить Шурку за ухо. Мальчишка вырывался, пыхтел и, наконец, процедил сквозь зубы:

- Сидела бы в своем приюте, подобрали тебя...

Обида

Юлька шла по улице, не видя дороги. Она всех людей в этот момент считала лгунами и лицемерами.

- Тоже мне, родственнички, хоть бы намекнули когда, что я им никто, - распалила себя девочка. - А то: «Юленька, сделай это, принеси, унеси». Нашли служанку. Я еще с их детьми возжусь. Никто ведь они мне, никто!

Девочка старалась вызвать в себе ненависть к женщине, которую называла мамой. Наплакавшись вдоволь и набродившись бесцельно по грязным осенним улицам, она почувствовала, что продрогла. Домой идти не хотелось, и она постучала в окно своей подружки.

На стук вышла Танина мать.

- Можно я с Таней сегодня переночую? - попросила Юлька. - А то дома покрашено, пахнет.

- Какой разговор, конечно, заходи и располагайся, - приветливо пригласила ее в дом женщина. - Танюш! Принимай гостью! - крикнула она, закрывая дверь на запор.

Уроки остались невыученными, от ужина Юлька отказалась и поспешила лечь в постель, лишь бы не отвечать на расспросы.

Из соседней комнаты слышала смех, видимо, смотрели комедию. Девочка пыталась что-то вспомнить далекое-далекое, но не

могла. Рядом с собой она всегда видела только маму, с той поры, как себя помнит. Единственное, что ей было непонятно, почему у них нет ни одной фотографии, где Юлька была бы в младенческом возрасте. Мама говорила, что они сгорели. Так ли это? Измучившись от дум, девочка заснула тревожным сном.

Дочка потерялась

Анна Сергеевна вернулась с работы и удивилась, что дочь еще не возвратилась из школы. Обед стоял нетронутым. В стайке громко визжал голодный поросенок, собака тоже возмущенно ворчала.

Анна Сергеевна быстро накормила животных, попила чаю и села, было, за починку одежды, но непонятное беспокойство, овладевшее ею, никак не давало ни на чем сосредоточиться.

Когда часы пробили девять, Анна Сергеевна собралась, вышла за ворота, но куда идти, не знала. Позднее девяти Юлька никогда не приходила.

- Значит, что-то случилось, - подумала она - Надо позвонить в больницу.

В голове ее ворошились мысли одна страшнее другой. Телефона у нее не было, поэтому пришлось идти к соседке.

Ни в больнице, ни в милиции девочки не было

- Шурик, может быть, ты видел сегодня Юльку? - спросила Анна Сергеевна у соседского сынишки.

- Не-а! - ответил он и, как-то странно заерзав на стуле, отвернулся.

- А ну выкладывай! - потребовала его мать. - Чего глаза прячешь? Маленький, а блудливый.

- Че я такого сказал? Подумаешь, цаца. Она вон как меня за ухо схватила..., - с трудом женщинам удалось вытянуть из Шурки признание, после чего он заревел в голос.

- Не хотел я, не хотел, - приговаривал он. - Не нарочно, сам пойду ее искать.

Не слушая Шурку, они обе выскочили на улицу и оббежали ближайших соседей. Никто ничего не знал. Возвратившись, снова позвонили по инстанциям. Круг замкнулся.

Ночная гостья

Никогда не забыть Анне Сергеевне ту вьюжную февральскую ночь. Ветер выл, подобно волкам. Вся земля, казалось, превратилась в белоснежный смерч, собаки повизгивали и прятались в конуры.

Посреди ночи раздался звонок, Анна Сергеевна подошла к двери.

- Кто? - в ответ молчание, слышно, как скребется кто-то под дверь. И вдруг - плач ребенка, жалобный, сдавленный.

Не помня себя, она одним рывком распахнула дверь. На площадке лежала совсем молодая женщина, легко одетая, а рядом, завернутый в какую-то старую кофту, барахтался ребенок.

Анна Сергеевна при тусклом свете лампочки никак не могла понять, жива ли женщина и чем ей помочь. Она осторожно взяла плачущего ребенка, занесла в комнату и положила на диван. Вернувшись, увидела, что женщина открыла глаза.

- Ну, жива, слава Богу, - вздохнула облегченно и затащила в прихожую.

В тепле женщину начало трести. Анна Сергеевна оттерла ей руки и лицо водкой, влила несколько капель в рот.

Когда подошла к дивану, ребенок уже безмятежно спал, улыбаясь во сне.

Под утро женщина начала метаться и бредить, она была горячая, как печка. Пришлось вызвать неотложку. Врач сказал, что больная в критическом состоянии и требует немедленной госпитализации.

Ребенок так и остался у Анны Сергеевны. Она каждый день бегала за свежим молоком, варила кашу. Девочка оказалась спокойной, терпеливой. На вид ей было около года. Она стояла на ножках, но еще не ходила.

Пришлось позвонить на комбинат и попросить отпуск без содержания. А когда к ней зашла сослуживица, оставила ее с ребенком и побежала в больницу. Старый доктор проводил Анну Сергеевну в палату. Из груди женщины вырвался хрип, глаза ее блуждали по потолку.

- Мы уже бессильны, - ответил на немой вопрос Анны Серге-

евны доктор. - Она, видимо, слишком долго лежала на морозе,
- Юленьку спасите, дочку, - захрипела женщина. - Пусть она
живет.

В родительском доме

В марте Анна Сергеевна предстала пред ясные очи матери вместе с ребенком

- Вот ведь блудня, - сокрушалась мать. - С мужиком жила, угланов не наплодила, а под старость на тебе, нагуляла. Что я соседям-то скажу?

Юльку бабушка любила и даже в детсад не разрешила сдавать, сама водилась. Умерла она в «чистый понедельник» сходила в баню, легла спать и не проснулась. Так и не узнала тайну появления любимой внучки.

Анна Сергеевна жили с Юлькой душа в душу, между ними и размолвок-то не было. Всем родственникам девочка тоже нравилась, ласковая и отзывчивая.

Только один раз Анна Сергеевна проговорилась соседке, что Юлька могла в приюте остаться. Вроде тихонько сказала, а Шурка вот услышал. Всего неделю девочка находилась в приюте, пока Анна Сергеевна оформляла документы, искала родственников, увольнялась с работы.

Безысходность

Юлька, как оказалось, родилась в тюрьме, где сидела ее мать за разбой. Освободившись досрочно, женщина металась по Перми с ребенком на руках без жилья и средств к существованию. Иногда ее пускали переночевать сердобольные люди, а утром она снова выходила на улицу.

В один прекрасный день она надумала просто замерзнуть на берегу Камы. Наверное, так бы и случилось, если б не проходил мимо незадачливый рыбак. Он растряс женщину, помог ей дотащиться до домов и оставил в одном из подъездов многоквартирного дома. Там все-таки было тепло.

Обо всем об этом Анна Сергеевна узнала на месте прежней прописки женщины и в милиции, где оставил на другое утро заявление притащивший в город мать с ребенком рыбак.

Родных у женщины не оказалось, поэтому девочку Анна Сергеевна удочерила без особых усилий.

Прости, мама!

Юлька проснулась оттого, что в окно ярко светила луна. Вдруг ей показалось, что это взволнованное лицо мамы. Она быстро, как могла, оделась, растрясла подружку, чтобы она закрыла дверь, и помчалась домой.

В доме горел свет. Открыла ворота, шагнула на крылечко, и оно предательски закрипело.

Тут же открылась дверь, на пороге подалась мать и, не успев ничего сказать, поползла вдруг по стене на пол.

- Мамочка! Мама! - закричала Юлька. - Я здесь и никуда больше не уйду. Прости меня!

Анна Сергеевна очнулась, почувствовав запах нашатырного спирта. Дочь сидела перед ней на коленях, размазывая одной рукой слезы по щекам.

- Что ты, дочка? Все хорошо. Я просто за тебя испугалась, - улыбнулась Анна Сергеевна.

Они проговорили до утра. Юлька все же задала свой вопрос: «Кто моя мама?» И Анна Сергеевна рассказала ей все, что хранила в тайне 12 лет.

- Ты лучшая мама на свете, - сказала Юлька, когда Анна Сергеевна закончила свой рассказ, - Я тебя никогда не предаю.

Для Анны Сергеевны это признание было самым дорогим и самым лучшим подарком.

Без жены – как без шапки

Степан глянул в полузамерзшее окно и обомлел; на тропинке перед домом стояла его Авдотья и грозила мужу метлой. Он отошел от окна, выключил свет и снова тихонько отодвинул занавеску. Жена стояла на прежнем месте.

- Ну, все, Степа, видно, за тобой пришла Авдотьюшка, готовься, - сказал он сам себе и направился к сундуку, где лежало его смертное.

- Что ж, ты не вовремя-то так? – корил он ее сквозь слезы, остановившись у портрета жены. – Я же к тебе со всей душой всегда, чем опять не угодил? При жизни

не было от тебя покоя, и сейчас не даешь свободы, вот ведь взяла моду. – Он даже не заметил, что разговаривает вслух.

Почти десять лет прошло, как не стало Авдотьи Ивановны. Степан Васильевич после ее похорон вначале затих, будто и не было его вовсе. На работе с мужиками разговоров не вел, как раньше, больше дома сидел и смотрел в окно.

Дом этот, с черемухами под окнами, они построили в первый год, как поженились. Колхоз помог лесом и рабочими.

Сватовство

- Дуся, беги скорей домой, к тебе сватов прислали, - услышала Авдотья знакомый голос своей сменщицы Маруси, когда уже заканчивала дойку.

- Какие сваты, ты о чем? – Авдотья, не спеша, шла к последней буренке, которая от нетерпения перебирала ногами и мычала.

- Давай, я сама все доделаю, беги домой, меня отец твой прислал, - Маруся выхватила из рук Дуси подойник и подтолкнула ее к выходу.

Авдотья скинула рабочий халат, вымыла руки, посмотрела на себя в осколок зеркала и медленно вышла с фермы. Замуж она не собиралась, да и не было в их деревне парней. Те, кто вернулись с войны, были прибраны к рукам, одноклассники в армии, а на подростков она и не заглядывалась. Единственный человек, за которым она готова бежать, был главный инженер колхоза. Приехал недавно, семья его жила в городе, пока строится жилье. Она видела инженера только со стороны, а сердечко забило тревожно: «Неужели это Он?»

Дома, за столом уже сидели сваты и громко беседовали. Авдотья отец хвалил свою дочку, а сват расписывал достоинства жениха. Девушка вошла в дом – и сразу воцарилась тишина. Все взгляды были направлены на нее. Свои любовались, а приезжие, словно изучали.

Авдотья была статная, хоть и невысокая, открытый лоб обрамляли темно-русые волосы, сплетенные в косу. На лице выделялись синие, как васильки, глаза и ямочка на левой щеке.

- Хороша! – бросил сват. – Такая подойдет нашему жениху. Степан, выходи!

Из-за занавески вышел жених. Он смущался, не знал, куда деть руки, опускал глаза и при этом то и дело подкашливал.

- Дочка, ты как? – отец внимательно взглянул на Авдотью. – Смотри, тебе решать, как бы в девках не засиделась.- И девушка, неожиданно для себя, согласилась.

Свадьбу играли на Казанскую. На лошадях, с бубенцами - веселой она получилась. В тот год уже сугробы лежали кругом. Колхоз лучших лошадей дал.

Уехала Авдотья в соседнюю деревню. Жили вместе с родителями мужа в пятистенном доме. Места хватало. Со свекровью Авдотья никогда не ссорилась, да и та относилась к невестке очень хорошо.

Потом началось, как все говорили, «великое переселение народов». Стали укрупняться колхозы, пришлось перебираться в село. Дом перевезли и зажили, как прежде. Хозяйка снова начала работать на ферме, а хозяин был больше по механизаторской части,

дети учились в большой, по их понятиям, двухэтажной школе.

Не раз Авдотья благодарила судьбу за то, что дала ей такого мужа. До сватовства и не знала Степана вовсе. В годы девичества, конечно, она гадала в дни святок, искала в отраженьях и во сне знакомых ей ребят, но нет, «приходили» все не местные. Степан оказался человеком добрым, ненавязчивым, но всегда был там, где нужен. После рождения сынишки, а следом и дочки, молодая мама едва успевала вовремя постирать белье и приготовить еду, малыши требовали внимания. К вечеру она уже валилась с ног, но помощи ни у кого не просила. Муж однажды посмотрел на сильно похудевшую Авдотью, и ночью, когда заплакала дочка, сам встал, успокоил, только и сказал: «Ты поспи, Дуся, я сам справлюсь». Вечерами после работы Степан приходил домой и, умывшись, подсаживался к детям, чтобы Авдотья имела возможность приготовить ужин. Иногда еду готовил сам, но ему нравилось больше, когда это делала жена. Родители того и другого нарадоваться не могли на молодых. Удачное сватовство получилось.

На ферме

Однажды весной Авдотья вышла за дверь, чтобы сходить в магазин, и нос к носу столкнулась с инженером. Вот уж кого не ожидала увидеть! С тех пор, как она вместе с семьей уехала из своей деревни, с инженером и не встречалась. Видела его только однажды на колхозном собрании.

- Дуся, я в ноги кланяться пришел, - начал он, - помоги дела на дальней ферме наладить, здесь-то все хорошо.

- Да Вы что, Иван Матвеевич? – возмутилась Авдотья. – У меня дети еще маленькие, куда я их дену?

- Не волнуйся. Мы женщину хорошую пришлем, она будет с ребятами сидеть. Не откажи. Совсем замучились мы с этой дальней фермой. Дисциплины никакой, надои упали настолько, что коза больше доит.

- Мне надо с мужем посоветоваться, приходите вечерком, вместе и решим, - строго сказала она.

Когда стемнело, инженер пришел в дом вместе с председателем колхоза. За ужином судили, да рядили, как лучше сделать.

Дорога до дальней фермы неблизкая, почти семь километров, пешком не набегаешься.

- В общем, так, Авдотья, - подвел черту председатель. – Я тебе выделяю лошадь, в любое время съездишь домой проведать детей.

Степан мог стукнуть кулаком по столу и не отпускать жену, но покладистый характер не позволил ему это сделать.

- Если уж ситуация безвыходная, пусть идет и работает, - только и сказал.

Первое время у Авдотьи руки опускались. Женщины-дойarki то просыпали, то приходили с глубокого похмелья, то позволяли себе выходной просто так. На первом же собрании она четко заявила: «Не хотите работать, лучше уходите, будем искать других доярок».

- Это что же? Мы всю войну здесь работали, грыжу себе нажили, а теперь нас можно под зад коленкой. Так что ли? – возмутились самая старшая из доярок.

- К тебе, Клавдия Ивановна, претензий нет, а вот сменщица твоя через день пьяная на работу приходит. Сколько ты ее покрывать будешь?

- Да что ты про мою жизнь знаешь, - визгливо крикнула та, о которой шла речь. – Может, от одиночества я, да от безысходности. У тебя муж есть, да еще и инженер обхаживает, у меня заваливающегося мужичка не было, и нет.

Признание

Постепенно наводился порядок, большинство женщин остались на ферме, остальные ушли, а на их место приняли молодежь. Три года потребовалось, чтобы ферма стала передовой.

Много лет спустя, в составе делегации колхоза, заведующая фермой поехала в районный центр на слет передовиков. Все ей там понравилось, настроение было хорошее. На обратном пути девчата пересели в другие сани, а рядом с Авдотьей оказался инженер.

Ехали молча. Деревенский паренек аккуратно вел лошадь, напевая что-то себе под нос.

- Если будем молчать, дорога длинной покажется, Расскажи что-нибудь, Дуся, - предложил инженер, подвигаясь поближе.

- Худой из меня рассказчик, - нехотя ответила Авдотья. Ей всегда нравился инженер, но муж тоже был неплохой, хоть и не инженер. Она вроде всегда советовалась со Степаном, но последнее слово в доме все равно было за ней. Муж это знал, обвинить Авдотью в неверности или в чем-то еще низменном у него просто не было поводов. Жена его – человек открытый, и если что не по ней, в глаза скажет, и дети выросли такими же.

У Степана была привычка – как выпьет, ему надо было говорить и говорить. Иной раз такую околесицу нес, что перед гостями неудобно становилось. Тогда жена уводила его на постель и командным голосом в ухо приказывала: «Заткнись! Себя не позорь!» И он послушно «затыкался».

- Послушайте, Вы у нас живете в колхозе больше 20 лет, седой уже весь, дети взрослые, жена-красавица. Чего Вам не хватает? Приключений на свою голову? - сказав все это, женщина отвернулась, как бы подводя итог сказанному.

Она замечала внимание к себе со стороны инженера, да и другим это было понятно. Больше всего Авдотья боялась пересудов и сплетен по этому поводу. В колхозе ничего не скроешь. Иногда заходило сердце от одного вида его, но с годами все прошло.

А вот инженер не успокоился, он с огромным желанием по любому поводу старался заглянуть на ферму и увидеть Дусю. У него была не одна возможность уехать из колхоза или стать его председателем, но он не захотел ни того, ни другого. Так и ходил в инженерах.

- Знаешь, как я расстроился, когда ты замуж вышла, – сказал он после паузы. – Ты ж мне с первого дня приглянулась, а я все стеснялся сказать. Мог еще тогда попросить у жены развод. А еще мне сказали, что ты и не знала парня вовсе, тогда зачем пошла?

- В девках боялась остаться, вот и пошла. И, слава Богу, все у нас хорошо, живем не хуже других, мужа своего я ценю, у него руки золотые, я за ним, как за каменной стеной.

- Не думал я, что осмелюсь все это сказать, спустя десятки лет.

- Ну, все, тему закрыли, давай лучше подумаем, как скот до выпаса не потерять. – До самого села они прикидывали, да считали. Получалось – не надо ничего со стороны закупать, кормов должно хватить.

Врачи не всеильны

А потом было половодье, вода подошла к самой ферме. Все работники, по колено в воде, бросились выводить животных. Всех вывели. Авдотья еще в самом начале неосторожно ступила и провалилась в яму по пояс. В горячке, не обращая внимания ни на что, продолжала совершать «рейсы» до фермы и обратно. После такой водной процедуры несколько дней перемогалась, а потом слегла. Вначале признали двухстороннее воспаление легких, а потом какое-то осложнение. Повезли в районный центр, оттуда – в Пермь, но спасти не смогли. Врачи так и сказали: «Поздно! Мы не всеильны».

С той поры и приходит Авдотья к Степану то во сне, то, как будто наяву. После таких «свиданий» Степан обычно собирается в «дальний путь». Сегодня ему очень этого не хотелось, ехать надо к внучке, которая больше всех похожа на Авдотью, у нее свадьба намечается на выходной.

Степан остановился снова у портрета жены, топнул ногой и громко произнес:

- Все, Дуся, не ходи ко мне больше, я сам к тебе приду. Оно, конечно, правильно говорят, что без жены - как без шапки, но ведь живу. Завтра к внучке нашей поеду, она красивая, да ладная выросла, вся в тебя. Не вздумай ко мне ходить, слышишь? Вот так. Я все сказал. – Еще раз притопнул и, не оглядываясь, направился в кухню. Снова выглянул на улицу из другого окна – исчезла Авдотья. Вместо нее на том месте осталась метла, торчащая кверху из остатков снежной бабы, что налепили деревенские ребятишки.

- Вот так-то оно лучше, - проворчал Степан. – А то ишь, моду взяла...

Вычеркнут

из «Черного списка»

Алексей Юрьевич героем не выглядел, он горбился, постоянно кашлял. На просьбу рассказать о войне, крикнул от неожиданности – его никогда об этом еще никто не просил. Глаза его потемнели, рот скривился, на лбу четко провилась глубокая скорбная складка.

- Не туда ты пришла, девонька, плохая у меня военная репутация, меня ж предателем считали, трусом, - он отвернулся, рука, державшая сигарету, дрожала. – Что я в жизни сделал? Подвига не совершил, сына не родил и дом не построил. А трусом, правда, был, чего уж скрывать. Больше всего боялся, что убьют меня.

- Чего ты на себя понапрасну наговариваешь, Алексей? - возмутилась жена. – Ты хоть честно говоришь, что боялся, так за это и намахался киркой. Вернули ведь тебе доброе имя, так что ты себя коришь?

- Ладно, мать, не твоего ума дело, - оборвал он жену резко. - Не лезь в разговор, коли не просят.

Он повернулся ко мне.

- Нечего мне рассказывать. Не герой я. Был всего в одном бою, в руках винтовка с десятью патронами. Как отстрелял все, так и залег, боялся из окопа вылезти, - Анатолий Юрьевич говорил так, будто хлестал себя в бане голиком.

Я уже была у калитки, когда его жена догнала меня и предложила прочитать письмо. Недели через две разговор у нас с Алексеем Юрьевичем возобновился.

* * *

Было время, когда Лешка вместе со всеми распевал: «Если зав-

тра война...». Вот она и пришла, та самая война. Только храбрости у Лешки явно поубавилось, когда он увидел кровавые реки и людей, разорванных на части от взрывов бомб и снарядов. Еще не дойдя до передовой, он уже боялся, страх, казалось, поселился в каждой клеточке его тела. Ему было всего 18.

Первый бой. Смешалось все, небо и земля. Самолеты пикировали прямо на окопы. Лешка куда-то стрелял, а когда кончились патроны, забился в нишу и свернулся клубком. Он даже не знал, чем закончился тот бой.

Очнулся оттого, что кто-то больно ударил его прикладом в плечо. Открыл глаза и встретился с глазами врага. В них он прочитал торжество, и вдруг почувствовал себя букашкой, с которой могут делать все, что угодно. Его нутро протестовало, он готов был броситься на фашиста с голыми руками, но понимал, что бессилен. Немец с закатанными рукавами, расставив ноги, ждал, когда парень вылезет из ниши.

Лешка от страха еле держался на ногах, хоть не был ни ранен, ни контужен. Немец толкнул его, потом пнул и повел к колонне пленных. Парню было стыдно, что он струсил, но поделать с собой ничего не мог, и его внутренний протест умер где-то внутри.

Дальше он автоматически шел, куда вели, останавливался, когда приказывали, ел, если что-то перепадало. Он уже не жил. И вдруг однажды шепот:

- Лешка, ты-то как здесь оказался? – к нему пробирався обросший человек. Лешка еле узнал в нем Жорку, с которым жил в одной комнате в училищном общежитии. – Я уж думал, так и пропаду здесь один, ведь ни одной знакомой рожи. Ну, привет, друг!

Лешка отвернулся. Ему казалось, вся Жоркина бравада показная, а в душе он тоже трусит, просто боится признаться.

- Ты что молчишь? Язык проглотил, или немец отрезал? Ты чего, Леха? Мы и здесь поборемся, пока живы. – Жорка тряс Лешку, и тот, наконец, вымолвил:

- С кем поборемся? С ними? Да у них силища такая против наших винтовок. В порошок сотрут. А я жить хочу, Жорка, понимаешь? Жить!

- Ты хочешь сказать, выжить? Так вот знай, я тоже хочу выжить, только преклоняться ни перед кем не собираюсь. А ты готов все отдать. Берите, фашисты! Флаг вам в руки! Эх, Лешка! Ты – не борец, а жаль, - и Жорка исчез, будто растворился между сидящих кучками военнопленных.

* * *

Лешка находился в плену больше месяца. Уже летели на землю желтые листья, ночи стали прохладными, а пленные все еще жили под открытым небом. Днем их водили на строительство сооружений, а вечером вели обратно.

В тот день прошел ливень, дорогу размыло, и охрана была без собак. Немцы парами мирно шли рядом с колонной, курили, переговаривались, изредка покрикивая на пленных. Они были уверены – в такую погоду только дурак решится на побег.

Вдруг впереди послышались какие-то возгласы, одновременно и сзади началась возня. Пленные напали на охрану.

Лешка, видя, как оборванные, полураздетые и босые люди навалились на охранников, подскочил и выхватил автомат из рук одного из немцев и наутек бросился к ближайшей роще, не оглядываясь. Еле вытаскивая тяжелые ноги из вязкой грязи, он продолжал движение, где ползком, где на четвереньках, лишь бы ближе к цели. Слышались выстрелы, брань, но парень бежал, полз, снова бежал по полю, пока не достиг первых деревьев. Наверное, продолжал бы свой бег и дальше, но запнулся за корень и свалился.

Он осторожно оглянулся. Вдали все еще шла потасовка, но там уже стояли две крытые машины и бегали автоматчики. В поле валялись трупы, но кое-где еще мелькали живые люди.

Лешка вскочил, животный страх гнал его все дальше и дальше. Совсем обессилев, присел между двух деревьев.

- Какой я трус, - бичевал он сам себя мысленно. – Никому не помог, а те люди, что остались на поле, тоже хотели жить.

- Просто ты удачливей оказался, - шептал ему ласково спасительный внутренний голос. – Выйдешь к своим, и никто не узнает о плене. Гляди, какая кругом неразбериха. Спи, давай, силы тебе пригодятся.

Лешка уснул, впервые за последние недели, глубоко и спокойно. Ему снились родные камские берега, лодка, на которой с дедом ездили на рыбалку, домик с парой ульев в огороде и черемуха под окном, вся в черных крупных ягодах.

* * *

На него случайно наткнулись бойцы, выходявшие из окружения.

- Товарищ сержант, тут человек лежит, вроде, наш, - крикнул один из них, отошедший от группы в сторону.

- Эй, парень, ты живой? – он осторожно дотронулся до руки Лешки и никак не ожидал, что тот схватится за автомат.

- Лежать всем, а то убью, - закричал Лешка, глаза его бешено сверкали.

- Тихи-тихо, - подошел сзади сержант и одним ударом выбил автомат из рук парня. – Нашел, кому угрожать, мы уже пуганные. Окруженец что ли? Давай, к нам, вместе легче, мы тут из разных частей, к своим идем. Так ты с нами?

У Лешки вырвался из груди дикий крик. В нем было все: жалость к себе, обида за собственную трусость, злость на войну и желание начать жить сначала. Он встал, подобрался весь.

- Я готов идти с вами, - сказал.

- Ну, ладно, пойдем, проверим тебя потом на деле, - сержант вернул Лешке автомат и прошел вперед. Парня больше никто ни о чем не спрашивал.

* * *

Более полугодом добивались бойцы до своих. В открытые конфликты с немцами не вступали, если что и делали, так наверняка. Больше мстили полицаям. По пути несколько раз отбивали ободы с продовольствием. Зимой однажды с трудом ушли от облавы. Лешка тоже участвовал в операциях, конечно, боялся, но виду не подавал. Он стал смелее, даже разговаривать начал, как бывалый солдат. Как-то после одной удачной операции, окруженцы помогли партизанам, командир группы попросил сержанта оставить ему в отряде до десятка человек, в том числе, и Лешку. Но ребята сами не согласились.

Ближе к весне подошли к фронту. Выйдя из окружения, каж-

дый из них прошел короткую проверку. Лешка был зачислен в пехотный полк. Что было потом, ему не хотелось вспоминать. Нелепая встреча перевернула всю его дальнейшую жизнь.

Лешку узнал человек, который тоже бежал во время того самого нападения на охрану, более того, он оказался боевым другом Жорки. Слишком быстро прибыла тогда помощь немцам, выходит, кто-то предупредил. Кто? Вот Жорка тогда вслух и предположил, что, может, это сделал Лешка, который хотел жить, но не хотел бороться – струсил.

* * *

Под трибунал подвели парня. Припомнили плен, обман, он ведь так никому и не сказал, что попадал к немцам. Обвинили в предательстве, чего Лешка не совершал. Даже в штрафбат не направили, а напрямиком на шахты, уголек рубить. Вышел оттуда в начале 50-х. Приехал домой. Мать без чувств упала, когда увидела его.

Соседи прибежали взглянуть на воскресшего Лешку, ведь похоронка на него еще в 41-м году пришла. Люди думали, со службы Лешка возвратился, еще осуждали, что не писал писем домой. В колхоз его приняли с радостью, работников не хватало.

Однажды приехал в деревню уполномоченный и спросил председателя, как работает Лешка, им интересовались органы.

С той поры парень, как воды в рот набрал, стал молчуном. В свободное время уходил в лес или выезжал на реку. Друзей не заводил, жениться не торопился. А когда началось укрупнение колхозов, никому ничего не говоря, переехал в Оханск, потом и старенькую мать перевез в районный центр.

* * *

В 70-е годы начали выявлять участников войны. Лешка работал простым кочегаром, фронтовиком не числился, тем более что похоронка на него у матери была. К нему все-таки пришли из военкомата. Только тогда и узнала мать, где был столько лет ее сын.

Он в тот день напился и спьяну рассказал, как струсил, как бежал, хоть и понимал, что от себя не убежишь. Видимо, даже штрафбат – удел не для трусов. Рассказал, как не дали ему воз-

возможности подняться, чтобы почувствовать себя человеком.

После этого мать прожила недолго. Она не укоряла его, а перед смертью сказала: - Бог тебе судья, сынок. Если ты не совершал того, в чем тебя обвинили, за что ты наказание зря понес, значит, встретимся мы с тобой там, - она показала глазами на потолок, а глаза ее так и застыли.

Привел потом Лешка в дом женщину с ребенком. В гости никого не приглашал и к себе не звал. Жили замкнуто.

В 1980 году принесли казенное письмо. Он даже читать не стал, хотел бросить в печь, но жена отобрала и вскрыла конверт. В нем говорилось, что все обвинения с него сняты, так как появились новые подробности в его деле и выявлен настоящий предатель. Он, А.Ю. Бояршинов, признан участником войны. Лешка удивлялся, он же никуда не писал, не обращался, а вот, поди ж ты, кто-то этим делом еще занимается.

Когда вручили ему первую юбилейную медаль, он ее за материну божничку спрятал, потом вторую, третью – и их туда же.

- Пойми, девонька, всю жизнь у меня пошла наперекосяк. Я ведь давно пенсионер, а меня все еще Лешкой кличут. Себя уважать я так и не научился. Жизнь прошла. Единственное светлое пятно – это когда из окружения выходил. Только там и успел повоевать, зря, наверное, тогда не остался в партизанах. Я долго думал, кто же вдруг за меня вступился, у кого хватило сил бороться за одного человека? И знаешь, кто меня в люди вытащил? Нет, ни за что не догадаешься. Жорка и сержант, с которым я из окружения выходил. Меня когда арестовали, Жорка был в разведке, а я не знал, что он в той же части. Ему друг потом сказал, что меня в лагерь отправили. Уже после войны нашел Жорка того сержанта, который нами командовал. Вместе начали меня искать. Поиски на годы затянулись. Сюда приезжали года два назад. Спасибо им. Жорка себя винит в моей изломанной судьбе, и все из-за неосторожно брошенного слова. Я и сам хорош, в лагере рассиропился, как барышня. За то и поплатился. Да что уж теперь?...

Ты – не сирота

Каждый раз, глядя на играющих во дворе детского приюта мальчиков, Галина Петровна чувствовала, как в душе поднималась теплая волна. Приют находился как раз рядом с многоэтажным домом, где жила она. Не однажды приходило к ней желание, взять к себе хотя бы одного ребенка, чтобы дать ему дом, воспитание и образование. Боялась одного — огласки. Вдруг кто-нибудь скажет? Да и соседи могут подумать, что она из-за денег его взяла. Не один год носила в себе Галина Петровна свое желание. Случай подтолкнул на решительные действия.

Заболел сослуживец, и она, как председатель цехкома, несколько раз приходила к нему в больницу. Ему после инсульта еще нельзя было вставать, поэтому она посещала его прямо в палате. Там она увидела мальчика с пороком сердца. Какие были у него глаза! Потухшие и по-взрослому печальные. Они-то и запали в душу Галины Петровны. Мальчик был худенький, бледный, он целыми днями, как сказали соседи по палате, глядел в окно и молчал. На вид ему было года два. Женщина в каждый свой визит приносила для него фрукты и шоколад. Подружились они. От медсестры Галина Петровна узнала, что мальчик из дома ребенка.

Он был не из того приюта, что находился рядом с домом, а совсем из другого. Мальчика звали Сережей, ему шел четвертый год. Галина Петровна решила усыновить Сережу, чтобы не было кривотолков о том, что берет она чужого ребенка из-за денег. Но прежде необходимо было «приручить» мальчика.

Она видела, как изменялся его взгляд, когда она входила в палату. Он тихо разговаривал с ней, односложно отвечая на вопросы, а сам исподлобья оглядывался, не смотрит ли кто на него. Очень закомпликованным оказался ребенок. Но она чувствовала - оттаивает мальчик.

Однажды, а было это накануне Нового года, Галина Петровна прибежала в больницу, ей сказали, что сослуживца уже выписали. Тогда она попросила разрешения зайти к Сереже. Тихо открыла дверь и вошла. Мальчик, как всегда, сидел у окна.

- Сережка, - окликнул его сосед, - зазноба твоя пришла.

И тут случилось невероятное. Сережа спрыгнул с подоконника, подбежал к ней и посмотрел прямо в глаза.

- Скажи, ты - моя мама, правда? - он схватил ее руку, а сам все повторял: «Моя ты, мама, моя».

Ей хотелось в этот момент тихонько ему сказать: «Ты не сирота, Сережа. Понимаешь? Ты - не сирота», - но слова комом застряли в горле. Не только у нее, а у всех, кто видел эту сцену, заблестели глаза. Она не могла оставить мальчика в больнице и пошла к врачу.

- Этому мальчику нужна семья, нужны нормальные человеческие отношения, и болезнь его уйдет, у него тоска в душе, - сказал ей доктор. - Я уверен, увидит он ласку и оттает, а так... - угаснет постепенно. Кто в приюте им заниматься будет, если там каждый второй ребенок с проблемами здоровья?

Теперь в некогда грустных глазах Сережки все чаще вспыхивали искорки радости. В тот день ей разрешили взять Сережу на праздничные дни. Она еще накануне купила елочку, украсила ее, набрала игрушек, детских книжек.

Он вошел в комнату, подбежал к игрушкам и остановился. Не знал, какую взять.

- Это твои игрушки, - сказала Галина Петровна, - играй на здоровье.

- Не отберешь? - он пытливо взглянул на нее.

- Нет, не отберу.

Она с удовольствием слушала его лепет. Не все слова у него получались правильно, она тут же поправляла. Им хорошо было вдвоем.

* * *

Самой Галине Петровне не пришлось никого и ни разу назвать мамой. Она не знает, как оказалась в детском доме. По бумагам, хранившимся в личном деле, ее просто подбросили в больницу после рождения. Ни имени, ни фамилии. Так она и стала Галей Безродных. Как всякий детдомовский ребенок, она умела защищать себя. А чтобы не быть битой или униженной, нападала

первой. Единственным человеком, которому она доверяла и с которым считалась, была воспитательница Зинаида Степановна Колчанова. Та умела гасить нервные срывы девочки, и часто говорила с ней по душам.

Галя прекрасно понимала, что у воспитательницы есть своя семья, свои дети, которых она в душе ревновала и недолюбливала. Понимала и то, что ее, такую дерганную и хулиганистую ни в одну семью даже погостить не отпустят, чтобы она детдом не позорила.

Как-то на каникулах, когда многие ребята ушли, кто в гости, кто - к родственникам, Зинаида Степановна принесла девочке книгу в красивой обложке и взяла с нее обещание, что до начала учебной четверти она прочитает. «Два капитана» - называлась та книга, - именно она заставила Галю Безродных задуматься о смысле жизни, пересмотреть собственное поведение.

Не узнать стало девчонку. Она постоянно воспитывала в себе волю. С каким-то рвением бросалась за любое дело. Но это был уже седьмой класс. После семилетки ее, как и большинство других детдомовцев, отправили в ПТУ.

Она никому не писала писем, близких подруг не было, воспитательницу не хотела загружать, понимая, что теперь у нее другие ребята. Она взяла себе за правило - как бы ни было трудно, выкручиваться самой и не просить помощи. Свобода и независимость были для нее дороже всего. Фамилию поменяла.

После училища пришла на завод. В ее трудовой книжке всего одна запись. На заводе стала активисткой, передовиком производства, пошла в гору по профсоюзной линии. Когда предложили место освобожденного работника общественной организации, отказалась. Она хотела жить внутри коллектива, а не наблюдать за ним со стороны.

* * *

Пришел тот день, когда надо было на чем-то ставить точку. Все документы на усыновление были готовы, она ждала окончательного решения, боялась, что неполная семья будет помехой. Читала все газеты с объявлениями об обмене квартир. Наконец, увиде-

ла и жилую площадь подходящую, и город экологически чистый, а главное, знакомый - Оханск. Десятки лет изменили облик города, радовали новостройки, но не стало той патриархальности, которую Галина Петровна помнила с детских лет.

Через полгода в Оханск переехала новая семья, мама с сыном. Теперь уже никто не скажет, что это чужие люди, настолько они прикипели друг к другу. Для Галины Петровны вся жизнь - в этом, ставшем родным, существе. Собственно, она никому и не сказала, что он приемный. Для Сережи она самая лучшая, самая красивая и самая добрая мама на свете.

Скоро мальчик пойдет в школу. Он умеет читать, считать, и вообще, Галина Петровна старается дать Сереже то, чего недополучила в детстве сама. Ни в одном документе нет даже намека об его усыновлении. Мальчик сейчас практически здоров, а сколько бессонных ночей провела она у постели сынишки, когда он болел, и это было очень часто. Материнские чувства по-настоящему открылись в ней только сейчас.

- Я благодарна судьбе за такой подарок, - сказала она однажды. - Как я жила без своего Сережки? Не знаю. Мы доверяем друг другу. Уже сейчас я обучаю его чисто практическим навыкам, чтобы он не был маменькиным сынком, учу быть мужественным, честным, открытым и, в то же время, добрым. Сама много литературы читаю по педагогике и психологии. Плохо, что не знаю о его наследственности. Вдруг когда-нибудь она напомнит о себе? Конечно, боюсь этого. Очень!

Сережка растет бойким и веселым. В нем уже не узнать того болезненного бледного мальчика, каким Галина Петровна увидела его впервые. Она ни разу не позвонила ни в приют, ни в отдел образования, сделала все, чтобы ничего не напоминало о прошлом. Наверное, это правильно.

2007 г.

Содержание

Верность первой любви.....	5
Сирень	15
Льдинка	22
Вечный зов.....	32
Дочки-матери	38
Гришкина находка	50
Западня	59
Встретились два одиночества	69
Вместе мы вдвое сильнее.....	75
Спешит на свидание бабушка	80
Расплата	84
Чужой ребенок.....	88
От судьбы не уйдешь.....	93
Это вовсе не любовь	99
Живой труп	103
Бабник.....	111
Судьба-судьбинушка.....	123
Димкина клятва.....	135
Счастье под занавес.....	143
Сашок.....	153
Близняшки	156
Судьба наизнанку.....	164
Варнак	174
Лебединая верность.....	183
Семью отняла война.....	187
Старая тетрадь.....	199
Настоящая мать.....	205
Разные судьбы.....	209
Безотцовщина	216
Клавушка.....	219
Понять и простить.....	222
Нечаянная любовь	231
Без вести пропавший	235

Мамина тайна	246
Котенок	252
Отыгралась судьба на сыне.....	257
Мама Наташа.....	268
Верность и предательство	274
Старая рябина	279
Измена.....	286
Вернулся сыночек с чужбины	292
Нечаянное счастье	298
Повороты судьбы	303
Отторжение	310
Прощание.....	317
Черное лето 41-го	319
Икона.....	325
Без вины виноватый.....	331
Кто моя мама?	339
Без жены – как без шапки	344
Вычеркнут из «черного списка»	350
Ты – не сирота.....	356